

Гринин Л.Е.

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Гринин Л. Е. 1997–2001. *Формации и цивилизации*. [Книга печаталась в журнале «Философия и общество» с 1997 по 2001 г.]

Леонид Ефимович Гринин (род. 16 декабря 1958, Камышин) — советский и российский философ, историк, социолог, политантрополог, экономист, футуролог. Доктор философских наук.

Эта книга о том как соотносятся категории «формация» и «цивилизация» и какое место они занимают в теории исторического процесса.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧАСТЬ I	
ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ	
ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	10
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	
ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ.....	11
ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	11
ГЛАВА2. ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА.....	77
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	
СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ	152
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ.....	157
ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИИ ИСТОРИИ	291

ВВЕДЕНИЕ

Весь темп исторического развития существенно изменился... и у нас создается впечатление об особенно интенсивном движении «историчного». Я думаю, что это острое чувство является особенно важным потому, что человеческая мысль и человеческое сознание обратились к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить философию истории новым образом. Мы вступаем в эпоху, когда человеческое сознание будет направлено к этим вопросам больше, чем было направлено до сих пор.

Н. Бердяев

«Заглавие этого произведения было выбрано не без серьезного и основательного обдумывания, которого важные дела требуют от осмотрительного человека»¹, — мог бы я повторить вслед за известным писателем. Действительно, избранная тема способна заинтересовать многих. Ведь проблема общественных формаций в центре внимания философов и историков уже несколько десятилетий и не раз вызывала горячие дискуссии². А тема цивилизаций с конца 80-х годов стала едва ли не самой модной. Исследование исторического процесса в этом аспекте можно лишь приветствовать. Настораживает иное. В одних случаях — повторение уже пройденных зарубежной наукой ошибок. Попытки представить историю как сумму изолированных и почти неизменных в своих главных чертах культур при последовательном проведении могут вести лишь в никуда. И потому почти так же вредны, как и стремление подогнать непохожие общества под один ранжир. В других — желание механически совместить формационный и цивилизационный подходы. При этом должным образом не учитывается тот факт, что в своем классическом виде теория цивилизаций создавалась в значительной мере в противовес теории единства развития человечества (следовательно, и как альтернатива марксизму). Поэтому-то ни эклектическое смешение этих

¹ Скотт В. Уэверли // Скотт В. Соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1990. С. 45.

² Стоит напомнить, что категории «общественно-экономическая формация» и «способ производства» часто используются как синонимы. А только по азиатскому способу производства прошли три большие дискуссии.

двух парадигм, ни замена одной категории — «формация» — другой — «цивилизация», ни т. п. комбинации не могут быть эффективны, ибо они механически несовместимы. Здесь дает себя знать главная проблема современных философии и теории истории. Что я имею в виду?

Дело в том, и это уже давно ясно, что «коренных перемен в историческом материализме не произойдет, пока сохраняют силу общепринятые представления о собственности, роли личности, о пяти формациях, строящихся вокруг форм собственности, о жесткости законов, прямолинейности отношений базис — надстройка и т. п. Таким образом, наряду с тяжелым наследием прошлого, традициями мертвых поколений, которые тяготеют над умами живых, в нашей философии истории есть и коренные методологические пороки, устарелость, которые не позволяют сделать ее адекватной для познания исторического и современного процессов. Эти пороки и устарелости не устранить косметическими средствами, здесь необходима серьезная реформа»³. Так я думал в конце 80-х. Сегодня же эти убеждения стали только гораздо более ясными и глубокими. Несомненно, за прошедшие годы наша общественная наука сделала громадный шаг вперед: отказалась от ряда догм и грубой необъективной критики, познакомилась со многими достижениями мировой науки, усвоила, что правомерно наличие многих подходов и т. д. Но все это только обнажило пороки общей философско-социологической системы. И в то же время доказало, что далеко не все в историческом материализме (и шире — марксизме) не выдержало проверки временем. Следовательно, многое в них может быть успешно использовано и сегодня, но только после адекватной интерпретации.

Поскольку основные теоретические проблемы истмата не были решены, ученые оказались перед дилеммой: либо отказаться от истмата и тем самым лишиться себя путеводной нити, либо пытаться совместить его с достижениями мировой науки. Однако ни из того, ни из другого ничего перспективного не вышло. Получалось так: либо отказ от теории вообще, либо эклектика, либо противоречивые в своих основах теории, либо слишком формализованные суперконцепции, которые игнорировали специфику социального, что не позволяло применять их для анализа исторического процесса.

³ Гринин Л. Е. Письмо в редакцию // Философские науки. 1990. № 5. С. 122.

Как видно из названия, в работе также делается попытка объединить формационный и цивилизационный подходы. Но желание «примирить» эти две концепции, скорее, удобный предлог для того, чтобы по возможности решить еще более глобальные задачи. Дело в том, что ни эту, ни множество других проблем нашего обществензнания не решить до тех пор, пока не будет коренной ревизии все еще господствующей истматовской теории, причем начиная с самых общих, исходных постулатов, законов, категорий и т. п. Без этого, без переосмысления **всей системы философии и теории истории в целом**, из порочного круга, по моему глубочайшему убеждению, не выйти. Ведь стоит только «тронуть» ту или иную категорию, тот или иной закон, вывод и т. д., как — из-за жесткой связи систематизированного знания — убеждаешься: необходимо идти дальше и дальше, чтобы разобраться в проблеме. Но поскольку большинство ученых либо не имеют возможности этого делать, либо не хотят, либо не могут, как правило, получается «тришкин кафтан»: латая теорию в одном месте, исследователь не замечает, что в другом образовалась дыра⁴. Если же игнорировать философию истории вообще, то попадаешь, по выражению Коллингвуда, в плен еще худших доктрин.

Столкнувшись с такой ситуацией и осознав ее, я задался целью разобраться в глубинных противоречиях истмата с тем, чтобы, используя все продуктивное в нем и все то, что мне было известно и казалось ценным и приемлемым в мировой науке, создать широкую и непротиворечивую теорию исторического процесса человечества.

Нет ни возможности, ни нужды рассказывать здесь о сложных и даже драматических коллизиях творческой и личной судьбы автора. Важнее отметить другое: я постепенно уверовал в возможность осуществить задуманное, в правильность в целом избранного направления, которое требовало от меня постоянного уточнения и в определенной части пересмотра полученных выводов, открывало новые горизонты. Плоды многолетних изысканий — в этой книге. Конечно, я лучше, чем другие, представляю ее недостатки и ни в коем

⁴ К тому же новые явления в жизни также нужно осмысливать и включать в общую систему знания. При этом, как верно замечает И. А. Гобозов, «возникает необходимость разработки новых категорий, поскольку прежние категории не могут охватить новые аспекты исследования действительности. Но тогда требуется новая классификация, «сортировка» категорий, ибо совершенствование категориального аппарата науки — постоянная задача философов» (Гобозов И. А. Смысл и направленность исторического процесса. М., 1987. С. 20)

случае не полагаю, что моя концепция единственно возможная и правильная⁵. Напротив, читатель убедится, что один из главных моих постулатов — нет единственно верной и остальных неверных концепций, а есть относительно лучшие и худшие. Однако я надеюсь, что мои взгляды глубже тех, что господствуют сегодня в нашем общественном сознании.

Основная трудность, с которой я столкнулся в своих исследованиях, заключалась в следующем: совмещая две противоположности, важно было не отказаться от общей теории и не создать очередную жесткую схему, которая уже заранее связывала бы исследователя готовыми выводами. Этого можно было достичь, только исходя из принципа, что я анализирую и описываю исторический процесс человечества в целом, а каждое конкретное общество соотносится с этим процессом сложно, непрямо, особо и чаще всего непохоже. Неразделение всемирного и конкретно-общественного, общего и частного, на мой взгляд, важнейший недостаток истмата. Вот почему я буду постоянно возвращаться к данной проблеме. Только уяснив, что выводы, касающиеся общечеловеческого развития, не должны прямо прилагаться к какому-либо (вообще ни к какому) обществу (такая операция, кроме учета конкретных исследований, требует сложной системы правил и процедур), можно понять, как совместить общую доктрину и свободу выводов исследователя.

Иными словами, общая концепция, несущая, разумеется, определенное содержание, должна выступать прежде всего методологией по отношению к исследованиям более низкого уровня. Очерчивая круг проблем, помогая найти адекватные средства их решения, предостерегая от «изобретения велосипеда» и иного рода ошибок — она ни в коем случае не должна навязывать готовых, априорных выводов. Поэтому читатель не удивится тому, что в работе столь большое внимание я уделял объяснению собственных и чужих методов, их возможностей, достоинств и недостатков. Без этого идеи автора понять сложно⁶.

⁵ «Какими бы научными или примитивными ни оказались эти формулировки, они не более, чем дорожные указатели или километровые столбы на бесконечном пути реализации человеческого потенциала» (Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1983. С. 293).

⁶ «Всякая книга по истории, достойная этого названия, должна была бы содержать главу или, если угодно, ряд параграфов, включенных в самые важные места и озаглавленных примерно

Но дело еще и в другом. Создается впечатление, что между философией и историей в последние несколько лет — после отмены идеологической цензуры и ослабления внутренней идеологической дисциплины — разрыв не только не уменьшился, но даже увеличился. Историки все больше «впадают» в эмпиризм, и только «последние из могикан» продолжают попытки «расшить» теорию. Как уже отмечалось, исключительно остра потребность в новых подходах и идеях. Но, может быть, существует не меньшая потребность в поиске возможностей интеграции этих новых подходов. Иными словами, **нужна методология синтеза разных взглядов, аспектов, углов, точек зрения и т. п.**, которая позволяла бы переходить от одной схемы научного анализа к другой, яснее видеть область и пределы применения той или иной теории, освобождаться от бесплодной критики. Задача эта между тем едва ли в полном объеме осознается. Но она назрела.

Стремление довести до минимума противоречия концепции, а сделать это в рамках только теории исторического процесса невозможно⁷, заставило меня углубиться в проблемы философии истории и общей исторической социологии (книгу предваряет философско-социологическая часть), более того, мне пришлось «вторгнуться на территорию» того, что прежде называлось диалектическим материализмом, ибо вопрос о законах истории не мог быть решен без выяснения, что такое закон вообще. А проблема общественных законов, их правильной интерпретации и применения, как читатель убедится сам, методологически и логически важнейшая. И только осознав философско-социологические выводы, читатель яснее и глубже поймет и теорию истории. Вторая часть книги посвящена основным моментам теории исторического процесса, а в

так: «Каким образом я смог узнать то, о чем буду говорить?» (Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1973. С. 41).

⁷ Поставленные здесь задачи решаются на стыке ряда общественных наук: философии истории, общей социологии, теоретической истории, методологии истории и ряда других. Но, с одной стороны, это даже и хорошо, поскольку необходимость интеграции социальных наук общеизвестна. «Синтез разросшихся социальных наук с их гипертрофированной дифференциацией — назревшая задача (даже перезревшая, я бы сказал. — Л. Г.)», — отмечает Н. С. Розов (Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. С. 57). А в примечании добавляет: «К примеру, И. Валлерстайн, автор направления «анализ мировых систем», пишет: «Различия внутри каждой из основных социальных дисциплин: антропология, политология, экономика, социология больше, чем между ними... Нет особой логики в каждой дисциплине. Есть единый «набор правил», «набор принуждающих связей», в которых действуют различные (специфические для указанных дисциплин. — Н. Р.) структуры» (Там же. С. 204).

третьей — дано поэтапное его описание.

Теперь несколько неизбежных во введении объяснений.

Поставленные задачи громадны, а потому не хотелось бы перегружать читателя детальным разбором недостатков и ошибок различных концептуальных подходов. К тому же критика, как известно, сама по себе не несет положительного содержания⁸. И хотя ее здесь достаточно, она подчинена задачам построения концепции автора. Ибо самое важное — чтобы читатель понял его замысел. Поэтому я также нередко отказывался от обсуждения толкований тех или иных терминов, теми или иными школами, теми или иными учеными.

Я вынужден был ввести немало собственных категорий. Но там, где была возможность обойтись общепринятыми, я использовал их. Правда, подчиняя их логике концепции и исходных посылок: в одних случаях отграничивая содержание, в других — существенно меняя его. Такой прием вполне естествен и даже обычен в науке. Но это потребует от читателя большего внимания, для того чтобы не путать привычное значение с тем, какое определил автор.

Я также хотел бы извиниться за повторы, которых не удалось избежать. С этим так или иначе сталкиваются все, кто пытается охватить широкий круг вопросов. Поэтому, выбирая из двух зол меньшее, я, говоря словами одного ученого, предпочитаю лучше быть многословным, чем непонятым.

Эта книга — плод почти двадцатилетних изысканий и раздумий. В ней много того, что я считаю своим достижением, открытием, и, где это возможно и удобно, я подчеркиваю собственный вклад в развитие каких-то вопросов, проблем. Но еще Гердер более двух веков назад замечал, что трудно изобрести что-то по-настоящему новое⁹. А сегодня при гигантском объеме литературы ученые часто просто не знают, что делают их коллеги, и физически не могут прочитать все. Поэтому — хотя везде, где только можно, я указывал первенство других или определенное сходство моих взглядов со

⁸ Как говорил Л. П. Карсавин: «Не критикой доказывается истинность того, чего нет в критике. Критицизм — признак ученичества и не руководимых ясною целью исканий. И даже отдельные критические замечания полезны лишь в качестве иллюстраций доказываемой мысли. Что же касается положительного доказательства, оно всегда — раскрытие системы...» (Карсавин Л. П. *Философия истории*. СПб., 1993. С. 17). Сходные мысли высказывал и Юнг: «... это — критические методы, которые имеют то общее со всякой критикой, что там, где можно и нужно нечто разрушить, разложить и ограничить, они оказывают благотворное действие, однако везде, где следует созидать, — причиняют лишь вред» (Юнг К. *Психология бессознательного*. М., 1994. С. 70).

⁹ Гердер Г. *Идеи к философии истории человечества*. М., 1977. С. 7.

взглядами других — я заранее хочу извиниться, если где-то по незнанию или недоразумению упустил подобное совпадение. И буду благодарен тем, кто внесет ясность в те или иные частности в этом плане.

Однако мне не хотелось бы, чтобы возможная критика делала акцент на приоритетах отдельных моментов, игнорируя при этом главное — общую идею. Можно доказать, что кто-то, где-то, когда-то нечто подобное уже сказал. (Кажется, и Маркса изводили подобными придираками.) Однако нередко забывают, что на первый взгляд сходные мысли, идеи и выводы в разных теоретических рамках приобретают иной, порой даже противоположный смысл.

В общей же концепции самое важное — это именно теория как нечто новое и принципиальное, как результат особого творческого подхода и процесса. Как говорил Толкотт Парсонс: «Научный интерес состоит не в том, чтобы обнаружить в работах этих ученых отдельные разрозненные утверждения, но единый массив систематической теоретической аргументации»¹⁰.

Теоретик обычно одни элементы и компоненты своей теории берет готовыми, другие — изменяет, совершенствует, третьи — создает сам. Но часто самое трудное — **именно соединить их в некую целостность, чтобы она была органичной, непротиворечивой, чтобы она работала.** Этот процесс можно сравнить с творческой работой конструктора, который из известных в принципе элементов, частей и т. п. и собственных находок создает принципиально новый тип машины.

Вот мне и хотелось бы, чтобы читатель сумел понять и оценить концепцию в целом. Но как бы ни отнеслись к этой работе, я полагаю, что предпринятая мною попытка полезна, поскольку она заставит задуматься над многими проблемами, иные из которых по-настоящему не осознаны. Оставлять же ситуацию в прежнем виде, избегать реконструкции исходных постулатов — значит ждать саморазрушения науки, превращения ее в схоластику.

¹⁰ Цит. по: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 34.

ЧАСТЬ I

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Первая часть названа по аналогии с известной работой Рудольфа Карнапа «Философские основания физики». Как уже отмечалось, здесь рассматриваются вопросы, без правильного понимания которых не будет ясна позиция автора по очень многим проблемам теории исторического процесса¹¹. Читатель убедится сам, что от исходных философских посылок в значительной степени зависят (иногда даже удивительно, до какой степени) выводы в исследованиях, казалось бы, далеких от философии¹².

Данная часть разбита на два раздела, первый посвящен философским проблемам, второй — общесоциологическим

¹¹ Конечно, затронутые проблемы не удалось разобрать так подробно, как следовало бы: ведь в целом книга посвящена другим темам. Но ряд моментов рассмотрен глубже или под углом зрения в работе: Гринин Л. Е. Философия и социология истории. Некоторые закономерности истории человечества. Волгоград, 1995—1996. Вот к ее первой и второй частям я и отсылаю интересующегося читателя.

¹² Ибо, как сказал С. Н. Булгаков: «То, что для практики представляется само собой разумеющимся, для философствующего ума нередко ставит наиболее трудные проблемы». И добавил: «Такова, например, вся теория познания, исследующая, в сущности, сами собой разумеющиеся формы познания и справедливо усматривающая здесь труднейшие и сложнейшие проблемы философии» (Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 57).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

§ 1. К вопросу об «объективности» законов. § 2. Закон и сущность. Собственное определение закона. § 3. Дополнительные пояснения и выводы. § 4. Кое-что о типологии общественных законов

...Философская проблема познания — это вопрос о том, из каких источников в конечном счете происходит интеллектуальный авторитет наших понятий.

Ст. Тулмин

В этой главе, хотя ее название предполагает рассмотрение только общественных законов, пришлось разбирать вопросы, касающиеся природы, типологии, познания, применения законов вообще. Иначе трудно понять, что такое общественные законы и каковы их особенности, а также какие следствия вытекают из обоснованных философских выводов.

Нередко желая подчеркнуть менее строгий характер законов общества по сравнению с законами природы, говорят не об общественном законе, а об общественной закономерности. Я не считаю такое разделение целесообразным, поскольку не придерживаюсь традиционного в нашей науке понимания категории «закон». Поэтому оба термина я использую как синонимы.

В этой главе я сознательно предвосхищаю некоторые выводы последующих глав и частей с тем, чтобы, во-первых, подготовить к ним читателя, во-вторых, обосновать те философско-методологические посылки, из которых я исхожу в исследовании, и, в-третьих, чтобы необходимость данной главы стала совершенно очевидной.

§ 1. К вопросу об «объективности» законов

Альфред Уайтхед отмечал, что «сейчас можно вычлениить четыре основные концепции Законов Природы: доктрину, согласно которой Закон есть нечто имманентное самим объектам; доктрина, по которой Закон навязывается объектам; концепция, утверждающая, что Закон есть наблюдаемый порядок явлений, иначе говоря, Закон как простое описание; наконец, более позднее представление о законе как об условном (т. е. конвенциональном. — Л. Г.) истолковании»¹³.

Возможно, что точек зрения даже больше, чем четыре, и еще больше их комбинаций. Но в этой главе я не стремлюсь рассмотреть их все. А хотел бы остановиться на анализе двух принципиальных позиций по данной проблеме. Являются ли законы объективно существующими, имманентно присущими природе и обществу, а наше сознание лишь отражает эти законы? Или же надо вести речь лишь о научных законах, по которым формулируются наши представления о причинно-следственных связях явлений природы и общества?

Если придерживаться первой точки зрения — законы есть нечто реальное, некая абсолютная сущность, — то мы должны ожидать законов четких, строгих, обязанных неизбежно осуществиться, которым подчиняются частные случаи и т. д. Содержание законов мало зависит от особенностей человеческого сознания и познания, научных задач, других субъективных вещей. Это то, что я назвал бы **классическим** представлением о законах.

Если принять вторую точку зрения, то мы должны осознать, что как продукты (формулировки) человеческого ума научные законы лишь приблизительно (а порой и вовсе не верно) описывают реальность. К тому же при изменении научной задачи и некоторых исходных посылок существенно меняются и формулировки и даже смысл законов. Именно поэтому новые открытия, теории и пр. могут так радикально менять законы, что они — не сама реальность, а лишь ограниченные и недостаточные знания о ней. Поэтому особенности нашего мышления, недостатки научных и технических познавательных средств, дефицит фактов, давление прежних взглядов и многое другое неизбежно делают любые наши представления в абсолютном плане ограниченными, хотя в относительном — все более совершенными.

Хотелось бы не просто разобрать эту антиномию, чтобы затем, заявив, что в чем-то правы обе стороны, оставить проблему в прежнем

¹³ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 508.

состоянии. Нет, в данном случае я надеюсь на этой основе обосновать собственную точку зрения. Во многом она ближе ко второму подходу. Но это не то, что иногда называют средним взглядом между двумя крайностями. Нет, это попытка интегрировать (насколько возможно без нарушения логики) оба суждения в более общую концепцию. И — самое главное — я думаю показать, какие следствия для общественной науки вытекают отсюда.

Классический взгляд на законы сформировался под влиянием успехов естественных и математических наук и к середине XIX в. стал господствующим. Он широко проник и в науки об обществе, однако во второй половине прошлого века встретил в истории серьезные возражения. Спор сторонников и противников признания исторических законов общеизвестен. Противники законов, не отрицая возможностей социологии, настаивали на особости познания истории по сравнению с науками о природе. Разделением знания на науки о природе и науки о культуре, а методов на «номотетические» и «идиографические» («индивидуализирующие и генерализирующие»), они обосновывали невозможность поиска в истории законов как в науке об индивидуальном и неповторимом. Законы, однако, и та и другая сторона трактовала в классическом духе.

Действительно, различия между объектами природы и истории очень существенны, хотя бы по причине того, что для изучения первых возможны многочисленные эксперименты и описание с помощью математики. Однако в XX в. стало ясно, что разница между ними не столь фундаментальна, как казалось Риккерт, Виндельбанду и их последователям. Пересмотр взгляда на то, что же такое законы природы и общества, шел сразу по нескольким направлениям. С одной стороны, становилось очевиднее, что хотя развитие в природе идет гораздо медленнее, чем в обществе, тем не менее оно есть, а, следовательно, идея вечности, неизменности законов природы не столь неопровержима. К тому же некоторые объекты природы (например Земля) единичны и потому уникальны, а, следовательно, в методах их изучения есть сходства с исследованием неповторимых обществ и культур. С другой стороны, создатели новой социологии, формально отрицая законы, широко использовали теоретические конструкции особого вида, самым известным из которых идеальный тип М. Вебера¹⁴. Все чаще в отдельных областях историографии

¹⁴ «Знанецкий и Макс Вебер доказывают, что наука об общественной и исторической

прибегали к математическим и другим формализованным методам. В результате представления о том, что между объектами природы и истории существует пропасть, постепенно перестали быть столь убедительными¹⁵.

Важнейшим рубежом здесь явился идейный и методологический кризис в физике в начале XX в. Отныне многие уже не рассматривали законы как строгие и универсальные, понимая, что «нельзя ожидать точного совпадения природы с каким-либо законом»¹⁶. Утверждалась идея о том, что «все теории естествознания — лишь создания человеческого разума, только версии бытия и их не надо путать с самой реальностью, которая в следующий момент может повернуться совсем другой стороной»¹⁷. Постепенно уменьшилась вера в могущество математики, способной якобы описать природные процессы¹⁸.

Таким образом, в последние десятилетия XIX в., но особенно начиная с 20—30-х годов XX в., в ряде философских школ усиливается критика того, что законы природы и общества (хотя последнему уделяется меньше внимания) есть нечто объективно существующее, и подчеркивается, что это плод наших суждений, обобщений причин и следствий, тех сходных явлений, которые мы наблюдаем или постигаем путем размышлений о реальном мире¹⁹.

действительности не может отказаться от выяснения причинных связей, что существующие между природой, с одной стороны, обществом и культурой — с другой, различия не лишают социологию существования в качестве науки» (Фотев Г. Флориан Знанецкий: гуманистическая социология // Современная американская социология. М., 1994. С. 60).

¹⁵ «Лингвистический поворот (т. е. идеи лингвистической философии Витгенштейна и др. — Л. Г.) был второй попыткой найти некое общее основание для естествознания и истории», — считает Р. Рорти (Витгенштейн, Хайдеггер и гипостатизирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 123).

Первой он полагает развитие эволюционной биологии и эмпирической психологии в XIX в. Вероятно, можно насчитать и более ранние попытки, например, О. Конта или Маркса и Энгельса. Но, в любом случае, после Витгенштейна, Карнапа и других последовал еще ряд во многом безуспешных попыток

¹⁶ Уайтхед А. Н. Указ. соч. С. 509.

¹⁷ Так авторы учебника «Философия» (Ростов-на-Дону, 1995. С. 253) перелагают взгляды некоторых современных философов Запада.

¹⁸ «Столь же наивна вера в формализующую силу математики... язык науки- двойственен, он лишь наполовину является языком теоретических понятий, а на другую — языком наблюдений, который с трудом переводим на первый для физики, и почти непереводаем для наук о мезомире... А Альберт Эйнштейн сказал еще более категорично: «Если теоремы математики прилагаются к отражению реального мира, то они не точны: они точны, пока не ссылаются на действительность» (Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 110).

¹⁹ Разумеется, такую критику следует рассматривать с более раннего времени, хотя бы с Юма и Канта (а в определенном плане и с античности). Но в нашем случае это было бы излишним. Хотя кое-что по поводу идей Канта и будет сказано дальше.

Одновременно все точнее прослеживается связь между познаваемым объектом и познающим субъектом, когда «вместо неизменного разума, получающего команды от неизменной природы посредством неизменных принципов, мы хотели бы найти изменчивые познавательные отношения между изменяющимся человеком и изменяющейся природой»²⁰.

Большие перемены произошли в истории и общественных науках. Однако что касается закономерностей истории, то здесь еще долго оставались представления, близкие к классическим: строгие универсальные законы, из которых можно дедуцировать событие.

Вероятно, сказалось и давление прежних стереотипов, от которых в общественных науках избавлялись медленнее, чем в естественных, и противостояние с марксизмом-ленинизмом, претендовавшим на историческое предвидение, и какие-то другие причины. И поскольку строгих, вечных, универсальных законов, истинных для любого места и времени в истории не наблюдалось, многие теоретики, причем весьма крупные (Арон, Поппер, Гемпель и др.) склонялись к тому, что понятие закона малопродуктивно для истории. Они подчеркивали, что здесь можно вести речь лишь о неких нечетких тенденциях, вероятностях, «тривиальных» законах (Поппер), «эскизах» (Гемпель) и т. п. И считали, что предпочтительнее говорить о причинах и следствиях, обобщениях, аналогиях, циклах и т. п. Такие ограничения невольно были перенесены с конкретной истории на теорию исторического процесса. В результате интерес к обобщающим, генерализующим концепциям снизился, а главное внимание сосредоточилось на теориях так называемого среднего уровня.

Собственно эта дилемма: или признать жесткие, соответствующие любому месту и времени законы, или отказаться от использования этой категории в истории — и заставила меня вплотную и до необходимой глубины разобраться в этом вопросе. С одной стороны, марксистское толкование законов как объективной реальности, жестких и одновариантных, совершенно не устраивало меня, так как не соответствовало действительности. С другой — сам отказ от этого понятия и замена его иными, довольно аморфными, привели бы к рассыпанию теории исторического процесса и потери тех преимуществ, которые, бесспорно, дает такой подход. Кроме того,

²⁰ Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984. С. 41.

меня беспокоило, что между различными, в чем-то верными взглядами, существовали слишком «строгие» границы. И раз число подобных теорий постоянно возрастает, это ведет к порабощению исследователя, которому требуется разбираться со все большим количеством концепций и понятий. Именно в проблеме общественных законов я неожиданно для себя увидел ключ к решению этих проблем и возможность определенной интеграции взглядов.

Мне думается, что недостаточно разработанным остался иной путь: **поиск адекватного, следовательно, более широкого и менее жесткого толкования понятия «закон», а также более четких и продуктивных методологических процедур применения общих утверждений к частным случаям и наоборот.** Ведь если отказаться от классического взгляда на содержание категории «закон» — и я обращаю на это особое внимание — антиномия их наличия-отсутствия в истории практически снимается и проблема переносится совсем в иную плоскость²¹. В настоящее время, кажется, перспективы такого подхода осознаются, но проблема еще очень далека от разрешения.

Но если в западной науке взгляды на природу законов постепенно меняются, то в наших философии и общественности они остаются неизменными и господствуют абсолютно²².

Причин тому много. Одна из главных в том, как говорит Тулмин, что «эпистемологические проблемы XX века все еще покоятся на научных и исторических предпосылках», которые «уже устарели лет на триста»²³, т. е. восходят к идеям Декарта и Джона Локка. В изложении Тулмина они выглядят так:

«Естественный порядок устойчив и стабилен, и разум человека приобретает интеллектуальное господство над ним, размышляя в соответствии с принципами понимания, которые также устойчивы и универсальны»²⁴.

К этому уместно добавить, что после того, как в XVIII в. произошел крутой поворот «от онтологии к гносеологии, от

²¹ «Дилемму идиографического-нотетического должно заменить богатство возможностей понятийного инструментария» (Розов Н. С. Указ. соч. С. 85).

²² Если приглядеться, то такой объективистский подход все еще преобладает (чаще бессознательно) у большинства наших не только философов, но и историков. Иной раз я и сам чувствую, что не до конца избавился от такого представления. Быть может, именно поэтому я считаю столь важным говорить об этом. Как писал Коллингвуд: «Энергичная полемика против какой-либо доктрины — безошибочный признак того, что эта доктрина чрезвычайно распространена среди современников писателя и даже обладает определенной притягательной силой для него самого» (Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 23).

²³ Тулмин Ст. Указ. соч. С. 43.

²⁴ Там же.

натурфилософии к антропологии», который связан с именем Канта²⁵, вопрос о соотношении реальности и описывающих ее законов и категорий становится все острее и острее.

Кант задает «естественный и важный вопрос»: «...как возможно подведение созерцаний под чистые рассудочные понятия, т. е. применение категорий к явлениям?»²⁶ И от того или иного ответа на него зависит очень многое. С ответом самого Канта: существуют некие «априорные знания, безусловно независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта»²⁷, вряд ли можно согласиться. Но еще менее удовлетворяет идея о точном соответствии реальности и познания. А если переосмыслить еще одно очень важное замечание Канта: «...категории применяются для познания вещей, **лишь поскольку** (выделено мной. — Л. Г.) эти вещи рассматриваются как предметы возможного опыта»²⁸, то станет ясно: **наши представления о «вещах», равно как и о законах, теснейше связаны с теми научными или практическими задачами, которые мы (или вообще люди) ставим.** Другими словами, реальность бесконечна и неисчерпаема, а, следовательно, мы всегда познаем ее в частности (даже если имеем претензию на полноту), в ограниченных связях, поэтому наши представления напрямую зависят от уровня развития науки, тех проблем, которые она решает в данный момент, а также кругозора, мировоззрения и способности личности. Лишь ясно осознавая этот момент (являющийся одновременно и недостатком и достоинством), постоянно рефлексируя в подобном отношении, мы можем уменьшить сложности, вытекающие из особенностей человеческого и научного мышления. «Проблема относительности знаний занимает недостаточное место в наших исследованиях»²⁹, что ведет к очень серьезным противоречиям в теории и просчетах в методологии.

Посмотрим теперь, как определяется закон в нашей науке, чтобы затем разобрать противоречия существующих определений. Наиболее ясную и простую, точно соответствующую классическому взгляду

²⁵ Шубин В. И. Кант и Вернадский // Кант и философия в России. М., 1994. С. 212.

²⁶ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 123.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Там же. С. 108.

²⁹ Ойзерман Т. Н. Научно-философское мировоззрение марксизма. М., 1989. С. 175. «Ведь если не существует абсолютного знания, если знание по природе своей относительно, то вопрос об отношении относительности к объективности приобретает ключевое значение для теории познания диалектического материализма» (Там же. С. 179).

дефиницию можно встретить в

«Материалистической диалектике»: «Закон есть существенная, устойчивая, общая, необходимая и повторяющаяся связь»³⁰. При этом авторы убеждены, что данное определение «является фактически общераспространенным в нашей философской литературе»³¹. Вот еще одно довольно типичное определение: «закон — необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. Закон выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также свойствами внутри вещи»³².

В этих определениях, по сути, смешаны два взаимосвязанных, но не тождественных понятия: закон природы (общества, сознания) и научный закон, который формулирует наше понимание первого. Если полагать, что эти понятия почти тождественны в том смысле, что наше мышление копирует, отображает и отражает реально существующие законы, то такое смешение не имеет слишком серьезных последствий³³, поскольку тогда результаты научного исследования «фиксируются в законах науки, представляющих **собой отражение в сознании человека объективно существующих законов**» (выделено мной. — Л. Г.)³⁴.

Но если исходить из того, что «нет никакого необходимого,

³⁰ Материалистическая диалектика: В 5 т. М., 1984. Т. 1. С. 192.

³¹ Там же.

³² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 188. Привожу также и иные определения.

«Закон — необходимая, внутренне присущая природе явлений реального мира тенденция изменения, движения, развития, определяющая общие этапы и формы процесса становления и самоорганизации конкретных развивающихся систем явлений природы, общества и духовной культуры человечества. Тенденция саморазвития системы выявляется как действие имманентных этой системе противоречий. «Закон есть отношение... Отношение сущностей или между сущностями» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 142). Как существенное отношение закон осуществляется через сложнейшее диалектическое переплетение связей взаимодействия, причинных, функциональных и прочих связей» (Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2. С. 149).

Или: «Закон — внутренняя существенная связь явлений, обуславливающая их необходимое развитие. Закон выражает определенный порядок причинной, необходимой и устойчивой связи между явлениями или свойствами материальных объектов, повторяющиеся существенные отношения, при которых изменение одних явлений вызывает вполне определенное изменение других. Понятие закона близко к понятию сущности, которая представляет собой совокупность глубинных связей, процессов, определяющих важнейшие черты и тенденции развития объектов» (Философский словарь / Под ред. М. Розенталя. М., 1975. С. 133).

³³ Такое смешение встречается часто. Так в «Философском энциклопедическом словаре» сначала читаем: закон — это само отношение, далее — закон выражает связь между предметами. Но ведь это совсем не одно и то же: само отношение — закон или только выражает связь между предметами! Однако некоторые марксистские ученые остерегаются писать о наличии объективно существующих законов, а ведут речь лишь о научных (см., например: Маркович Д. Общая социология. Ростов-на-Дону, 1993. С. 9—17).

³⁴ Материалистическая диалектика. Т. 1. С. 195.

независимого от сознания исследователя соответствия между высказываниями (истинными или ложными) и соотносимыми с ними предметами... нельзя из наличия тех или иных понятий в науке делать вывод о существовании такого рода реальностей, которые этими понятиями предполагаются... существование вообще не вытекает из понятий, не дедуцируется»³⁵, то вопрос покажется много сложнее.

Классическая позиция исходит из того, что можно найти самую главную, коренную сущность, которая в конечном счете и определяет весь порядок. Это явное или неявное представление о том, что «законы правят миром», что будто бы есть некие Особые и Единые силы, определяющие порядок осуществления указанных связей и отношений, что «законы присущи самому материальному миру и действуют с силой необходимости»³⁶. Но для того чтобы рассматривать законы как сами связи и отношения между объектами, следует найти некую общую причину. Такой подход логичен, когда мы, как Платон, признаем наш мир лишь копиями неких вечных Идей, или, как Гегель, — самореализацией Абсолюта и т. п. Если так, если за миром есть нечто высшее и идеальное, тогда и законы можно признать вечными и имманентными. Но как быть материалистам?

С одной стороны, признается, что «сама материя существует в виде бесконечного многообразия конкретных образований и систем. В структуре каждой из этих конкретных форм материи не существует какой-либо первичной, бесструктурной и неизменной субстанции, которая лежала бы в основе всех свойств материи»³⁷. С другой — утверждается, что «для прогресса научных знаний и опровержения различных идеалистических концепций всегда важно выявление того **материального субстрата** (выделено мной. — Л. Г.), который лежит в основе исследуемых в данный период явлений, свойств и форм движения объективного мира»³⁸. Эта двойственность вообще свойственна марксизму, о чем у нас еще будет возможность поговорить.

Однако в этой связи сделаю некоторое отступление. Возможно, оппоненты упрекнут меня в том, что я упростил рассматриваемые

³⁵ Так Ойзерман излагает взгляды «физических идеалистов», добавляя, что сами по себе эти утверждения правильны, а неверны выводы (см.: Ойзерман Т. И. Указ. соч. С. 201—202).

³⁶ Цит. по: Власюк В. Н. Идеализм современного материализма. Основы теории общественного развития. М., 1993. С. 97.

³⁷ Философский энциклопедический словарь. С. 354.

³⁸ Там же.

здесь взгляды на законы, что в нашей современной философии и науке существуют более адекватные объяснения соотношения познания и реальности (закона). Да, конечно, можно встретить немало попыток серьезнее подойти к решению тех или иных вопросов. Но, во-первых, я полемизирую с наиболее общими убеждениями, а не с конкретными авторами. Во-вторых, даже у тех, кто делает более верные частные выводы, существуют противоречия, ошибочные утверждения и пр., корень которых даже при поверхностном анализе — в том, что автор сознательно, а чаще бессознательно, исходит из следующего: законы — это сама объективная реальность, которая отражается сознанием.

Утверждать, что вся материя имеет некие общие первоосновы, субстрат, которые и составляют сущность, и делают законы объективно существующими, разумеется, можно. Но вряд ли это будет правильно. Ведь если обратиться к понятию «материя», то можно увидеть, насколько оно бедно конкретным содержанием. Поэтому главным научным достижением здесь выступает то, что мы все-таки нашли нечто общее в этом разнообразном мире³⁹.

Физики уже, похоже, отказались от идеи найти некие первоосновы, «кирпичики» материи. Но если бы они даже и были бы обнаружены — что кажется маловероятным — то разве стали бы они той осью, вокруг которой строилось бы знание? Той первопричиной, тем первотолчком, которые все объясняют: тайну живого, развитие общества, глубины психики и т. п.? Очевидно, нет. Так же, как невозможно оказалось объяснить историю — страстями, инстинктами, подсознанием и т. п. Хотя подобный редукционизм еще жив и в естественных, и общественных науках.

Далее обсуждение этих проблем можно было бы представить как спор между автором и сторонником указанных выше взглядов. Поскольку автор отстаивает, скажем так, непривычную точку зрения, естественно, его рассуждения будут более пространными.

Автор: Реально существуют отдельные объекты, явления и т. п. и связи между ними. При этом отношения между объектами,

³⁹ «...То, что мы называем природой, есть особый способ, которым наш интеллект соединяет, упорядочивает, оформляет чувственные восприятия... Они становятся «объектами», будучи восприняты формами нашего интеллекта и получив благодаря им образ прочных закономерностей и взаимосвязанной картины «природы» (Зиммель Г. Избранное: В 2 т. М, 1996. Т. 2. С. 509).

охватываемыми одним законом, выглядят весьма различно. Например, камень падает на землю; Луна вызывает приливы; планеты вращаются вокруг Солнца и т. п. — все это проявления одного закона — закона всемирного тяготения. Или индустриализация XVIII—XIX вв. в Англии; индустриализация в колониальной Индии, императорской Японии, в Советском Союзе — процессы во многом несходные. Почему? Потому, очевидно, что и сами объекты (события, явления) различаются, и причины здесь во многом разные.

Оппонент: Да, но причины во многом и сходны, у них есть нечто общее, у них одна сущность.

Автор: Да, общее у них, бесспорно, есть. Но разве это общее существует в чистом виде, вне конкретного, само по себе? Почему же должны существовать некие объективные, Сами по Себе законы? П. Сорокин называл их необходимыми законами, находящимися вне фактов⁴⁰.

Оппонент: Нет, общее не существует вне конкретного. Но закон, хотя в разнообразных явлениях внешне проявляется по-разному, представляет собой единую сущность.

Автор: Но если сущность — это нечто главное, то, как думается, она и должна оставаться главной в каждом конкретном случае, подпадающем под закон. Но будет ли главной сущность закона всемирного притяжения, например, во взаимодействии двух камней? А будет ли главной сущность дворянства в дуэли двух дворян? И т. д. Словом, если бы сущность была абсолютной, если бы она была всегда главной, ее следовало бы признать реальной. А законы, поскольку из них выводились бы конкретные случаи — объективными. Это была бы такая же реальность, как существование звезды, которая не исчезает оттого, что мы ее не видим. Но если то, что выражает сущность, в одних ситуациях бывает определяющим, в других — нет, если в разных случаях на первый план выходит различная сущность, значит она есть лишь понятие, причем относительное. И относительно оно именно нашего взгляда и познания. Отсюда нельзя и законы считать объективными, т. е. существующими независимо от сознания. Иначе мы должны представлять законы как некую цельность, как Единую Силу. А «это объективно-реальное существование законов никто, никогда и нигде ничем не доказал»⁴¹. Таких законов нет.

⁴⁰ Сорокин П. Историческая необходимость // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 516.

⁴¹ Власюк В. И. Указ. соч. С. 99.

Оппонент: Хорошо, пусть закона как Единой Силы нет. Но все равно он объективно существует. Разве он не описывает, не объясняет, не охватывает в единой формулировке то объективно общее, что есть в разнообразной действительности?

Автор: Вот мы и подошли к сути расхождения. Да, закон описывает и объединяет в единой формулировке нечто общее. И это общее наблюдается (хотя бывает и плодом нашего воображения) в реальности. Но это общее объединено, выделено в единую сущность, представлено в чистом виде только в нашем сознании, а реально оно растворено в бесконечном количестве конкретных и во многом непохожих объектов и явлений. Ибо только сознание может разрывать единую реальность, в которой органически соединено общее и особенное, закономерность и случайность, сходство и различие, единство и борьба, количество и качество и т. п.

И то, что формулировка общего есть комбинация нашего ума, доказывается уже тем, что одно и то же свойство в разной ситуации представляется различным. Например, оба утверждения: «Войны реакционны» и «Войны могут нести прогресс» в определенном контексте будут верны. Но чтобы сделать обобщенный вывод, нужно много пояснений, поскольку одна и та же война может быть, с одной стороны, реакционна, с другой — прогрессивна. Это явное доказательство относительности выводов и законов.

Оппонент: Даже если закон только плод нашего ума, он все равно есть отражение объективно существующей реальности. Ведь общее существует независимо от нашего сознания. А значит, можно считать, что и закон существует объективно.

Автор: Если законы — продукт нашего сознания, они не могут быть совершенно независимы от него. Возможность выделить нечто общее, сгруппировать объекты по этому признаку — это уже во многом субъективное. Но главное в том, что между сознанием и реальностью отношение гораздо более сложное, чем просто отражение. Поэтому-то можно утверждать, что хотя вопрос о природе сходства в разных объектах исключительно сложен и важен для философии, он тем не менее не связан намертво с вопросом об объективности самих законов. Поскольку реальность и закон не тождественны. Напротив, чем четче мы разделим эти проблемы, тем легче их будет решить, тем точнее будут выводы.

Отражать (и то условно) можно лишь конкретные вещи. Но чем дальше от конкретности, чем более широкие обобщения, тем более сложные мыслительные операции приходится совершать. Наиболее

абстрактные качества уже невозможно себе и представить. Можно ли вообразить бесконечность, объективность, относительность, формационность и т. п.?

Поскольку реальность неразрывна, а наши абстракции «разрывают» ее на части, мы сталкиваемся с проблемой: выделенное сходство в чем-то очевидно, а в чем-то натянуто, спорно, двойственно и т. п. Любая классификация дает нам примеры трудности определения этого общего при разбивке на классы и типы по нему. Это показатель того, что наше сознание не отражает, а упорядочивает, моделирует, зашифровывает, логизирует, классифицирует и т. п. действительность. И вопрос о том, насколько эти операции адекватны реальности, всегда актуален. Таким образом, чем абстрактнее наши понятия, тем сложнее форма контакта сознания и реальности, тем сильнее роль мышления в системной упорядоченности этих абстракций. Строго говоря, правильно вести речь лишь о **научных законах**, а выражение «законы природы и общества» употреблять лишь в переносном смысле.

Теперь, когда позиции ясны, мы прекратим условную дискуссию и продолжим рассмотрение очень сложной проблемы соотношения объективной реальности и законов, как наших утверждений о ней.

Согласно марксистскому пониманию, законы внешнего мира и мышления образуют «два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей»⁴².

Получается, что по необъяснимой предустановленной гармонии наше мышление точно приспособлено к познанию мира, точно отражает объективные законы вне зависимости от особенностей мышления, психики и пр.

При этом «понятием «объективное» обозначается свойство человеческих понятий, идей, теорий быть истинными, то есть иметь такое содержание, которое не зависит ни от человека, ни от человечества и, становясь достоянием людей, приобретает общественное, т. е. объективное, независимое от субъекта значение и роль»⁴³.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 302.

⁴³ Гиндев П. Философия и социальное познание. М., 1977. С. 12.

Итак, выходит, что общие категории, понятия, законы, сформулированные людьми, не есть их способ познавать мир, не есть наше приближенное, искаженное, во многом просто неверное знание, которое как раз зависит и от человечества, т. е. общего уровня развития и интереса познания, и от конкретного исследователя, а есть некая довольно точная копия реальности. Как будто речь идет не об абстракциях, с помощью которых некое качество условно выделено, «вырвано» для нашего удобства из реальности, а затем очищено от всякой конкретности, а о пейзаже, который можно сфотографировать. Такое представление о законе природы перенесено и на общество, в котором вся его жизнь стала лишь малозначимыми вариациями на тему реализации Абсолюта или некоего имманентно заложенного в истории смысла⁴⁴.

Здесь к месту вспомнить, что нет абстрактной истины, истина всегда конкретна. Теоретическое же исследование и знание всегда в той или иной степени огрубляют, искажают действительность, поскольку они сначала анатомируют ее, делят на части и элементы, функции и отношения и пр., затем описывают их в категориях и вновь соединяют. Единичное и индивидуальное они должны увидеть во всеобщем, уникальное — в повторяющемся, неделимое и неразъемное — в делимом и разъемном, движение — в покое и т. п. Все это гениально выразил Гете, сказавший в «Фаусте»: «Суша, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет!» Ясно, однако, что иным способом мира не познать.

Итак, взгляд на законы как на сами объективные связи и отношения я далее буду называть **объективистским (объективизмом)**. Я знаю только одного современного отечественного философа, который открыто, ясно и недвусмысленно выступает против такого подхода. Это В. И. Власюк⁴⁵. В книге

⁴⁴ Именно так навязывается конкретности некая «сущность», некий, вроде бы объективный и независимый от сознания закон. Например, формулируется положение: стоимость есть такое отношение, при котором любая потребительная стоимость оценивается, исходя из затраченного на ее изготовление количества общественно необходимого труда. А влияние спроса и предложения — просто колебания вокруг этой стоимости. В результате главный в многих (или в большинстве) случаев механизм образования цены (стоимости) объявлен несущественным, неважным.

Разве же не из-за этой жесткости постоянно возникают споры и историки доказывают, что главный закон в «их» случае не был главным, что в «их» обществе — доклассовое государство; что «их» феодализм не требует частной собственности на землю; «их» буржуазная революция обходится без буржуазии и т. п. Эти гибриды — результат давления общего, якобы объективно существующего закона (за который порой вообще выдается заблуждение ума) и попыток сохранить специфику изучаемого материала, не подвергая общую теорию ревизии.

⁴⁵ Вероятно, есть и другие, во всяком случае, я наденось на это. Есть также историки-теоретики, которые близки к более правильному толкованию. Например, А. Я. Гуревич, на которого я буду ссылаться, предпринял попытки обосновать (правда, на мой взгляд, не совсем

«Идеализм современного материализма» он пишет: «Законов в природе нет. Они существуют только субъективно-реально и отражают не законы природы и общества, а, как было сказано, — «объективные связи явлений действительности». Исчезает человек, носитель законов, вместе с ним исчезнут и законы, останутся лишь объекты материального мира, определенным образом взаимодействующие друг с другом... Неправильное понимание законов природы и общества, которыми могут быть только законы-знания, непонимание их сугубо идеального характера существования послужили причиной дальнейших умозрительных заблуждений»⁴⁶. В своей книге Власюк последовательно проводит такой взгляд и на остальные категории (материя и др.). И в этом плане его работа — важное явление, свидетельствующее о необходимости ревизии всей нашей философии. Что же касается решения проблемы законов, то его нельзя признать полностью удовлетворительным, поскольку, как видит читатель, он также придерживается мысли, что сознание отражает действительность. А такая позиция искажает и теорию познания, и методологию, и многие практические выводы. Возможно, что она повлияла и на общественную теорию Власюка, которая, к сожалению, на мой взгляд, не выдерживает критики.

Можно проследить исторические корни такого объективистского взгляда на законы. Они унаследованы от классиков марксизма-ленинизма, заимствовавших, в свою очередь, их от Гегеля (об этом подробно в следующем параграфе)⁴⁷. Неудивительно, что материализм неосознанно уживается здесь с идеалистическим подходом⁴⁸. И можно отметить, что Власюк очень точно назвал это «идеализмом

логично и последовательно) возможность использовать в историческом анализе менее жесткие и более вариативные законы, чем те, которые предлагал истмат еще почти 30 лет назад в статье «Об исторической закономерности» (Философские проблемы исторической науки. М, 1969). Более адекватное определение закона встретилось мне и в «Краткой философской энциклопедии» (М., 1994. С. 162), где идет речь лишь о научном законе. Однако в целом все же содержание этой статьи достаточно двусмысленно и вызывает споры.

⁴⁶ Власюк В. И. Указ. соч. С. 97, 99.

⁴⁷ О котором А. Шопенгауэр говорит, что он выдает «общие понятия, отвлекаемые нами из эмпирического воззрения, возникающие, следовательно, через мысленное опущение определений, иными словами, отличающиеся тем большею пустотою, чем они общие...за первое, коренное, истинно реальное... вследствие чего только и получает свое бытие эмпирически реальный мир...» (Об университетской философии // Эпоха. Философский вестник. 1991. № 0. С. 75).

⁴⁸ Карл Поппер пишет: «Итак, следует признать, что в каждый момент времени наши научные теории зависят не только от экспериментов и т. п., проведенных к этому моменту, но также от предпосылок, которые мы принимаем без доказательств, т. е. принимаем, не осознавая их (хотя использование определенных логических методов может помочь их выявлению)» (Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 255—256).

современного материализма», хотя уже не современного, а устаревшего.

Но гносеологические причины сложностей этой проблемы лежат также и в двусмысленности, многозначности термина «закон». По этому поводу Карнап пишет: «Может быть, было бы меньше неясности, если бы слово «закон» вообще не употреблялось в физике. Оно продолжает употребляться потому, что не существует никакого общепотребительного слова для универсальных утверждений, которые ученые употребляют в качестве основы для предсказания и объяснения»⁴⁹. Что же тогда говорить об истории, где, совершившись, событие становится данностью, о которой можно лишь спорить: могло ли все сложиться по-иному? Итак, слово «закон» неточно, но лучшего нет, тем более, что иначе познавать мы не умеем.

Чтобы сказанное было яснее, вернемся к соотношению общего (сходства), фиксируемого в законах, и объективности. Здесь можно отметить сплав объективного и субъективного, поскольку общее есть нечто реальное во многих вещах. Однако оно неотдельно, смешано, скрыто, нейтрализовано, изменено и т. п. И может быть понято не само по себе, а только через способность нашего сознания не просто увидеть его, но преобразовать в нечто «химически» чистое. И следовательно, в этом плане общее есть продукт сознания. Наблюдается обратная связь между объективностью и глубиной (сущностью) сходства. Есть сходства более заметные, видимые, ясные. Там конкретного содержания больше, больше объективности и меньше субъективности. Но такие, чисто внешние сходства нас мало устраивают. Мы желаем глубинных сходств. Но чем шире, абстрактнее и дальше оно от наглядной реальности, тем неопределеннее связь с объективностью.

Так, наличие, скажем, императора и государственного аппарата в древних Китае и Риме гораздо очевиднее, чем принадлежность их к одной формации. По внешним признакам кит гораздо больше похож на рыбу, чем на млекопитающее. Солнце и Земля в чем-то противоположны, а в чем-то сходны. Объекты и явления могут быть поняты только при анализе многих параметров. А любой закон характеризует их лишь с одной стороны. Поэтому в одном законе, как в одной системе отсчета, будет своя сложная иерархия главных и

⁴⁹ Карнап Р. Указ. соч. С. 277.

зависимых свойств, но в другом — они могут поменяться местами. Однако объекты остаются прежними.

Можно сказать, что категории (например, качество — количество, устойчивость — изменяемость и т. п.) напоминают некие клише, которые суть средства анализа, и которые сознание как бы прикладывает к действительности, добиваясь сходства, подобно тому, как составляется портрет человека (преступника) по отдельным частям лица.

Наконец, чтобы яснее выразить соотношение субъективного и объективного, можно условно принять первое за форму, второе — за содержание и сформулировать такое правило: **объективность тем меньше, чем беднее конкретное содержание и абстрактнее закон. И наоборот. Субъективность тем больше, чем абстрактнее закон и менее конкретно его содержание. Другими словами, тем менее можно говорить о том, что закон присущ самому материальному миру, чем он абстрактнее и шире. И наоборот, чем он конкретней и уже, тем увереннее можно утверждать, что он объективен. Пока, наконец, конкретное событие не представим законом. Тогда можно сказать, что такой закон существует объективно (но и то весьма условно, поскольку так или иначе мы препарлируем действительность даже в конкретном событии).**

Если же общие законы представлять как нечто объективное, получается, что формулировка научного закона — **не столько продукт мышления, сколько твердо установленная и окончательно зафиксированная связь.** Причем эта связь принципиально одинакова между всеми объектами и явлениями, охваченными этим законом, примерно так же, как свойства подобных треугольников не меняются от их размеров. Но так бывает только в довольно ограниченном количестве случаев. К тому же взятые в иной комбинации они могут предстать и совсем другой стороной.

Таким образом, мы видим возможность для определенной интеграции противоположных подходов. Законов как объективных, т. е. независимых от сознания сущностей (или отношений между сущностями) нет, потому они и не могут просто отражаться в сознании. Но в любом неложном утверждении и законе в той или иной пропорции сосуществуют и объективность (поскольку дело касается анализа существующей независимо от сознания реальности) и субъективность (поскольку сознание всегда препарирует и

комбинирует реальность).

При этом, если мы упираемся в объективизм, то наше знание превращается в догму, а общий закон — некоего «начальника» над реальностью, которой он «управляет». Объективизм вольно или невольно исходит из идеи: раз законы — нечто реальное, и если они правильно отражены, то одна концепция становится единственно верной, а все остальные в лучшем случае только где-то приближаются к правильному пониманию.

Хотя прямо в таком убеждении сегодня вряд ли кто признается (вчера было наоборот), подспудно оно все еще дает о себе знать⁵⁰. Между тем если в наших формулировках огромна доля субъективности, то возможны разные точки зрения. Поэтому положительное содержание теории должно быть увязано с ее методологическим и гносеологическим обоснованием, чтобы было видно, прав (или не прав) автор. Только в этом случае новая идея «заслуживает серьезного отношения к себе» (Поппер). Объективистский подход умаляет значение методологии.

Уклон же в субъективность ведет к субъективному идеализму — мир существует только в нашем сознании. Отсюда важнейший вывод о необходимости поиска нужных пропорций, разработки методологических правил применения общего к частному, об осторожности в абсолютизации абстракций, а также о правильном понимании того, что такое закон, каковы его разновидности и их особенности — чтобы уметь находить адекватные средства познания каждой конкретной задачи. Но и самые правильные методологические процедуры без положительного содержания, без учета всех фактов, без проникновения в ту самую объективную реальность и одновременно в то, как мы ее постигаем, не дадут результата⁵¹.

⁵⁰ Несомненно, целесообразнее исходить из мысли, что «все человеческое знание недостаточно, неточно и частично» (Б. Рассел). (Цит по: Тулмин Ст. Человеческое понимание. С. 11.)

Можно согласиться и с Н. Н. Моисеевым в том, что неоднозначность интерпретации одних и тех же исходных эмпирических данных «это проблема понимания того, как возникает и организуется наше знание о глобальных системах и процессах» (Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3).

⁵¹ На мой взгляд, поэтому были обречены на неудачу все попытки спасения истмата с помощью развития методологии, разработки теорий уровней, аспектов и т. п. (сами по себе в

§ 2. Закон и сущность. Собственное определение закона

Мы видели, что объективистский взгляд на закон намертво связан с понятием «сущность». Говоря словами Ленина, «закон есть отношение... Отношение сущностей или между сущностями»⁵². Поэтому, рискуя повториться, вновь резюмирую свою точку зрения.

Понятие **сущностное (сущность)** в традиции, идущей еще от Платона, противопоставлялось **существованию** как нечто вечное, неизменное и независимое от своих форм преходящему, неглавному, которое приобретает характер своего рода антуража (хотя нередко оказывается, что именно неглавное и было главным). Сущность становится как бы раз и навсегда установленной, а рассуждения ведутся так, словно наука имеет дело только с абстрактными и идеальными понятиями (вроде геометрических объектов)⁵³.

Такое понимание сущности роднит марксизм с объективным идеализмом, с которым Маркс и Ленин столь яростно боролись⁵⁴. Но подобной сущности в реальности, как мы видели, нет. А есть лишь предметы и явления, в которых мы можем обнаружить черты сходства и различия. Поэтому под **сущностью** надо понимать именно это общее (а не что-то вечное и неизменное, оторванное от действительных предметов), что мы выделяем в реальности и выводим

некоторых отношениях потенциально плодотворные). Теория требовала ревизии своего содержания и формы одновременно.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 142.

⁵³ «Спекулятивная философия во многом исходила из того, что необходимость в универсальности означает, что во Вселенной имеется сущность, не позволяющая какие-либо взаимоотношения вне ее самой, что (в противном случае) было бы нарушением ее рациональности. Спекулятивная философия как раз и разыскивает такую сущность» (Уайтхед. Указ. соч. С. 273). В нашей философии истории нечто подобное ищут и по сию пору.

⁵⁴ А. Я. Гуревич по поводу исторических корней такого взгляда писал: «Можно представить себе, что марксизм в период своего становления оказался, так сказать, перед «гносеологической развилкой»: его творец встретился с дилеммой — принять точку зрения Гегеля или же пойти по стопам Канта. Первый путь означал единство сознания и действительности, им воспринимаемой; здесь мысль последовательно овладевает миром, и ее познавательная способность в конечном счете зиждется на их внутренней аналогии и родстве. Познавая мир, дух осознает самого себя. Постулат гегелевской гносеологии — мир познаваем. Путь же Канта предполагал непрестанную, напряженную борьбу мысли, преодолевающей огромные препятствия для того, чтобы к этой действительности прикоснуться.

Маркс без колебаний встал на позиции Гегеля, отвергнув его объективный идеализм, но сохранив в материалистической интерпретации его панлогизм. Гегелевская диалектика была перевернута «с головы на ноги», но лежавшая в ее основе уверенность во всемогуществе познания не подвергалась сомнению. Последователи Маркса в этом отношении оказались, по существу, безоружными перед лицом позитивизма. Пафос единой науки, ориентированной на открытие всеобщих законов, был распространен и на науки об обществе» (Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 35).

как философскую или научную категорию. Сделать это можно, лишь сравнив явления, предметы между собой: **сущность, как и истина, познается в сравнении.** Ведь для каждого аспекта исследования могут быть важнее различные черты, элементы, отношения. Следовательно, уровней познания сущности много, в этом отношении она (говоря словами Ленина) неисчерпаема⁵⁵.

Ввиду изменения наших знаний порой то, что казалось сущностью высшего порядка, предстает лишь как часть ее или даже явление меньшей значимости (иногда как ложное представление).

И чем абстрактнее закон, обобщеннее, чем меньше его связь с эмпирической реальностью, тем сильнее зависимость наших выводов от познания, тем большую роль играют процедуры перехода от общего к частному, и наоборот. Перефразируя физическое правило, можно было бы сказать: выигрываем в общности, проигрываем в конкретности, и наоборот. И стало быть, чем дальше от реальности и выше роль субъективных факторов, тем больше опасность ошибок.

До определенного времени классическое представление о законах способствовало развитию науки. Но по мере все большего накопления конкретных данных становилось ясно: оно устарело, что даже, казалось бы, непререкаемые формулировки страдают определенными погрешностями⁵⁶. Вместе с этим устаревала и спекулятивная философия, стремящаяся найти сходные начала и принципы, благодаря которым «можно было бы интерпретировать

⁵⁵ «При этом следует иметь в виду разнопорядковый характер сущности. Иначе говоря, в одном случае взаимодействующие объекты могут рассматриваться как разные сущности, в другом — как различия одной и той же сущности. Так, живая и неживая природа, рассматриваемые с точки зрения их различия, суть разные, противоположные сущности; рассматриваемые же с точки зрения их общности, они выступают уже как различия, противоположности одной сущности — вещества. Вещество как сущность в процессе развития дифференцировалось на противоположности: живую и неживую природу. В зависимости от уровня сущностных характеристик взаимодействующих объектов противоречия между ними классифицируются как внутренние (противоречие между противоположностями одной сущности) или внешние (противоречие между противоположными сущностями)» (Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 133).

⁵⁶ «Судьба ньютоновской физики напоминает нам о том, что главные научные принципы развиваются и что их исходные формы могут сохраняться только благодаря интерпретациям значения и ограничения поля их применения — тем интерпретациям и ограничениям, которые оставались незамеченными в первый период успешного применения научных принципов» (Уайтхед. Указ. соч. С. 282). «Поэтому должно быть отброшено представление о вселенной как о том, что развивается по одним и тем же вечным законам, определяющим собой поведение любого объекта» (Там же. С. 510).

каждый элемент нашего опыта»⁵⁷. На смену ей пришли попытки более глубоко и обстоятельно разобраться с тем, каково же соотношение познающего субъекта и познаваемой реальности. Вернемся и мы еще раз к этому вопросу.

Итак, реальность объективна, но познаем мы ее совсем не так, как упрощенно представляет марксизм-ленинизм, будто она «копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями...»⁵⁸. Сознание не зеркало и не фотоаппарат!⁵⁹

«Отражение» — сравнительно простой процесс. Нечто похожее на него действительно происходит у человека и животных при непосредственном контакте с окружающим миром (и то, похоже, очень условно, а фактически это взаимоотношение гораздо сложнее). И такое «отражение» во многом более точно, чем абстрактное познание, поскольку охватывает действительность в целостности. Но как только человек вышел за пределы и рамки объемов, которые способны выдержать и удержать чувства и память, как встает потребность найти новые, особые средства познания. Этнографы рассказывают, что пастухи у некоторых варварских народов не знают счета и определяют целость своего стада не по количеству голов, а по внешнему виду, безошибочно определяя, что нет одного-двух животных. Но, разумеется, такой способ пригоден, лишь когда речь идет о сравнительно небольших количествах. Поэтому-то у культурных народов математика появилась как одна из первых наук. Следовательно, человек эволюционизировал именно в том, что стал постигать и анализировать действительность по-иному, или, говоря современным языком, он нашел новые способы получения, хранения, развития и передачи информации. Они выражались в абстрактных понятиях, категориях, законах, в которых реальность как бы зашифровывается и при знании «кода» (языка) может быть

⁵⁷ Там же. С. 272.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 117.

⁵⁹ Когда говорят об «отражении» всеобщих законов природы, общества и всеобщих форм бытия и материи в сознании человека» (см.: Гиндев П. Указ. соч. С. 36), хочется воскликнуть: «Как себе это представляет автор? Как всеобщие законы могут «отражаться»? А еще Кант говорил: «...ведь никто не станет утверждать, будто категории, например причинность, могут быть созерцаемы также посредством чувств и содержаться в явлении» (Кант И. Указ. соч. С. 123).

расшифрована. Одновременно они стали также, как уже говорилось, некими клише. После изобретения письменности, появления науки процесс этот приобрел глобальный характер. А «шифровка» и «расшифровка» стали требовать все более сложных правил и приемов, совершенно не похожих на простое отражение.

Европейская наука, в отличие от восточной⁶⁰, с античности нащупывая этот путь, открыла наиболее удачный способ познания, но, разумеется, неидеальный. В XIX в., и особенно с конца его, наблюдались попытки найти более совершенные, вроде: философии жизни, феноменализма, философии всеединства (в России) и т. п. Но они не доказали коренных преимуществ перед рациональным типом мышления.

В истории человечества имеется масса примеров, когда люди становились заложниками и идолопоклонниками собственных изобретений. Не так ли случилось с идеей души, вызвавшей крайне утомительный культ мертвых? Не обожествляли ли веками золото, как некий особый материал, порождающий стоимость? Не считали ли таинственной письменность? Не превращали ли в культ числа? В чем-то сходное произошло и с понятиями, категориями и законами, что выразилось в их абсолютизации и приписывании им неких особых сущностей. Подобное Карнап называл «магическим взглядом на язык»⁶¹.

Итак, нельзя смешивать и отождествлять факт объективного существования предметов, явлений, связей, причин и т. п., т. е. того,

⁶⁰ В ряде восточных философий, где действовал принцип «недвойственности мышления, т. е. целостный взгляд на мир», при котором господствует «тип связи — «одно в другом», точнее «одно во всем и все в одном» (см.: Запад и Восток. Традиции и современность. М., 1993. С. 144), во многом напоминал стремление погрузиться в действительность, слиться с ней, постичь ее целиком. Конечно, если бы это удалось, никакая наука была бы не нужна, как ненужной она казалась людям религиозного типа, претендовавшим на то, что им явилось «откровение свыше». Но — при отдельных удивительных прозрениях — такой путь вел в тупик.

⁶¹ Карнап. Указ. соч. С. 70.

А Карл Юнг образно пишет: «Следовательно, если мы осознаем ограниченность нашего разума, то тем самым проявляем здравый смысл. Признаю, что таким образом мы прощаемся с чудесным миром, в котором живут вещи и предметы, созданные нашим разумом. Это мир первобытного человека, в котором даже неодушевленные предметы наделяются животворящей и магической силой, посредством которой они участвуют в нашей, а мы — в их жизни. Мы должны понять, что их сила и значительность, по сути, была нашей собственной силой, нашей проекцией. Теория познания — это лишь последний шаг человечества, которое вышло из своего детства, из мира, в котором образы, созданные разумом, населяли метафизический ад и рай» (Юнг К. Йога и Запад. Львов—Киев, 1994. С. 178).

что можно обобщить и дальше называть **реальностью**, и наши представления о ней, формулируемые как законы.

Стоит оговориться, что автор понимает под реальностью или объективностью. Это означает, что он не стоит на позиции субъективного идеализма и не полагает, что вне нашего сознания нет ничего, о чем можно было бы с уверенностью говорить. Напротив, я твердо убежден, что можно говорить о принципиальной независимости мира от нашего сознания. Условно говоря, это довольно близко к позиции ряда направлений современного реализма (чтобы не входить в тонкости)⁶². Хотя возможности познания в целом ограничены, но практически их можно считать безграничными⁶³.

Однако признание реальности мира не только не снимает проблемы взаимоотношений познающего и познаваемого, но, напротив, ставит ее во всей полноте. Эта современная «апория Зенона» вызывала, вызывает и будет вызывать бесконечные споры, поскольку раз и навсегда ее не решить. Дать однозначный ответ на вопрос: можно ли и насколько абстрагироваться от влияния субъективности при познании объективной реальности? — нельзя. В целом, конечно, представить познающего субъекта вне влияния своей субъективности очень сложно⁶⁴. Но градации здесь столь велики, что в одних случаях этой субъективностью можно даже пренебречь, а в других — она просто давит исследователя⁶⁵. Думаю, что здесь было бы возможно попытаться совместить идеи марксизма о том, что практика — критерий истины и других школ (например, о коллективном субъекте и т. п.).

⁶² «Для наших целей достаточно определить «реальность» как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (мы не можем «от них отделяться»), а «знание» можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками. Именно такой (надо сказать, упрощенный) смысл вкладывают в данные термины и рядовой человек, и философ» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 9).

⁶³ «Процесс этот никогда не может быть завершен, но не существует и никакого определенного барьера, перед которым он должен резко остановиться» (Поппер К. Открытое общество Т. 2. С. 256).

⁶⁴ И в отечественной литературе «в последнее время появляется все больше публикаций, в которых отмечается, что наука, конечно же, стремится к получению знания и созданию модели объекта, полностью исключаящих все превходящее от субъекта. И все же это невозможно» (Бульчев И. И., Каримов В. А. Философия в единстве онтологического и аксиологического аспектов. Тамбов, 1995. С. 23). См. по этому поводу также: Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 37—38.

⁶⁵ В чем-то это напоминает отношение между мастером и материалом. Где-то материал диктует мастеру, что и какой формы из него делать, а где-то только мастер способен понять, что вообще из этого выйдет (например из глыбы).

Процесс познания становится понятнее только через уяснение **принципа единства познаваемого и познающего**, когда «объект и субъект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания»⁶⁶. С одной стороны, исследователь сам выбирает аспекты и уровни исследования, как бы формирует законы и категории. Тут существен момент особенностей его мировоззрения, интеллекта, интереса и уровня, достигнутого наукой. С другой — практика поправляет теорию, поэтому или он сам, или другие раньше или позже обнаруживают у него ошибки, неточности, противоречия и пр. Но никогда теория и законы не могут точно «покрыть» действительность не только из-за заблуждений и ошибок, но и из-за способа, которым мы познаем⁶⁷.

Постепенно, конечно, познание становится в чем-то более независимым и адекватным реальности. Но одновременно, поскольку протекает оно все же через индивидуальное сознание, а в одном интеллекте никак не может вместиться все коллективное знание, происходит определенное порабощение сознания массивом информации, специализацией, искусственными границами между науками и многим другим. Это приходится преодолевать (но далеко не всегда успешно) массой дополнительных процедур, конвенций и т. п. Таково очень сложное продвижение к более точным представлениям.

Итак, как мы убедились, объективистский взгляд на закон как на связи и отношения между объектами, отождествление закона и объективной реальности ведет к **навязыванию конкретности абстрактных свойств всеобщности**. В результате законы предстают однолинейными и в каждом случае похожими, неумолимо прокладывающими себе путь через множество случайностей⁶⁸.

Фактически (хотя не прямо, прикрито) объективистский подход претендует на абсолютную истину, ибо «его законы» — главные для всей Вселенной. Именно здесь наибольшая опасность. Она в том, что

⁶⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 38.

⁶⁷ Как не могут юридические законы покрыть все общественные отношения. Как нельзя через десятичные дроби выразить точно некоторые простые (например 1/3).

⁶⁸ Например, относительно законов истории нередки утверждения, что какая-то личность может их «только задержать», но не остановить. При этом совершенно не учитывается, что такая задержка способна сильно изменить реализацию закона в дальнейшем. Предположим, страна упустила момент, отстала, затем в результате запоздавшей модернизации нарастают социальные противоречия и происходит общественный взрыв вместо эволюционного развития. Революция приводит к диктатуре вместо демократии и т. п. От такого понимания законов естественно искать имманентно заложенный смысл истории.

фактически наше неполное и неточное знание навязывается миру. Особенно это ощутимо на уровне абстракций. Восходя по мыслительной лестнице ко все более высоким и общим понятиям, мы делаем нашу связь с реальностью все более не прямой (опосредованной) и меньшей, чтобы затем вернуться к ней вновь через ряд логических и научных правил. При этом некоторые категории могут даже и вовсе не иметь каких-то аналогий в действительности (подобно математическим). Что же будет, если у исследователя они «заживут» самостоятельно? Тут часто и начинаются ошибки и отход от реальности. Это бывало и в естественных науках (куда вводились «флогистон», «эфир» и пр.), но еще более касаются общественных. Если не помнить, что именно историческая действительность первична, реальна, а наши законы и категории лишь более или менее верно ее описывают, то получится саморазвитие схоластических категорий.

При этом философы часто упускают из виду, что многие исторические факты и выводы не есть что-то прямо данное, а результат очень сложной и во многом спорной реконструкции исторической реальности. Недаром такую реконструкцию порой сравнивают с воссозданием событий преступления в мозгу следователя, выводы которого могут радикально измениться от ничтожных вещей: волоска, окурка и т. п.

А ведь наши представления о ряде исторических периодов базируются нередко прежде всего на одном письменном источнике (например, «Повесть временных лет»). При всех успехах критических методов, интерпретаций и проверок таких источников воспроизвести опущенные в них события невозможно. И если находится другой документ, историческая картина во многом меняется. Аналогично датировки каких-либо событий по археологическим находкам могут отдалиться или приблизиться на тысячи лет, в зависимости от обнаружения ничтожных останков (например, пары зерен для хронологии земледелия).

Если мы говорим, что закон — сами связи, реальность, то значит, речь идет не о более или менее верных формулировках, а о единственно верных и остальных неверных. Если законы — сама реальность, то они не должны меняться раз от раза в связи с революциями в науке; если они — наши представления о реальности, то, поскольку мы никогда не охватываем ее целиком во всем многообразии, могут быть разные способы ее объяснения и, стало

быть, более или менее полно, глубоко, удобно описывающие ее формулировки законов.

Ведь мы препарируем единую, неразрывную, взаимообусловленную в своих частях действительность, условно разведывая в своем существовании неразрывное. Как сказал Ясперс:

«Истину мы постигаем лишь тогда, когда исследуем не тотальную причинную связь, а определенные связи в их бесконечности»⁶⁹.

В своем субъективном моменте закон носит и несколько договорной (конвенциальный) характер, поскольку должен признаваться (может быть признан) учеными или их группой.

Итак, если мы ведем речь о **научном** законе, то он не может быть независимым от сознания, поскольку есть формулировка человеческого ума, которая «обусловлена историческими обстоятельствами, а субъективно — телесным и духовным состоянием своего создателя»⁷⁰. Если же мы имеем в виду ту действительность, которую описывает научный закон, то она в самом деле объективна. Но это не значит ни того, что она точно совпадает с формулировкой закона, ни того, что этот обобщенный и формализованный вывод можно прямо использовать для познания реальности⁷¹. Нет, для этого требуются сложные процедуры приложения общего к конкретному.

Совершенно ясно, что понятие закона используется для того, чтобы уяснить и прояснить причины и следствия каких-либо явлений, чтобы показать главные и второстепенные причины для какого-то случая, выяснить возможность его повторения и т. п. Но очевидно также, что одновременно действуют множество факторов и сил, часть из которых можно считать случайными, а часть — неслучайными для данной ситуации. Поэтому ясно, что конкретный случай никогда не совпадает полностью с общей формулировкой. Поэтому, хотя законы и служат теми инструментами, с помощью которых мы ведем исследование, дать ответ на конкретные проблемы может только конкретный анализ. Отсюда ясно, что закон — не нечто абсолютное,

⁶⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 273.

⁷⁰ Маркович. Указ. соч. С. 9.

⁷¹ Можно говорить о проявлениях или подтверждениях закона, но неверно утверждать, например, что общественная закономерность — «объективно существующая, необходимая, существенная, повторяющаяся связь явлений общественной жизни...» (Философская энциклопедия. Т. 2. С. 153), поскольку объективно существуют лишь многообразные связи, а закон только объединяет и более или менее верно описывает их.

неприкасаемое. И ученый не должен испытывать вину, если его выводы расходятся с общим правилом. Но, напротив, необходимо уяснение причин этого: то ли сам исследователь что-то упустил, то ли закон недостаточно корректен, может быть, следует несколько изменить его формулировку, а может, записать в «графу» исключений и т. п.

Итак, теперь попытаемся дать определение закона. Поскольку мы не отождествляем реальность и ее научное описание, перед нами фактически два понятия. Начнем с **научного закона**. Если кратко, то это **утверждение о неких взаимосвязях, сходствах, различиях, способах существования, повторяемостях, уникальностях и других свойствах, сторонах и т. п. характеристиках объектов и явлений, которые обусловлены определенными причинами, ведут к определенным следствиям и представляются нам в данном контексте существенными, позволяющими сделать те или иные выводы или даже предсказания. Закон есть утверждение о том, что при строго определенных условиях с определенными объектами и т. п. произойдут или, напротив, не произойдут те или иные изменения и т. п.**

Довольно часто это означает повторение (или даже копирование) каких-то явлений, действий и пр. Но в предельном случае закон говорит о том, что при определенных условиях случилось (или вообще может случиться) лишь один раз. Для истории это весьма важно. Но подробнее об этом дальше и в следующих параграфах.

Вышесказанное вполне подходит к общественному закону. Но для этой категории все же целесообразно дать более развернутую характеристику. **Это научное утверждение и о том, что при некоторых условиях можно обнаружить сходства в различных обществах и их частях; и о том, что при одних условиях жизнь и структура обществ остается неизменной, а при других — напротив, меняется соответствующим образом; и о том, что в рамках пройденных отрезков истории и всего исторического процесса можно обнаружить сходство в самом процессе развития обществ, вызванное либо наличием общих, сходных причин, либо их взаимным влиянием друг на друга; и о том, что весь исторический путь человечества может быть представлен как некий процесс, в котором можно обнаружить повторяемость (цикличность), и развитие одновременно и т. д. и т. п.** Другими словами, это утверждения о том, что в историческом развитии на всех уровнях (а

также и в любой отрезок времени) любого объекта можно обнаружить определенные сходства с другими объектами и выделить различия, а также обнаружить определенные (типичные и особые) причинно-следственные связи. При этом в зависимости от уровня и аспекта эти причины и следствия могут предстать как постоянные, длительные, всеобщие и т. п., т. е. в виде того, что называют движущими силами, факторами, тенденциями, глубинными процессами и т. п. А могут — как краткосрочные, неожиданные (случайные), исключительные и т. п. Иначе говоря, в принципе, используя понятие «закон» и другие средства познания, можно охарактеризовать любое историческое и общественное событие (если, конечно, достаточно фактов). Однако не всегда это нужно и удобно делать именно с помощью законов, поскольку часто анализ приводит к тому, что в основе наших рассуждений лежат законы здравого смысла, те, что Поппер называл тривиальными.

Но сказанное совершенно не означает, что **общий закон предопределяет характер совершения конкретного случая. Нет, влияние это не прямое, опосредованное, сложное, противоречивое, далеко не всегда предсказуемое и часто просто незаметное.** Но обо всем этом еще будет речь.

Таким образом, категория «закон» предстает многозначной, многоплановой, многогранной, целой системой в чем-то различных, а в чем-то похожих понятий.

Само собой, я не считаю приведенные определения единственно верными и лучшими. Но я хотел бы остановиться на том, что мне видится нового, важного в таком подходе и что из него следует.

Во-первых, мы отказались от узкой, устаревшей классической формулы, которая полагала, что они суть некая реальная, единая сила, а мы прямо отражаем их в сознании. Это мифологическое представление мешало видеть и многие важные проблемы, и пути их решения. Теперь же мы понимаем, что реальность и наши формулировки не совпадают, особенно это касается общественных явлений, более изменчивых и менее поддающихся точному измерению. И все же при удовлетворительном совпадении наших заключений о действительности и самой действительности мы можем надеяться сделать достаточно верные выводы, предположения и прогнозы.

Но в то же время классическое толкование закона полностью не

отбрасывается, а включается в более широкую теорию. Тогда при необходимых уточнениях, о которых сказано, оно представляется одним из типов законов, причем наиболее изученным. И это один из путей возможной интеграции взглядов без нарушения логики.

Во-вторых, яснее осознается, что хотя между мышлением и реальностью и есть определенная совместимость, но они отнюдь не гармоничны. Поэтому в некоторых случаях возникают очень существенные искажения. Но раз абстракции — это не копии, а лишь определенные символы, иероглифы, знаки и т. п., которыми мы обозначаем реальность и ее объекты, то тем важнее становится необходимость точно определять правила «написания», «прочтения», «перевода», «толкования» таких знаков⁷².

Отсюда видна исключительная роль **методологии**, которая систематизирует приемы использования и интерпретации познавательных средств. И ясно, что для анализа действительности не обойтись одним-двумя законами, нужны довольно сложные и строгие методики. Попутно отметим, что хотя бессмысленно пытаться менять традиции употребления тех или иных выражений, но, используя переносный смысл, метафоры и одушевления (типа: «законы действуют, заставляют, пробиваются сквозь препятствия», «способ производства определяет формацию», «новые производственные отношения растут внутри старых» и т. п.), ученый должен держать в уме особенность подобного словоупотребления и всегда уметь перестроить фразу так, чтобы она была научно корректна. Тогда можно надеяться, что сущности у него не заживут самостоятельно.

В-третьих, очень важно то, что закон толкуется широко, что внутри этого понятия можно увидеть целый ряд во многом не сходных типов. Мне кажется, что это лучший способ попытаться, не отбрасывая генерализирующих, обобщающих методов, подбирать и более адекватные приемы для решения конкретных проблем. Другими словами, это попытка совместить достоинства разных методов.

⁷² Примерно так, как важны эти правила для букв, иероглифов и других знаков, которыми обозначают звуки, слоги и слова языка. Ведь никто не сомневается, что язык — это реальность, а на письме мы используем особые знаки для того, чтобы более или менее точно зафиксировать сказанное. Так же, как никто не будет оспаривать, что любой язык можно выражать самыми разными алфавитами и другими системами: стенографией, шифрами и т. п. Среди них есть более или менее удобные, привычные, подходящие к строго конкретным задачам и т. п. Но нет единственной, которая прямо «отражает» язык. Это сравнение, думается, дает некоторую аналогию с познанием законов.

Мы правильно утверждали, что корректнее говорить лишь о научных законах. Но было бы совершенно бесполезной попыткой исключить из употребления понятия законов природы и общества. Поэтому разумнее подумать над тем, как определить закон и в этом аспекте. Просто следует помнить об особенностях употребления данного понятия.

Итак, законом природы и общества можно назвать условно выделенные нами часть, сторону, аспект и т. п. целостной реальности, у объектов и явлений которой в данных границах мы обнаруживаем определенные общие свойства, причинно-следственные связи и т. п.

Если мы осознаем, что закон именно **условно выделенная часть реальности**, то многое станет понятнее. Так, если сама реальность независима от сознания, то выделение некоего сектора, участка, «поля применения» ее всегда более или менее условно, а, следовательно, больше или меньше зависит от познающего субъекта, уровня знаний, интереса, научной задачи и т. п. Следовательно, и сам закон не может быть объективным, тем более, что мы видим возможность выделить (опять-таки условно) множество уровней и аспектов, охватываемых разными законами, но в которые включены те же самые объекты и явления⁷³. Условность деления неделимого ведет к неизбежным натяжкам, спорным и пограничным случаям. Причем неточности и неверности в определении «зоны действия» закона рано или поздно, но становятся очевидными. Собственно критика законов чаще всего и происходит с позиции неправомерности его «притязаний» на «чужую территорию», несоответствия между реальным и декларируемым «полем применения». Сказанное плюс то, что каждый исследователь может по-своему видеть границы и аспекты анализируемого материала, достаточно объясняет возможность альтернативных вариантов формулирования законов.

Как сказано, в одних случаях проще, в других — сложнее отграничить эту часть действительности. И чем условнее такое деление, тем важнее диалектика объективного-субъективного. Особенно при анализе общества, где, кроме указанного, есть еще субъект-

⁷³ «... Если предположить, что природная среда — это совокупность определенных объектов, характер которых может быть понят нами только частично, то из этого следует, что нам известны только некоторые законы, действующие в этой среде» (Уайтхед А. Н. Указ. соч. С. 510).

объективность общественных бытия и сознания.

На правильность выбора сферы и границ закона влияют, кроме свойств самой реальности, множество далеких от нее факторов. Все это вызывает те или иные несоответствия между ней и нашими выводами. Тем не менее поиск наиболее удачного «дробления», а затем «складывания» этих «кусочков» действительности в «мозаику» наших представлений и есть процесс уточнения, коррекции и открытия законов.

Поскольку в «океане» разнородности видимый порядок царит отнюдь не всегда, постольку часто нам приходится в известной мере как бы вносить его при описании этой действительности, ибо научный метод требует логики, системности и т. п. Как говорил Манхейм, «ясность всегда существует в стихии неясного»⁷⁴. А Арон подчеркивал, что социолог должен подавать «социальный или исторический материал более осмысленным, чем он был в опыте реальной жизни»⁷⁵. В таком случае наши формулировки и тем более относительны. Но если этого не учитывать, то «навязывание» законов примет форму, искажающую реальность.

Следовательно, в одних случаях наши формулировки ближе к классическому понятию закона, в других — дальше. Подвижность дефиниций и жесткие границы сферы действия закона — это свидетельство слабости познания, ограниченности наших возможностей (хотя они постоянно возрастают).

В этом плане можно сказать, что мы действительно идем к тому, чтобы законы предстали **объективными**. Но это так же **непостижимо, как и абсолютное знание**. Тем не менее в некоторых направлениях науки нам удалось продвинуться дальше к этому идеалу, в других — нет. И чем объективнее предстают законы, тем дальше мы от возможности открыть **главный**, все объясняющий закон (законы), и тем ближе к очень сложной и тесно переплетенной системе законов, правил и процедур.

Формулировки законов прямо зависят от того, какой уровень обобщения мы выбираем. Отсюда следует очень важное правило: **нельзя полагать, что общий закон будет одинаково проявляться во всех случаях, описываемых этим законом**. Для всемирно-исторических законов, которые нас прежде всего интересуют, это

⁷⁴ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 5.

⁷⁵ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 511.

значит, что они в конкретных реально-исторических проявлениях в каждой общественной системе могут быть выражены лишь частично, тем или иным аспектом, «бокком», либо даже вовсе не проявляться зримо. Общее будет представлять в своей индивидуальности.

И теперь самое время поговорить о соотношении закономерности и случайности, закона и предопределенности.

Никакой закон в каждом отдельном случае не проявляется в чистом виде, поскольку закон — это синтез общего, а каждый случай — это неповторимая комбинация общего и особого. Кроме того, одновременно действует не один изолированный закон, а целый их ряд. При этом они могут уравнивать или ослаблять друг друга. Мы также выделяем и явления, которые не вписываются в данный закон или те, что вообще не можем определить через закон; которые невозможно предугадать или они имеют ничтожный шанс на реализацию и поэтому ими можно пренебречь и т. п. Все это называют **случайностью**. Очевидно, что это столь же многозначное слово, как и закон.

Случайность (подобно закону) — также наше представление о том, как происходят события. Одно событие или цепь их всегда едины, мышление же разъединяет их на то, что типично и общо (для данного случая), и то, что особо. При этом — что важно — для наблюдателя событие выглядит не так, как смоделировано в общем виде в законе. Например, мы видим, что все тела притягиваются к Земле. Однако закон всемирного тяготения утверждает, что она и тела взаимно притягиваются друг к другу. Два тела нормальной массы совсем не притягиваются друг к другу, но закон говорит нам, что они притягиваются. Следовательно, отделить общее от индивидуального можно только в процессе познания, **всегда рискуя принять закономерное за случайное, и наоборот.** Особенно это касается ситуации, когда у нас лишь ограниченное для наблюдения число случаев и нет возможности проводить эксперименты. То есть особенно в истории.

Существует представление, порой ясно неосознанное, что слова «закономерно» и «неизбежно» суть синонимы. К тому же в приложении к всеобщим детерминистским законам неизбежность становится близка по смыслу к предопределенности, фатальности. Рассуждая диалектически, можно утверждать, что и в самом

невероятном событии есть какая-то доля фатальности. И наоборот: казалось бы, уже неизбежное не случается (верная победа ускользает из рук, правитель при смерти выздоравливает и т. п.).

События вообще не предопределены абсолютно, тем более в истории⁷⁶. Такие философы, как Арон и Поппер, много раз доказывали это. Однако все предшествующее развитие создает возможности (большие или меньшие) для совершения того или иного события. Арон такую подготовленность называл пробабилистской (т.е. вероятностной). Часто говорят и о законах-тенденциях, подчеркивая их менее строгий характер⁷⁷.

Таким образом, следует строго различать: **неизбежно — значит, предопределено, фатально.** Это провиденциалистский взгляд на историю. **Закономерно — значит, обусловлено вполне конкретными причинами, имеющими для этого необходимые условия.** Если стоять на базе более широкого толкования законов, то, рискуя шокировать читателя, я должен сказать, что, с определенной точки зрения, **любое совершившееся событие можно считать закономерным.** Ибо раз оно случилось — значит, какие-то необходимые условия для этого сложились. В § 4 мы еще будем подробно говорить о том, что любое анализируемое событие можно поместить в несколько парных (антагонистических) рядов. Примером такого парного ряда и будет **неизбежность — случайность.** Поэтому любое событие можно увидеть и как неизбежное (ведь оно, а не другое случилось!) и как случайное. Иной раз оно ближе к предопределенности, поскольку нет никаких других сил, способных его изменить. Иной раз совершившееся кажется чистой случайностью.

Зададимся вопросами: закономерно ли появление жизни на Земле? Появление человека? Образование державы Александра

⁷⁶ «Абсолютной неизбежности именно данного хода событий, исключающей какие бы то ни было иные возможности развития, не существует» (Гуревич А. Я. Об исторической закономерности. С. 72).

«Историк, который представляет исторический процесс как нечто неотвратимое и исходит из убеждения, что совершившееся было единственно возможным результатом всего предшествующего, неправоммерно исключает иные, нереализованные возможности, не изучает различных и, может быть, даже взаимно противоположных тенденций развития, всегда имеющихся в обществе» (Там же. С. 75).

⁷⁷ Хотя в принципе любой закон — только тенденция, имеющая ту или иную вероятность реализоваться. Но возможность такой реализации лежит в промежутке от 0 до 100 %. Поэтому для некоторых типов законов указанная категория может быть приемлемой и нужной.

Македонского? И т. п. Если под закономерным понимать неизбежное, то нет. Для каждого из этих и многих других событий нужно было совпадение множества вещей. Но если закономерно — значит, **обусловлено совершенно определенными причинами, при нужном совпадении которых оно становилось неизбежным, тогда да, закономерно.** Иными словами, совпадение нужных причин и в нужном месте, времени и т. п. — не неизбежно и нередко даже случайно. Следовательно, закономерность не синоним неизбежности, однако ту или иную долю ее (причем колебания огромны) всегда включает. При этом соотношение неизбежности и случайности очень различается в зависимости от близости события ко времени совершения. **При совпадении необходимых условий ситуация с определенного момента, когда основные условия уже сложились, больше и больше приближается к неизбежности, все еще не достигая ее.** Всегда что-то может помешать, но с каждым новым включением нужных вещей, **вероятность помех уменьшается.** Когда Солженицын говорит, что с момента приезда Ленина в Россию Октябрь становится неизбежным, фатальным, он скорее всего прав. Уже нет сил, чтобы остановить большевиков, хотя какие-то случайности (арест, смерть Ленина и т. п.) могли бы изменить ситуацию. Но еще тремя месяцами раньше большевистский переворот казался немыслимым! **Итак, с какого-то момента событие, для которого требовались уникальные условия, становится все ближе к неизбежности.** Когда и как случается такая метаморфоза — может ответить только скрупулезный анализ каждой ситуации. В момент же своего совершения событие становится окончательно неизбежным в том смысле, что уже перешло из возможности в действительность и потому необратимо. Но это не значит, что оно и изначально было неизбежным, фатальным.

Теперь задержимся на очень важном для анализа общественных явлений моменте. Следует выделить большую группу событий, которые представляют собой переход к новому качеству (например, промышленный переворот в Англии). Затем эти новые проявления повторяются, но уже в иных условиях: заимствования, навязывания и т. п. На таких событиях очень хорошо видно сочетание особенности и повторяемости, т. е. двух противоположных взглядов на способ анализа истории. С одной стороны, они являются уникальными, потому что **любое новое качество или вообще любая существенная особенность появляется именно как результат складывания необычных условий.**

Но, с другой, они стали предметом подражания, заимствования, навязывания, т. е. в каких-то моментах повторились. В них одновременно есть и повторяемость (черта классического типа закона), и уникальность. Что важнее, зависит, конечно, и от самого события и от того аспекта, в котором их рассматривают.

Таким образом, мы видим сложную диалектику перехода единичного и уникального, если оно доказало свое превосходство, силу и прочее, в повторяющемся. И наоборот: начавшись как рядовое и типичное, событие может перерасти в исключительное. И отсюда понятны упрощения, когда история трактуется либо как цепь неповторимого, либо как разворачивание детерминистского закона.

События в истории — если **их толковать как единичные — являются как бы одноразовыми опытами**. При этом ставят «опыты» не ученые, а лидеры, массы, слои, организации и т. п., большей частью и не думавшие ни о каких законах, поэтому повторение ошибок может быть частым. Только по прошествии времени, сравнивая целый ряд в чем-то сходных явлений, мы способны понять, что и при каких условиях может случиться. Это и есть насущнейшая потребность ученых: уметь понимать, какие явления и процессы происходят при определенных условиях и в определенных случаях. Но в лаборатории физик или химик может провести сотни неудачных опытов, пока не обнаружит, что и где мешало, не зафиксирует точные правила своего проведения. После этого уже и другие могут повторить данный опыт. Частично это происходит, как ясно из вышеизложенного, и в социальной жизни.

Предыдущие рассуждения хорошо проясняют и правомерность высказывания о том, что закономерности прокладывают себе путь через множество случайностей. Если за этим увидеть образ могучего корабля, несмотря на штормы, идущего по заранее исчисленному курсу, это будет неверно. Тогда закон представляется как Неизбежная Судьба, Карма, от которой не уйти. Однако как синтез неизбежного и случайного такая метафора иногда приемлема.

Она может означать: закон реализуется неполно, неточно, частично и т. п., либо не везде, а лишь в отдельных случаях. Это и доказывает, что **законы реализуются не вопреки всему, а благодаря особым условиям, которые и необходимы для него** (те, кто заимствуют, уже представляют часть этих условий и пытаются их создать). С одной стороны, может наблюдаться ряд бесплодных

попыток (или во многом бесплодных) создать нечто, с другой — в конце концов, где-то это происходит. Но именно там, где сложились условия, потому это сразу и закономерно, и дело случая.

§ 3. Дополнительные пояснения и выводы

Итак, приходится констатировать, что для адекватного использования научных законов нужно применять **принцип относительности (релятивизма)**. Ибо, как мы убедились, формулировки законов (а следовательно, и выводы из них, и правила их применения) тесно связаны с особенностями поставленной задачи (условностью выбора уровня, аспекта, объема и пр.), с общим развитием общества и науки, с личными качествами ученого и т. п.

Однако этого релятивизма бояться не следует⁷⁸. Он не только не ведет в принципе к агностицизму и эклектике, но, напротив, дает более ясный взгляд на проблемы: мы каждый раз находим решения конкретных задач, подобно тому как чертеж можно выполнять в разных проекциях. Но, бесспорно, такой поворот влечет за собой весьма существенные методологические и практические изменения для теории исторического процесса (о чем еще будет сказано).

Указанная выше точка зрения — это, если хотите, в известной мере также и **операционализм**⁷⁹, направленный на выработку системы

⁷⁸ «Есть слово, которого очень боятся наши обществоведы. Это — «релятивизм». Между тем культура — антропология давно убедила тех, кого вообще можно в чем-то убедить, что только преодоление «абсолютизирующей» универсальной схемы... отвечает современной непредубежденной точке зрения науки» (Гуревич А. Я. Теория формаций... С. 42).

Действительно, если релятивизм стал господствующим в физике, то почему его следует бояться в науках, связанных с историей, по своему смыслу изменчивой?

В связи со сказанным приведу интересную цитату. В ней немало верного, но оно искажается именно боязнью термина.

«Метафизической альтернативой догматизма выступает релятивизм, который преувеличивает допустимую для теории истины долю релятивизма. В данной связи целесообразно обращать внимание не на релятивизацию истины вообще, а на преувеличение доли, степени, меры релятивизма в истине. Для извращения истины не обязательно вгонять ее в тупик субъективизма или агностицизма, вполне достаточно нагрузить ее определенной долей релятивизма, чтобы провести неистинные взгляды.

Несмотря на тенденцию нарастания релятивности человеческих понятий, они никогда не станут абсолютно релятивными» (Бульчев И. И., Каримов В. А. Указ. соч. С. 46).

Да, определить «допустимую для теории истины долю релятивизма» и есть вопрос вопросов, и есть задача, каждый раз встающая перед исследователем любой проблемы. Но чтобы определить эту допустимую долю, сначала надо сойти с позиций объективизма и признать принцип относительности, причем не формально, а как важнейшую методологическую аксиому.

⁷⁹ Термин «операционное мышление» часто употребляется при характеристике черт,

правил решения проблем, позволяющий переходить от одного аспекта к другому и в результате обозревать весь комплекс задач.

Такой релятивистско-операционалистский взгляд на законы вместе с отказом видеть их объективными, по сути, снимает остроту спора о наличии-отсутствии законов в истории. Действительно, законов, которые бы одинаково и неизбежно проявлялись и в большом, и в малом, в масштабах и всемирной истории, и исторического эпизода нет и не может быть. Но законы, которые позволяют нам находить общие черты в разных обществах, видеть этапы развития человечества, движущие силы перехода к новому и т. п., есть. Однако они фактически представляют целую систему логически соподчиненных формулировок, правил и процедур, с помощью которых можно пытаться применить общие выводы к частным случаям. Кое-что об этих правилах я скажу в этом параграфе и буду к ним возвращаться на протяжении всей книги.

Но все же, чтобы у читателя не сложилось представление, что релятивизм, на котором я специально акцентирую внимание, ведет к полной анархии, что он, по сути, несовместим с признанием законов, «отрицает» их, придется сделать дополнительные пояснения гносеологического и логико-методологического характера, чтобы моя позиция стала абсолютно ясной.

Нет сомнений, что можно привести множество примеров автоматизма законов, свидетельствующих, на первый взгляд, о верности представления о том, что они есть «отношение между сущностями», а мы можем почти на сто процентов предсказать результаты. Так, зерно прорастает, вода испаряется, политические партии при демократии борются за влияние на избирателей и т. п.

Но такая «ясность», как уже сказано, характерна для неразвитой науки, которая представляет законы как нечто такое, что скрыто под грудой явлений и до чего необходимо докопаться⁸⁰. Затем эти представления заменяются (хотя сам процесс замены весьма

присущих рациональному, научному мышлению... сфера операционного есть сфера правил, благодаря которым мышление контролирует и предвосхищает свои собственные реализации» (Мулуд Н. Современный структурализм. М., 1973. С. 191).

⁸⁰ Г. Башляр отмечал, что наука прошлого была устремлена на овладение (в смысле познания) реальностью, трактуемой как внешний объект, как «вещь», скрытая от человеческого взора броней «явлений». К ней, этой глубокой реальности, нужно было прорваться (в той мере, в какой это вообще возможно), раскопать ее под грудой явлений (см.: Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 17—18).

болезненный) более сложными теориями познания⁸¹.

Чтобы лучше представить, почему эти перемены неизбежны и в каком направлении они могут идти, рассмотрим такой пример. Вот перед нами некий закон исторического развития, который связывает поступательный ход истории с изменением форм собственности на средства производства (поскольку она определяет также и тип эксплуатации, и многое другое). Сначала идет рабовладение, затем в средние века его сменяют феодализм и крепостничество, а в новое время капитализм и наемный труд (но капитализм в нашем случае мы рассматривать не будем). При определенном объеме фактов такая схема кажется убедительной и логичной (а при широком распространении — естественной). Но вот число фактов растет, дополнительные исследования показывают, что в древности в большинстве обществ рабство было слабо распространено, а положение рабов отличалось от положения рабов античности; а в средневековье во многих государствах частной собственности на землю почти не было, как не было и крепостничества.

И тогда возникает научная проблема. Если для нас немыслимо, невозможно отказаться от привычного взгляда, если мы твердо стоим на том, что закон — это сама реальность, то мы неизбежно начинаем объяснять несоответствия теории и исторических данных исключениями, случайностями, так интерпретируем факты, чтобы пригладить их. Говоря словами А. Я. Гуревича, мы пытаемся «подменить конкретную закономерность общественного развития общим социологическим законом и растворить в нем без остатка и причинность, и иные формы взаимосвязи исторических явлений»⁸². Так нарастает кризис научных парадигм, который подробно описан, в частности Т. Куном⁸³. Но если мы идем по другому пути, по пути

⁸¹ Попутно замечу, что крупные историки (М. Вебер, Р. Коллингвуд и др.) часто были вынуждены обращаться к проблемам гносеологии просто потому, что их к ним подводила логика исследования. Без ответа на эти базовые вопросы нельзя было решить и те, что волновали их в первую очередь.

⁸² Гуревич А. Я. Об исторической закономерности. С. 64—65.

⁸³ Как отмечает Л. И. Новикова, когда теоретическая система прочно утверждается, «возникает иллюзия конечности знания и вечности, неизбежности ценностей. А между тем развитие социальной действительности, расширение предметной сферы науки выходят за границы наличных познавательных и идеологических систем. Попытки описания новой области старыми средствами ведут к разбуханию системы, размыванию ее принципов. Она становится уязвимой для критики и неспособной к саморазвитию, что порождает, в частности, консервативные, эпигонские, охранительные тенденции к сохранению системы во что бы то ни стало, вопреки

поиска выводов, более отвечающих фактам, например, как в данном случае, пытаясь расширить закон, то должны одновременно корректировать и свое представление о том, что же такое закон.

Предположим, что мы пришли к такой формулировке: рабство, крепостничество, налоговая эксплуатация и пр. — суть разные варианты внеэкономического принуждения (отчуждения), представленные в разных обществах рядом укладов, среди которых нередко можно выделить ведущий. И следовательно, из описанной трехчленной периодизации: рабовладение — феодализм — капитализм, переходим к двучленной: период внеэкономического принуждения (отчуждения) и капитализм⁸⁴. Далее ограничим рассуждения только рабством. Во-первых, мы выделяем его лишь как уклад в ряде других. Во-вторых, развивая мысль, придем к выводу, что и само рабство многообразно и меняется от общества к обществу, от эпохи к эпохе. В-третьих, нас не удивит мысль о том, что даже там, где ранее предполагалось преобладание рабовладения, такого доминирования может и не быть. Этот момент не рушит наш закон⁸⁵. Ведь в отличие от старого он не предписывает точной картины, а именно предполагает вариации, которые уточняются на ином уровне исследования. Для более широкого закона не так важно, действительно ли в Афинах рабский труд был преобладающим или он уступал труду мелких производителей и как колебалось соотношение в разные эпохи. Для нас будет несущественно, как называть илотов Спарты: рабами, крепостными или как-то еще. Но для более конкретных задач: исследования рабства или истории Греции — это важные, во многом принципиальные моменты.

Таким образом, мы и приходим к релятивистской идее о том, что верность и значимость (а равно приложимость) какого-либо научного решения (закона) в огромной степени зависят от поставленной задачи, объема охваченного материала, уровня обобщения и пр. и пр.

фактам» (Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981. С. 241—242).

⁸⁴ Естественно, что в этих примерах я не стремлюсь к необходимой точности формулировок и нюансов, поскольку о них еще много будет сказано в своем месте.

⁸⁵ А это именно закон, сформулированный как периодизация, т. е. определенная последовательность этапов всемирно-исторического процесса (то, что в истмате называется законом прогрессивно-поступательного развития истории) и их соотношение с развитием отдельных обществ.

Далее, убедившись в плодотворности своего решения, мы начинаем замечать, что «естественные пределы» нашего закона также ограничены и возникают трудности с подведением под него конкретных случаев. Например, сложно определить, где внеэкономическое, а где экономическое принуждение (отчуждение), каково соотношение между ними в том или ином обществе.

Следовательно, можно было бы сделать логический вывод: а) закон вообще как понятие не настолько жесток и неизменен, как думалось ранее; б) весьма вероятно, что под воздействием новых фактов и иной их интерпретации придется менять или уточнять формулировки; в) существующие выводы других ученых, на наш взгляд, хотя и менее приемлемые, но не полностью неверны, а в чем-то и более удачные.

Задавшись же целью обосновать такие методологические выводы с философской точки зрения, можно прийти к осознанию того, что понятие закона вообще должно быть откорректировано, поскольку при изменении его определения логично признать, что меняется не действительность, а только наши о ней представления, оказавшиеся не абсолютным знанием, а своего рода рабочей гипотезой. Таким образом, по Башляру, развитие науки идет между априори известных законов и апостериори новых фактов⁸⁶.

Но глядя на проблему с иной точки зрения, мы обнаружим, что порой меняется и сама действительность: и природная, и тем более общественная. А ведь идея закона связана с постоянным воспроизводством одних и тех же процессов. Но любой акт в чем-то не похож на предыдущий, особенно если происходит развитие.

Однако в одних случаях изменениями можно пренебречь и считать законы для данного случая вечными и неизменными, а в других — не брать этого во внимание никак невозможно, поскольку изменчивость, модификация процессов и законов будет их важнейшей характеристикой (особенно это касается истории)⁸⁷. Но так или иначе,

⁸⁶ Башляр Г. Указ. соч. С. 162.

⁸⁷ Но, разумеется, скорость общественного развития изменилась колоссально. Если в первобытности мы с легкостью оперируем многими тысячелетиями, то сегодня и десятилетие — эпоха! А следовательно, меняется и характер того, что мы называем общественными законами. «...Закономерность исторического процесса «оформляется» в ходе самого процесса, она как бы вырастает вместе с ростом и усложнением самого исторического процесса» (Сирип А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979. С. 177. Цит. по: Барулин В. С. Исторический материализм. Основные тенденции развития. М., 1986. С. 6).

без принципа релятивизма мы не обходимся⁸⁸. И признание или непризнание этого принципа — своего рода лакмусовая бумага, по которой можно определить, каких взглядов на научные законы придерживается ученый. Считает ли он их своего рода познавательными инструментами, удобными в одном и неудобными в другом случае, или он тяготеет к тому, чтобы видеть их абсолютными, всегда и везде верными, непререкаемым авторитетом.

Классическое толкование закона так же устарело, как и та научная база, на которой оно возникло. С появлением неевклидовой геометрии, неньютоновской физики, негегелевской философии и философии истории, неконтовско-марксовской социологии, непозитивистской истории и т. п. должно меняться и понятие закона. Отсюда мы должны осознавать, что **реальность нельзя охватить одним или несколькими главными законами**. Если корректно, то ее можно сравнить с плоскостью, а закон — с прямой. Прямая хоть и пересекает плоскость, но на ней таких линий можно провести бесчисленное количество и в любых направлениях.

Любой закон какие-то случаи объясняет полностью, они служат как бы хрестоматийными его примерами, какие-то — частично, третьи почти не подпадают под его действие, а иные вообще ему противоречат и т. д.

Если трактовать закон только как неизменный, естественный, то приходится придумывать множество дополнительных пояснений, так называемых законов для конкретного случая. Но если мы знаем «природу» обобщения, особенности «поведения» фактов, объединенных в закон, неизбежность пограничных или вообще необъяснимых случаев⁸⁹ и т. п., то нам гораздо легче все эти

⁸⁸ Он предопределен уже сменой интересов. Вчера, например, мы рассматривали Октябрьскую революцию как закономерное и в главных чертах повторяющееся явление. И в известной мере в смысле образования социалистических государств она и была такой (иное дело идеологическая и историческая оценка социализма). Сегодня мы рассматриваем ее как трагическое и во многом случайное событие, хотя и сделавшее эпоху в мировой истории. Вчера в западной науке марксизм рассматривался как некий вылом, «урод» мировой мысли, сегодня Маркс ставится в ряд великих ученых. Вчера мы рассматривали революцию в информатике как явление, присущее только нынешней эпохе, сегодня всю историю начинаем трактовать как движение к усложнению средств и систем информации. И в этом нет ничего странного. Если научные законы есть формулировки нашего ума, то совершенно естественно, что в одни эпохи нас больше занимают одни аспекты, в другие — другие, сегодня открываются такие углы зрения, о которых вчера не думали и не подозревали. Люди познают реальность не тотально, а выборочно.

⁸⁹ «Итак, жизнь есть конкретное, неразложимое единство логического и алогического (т. е. закона и случайности. — Л. Г.), только из этого положения становится понятным факт знания —

расхождения понять. Вопрос, следовательно, не в том, чтобы все случаи, описанные законом, происходили аналогично и были яркими, очевидными. Напротив, то, что закон условно делит целое на части, позволяет изначально предполагать, что какие-то его проявления будут очень наглядными, а какие-то малозаметными или вовсе незаметными. (К этому мы еще вернемся чуть позже.) Важно, чтобы избранный нами закон имел возможно меньше противоречий, исключений и натяжек. А сформулировать его, или говоря более привычно, открыть легче, если яснее понимаешь методологические и логические основы совершения такой мыслительной операции. Например, исходя из принципа относительности, для ряда обобщений можно признать теоретически равноправными все случаи, подпадающие под какойто закон, хотя бы данное качество в одних было очень ярким, в других — малозаметным. Важно, что оно есть в той или иной пропорции везде. Так, анализируя вышеприведенный пример, выделяющий стадию внеэкономического принуждения (отчуждения), мы понимаем, что рабство — более наглядный пример такого отчуждения, чем, допустим, умеренная налоговая эксплуатация. Но в данной ситуации для анализа это не столь важно. Зато при иной задаче появляется желание выделить именно главные и неглавные, «чистые» «смешанные» и т. п. случаи. И тогда факт яркости проявления будет определяющим⁹⁰. Но когда мы нарушаем методологию, например, объявляя феодализм универсальной стадией развития всех обществ, а его теоретическую модель «списываем» с обществ-«эталонов» (Илюшечкин), скажем, с Франции, то это ведет теорию в тупик, к жесткому конфликту с практикой. Суммируя сказанное, можно было бы описать условную структуру того объема фактов, который охватывает закон, как она видится автору. Есть центральная часть его (ядро). Здесь закон в основном корректен.

Характерно, что и примеры обычно приводятся из этого множества⁹¹. Далее идет периферия, где действие закона не всегда ясно видно или он «ведет» себя амбивалентно. А на границах и

и философии, и науки, и даже в нашем самосознании мы находим этот же самый живой синтез логического и алогического» (Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Т. I. С. 68).

⁹⁰ В следующей части, где пойдет речь о моделировании исторического процесса, я попытаюсь показать, как и когда можно использовать оба таких способа.

⁹¹ Философ требует от науки «лишь примеров для подтверждения гармонизирующей деятельности духа и даже верит, что и без науки, до всякой науки он способен анализировать эту деятельность. Поэтому научные примеры обычно приводят и никогда не развивают» (Башляр Г. Новый рационализм. С. 161).

спорных «территориях» дело обстоит и того сложнее. Наступает ситуация, когда периферия становится во много раз больше ядра. И — если возможно такое сравнение — когда сила притяжения центра ослабевает, она отрывается от ядра. В результате использовать закон становится все труднее. Таким образом, мы видим, что для каждого закона есть своего рода естественные пределы действия, которые вырисовываются по мере развития науки. Это и есть объективная основа для смены парадигм.

Вникая в методологию выведения законов, мы заметим, что в естественных науках их формулировки (а для обществознания такие законы — недостижимый образец точности) часто строятся как определенные соотношения между понятиями (массой, энергией, расстоянием и т. п.). Используются прямые и обратные пропорции, коэффициенты, таблицы и т. п. Это означает, что закон в зависимости от подставляемых величин проявится по-разному и в количественном отношении, и в наглядности, видимости, результатах и т. д. В этом смысле можно сказать, что широкий закон представляет как бы громадную систему законов меньших уровней и конкретных эмпирических законов, объединенных общим принципом.

Но взгляды в общезаконности (философии истории, политэкономии и пр.) видишь: то, что претендует быть общим законом, есть просто его название. Например, «Общественное бытие определяет общественное сознание»; «Базис определяет надстройку»; «Закон обратного воздействия надстройки на базис» и т. п. Обычно закон строится по принципу: если... то; чем больше, тем больше (меньше); когда процесс достигает такого-то порога, происходит то. И т. п. Здесь же он дан в абсолютном и постоянном выражении. Отсюда невозможность приложить его к конкретному случаю и бесплодность споров. Нет ни пропорций, ни узловых точек, нет ни методологии, ни алгоритмов его применения. Как определяет и воздействует? Когда и где? С какой силой? В какой пропорции? Каковы исключения? И т. п. Ничего этого нет. В лучшем случае для некоторых законов описаны фазы цикла (как для закона соответствия производственных отношений производительным силам). Когда такие абсолютные законы начинают прилагать к исторической реальности, часто забывают, что закон действует не вопреки всему, а лишь при определенных условиях. Поэтому каждый раз все точнее определяя эти условия, мы глубже постигаем реальность. Только самый тщательный анализ какого-либо общего закона на предмет, когда и в

каких ситуациях он реализуется наглядно, а в каких менее наглядно, а то и с обратным знаком, в каких только существует в потенции и т. п., позволит нам сделать дефиниции предельно точными, либо объявить формулировку закона неверной.

Эта же процедура позволит нам лучше понять, как взаимодействуют разные законы между собой, когда они суммируются, взаимно погашаются, частично суммируются, частично погашаются⁹² и т. п. Как, например, в физике законы давления и упругости, движения и трения и т. п. Только так можно достичь большего соответствия наших выводов и реальности, и не нужно пытаться под раз сформулированный закон подводить все случаи, доказывая, что в той или иной ситуации он налицо, когда это не так или не совсем так⁹³.

Увидим справедливость сказанного на примере. Сформулируем указанный выше закон о бытии и сознании так: **общественное бытие определяет общественное сознание с тем большей силой, чем яснее осознается в обществе эта зависимость**. Это закон в прямой пропорциональности. Но можно сделать и в обратной: **чем жестче и неподвижнее общественное сознание, тем слабее влияние общественного бытия на него**. Я думаю, что с последней формулировкой могли бы согласиться и многие ярые противники идеи о том, что бытие определяет сознание. Можно из общей формулы выстроить и другие⁹⁴. Не будем сейчас обсуждать корректность таких утверждений (в свое время мы вернемся к этим проблемам). Но совершенно ясно, что, например, в первобытном обществе или при господстве нетерпимых к инакомыслию религий связь эта будет

⁹² «Какая-нибудь причина может быть ослаблена другой, ее действие может быть даже совершенно уничтожено; но ошибочно было бы заключать отсюда, будто эта причина вовсе не существует» (Каутский К. Экономическое учение Карла Маркса. М., 1938. С. 22).

⁹³ Например, несмотря на то что во многих древневосточных обществах рабство не имело определяющего значения, тем не менее эти общества — **рабовладельческие**. Но если бы мы сказали, что в обществах, где существует внеэкономическое отчуждение (в тех или иных пропорциях), существовало и рабство (предварительно дав ему определение), наше утверждение было бы много точнее. И было бы еще лучше, если бы мы могли выявить, при каких обстоятельствах рабство становится определяющим, при каких — нет и где — как крайний случай — его не было вовсе.

⁹⁴ Например, чем отчетливее ощущается в обществе зависимость общественного сознания от общественного бытия, тем точнее первое объясняет второе и тем быстрее реагирует сознание на проблемы. Отсюда можно сформулировать и правило воздействия сознания на бытие. Однако, чтобы достичь конкретности, нужно спуститься еще на несколько ступенек. Вот весь этот комплекс выводов и объединен принципом: «Бытие определяет сознание». Из данного рассуждения видно, как оторвались философские обобщения от конкретики и как им не хватает методик для их развертывания.

совсем иная, чем в обществах с развитой наукой и гибкой идеологией.

Ясно также, что зависимость, указанная в законе, ярко проявляется лишь в отдельных случаях (как в законах тяготения с участием тел с большой массой). Этот рубеж можно было бы даже назвать **критической точкой (порогом)** наглядности. В других случаях закон проявляется скрыто или даже с обратным знаком. Для общественных законов вообще момент **проявляемости, зримости законов**, на мой взгляд, исключительно важен. Ведь, во-первых, число случаев для сравнения ограничено и понять, что закономерно, а что случайно, трудно⁹⁵, во-вторых, часто важен сам момент особенности; в-третьих, из-за слабой разработанности представлений о том, как взаимодействуют законы (то, что Энгельс называл параллелограммом сил), а также и по другим причинам.

Наглядность выражения какого-либо закона нередко вызывает желание найти истоки этого явления или точно определить причины такой зависимости. Но если данный момент абсолютизировать, то можно совершить ошибки⁹⁶. Следовательно, надо отдавать себе отчет в том, что же именно в этом случае для нас важнее — само проявление закона, его зримость или подчинение какому-то правилу, хотя бы и не везде выделенная нами «сущность» была очевидной.

Например, если нас интересуют причины мощного рывка Европы в XV—XVI вв., в отличие от Азии, мы, очевидно, сосредоточимся на поиске именно особенностей (отличий) западных стран: развитии частной собственности и техники, наследии античности, христианстве и т. д. Здесь целесообразно использовать истматовский закон неравномерности развития, а также тот, что я называю законом перехода к новому качеству. Но если мы анализируем всю индустриальную (капиталистическую) формацию в целом с XV по XX в., то мы должны рассматривать не только европейские страны, но и страны других континентов, подчеркивая прежде всего общее, а уже потом особенное, отличное.

Аналогично поступаем мы и в ситуации, когда надо сделать выбор

⁹⁵ «...О социальных явлениях скорее, чем о всех прочих, можно сказать, что благодаря их сложности, только сравнением многих примеров сделается возможным отличить основные соотношения от поверхностных» (Спенсер Г. Основания социологии: В 2 т. Т. 2. С. III // Спенсер Г. Соч. Т. 1—7. Киев—Харьков—СПб. Т. 4). Но добавлю — чем шире сравнение, тем больше уходит в «поверхностное».

⁹⁶ Наглядность иногда сбивает с толку, ведет по ложному следу. Так, всеобщность частной собственности при капитализме привела марксизм к «обнаружению» ее решающей роли там, где она была едва заметна.

между необходимостью показать весь процесс от начала до конца и его кульминационными моментами. Как мне представляется, начало формации целесообразно объединить с ее зрелостью. И тогда, например, формация, основанная на земледелии и скотоводстве, не будет разорвана между первобытным строем и классовыми формациями, как это сделано в истмате. Но если мы анализируем наиболее характерные формационные черты, есть смысл брать их именно в период зрелости, когда они полностью сформировались, но еще не перезрели.

Приведенные примеры еще раз доказывают следующее: при анализе конкретного случая любого уровня невозможно обойтись без общих законов, но эти законы нельзя использовать прямо, а только с помощью ясных, осмысленных правил, процедур и пояснений. Ведь глобальные законы, в том числе и касающиеся мирового исторического процесса, это уже «многоэтажные» абстракции, где мы несколько раз «выжимали» из сущности низшего порядка сущность высшего. Здесь уже обобщена сущность в N-й степени, а потому выделенное общее настолько растворено в отдельном, что увидеть его крайне сложно⁹⁷. И так же, как мы «сворачивали» в конкретность абстракцию, так же должны «разворачивать» абстракции в конкретность. Правила перехода от общего закона к конкретному случаю Карнап называл «правилами соответствия»⁹⁸. Над ними надо постоянно работать и — главное — не забывать о них⁹⁹. Но приведенные выше примеры также убеждают нас в том, что найденные аспекты, удачные для решения определенной задачи, нельзя абсолютизировать и бездумно, механически переносить на другие. Подобная, крайне распространенная практика привела к тому, что дискуссии о теоретических проблемах истории напоминают спор глухих. Оппоненты не слышат друг друга и не понимают, что спорят о разных сторонах одного и того же, что их точки зрения вполне совместимы.

Сделаем еще один весьма важный в практическом плане вывод.

Законы (тем более общественные) широкого плана объединяют в себе ряд вариантов, более или менее сходных

⁹⁷ А ведь мы не должны упускать из виду, что в истории видимость событий особо важна.

⁹⁸ Карнап. Указ. соч. Гл. 24.

⁹⁹ «Возможность открытия универсальных законов нельзя исключить, однако и в этом случае применение их к конкретной ситуации потребует целого ряда процедур интерпретации с учетом множества частных законов низших уровней общности» (Розов Н. С. Указ. соч. С. 84).

между собой. Сходство может существенно колебаться в зависимости от анализируемой реальности, достаточности фактов и точности анализа¹⁰⁰. Иными словами, когда речь идет о законе, касающемся многих в какой-то мере похожих объектов и значительных промежутков времени, скорее, удивительно, если везде закон будет проявляться одинаково. И, напротив, естественно, если он имеет варианты. Поэтому — возвращаясь к уже приведенному примеру — отметим, что, когда стараются подогнать восточные общества периода средних веков под западный европейский феодализм, совершают методологическую ошибку, ибо здесь заранее следует предполагать различия, а сходства искать на более высоком уровне. Отсюда можно сделать вывод: **закон проявляется тем различнее, чем он шире и абстрактнее. Таким образом, общий закон, например закон формационного перехода, по своему смыслу, по своей идее всеобщности будет проявляться во многих вариантах и в то же время отражать то общее, что существует во всех них. Вариантность — вторая сторона медали широкой абстрактности.** Все сказанное достаточно очевидно, если помнить, что закон (каким бы строгим он ни казался — даже физический) выражен в общей форме. Следовательно, не может применяться автоматически. Чтобы для каждого случая получить верный результат, надо знать множество вещей. Так, в законе всемирного тяготения нужны: массы тел, расстояние между ними. А для случая, когда опускается парашютист, — сопротивление воздуха, сила ветра, скорость самолета и пр. и пр. Еще больше факторов в истории, к тому же их сложнее «взвесить» по важности. Следовательно, **каждый конкретный случай проявления закона есть неповторимое сочетание закона данного, других и случайных по отношению к нему вещей.** Отсюда видно, что законы не могут проявляться жестко, а лишь как **вероятность**¹⁰¹, которая, условно говоря, есть сочетание: закон(ы) плюс случайность(ти). Иначе: **закон проявляется не всегда, и его конкретное «исполнение» может быть особым** (причем часто сложно понять очередность, возможность той или иной комбинации).

¹⁰⁰ Причем чем лучше и детальнее изучен закон, тем чаще можно заметить: а) больше разнообразия в его проявлениях; б) больше различных переходных случаев, так что, когда мы начинаем варианты классифицировать, видим плавность переходов от одного к другому; в) точнее выделяется общее.

¹⁰¹ «Не прибегая к понятию вероятности, мы, как ни старайся, не могли бы найти объяснения для каждого конкретного случая» (Уайтхед А. Н. Указ. соч. С. 512).

Поэтому и нельзя смотреть на законы как на нечто абсолютно непререкаемое. В то же время расхождение теории и реальных фактов — это своего рода «красная лампочка», сигнал тревоги, на который следует отреагировать и теоретику, и практику, но не подгонять факты под теорию и не пугаться полученных результатов, не отречься от них, если они обоснованы.

Посмотрим теперь, что следует из сказанного для теории исторического процесса. Во-первых, что уровней обобщения можно выделить много. В принципе их столько, сколько требуется для решения тех или иных задач. Иными словами, мы сами выбираем масштаб, необходимый для наших измерений. Но при анализе проблем исторического процесса совершенно необходимо четко выделять хотя бы два крайних уровня: отдельного общества и человечества, поскольку в мировой системе место и роль каждого общества весьма специфичны. Само собой, можно группировать общества в подсистемы, т. е. представлять средние уровни.

Как только мы переходим от декларации о необходимости соблюдать уровни к реализации этого принципа, так сразу обнаруживаем, что для крайних уровней используются (причем без строгого разделения смысла) одни и те же категории и законы. (Теснейшая связь категорий и законов самоочевидна, кое-что о ней мы скажем в следующем параграфе.) На мой взгляд, неправильно, нерационально и неудобно пользоваться одним и тем же понятием и для анализа конкретного общества, и для модели мирового развития. **Для главных уровней должны быть особые категории.** Эту проблему я пытаюсь решить в следующей части.

Такой подход неизбежно меняет и законы. Если, например, термины «производительные силы» и «производственные отношения» оставить только для уровня отдельного общества, а не всего человечества, то у общеизвестного закона их соответствия меняется и масштаб, и характер. Во-вторых, подытожим следствия из того, что то или иное общество (событие и т. п.) можно рассматривать либо как явление в ряду аналогичных, либо как особое. (Например, Октябрьская революция может быть представлена и как одна из многих социальных революций, и как совершенно уникальная.) Ясно, речь не идет о том, что здесь господствует полная софистика. Мысль в том, что истина не абстрактна, не дана на все случаи, а конкретна. Наша задача определяет наш угол зрения и, в свою очередь, определяется уровнем науки и ее потребностями. Следовательно,

между разными точками зрения часто нет китайской стены, нужно лишь научиться правильно переходить от одних к другим. Поэтому стоит вновь подчеркнуть: для решения разных задач необходимы **разные средства анализа, в том числе потребность в использовании тех или иных законов и категорий**, и, следовательно, «необходимо разрабатывать столько логик, сколько существует объектов любой природы»¹⁰².

Башляр отмечает, что «философия науки как бы тяготеет к двум крайностям, к двум полюсам познания: для философов она есть изучение достаточно общих принципов, для ученых же — изучение преимущественно частных результатов»¹⁰³. Но это не просто дуализм. «Напротив, эпистемологическая полярность, о которой мы говорим, на наш взгляд, свидетельствует скорее о том, что каждая из философских доктрин, называемых нами эмпиризмом и рационализмом, эффективны в своем дополнении друг к другу. Одна позиция завершает другую»¹⁰⁴. Но ведь кроме этих есть еще множество других аспектов. И чем больше правомерных аспектов и углов зрения удастся найти и так или иначе совместить, не теряя логики, тем больше объективности сумеем достигнуть. Из ряда способов описания действительности каждый может быть верным, но какие-то лучше, проще, точнее и т. п., чем другие¹⁰⁵. И при прочих равных условиях предпочтительнее тот, который найдет возможности совместить противоречия, разные подходы, одновременно точно определяя пределы применения каждого и ясно обосновывая причины принятия тех или иных концепций и их преимущества.

В-третьих, неправомерны такие (нередкие в последнее время) утверждения: «Именно на частные законы нужно делать главную ставку в социальных науках»¹⁰⁶. Такое противопоставление есть просто вариации на тему о наличии-отсутствии законов в истории. Само собой, что уровень и масштаб познавательных средств, в том числе и

¹⁰² Башляр Г. Указ. соч. С. 252.

¹⁰³ Там же. С. 161—162.

¹⁰⁴ Там же. С. 163.

¹⁰⁵ Французский физик Пуанкаре один из первых осознал это и обосновал для физики. Р. Карнап, рассуждая по поводу этих идей Пуанкаре, отмечает их огромную методологическую важность и называет разные способы получения правильного ответа «эквивалентными теориями». Причем подчеркивает, что идея об эквивалентности ведет к более глубокому пониманию структуры пространства в теории относительности (см.: Карнап Р. Указ. соч. С. 211). Тем более это важно для общественных наук, где, кроме прочего, еще присутствуют ценностные, моральные и прочие суждения.

¹⁰⁶ Розов Н. С. Указ. соч. С. 84.

законов, избирается в соответствии с материалом и задачей. И об этом уже шла речь неоднократно. Но в данном утверждении скрыта мысль о том, что есть законы полезные и плодотворные, а есть бесполезные. И бесполезными являются именно макрозакон¹⁰⁷. Поскольку прежде наиболее «полезными», напротив, считались именно всеобщие законы, постольку можно сказать, что вышеприведенное утверждение основывается на все том же устаревшем классическом представлении о законе. (Только вместо прежнего признания верховенства его теперь «революционно» свергают.) Уместно напомнить: чтобы пользоваться частными законами, их надо еще правильно вывести. А для этого недостаточно опираться на конкретные исследования, необходимо привлечь и широкие обобщения. Ведь частные законы в любом случае так или иначе связаны с общими, а нередко прямо вытекают из них. Если же полагать, что можно вообще обойтись без общих принципов, то это значит повторять ошибки и не учитывать опыт других наук. Карнап писал по этому поводу: «Вначале ученые могли гордиться открытием сотен законов. Но по мере увеличения числа таких законов, они стали беспокоиться по поводу такого состояния дел. Поэтому физики начали искать фундаментальные, объединяющие принципы»¹⁰⁸. Как только частных законов наберется некоторое количество, так потребуются их объединять в более крупные. Но это очень долгий путь. Поэтому, думается, для наших философии и теории истории, которые и есть системы общих законов и категорий, разумнее идти не снизу вверх, а, наоборот, спускаться с «верхних этажей» на нижние, т. е. от глобальных обобщений к частным утверждениям и законам. Это будет гораздо рациональнее, позволит ревизовать макротерию и приспособить ее для анализа общественных явлений. Следовательно, нужно не шарахаться от общих законов, а иметь правильные методики перехода от них к конкретным проблемам.

Из сказанного, между прочим, следует, что какими бы конкретными исследованиями ни занимался историк, это не дает ему морального права игнорировать теорию и вообще не думать о ней. Лучше использовать ее осознанно, чем неосознанно пользоваться какими-то теоретическими установками¹⁰⁹. В-четвертых, из сказанного

¹⁰⁷ Этот термин заимствован у А. Я. Гуревича.

¹⁰⁸ Карнап Р. Указ. соч. С. 324.

¹⁰⁹ Ибо «историк, стоящий на уровне современной науки — всегда теоретик» (Гулыга А. В.

следует, что господство устаревших взглядов на законы усиливает расхождение между философией истории и конкретной историей, между которыми не только нет сотрудничества, но, по сути, идет многолетняя «тяжба», порой переходящая в прямой антагонизм. Образно говоря, между ними лежит полупустая, а то и вовсе целинная «земля». И вот эта территория должна быть заполнена методологией как теоретического, так и прикладного плана, которая позволила бы достроить лестницу с двух концов, чтобы по ней можно было спускаться и подниматься — с этажа на этаж, с уровня на уровень, т. е. переходить от теории к конкретной истории, и наоборот¹¹⁰.

Уместно отметить, что методология способна также сыграть роль связки между онтологией и гносеологией в самой философии истории, если отказаться от отживших взглядов на закон, другие категории и пересмотреть теорию познания.

§ 4. Кое-что о типологии общественных законов

Разумеется, я не стремлюсь дать полную типологию законов¹¹¹. Важнее показать возможности этой логической процедуры¹¹² в отношении законов. Поэтому я остановлюсь в первую очередь на тех типах, которые, на мой взгляд, более интересны для анализа исторического процесса.

С одной стороны, типология углубляет и расширяет наше представление о законе вообще, с другой — для каждого его типа мы исследуем собственные, более близкие к конкретной реальности особенности. Определить тип закона — значит понять и характер закона. Что понимать под последним? Законы обычно нельзя обозначить только одним каким-то типом (как характер человека — одной чертой). Они есть комбинация нескольких типов плюс

История как наука // Философские проблемы исторической науки. С. 28).

«Так же и историк лишь тогда может сделать весомые и интересные для читателя выводы, когда он охватывает в едином рассуждении широкий комплекс взаимосвязанных событий» (Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера. С. 29).

¹¹⁰ «В промежутке, открывающемся вследствие мыслительной деятельности между реальным объектом и объектом построенным, располагается область, охватывающая возможные формы и формальные последствия» (Мулуд Н. Указ. соч. С. 191).

¹¹¹ Например, мы не будем касаться законов больших чисел, вероятностных, статистических и ряда других.

¹¹² Кратко говоря, это построение на основе реальных свойств идеального образца и «приписывание» к нему явлений, обладающих в той или иной мере такими чертами. Об этой процедуре у нас еще будет речь.

количественные, временные, пространственные особенности и практическая приложимость. Вот все это и есть характер (характеристика) закона.

Таким образом, различая типы законов, мы можем точнее ставить задачи и выбирать средства для их решения; видеть собственные выводы в более широком контексте, а также лучше представлять, что следует из них для более узких проблем; правильнее выделять общее и особенное в объекте.

Задержимся немного на том, как знания о типах законов помогают понимать и применять правила перехода от общего к частному, и наоборот. Итак, прежде всего мы ставим задачу. Какова она? Нужно ли показать особые причины или, напротив, найти нечто общее; классифицировать явления или исследовать только определенный их класс (тип); сделать периодизацию или ограничиться одной эпохой? И т. д. Соответственно задаче мы и отбираем необходимые «инструменты». И вот тут нам пригодятся знания о свойствах, возможностях этих средств, в том числе законов. Так, мы уже видели, что в одних, более простых для анализа случаях, легче делить событие на сущность и явление, поэтому тут возможно использовать классический тип закона. В иных ситуациях дело обстоит сложнее, а то и вовсе приходится «вкладывать» некий порядок в кажущийся хаос. Здесь требуются другие типы (законы единичного или то, что можно назвать методом логических группировок¹¹³). Есть законы революции и эволюции. И т. д.

При определенной теоретической подготовке еще до всестороннего исследования можно выдвинуть гипотезы, которые, даже если и окажутся неверными, послужат отправным пунктом рассуждений. Имея некоторые предположения, мы способны будем представить, и какие типы законов встретятся, и что именно в этом плане можно ждать. Разумеется, точность содержания выводов зависит от конкретного анализа, но такая методологическая подготовка во многом облегчает и даже предвещает их. Так, если речь идет о формации в целом, то обобщения не должны делаться, опираясь на результаты исследования только какого-то конкретного общества,

¹¹³ Метод, условно говоря, состоит в следующем: исходя из определенных постулатов, согласно требованиям логики, поскольку более естественных оснований найти не удалось, группируются явления и события

поскольку наша цель — найти нечто общее, присущее всем обществам. А это общее растворено в конкретности, причем в каждом случае по-разному. Следовательно, мы должны построить модель, элементы которой составят самые общие черты исторического общества. Ближе к реальности будут элементы модели варианта формации и тем более группы государств определенной эпохи. И совсем по-другому обстоит дело, если мы рассматриваем одно государство или общество в коротком отрезке времени, или отдельные его моменты и т. д.

В последних случаях общие проблемы персонифицируются и становятся настолько конкретными, единичными, изменчивыми, что поневоле возникают вопросы типа: был ли выбор в той или иной ситуации у того или иного деятеля? была ли казнь государственной необходимостью или прихотью правителя? какие тактические ошибки совершил полководец? какова роль (благотворная, роковая) конкретного фаворита? И т. п. Казалось бы, это очень далекие от ведущих тенденций вещи, однако чуть не в каждом эпизоде, каждой мелочи можно почувствовать давление основных законов. Историки не раз указывали на эту двойственность и даже вставали на провиденциалистские позиции, находя, что многие государственные деятели были лишь орудием в руках бога, судьбы, истории, ее слепых и темных сил.

Можно по-разному ставить подобные проблемы. Философски: например, о свободе и необходимости вообще и их проявлении в данном случае, о степени предопределенности событий, о судьбе нации, которая определяется ее характером, сложившимся задолго до исследуемого периода и т. п. В историко-социологическом плане: например, какова роль самодержавной монархии в возникновении кризиса и каково в этой связи соотношение монархии и демократии как форм правления. И т. п. Таким образом, нельзя понять конкретную проблему, исходя только из неё самой. Другими словами, нельзя понять эпоху, ее деятелей, общество вне сравнения с иными эпохами, обществами и т. д., вне попытки найти истоки кризиса изучаемого периода в прошлом. Конечно, существуют определенные способы и приемы перехода от частного к более высоким обобщениям. Но они далеко не достаточны. Поэтому следует быть внимательнее к правилам и процедурам соединения общей теории с конкретной историей и к более осознанному и строгому их применению¹¹⁴.

¹¹⁴ Надо сказать, что такая методология отсутствует (это одна из причин, почему я вынужден

Поскольку понятие «закон» тесно увязано с рядом других понятий, здесь придется исследовать несколько соотношений.

Начнем с соотношения **закона и категории**. Закон очень часто выражен в категориях. Последние в этом случае выступают его сторонами, между которыми устанавливается определенное соответствие. Но нередко категория — своего рода свернутый, подразумеваемый закон. Это утверждение (закон) о наличии во всех (группе) объектах определенного качества, которое и обозначается так же, как обозначена категория, например, общество имеет структуру производства (хозяйства), которая в известном смысле походит на подобные структуры других обществ (производительные силы). Таково и само понятие общества¹¹⁵.

А как соотносятся закон и событие (факт), закон и причина¹¹⁶? В событии преломляются и реализуются законы (и случайности), оно есть результат определенных причин и следствий. Причем сходные и повторяющиеся причины и события мы описываем как закон. Отсюда ясно, что резкой грани между событиями и причинами, с одной стороны, и законами, — с другой — нет. Разумеется, и в привычном понимании, и этимологически, и в иных планах закон должен быть шире события и конкретной причины¹¹⁷. Собственно ряд, множество причин и событий, ими порожденных, и составляют закон. Но как в математике и логике, в понятие множества включаются и множества с одним членом (или

заниматься данной проблемой). Но целиком и полностью она не может быть создана, а лишь в главных принципах и приемах, потому что методология так же неисчерпаема, как и сама историческая реальность и ее проблематика. Ученый все равно всю жизнь будет вырабатывать (трудным опытом) индивидуальные приемы и методы. Но определенные правила, примеры, запреты и т. п. должны стать общим местом для каждого.

¹¹⁵ Общество часто представляют как некую систему или модель (сложное сочетание сфер и частей). А такая модель есть своеобразный парафраз закона. Ведь на базе основной формулировки мы можем сделать и другие, характерные для закона, вроде такой условной: если некоторое число людей объединено таким-то способом и это объединение имеет такие-то признаки, коллектив можно рассматривать как общество (социальный организм). Общество иногда представляют как модель иного рода: базис — надстройка, бытие — сознание и пр. Здесь еще нагляднее связь определения и закона. Вообще же категории особенно высокой абстракции имеют собственную структуру и тем самым могут быть представлены как модели той или иной сложности.

¹¹⁶ Если начать поиск самых малых, мелких фактов и причин, то обнаружится бесконечное дробление и затем переход этих «атомов» друг в друга (нечто по типу напоминающее поведение элементарных частиц). Поэтому мы эти сюжеты разбирать не будем, они более интересны, когда речь идет о методологии конкретной истории.

¹¹⁷ Недаром же в историографии есть различие между поводом и причиной (причинами), например, войны, восстания.

даже с нулем членов, так называемые пустые множества)¹¹⁸, так же и среди законов могут быть законы одного события (причины) или даже нуля событий (о них речь дальше). Что касается истории, то такой подход здесь не только возможен, но и плодотворен, поскольку позволяет лучше понять соотношение единичного и типичного.

Хотя в большинстве случаев единичные события мы оцениваем именно как факты, эпизоды, типичные явления и т. п., для некоторых случаев — как мы уже видели — их возможно и даже целесообразно толковать как особые законы единичного, уникального. То же относится и к комплексу явлений, составляющих одно целое (общество, цивилизацию, культуру и пр.). В этом плане, признавая возможность различных аспектов и интерпретаций культуры, религий и т. п., мы поступаем объективно. Ведь именно всесторонний взгляд уменьшает негативные влияния субъективности. Таким образом, утверждения об уникальности истории и возможности объяснять ее с помощью законов — это две стороны одной медали. Непонимание этого и резкое противопоставление указанных крайностей¹¹⁹ приводит к тому, что единичные события либо подгоняются под закон, которому не соответствуют, либо просто выпадают из цепи причинности и ряда закона. В последнем случае могут рождаться идеи о неких таинственных и трудно определяемых силах, например, изначальных и вечных национальных особенностях, воздействии из космоса, необъяснимых влияниях абстрактных идей и т. п. Фактически изобретаются дополнительные и ненужные сущности, без которых при правильной методологии вполне возможно обойтись.

Почему я столь обстоятельно останавливаюсь на этом? Потому что, на мой взгляд, именно здесь **пролегает противоречие, противостояние** между философией (теорией) истории и собственно историей. И если мы найдем эффективные методы смягчения, сглаживания его, если абсолютное противостояние переведем в относительное (по конкретным проблемам), то перед нами откроется довольно перспективный выход из современного кризиса **схоластики**

¹¹⁸ Есть также и универсальные множества, которым «принадлежат элементы всех множеств» (см.: Логический словарь: ДЕФОРТ. М., 1994. С. 140). Таким для теории истории может быть, скажем, «всемирная история».

¹¹⁹ Здесь сказывается также непонимание того, что формулировки законов (предположений, причин и следствий и пр.) зависят от совершенства или несовершенства познания, оценки и т. п. И наоборот. Поэтому в одних случаях кажется, что знание не зависит от субъективности, а лишь от самой реальности, что оно — объективно, а в других — наоборот. Во многом причина в познании, накатанности, привычке.

— **фактологии**, где нет неразрешимого противоречия, а есть проблема правильных пропорций, правильных переходов от одного состояния к другому.

Мы уже видели, что понятия закономерного и неизбежного не синонимы. Так и понятия закономерного и повторяющегося совпадают не полностью. Отсюда можно утверждать, что законы единичного возможны¹²⁰. Ведь, как мы убедились, неповторимое и типичное есть в любом случае, явлении, объекте. Поскольку научный закон — это утверждение о том, что при определенных условиях случится (не случится) то-то и то-то¹²¹, постольку вообще для закона не является обязательным, что условия, возникшие когда-то, должны повториться. Это обязательно для некоторых типов законов, например, повторяющихся, законов типичного, сходного и т. п. Раз мы условно выделяем часть реальности, почему бы нам не остановиться на неповторимости¹²². Но опять же эти особенные случаи только тогда будут поняты нами глубоко, когда мы их поставим в общий ряд **неповторимого**¹²³.

С одной стороны, законы классического типа достаточно часто наблюдаются в истории. Это повторяющиеся порой в течение тысячелетий хозяйственные циклы, обычаи и пр. К таким, собственно, относится и поддержание основ любой культуры или цивилизации. Эта повторяемость во многом близка к природному

¹²⁰ Ст. Тулмин считает, что «на самом глубоком уровне концептуальные точки зрения рассматривают вопрос о **закономерностях отдельного случая** (выделено мной. — Л. Г.), а не вопрос о кодексе законов, то есть занимаются прецедентами, а не принципами». Он развивает идею «прецедента, а не принципа» в ряде работ (см.: Тулмин Ст. Указ. соч. Предисловие. С. 9). Как видите, идея закона единичного события имеет своих сторонников. Но это лишь один из типов законов, и если его слишком выделить, если делать чрезмерный упор именно «на прецедентах, а не принципах», то может произойти перегиб. Ибо заниматься прецедентами можно, только имея некие принципы, а понять природу прецедента можно, лишь поместив его в ряд других прецедентов, т. е. выделив определенные сходные (закономерные) черты. Ведь «никакое научное объяснение не может быть дано без привлечения законов» (Карнап Р. Указ. соч. С. 54).

¹²¹ «...Причинное отношение означает предсказуемость. Это не означает действительную предсказуемость, потому что никто не может знать всех относящихся к событию фактов и законов. Оно означает предсказуемость в том смысле, что, если полная предыдущая ситуация будет известна, событие может быть предсказано» (Там же. С. 260).

¹²² Надо отметить, что в нашей философии, заикнувшейся на том, чтобы постигать лишь наиболее важные закономерности, мало места осталось для изучения уникального и его природы. Это крайне важно. Уникальны Земля, жизнь, род человеческий, уникальны многие культуры, становящиеся уникальными многие виды растений и животных и т. д.

¹²³ Таким образом, для каждого конкретного момента нового качества закон «работает» один раз. Это закон единичного. Но в более абстрактном плане мы можем представить его как повторение: восхождение материи по «лестнице» качества. Как всегда, аспект зависит от характера нашей задачи.

типу. Она, безусловно, очень важна для понимания исторического процесса. Но только такие закономерности для истории как науки бессмысленны, ибо без изменений нет истории. Однако именно в развитии важнейшая причина своеобразия, а то и неуловимости для формализующих обобщений этого потока событий. С точки зрения сторонников отрицания исторических законов мы, таким образом, пришли к парадоксу: уникальные цивилизации и культуры в то же время основаны на довольно строгих повторяющихся (воспроизводящихся) законах, поддерживающих их устойчивость во времени.

Из сказанного также ясно, почему история не могла состояться только как наука о неповторимом. Последнее требует **фона для показа этой неповторимости и уникальности, т. е. сравнений.** А поиск сравнений и аналогий — это выделение в чем-то повторяющихся явлений и объяснение причин этого повтора. Поэтому и сравнительно-исторический метод — при его специфике — фактически разновидность объяснений с помощью законов, даже если употребления этого слова и избегают.

Изучение уникального, неповторимого, особого важно по ряду причин. Например, очень часты рассуждения такого рода: что было бы, не случись того или иного? Какие именно условия были необходимы, какие случайны? Почему то-то произошло именно в данном месте и времени, и могло ли подобное быть в другом месте, времени? И т. п. Все эти мыслительные проигрывания ситуаций не бесплодное дело. Они в определенной мере аналогичны экспериментам в естественных науках, позволяющим четче отделять закономерное и случайное. Хотя насколько это уступает чистому эксперименту, настолько и труднее выделить необходимое и второстепенное.

С законами уникального и единичного теснейше связаны и законы появления нового качества. А очевидно, что появление чего-то качественно другого, неизвестного ранее — это важнейший аспект для любой науки. Если же говорить о теории исторического процесса — теме данной книги, то собственно он и есть описание процесса перехода от одного качества к другому. Но — как убежден автор — такой переход в каждом первом случае возможен при довольно редком сочетании назревшей возможности и сложившихся уникальных, исключительных условий¹²⁴. Значит, отнюдь не все здесь

¹²⁴ Пока не совершилось что-то принципиально новое, мы не знаем всех необходимых для

существенно для повторения. Но эти события, совершившись, начинают во многом определять ход истории в дальнейшем и становятся образцами для подражания. Тут можно отметить и практическую сторону вопроса: что собственно обязательно заимствовать, а что нет? Что будет главным, а что неглавным, что полезным, а что вредным для того, кто заимствует?¹²⁵

Уточняя типологию, мы могли бы законы перехода к новому дополнительно разделить на переход: самостоятельно и путем подражания (заимствования).

Теперь, когда мы уже лучше представляем принцип выделения типов законов, есть смысл углубить представление об алгоритме типологизации и методах анализа проблемы с использованием разных типов законов. Во-первых, следует напомнить, что когда мы помещаем какое-то событие в общий ряд, то препарлируем его так, чтобы оттенить именно общее. Однако оно может и не быть главным, т. е. недостаточно глубоко характеризовать явление и событие. Во-вторых, избрав качество, которое кажется нам продуктивным с познавательной точки зрения и исследовав объект в данном плане¹²⁶, мы не можем удовлетвориться только этим. Целесообразно подобрать противоположное качество (аспект и т. п.). Например, к уникальности — типичность, к количеству — качество, к покою (застою) — развитие и т. д. Соединив оба ряда противоположных качеств, мы получаем как бы некий **спектр качества**, на одном конце которого ноль избранного качества, на другом — бесконечность (абсолют). В таком обзоре наше представление об объекте становится намного полнее. Если корректно, это можно сравнить с биноклем, который с одного конца увеличивает предметы, а с другого — уменьшает. Теперь весь спектр качества будет перед нами, и мы сможем попытаться совместить антагонистические подходы, уходя от односторонности. В

этого условий, поэтому (помимо назревших потребностей) реализация этого нового в большой мере дело вероятности или случая. Теоретически описать закон этого нового мы можем, лишь когда событие совершилось (чаще, когда оно отдалилось).

¹²⁵ Это относится ко многим процессам, связанным с «перениманием» модели развития: модернизации, индустриализации, демократизации, переходу к рыночной системе. В подобных случаях задача заключается в поиске **минимально необходимых средств** для достижения нужных результатов, чтобы меньше травмировать и мучить общество. Поскольку универсальных рецептов нет, а есть умение прилагать главное в каждом отдельном случае — редкий талант. Но если вопрос научно обоснован, то это в определенной мере компенсирует отсутствие такого таланта.

¹²⁶ Читатель не должен забывать, что включение в один ряд (по сходству) какого-то числа случаев и есть основа для формулирования закона.

определенном плане спектр качества выполняет и роль некоего «**реле**» **качества**, поскольку в зависимости от задачи мы усиливаем или ослабляем свои акценты, оценки качеств.

В-третьих, поскольку событие мы можем изучать по самым разным параметрам, а — как сказано выше — выделенное общее далеко не всегда наиболее важно для данного объекта, ясно, что только по одному типу законов, т. е. по одной паре множеств качества сделать удовлетворительный анализ нельзя. Поскольку в событии фокусируется целый ряд законов (к тому же каждый из них однозначно не характеризуется), постольку и событие нужно помещать в несколько или даже много подобных рядов.

Таким образом, мы прокручиваем случай, событие, явление и т. п. как бы через «барабан» некоторого числа спектров качества, отмечая сходство и отличие в каждом из них, пока не составим определенной его характеристики.

Для пояснения сказанного и доказательства ненадуманности описанной методологической процедуры сделаем такое отступление. Так называемые главные законы диалектики построены именно по вышеописанному принципу, т. е. охватывают с помощью категорий **количество и качество, единство и борьба** (плюс противоположности), **отрицание другого отрицания** весь спектр качества, который здесь и разворачивается полностью. На примере этих законов можно было увидеть и многое другое из того, о чем шла речь в этой главе. Таким образом, их ошибочно недооценивают, нельзя только полагать, что они реально существуют¹²⁷. К закону единства и борьбы противоположностей можно отнести и законы, объясняющие устойчивость-неустойчивость систем.

Продолжая разговор о типологии, вновь отметим, что законы различаются по всеобщности, т. е. имеют разный уровень охвата. А также по полноте охвата (аспекту): одни всеобщие законы касаются более частных аспектов, например, только экономики обществ, другие — претендуют на то, чтобы «представлять» все общества в целом. Таковы некоторые системные и структурные законы.

В этой связи рассмотрим еще один тип законов, показывающих соотношение развития отдельных обществ и всего человечества.

¹²⁷ Они могут выполнять важную методологическую роль, если только не будут претендовать на то, чтобы доказывать что-либо просто самим фактом своего наличия. Доказать что-то, только говоря: «Есть закон, и он все объясняет», — нельзя, но на основе закона пытаться нечто искать и иногда, действительно, находить — можно.

Благодаря тому, что между обществами совершаются различного рода контакты и они могут тем или иным путем заимствовать друг у друга что-то новое, происходит некое суммирование отдельных достижений. Но это уже не просто сумма частей, а нечто общее, особое, качественно иное и уже непохожее на свои части. Вот этот процесс и можно обобщить в **законах целого-частей**. А целое, как известно, не сводимо к совокупности частей. Тогда станет яснее, что такие законы, как смена формаций, прогресс и другие в каждом обществе проявляются только **частично** (или даже с обратным знаком, например, застой, регресс и т. п.) и лишь во всемирном масштабе — **в целом**.

Отсюда ясно, что законы исторического развития человечества не аналогичны законам развития отдельных обществ. Поступательное движение человечества есть результат гибели, застоя, отставания одних и лидерства других. По сути, такие законы не только не однолинейны, но есть система и равнодействующая большого числа законов меньшего уровня.

При любом анализе важнейшей проблемой становится определение иерархии частей, причин и т. п. Поэтому нельзя обойти вопрос о главных законах. Если исходить из релятивизма, то надо понимать, что **абсолютно главного** закона нет и быть не может. Ведь в том или ином конкретном случае он может оказаться неглавным. Поэтому, если кто-то полагает, что можно открыть несколько общих законов, объявить их главными и с их помощью все объяснять (практика в философии распространенная), то он глубоко заблуждается.

Однако без понятия **главного-неглавного** анализ часто невозможен. Поэтому целесообразно вести речь о том, что главными можно признать законы лишь в отношении какой-то определенной задачи (класса задач и т. п.) и системы координат, которую мы строим для ее решения. Стало быть, они являются **относительно главными**¹²⁸, хотя некоторые законы и избираются главными чаще других.

Главные законы иногда логично представить общими (глубинными; в конечном счете и т. п.) причинами (в отличие от

¹²⁸ Но если так, то вопрос об общих принципах применения абстрактной теории к конкретным случаям становится почти центральным. Поэтому в идеале любое серьезное, широкого плана утверждение нужно уметь объяснить с позиции методологии, обосновать процедуру его вывода. Именно так можно выработать правила проверки и — что еще более важно — самопроверки высказываний

частных, конкретных).

Когда мы строим то, что я называю системой координат, можно воспользоваться иной классификацией: законы **базовые**, т. е. исходные положения, от которых мы начинаем рассуждения, и **законы производные** от исходных. Само собой, эти позиции зависят от предмета исследования. Предположим, что мы изучаем человеческое общество вообще. Тогда мы можем говорить о некоторых общих свойствах людей (их психике, потребностях и т. п.) и любой человеческой организации. Но если мы говорим о становлении человеческого общества в процессе антропогенеза, то очевидно, что базовыми будут некие присущие и людям, и животным явления. Базовые законы дают нам исходную точку для анализа. Но это не значит, что они будут главными, ими могут быть и производные.

Нередко общественные законы делят на **социологические (общесоциологические) и исторические**. Под первыми понимают законы, которые «раскрывают самые общие принципы развития и движения общества, т. е. безотносительно к тем конкретным формам, в которых они воплощаются»¹²⁹.

Итак, социологические законы, по мысли некоторых ученых, — это законы более абстрактные, а исторические — ближе к учету конкретных вариаций. Это могло бы быть верным, но только не при господстве традиций истмата видеть законы одновариантными и почти одинаковыми и в большом, и в малом. В подобном контексте провести границу между двумя этими типами законов становилось почти невозможным¹³⁰. Но думается, в принципе такое разделение имеет смысл. Однако я хотел бы ему придать иное, более ясное значение.

Историческими можно назвать закономерности, которые развертываются на протяжении какого-то времени. Мы говорим о них,

¹²⁹ Жуков Е. М. Социологические и исторические законы // Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 15.

¹³⁰ Поэтому некоторые ученые считают, что такое деление нецелесообразно, поскольку «собственно исторический закон» оказывается не только историческим... в то же время историческим оказывается... всякий социологический закон» (Желенина И. А. Историческая ситуация. Методология анализа. М., 1987. С. 51). Последнее подрывает «правомерность проблемы различия исторического и логического методов исследования» (Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 245 // Цит. по: Желенина И. А. Указ. соч. С. 55). Это свидетельствует о том, что и те, и другие исходят из представления о законах как о жестких явлениях и соответственно конструирования: или — или. А ведь очевидно, что поставленные в разные сравнительные ряды, те же утверждения могут приобретать противоположный характер: социологическое превращается в историческое, и наоборот. Впрочем, чего же удивляться: разве социологическое (и логическое) не есть вывод из исторического и разве историческое не опирается на общее (социологическое)?

когда хотим подчеркнуть их преходяще исторически-временной характер, показать, как то или иное явление протекает, меняется и т. п. **Социологические законы** видятся как бы в неподвижности (статике), взятые в определенный момент, либо как результат развития. Часто весьма полезно на время абстрагироваться от принципа историзма с тем, чтобы яснее увидеть суть, например, отношений общественных групп. Так мы можем сравнивать строение и организацию общества, выделять принципиально сходные элементы и отношения. Наиболее общие социологические законы охватывают все историческое время и являются как бы предельными случаями исторических. Но всегда следует помнить об условности такого разграничения. И те, и другие, естественно, имеют свои подвиды.

К социологическим законам ближе стоят законы структурные, получающие все большее признание¹³¹. К историческим примыкают законы уникального и перехода к новому качеству.

Важное значение имеет различие **неосознанных** законов (тех, что Маркс и Энгельс называли естественноисторическими) и уже **осознанных**. В последнем случае пропорции между сторонами закона, а вместе с этим и его характер сильно меняются (как в примере о взаимодействии бытия и сознания). Таким образом, общественные законы постоянно модифицируются не только за счет включения новых факторов развития и других причин, но и потому, что люди, постигая те или иные законы, начинают их осознанно использовать, как бы превращая законы в себе в законы для себя. На каждом этапе развития законы предстают в новом виде. Так, все давно знакомое может вдруг увидаться по-новому¹³². Сказанное свидетельствует о бесконечности познания и невозможности найти изначальный смысл истории.

Нередко говорят об **имманентных законах**. Следовало бы сказать кое-что о данном типе законов. Под ними можно понимать такие

¹³¹ «Сегодня все большее распространение получает та точка зрения, согласно которой общественные законы могут быть разделены на структурные и законы исторического развития. Структурные законы выражают общее существенное и относительно постоянное отношение между явлениями. Таков общий закон капиталистического накопления, открытый Марксом. Законы исторического развития выражают необходимость изменения социальной структуры» (Маркович Д. Указ. соч. С. 17).

¹³² «В целом в исторической науке еще не сложилось понимание того, что структура каждой последующей формации сложнее предыдущей, что в ней выше плотность общественных связей, прочнее социальная интеграция, более всеобъемлюща роль господствующего социально-экономического уклада» (Данилова Л. В. Философия и историческая наука // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 49).

явления и процессы, которые есть уже в «программе» объекта, общества и т. п., вытекают из особенностей его жизни, структуры, существования и воспроизводства. В обществе, например, это законы сохранения структуры или, некоторых случаях, — стремление к расширению до определенных пределов. Но часто имманентные законы истории отождествляют с поступательными (поступательным ходом истории), т. е. последовательного, прогрессивного развития, идущего по спирали соответственно закону отрицания отрицания. Хотя такое развитие также имеет место (и оно называется прогрессом), но должно быть ясно, что подобное движение осуществляется путем сложного эволюционного отбора, качественных скачков и многого другого. Ведь законов, которые бы обеспечивали бесперывное развитие отдельных организмов, обществ, нет и быть не может¹³³.

Поэтому можно утверждать, что бесконечное движение к новому не может быть имманентно ни в одном конкретном объекте. Это невозможно, иначе общество отрицало бы самое себя, полностью прервалась бы преемственность. Такое бесконечное развитие может быть только как передача импульса к новому от одного объекта к другому внутри более широкой системы. Обычное же развертывание заложенной потенции к развитию напоминает законы наследственности, когда до известного предела и по известным образцам воспроизводится новый организм. Это характерно и для обществ в виде отделений, колоний и пр. Новое же, скорее, возникает по законам мутации, когда из ряда обычного выделяется в результате сбой необычное. Многие факторы внутри обществ нередко порождают такую мутацию, такой необычный ответ на вызов (например, общественная борьба). Но это случайный, а не запрограммированный результат¹³⁴.

Все это еще раз характеризует тип законов целого-частей. Теперь стоит остановиться на соотношении понятий **качество и закон**. Зародыши нового качества есть практически в любом событии, явлении (хотя в большинстве случаев мы можем «увидеть» их только теоретически). Как говорил Тейяр де Шарден, существует

¹³³ Скорее, им присущи законы, «предписывающие» жизненный цикл. Однако в связи с изменениями в историческом процессе и закон «неизбежного» надлома и гибели цивилизации перестал быть очевидным.

¹³⁴ Чем ближе к современности, тем заметнее осознанное стремление к переменам, и они становятся во многом плановыми. Но опять-таки нельзя утверждать, что не придет время, когда люди станут больше стремиться не к переменам, а к сохранению стабильности.

принципиальное положение: «Ничто в мире не может вдруг объявиться в конце, после ряда совершаемых эволюцией переходов (хотя бы и самых резких), если оно незаметно не присутствовало в начале»¹³⁵. Но, думаю, что очень часто оно присутствует только потенциально, как возможность. И самое время поговорить о **потенциальных законах**.

Что это такое? Можно предполагать, что при некоторых условиях произойдут какие-то явления. Например, при столкновении кометы с Землей или при контакте землян с инопланетянами (если таковые есть), или при ядерной войне и т. п. То есть некоторые события не случились и, вероятно, никогда не случатся, но мы о них можем что-то предполагать. Конечно, точность предположения, очевидно, недостаточна¹³⁶.

Можно даже сказать, что, хотя число законов бесконечно, главная их часть именно законы потенциальные, т. е. те, что никогда не реализовывались, либо таковы для нас¹³⁷. Отсюда становится яснее еще один аспект безграничности реальности. Тем более, это характерно для общественных явлений, где новое генерируется постоянно. Таким образом, мы видим еще один спектр качества, на этот раз касающийся самих законов: все их можно представить находящимися между потенциальными и постоянно действующими силами (типа солнечного излучения).

Стоит подвести итог сказанному. Когда мы видим, что, казалось бы, совершенно различные, антагонистические, противоположные случаи можно объединить в одном законе, хотя их положение на шкале качества действительно противоположно, тогда мы понимаем, что от метафизического метода познания, от метафизической логики или-или полезно перейти к другой, более гибкой и точной. Исходить из новых принципов — значит осознавать, что можно найти общее в самых непримиримых позициях и даже совместить их. Но, разумеется, не механически, а более диалектичным путем: например,

¹³⁵ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 66.

¹³⁶ Это понятие применимо и в случае, когда закон не реализуется в конкретной ситуации, где этого можно было бы ожидать.

¹³⁷ Можно провести аналогию с шахматами, где количество вариантов комбинаций очень велико. При этом часть из них еще не использована, а часть никогда не будет использована. И хотя среди последних много бессмысленных, но могут быть и плодотворные. Так и в мире в потенции много возможных комбинаций тех или иных частичек, элементов и пр. При этом среди вновь возникающих комбинаций какие-то оказываются удачными и затем начинают воспроизводиться.

отграничивая зоны их действия или надстраивая теорию и превращая крайние случаи лишь в моменты проявления более широкой закономерности, или ища более общие, родовые понятия для них и т.п.

Итак, используя новые представления об общественных законах, мы можем исследовать проблемы философии, социологии и теории истории с иных, более продуктивных позиций.

Однако, чтобы не показалось, что автор видит в методологии спасение от всех бед, уместно будет закончить главу следующим рассуждением. Формальные методы, даже самые правильные и совершенные, останутся формальными, т. е. несодержательными. Они только помогают решать проблемы, но осмысление темы, видение материала — это уже возможности эрудиции и профессионализма ученого, помноженные на его способности. Да, нужно признать наличие большого числа аспектов исследования и релятивизм наших выводов. Но, чтобы не случилось «головокружения от относительности»¹³⁸, стоит отметить: далеко не любой угол зрения и подход плодотворен. Найти удачный аспект — очень сложно. Ведь это новое, а новое заранее никому не известно. Это открытие. А очевидно, что сделать открытие способен лишь талантливый человек¹³⁹ и то очень часто для этого требуется невероятное количество усилий. Поэтому новаторство не может быть предметом учебы как какая-то обычная процедура. Хотя в определенной мере алгоритмы такого поиска могут быть выработаны.

Таким образом, никакие правила не смогут заменить способность ученого к проникновению в материал, к обнаружению нового. Но правильная методология способна продвинуть процесс познания такого ученого из интуитивного, наощупь, в осознанный, следовательно, лучше вооружить его и избавить от излишних действий.

Сказанное можно усилить еще сравнением Тейяра де Шардена о соотношении объективного и субъективного в процессе познания: «То,

¹³⁸ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 15.

¹³⁹ Аналогично тому, как без способностей нельзя стать хорошим писателем, спортсменом и т. п. Но методики обучения их отрицать бессмысленно. Подчеркну еще, что тип закона, как и вообще методологические процедуры и приемы не выдумываются, а подбираются, подстраиваются к материалу. В этом и талант, чтобы увидеть, какой ключ нужен к данной реальности, чувствовать, что материал «просит». Когда ученый находит благодатный аспект, через который открываются значительные возможности решения проблем, нахождения нового и т. п., это в чем-то напоминает обнаружение месторождения. Сначала — только расширяй добычу. Но неизбежно приходит день, когда оно исчерпывается.

что наблюдатель, куда бы он ни шел, переносит с собой центр проходимой им местности, — это довольно банальное и, можно сказать, независимое от него явление. Но что происходит с прогуливающимся человеком, если он случайно попадает в естественно выгодную точку (пересечение дорог или долин), откуда не только взгляды, но и сами вещи расходятся в разные стороны? Тогда субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту. Местность расшифровывается и озаряется. Человек видит»¹⁴⁰

¹⁴⁰ Тейяр де Шарден П. Указ соч. С. 38.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА¹

§ 1. Движущие силы исторического развития. § 2. О роли личности в истории. § 3. Об общественном прогрессе и его критерии

Развитие понимается обыкновенно так, как будто оно необходимо предполагает, что во всем существует внутреннее стремление стать чем-то высшим; но это ошибочное понимание развития. Развитие во всех случаях определяется взаимодействием внутренних и внешних факторов. Это взаимодействие вырабатывает известные изменения...

Г. Спенсер

Но, как это всегда бывает в мире, то, что вначале явилось лишь счастливым случаем или способом выжить, было немедленно преобразовано и использовано как орудие прогресса и завоевания.

П. Тейяр де Шарден

В первой главе мы достаточно обстоятельно поговорили о законах. Высказанные в этой связи мысли в ряде случаев могут служить методологической основой для решения и других философских проблем истории. Ведь вопросы и о ее движущих силах, и о прогрессе, и некоторые другие можно представить как особые общественные законы, точнее систему законов, объединенных общим принципом.

Собственно эти концепции и возникли в связи с попытками открыть главные закономерности исторического развития. Многие ученые полагали, что существует ведущая причина (фактор), которая определяет ход истории и составляет сущность основного общественного закона. Распространенными также были мнения, что прогресс имманентен обществу, движение к нему составляет смысл истории и ее универсальный закон. Ясно, что проблемы движущих сил и прогресса оказались тесно связанными, а в некоторых теориях главный фактор развития и критерий прогресса и вовсе совпадали.

Стоит подчеркнуть, что указанные законы толковались именно в классическом плане, то есть как всеобъемлющие, абсолютные и

¹ Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1.

непреложные. И до сих пор в тех школах, которые считают данные темы традиционно важными, не избавились от подобного объективизма. Думается, что это также одна из главных причин того, почему другие философские течения просто отказываются от подобных понятий. Однако игнорирование указанных проблем не снимает вопросов ни о степени значимости различных факторов в историческом развитии, ни о направлении этого движения, ни многих других, не только не надуманных, но, напротив, и теоретически, и методологически очень важных.

Представление категорий «движущие силы» и «прогресс» как законов может оказаться удачным приемом. Но только если трактовать их не объективистски, а в том смысле, который я отстаивал в предыдущей главе. Практически это означает, что законы видятся не независимыми от нашего сознания, а как условно выделенная этим сознанием сторона действительности. Поэтому они должны восприниматься не как одинаковые для всех ситуаций, абсолютно верные и одновариантные, а как множество более или менее сходных случаев, объединенных общими подходами, выводами, логикой, правилами соответствия и интерпретации. Сами формулировки законов должны учитывать эту неодинаковость (например, принимать вид пропорции или соотношения). Следовательно, применение законов к конкретным проблемам требует использования принципа относительности и строгого учета их уровня, масштаба, типа и ряда других вещей. А выводы, полученные для одних случаев, не могут механически использоваться для других без соответствующих процедур.

Тогда вопросы о движущих силах и прогрессе наконец-то смогут из разряда бесплодных идеологических споров, дискуссий о почти абсолютных истинах перейти в число практически важных научных проблем. Тем самым они, конечно, потеряют статус все объясняющих теорий. Но зато можно будет глубже задуматься над тем, как построены эти категории, какие общие правила и принципы связывают столь большое разнообразие, какие соотношения здесь существуют и как использовать полученные выводы в качестве значимых методологических посылок.

И последнее замечание. Понятия «история» и «историческое развитие» (и даже «исторический процесс») нередко используются как синонимы. Иногда это допустимо, но порой ведет к неучету того, что первый термин гораздо объемнее двух остальных. Ведь история — это

широкий контекст, включающий не только развитие, но и упадок, застой, круговорот, уничтожение и т. п. Исторические развитие и процесс могут быть поняты лишь в рамках этого контекста, но они неравны ему по объему. Хочу уточнить, что в этом исследовании, как и в данной главе, речь идет главным образом именно о развитии и даже уже — процессе.

§ 1. Движущие силы исторического развития

Традиционный термин «движущие силы», на мой взгляд, хорош не только тем, что привычен, но и тем, что ясно выражает суть идеи: показать те силы, которые способствуют развитию. Как известно, в историософии есть и аналогичные ему: факторы, причины и др. Эти понятия я буду использовать как взаимозаменяющие.

В нашей науке понятие движущих сил обычно нераздельно связано с понятием источников развития. Различению их посвящено много усилий, и существуют разные точки зрения по этому поводу².

Вслед за другими я также долго полагал, что есть смысл акцентировать внимание на этом делении³. Однако в последнее время пришел к выводу, что употребление двух терминов как одноуровневых и однопорядковых лишь усложняет дело. Вполне достаточно одного общего — движущие силы. А уже их можно делить на типы. В зависимости от того, кто какое значение вкладывает в понятие «источники развития», они могут входить в следующие пары: ведущие к обычным или к качественным изменениям, внутренние и внешние; ведущие к возникновению противоречия и разрешающие его и другие. Словом, термин «источники развития», на мой взгляд, разумнее представить как один из многих типов движущих сил, хотя для некоторых задач и действительно очень (иногда — исключительно) важный.

Если подходить к понятию научного закона как нашего представления о действительности (а не как независимой от нашего сознания истины), то проблему анализа движущих сил исторического развития можно сформулировать следующим образом. **Как объединить в одну концепцию огромное разнообразие длительных**

² См., например: Материалистическая диалектика. Т. 4. Гл. XI.

³ И различал их так: силы, способные вести к изменениям, — движущие; силы, которые могут вести к качественным изменениям, — источники развития. См.: Гринин Л. Е. Философия и социология истории... Ч. 1. С. 54.

и кратких, глобальных и локальных, объективных и субъективных причин, чтобы она не давала априорных ответов на конкретные вопросы и в то же время позволяла построить иерархию движущих сил и переходить с уровня на уровень, а также помогала искать решение многих теоретических и практических задач? Что и говорить, дело нелегкое⁴. В этом параграфе я постарался наметить принципы решения такой проблемы.

Если историю рассматривать как некие поучительные анекдоты, жизнеописания и т. п., то для историка в целом понятно, где искать причины событий: в случайностях, общественной и личной борьбе, в особенностях личностей, характеров и т. д. Легче говорить о причинах и тогда, когда история предстает как повторяющийся цикл: так предопределено, это судьба, вечный закон рождения и смерти и прочее. Если говорить о ней как о процессе, как о переходе от низшего к высшему, от примитивного к более сложному и совершенному, то необходимо показать и обусловленность (а не случайность) такого развития, и его узловые моменты, и, само собой, те силы и законы, которые объясняют это развитие⁵. Причем, если за главные причины берутся деятельность гениальных людей, великие идеи и т. п., то роль личности в истории преувеличивается и даже мистифицируется. А если иные, например, материальные факторы, то, наоборот, умалется.

Здесь корни до сих пор острого спора о свободе и необходимости, «героях и толпе» и прочем.

Проблема обозначения сил, стоящих за Историей, чаще всего до XVIII—XIX вв. решалась с позиции провиденциализма и эсхатологии. Но с развитием науки многих ученых, как в свое время Лапласа, такие объяснения все менее устраивали и они переставали нуждаться в «этой гипотезе». В результате поиск движущих сил общества вылился в поиск «архимедова рычага» истории, то есть главной причины, которая бы объяснила все развитие⁶.

⁴ Оно усложняется и отсутствием различных терминов для хотя бы двух крайних уровней движущих сил: мирового и конкретного эпизода. Введение разных названий для таких понятий было бы желательным. Но, к сожалению, в данном случае, кажется, это вряд ли удастся сделать. Термин этот идеологизирован, многозначен, имеет значительные традиции употребления и т. п. Поэтому придется ограничиться эпитетами вроде: глобальные — локальные и держать проблему уровней в уме.

⁵ «Когда история понимается как процесс, важнейшим вопросом становится проблема ее движущих сил». (Семенов Ю. И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 143).

⁶ Особенно, по словам Сорокина, этот вопрос выдвинулся со времен обоснования социологии О. Контом. Сорокин П. А. О так называемых факторах социальной эволюции

На первое место ставились самые разные движущие силы, чаще других — личности, идеи, некоторые материальные или социальные факторы (рост населения, географическая среда, производство, собственность и т. д.). Достаточно хорошо их классифицировал П. А. Сорокин⁷, которого я и хочу процитировать. «Одни выдвигают в качестве такого решающего фактора географические и климатические условия: климат, флору, фауну, ту или иную конфигурацию земной поверхности — горы, моря и т. д. (Л. Мечников, Ратцель, Мужоль, Маттеуци и др.); другие — чисто этнические условия, главным образом, борьбу рас (Гумплович, Гобино, Аммон и др.); третьи — чисто биологические факторы: борьбу за существование, рост населения и др. (М. Ковалевский, Коста и др.); иные — экономические факторы и классовую борьбу (марксизм); многие, едва ли не большинство, — интеллектуальный фактор: рост и развитие человеческого разума в различных формах — в форме аналитических, чисто научных знаний (Де-Роберти, П. Лавров), в форме мировоззрения и религиозных верований (О. Конт, Б. Кидд), в форме изобретений (Г. Тард); некоторые выдвигают в качестве такого основного фактора свойственное человеку, как и всякому организму, стремление к наслаждению и избегание страданий (Л. Уорд, Паттэн); иные — разделение общественного труда (Дюркгейм и отчасти Зиммель) и т. д.⁸

Далее он делает вывод, вполне справедливый и по сегодня: «Как видно из сказанного, число теорий факторов чрезвычайно велико, и одного уж этого факта достаточно, чтобы заключить, что каждый из социологов односторонен и не вполне прав. Но вместе с тем теория каждого из них разработана и доказана автором настолько основательно, что едва ли есть возможность отрицать частичную правоту каждой теории»⁹.

Разумеется, теории постоянно усложнялись: вводились комбинации факторов, сами причины развития стали представлять сложным процессом (вспомним хотя бы идею Маркса о соответствии производственных отношений производительным силам). Еще О. Конт отмечал среди общих причин и такие, «которые модифицируют

(Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 522).

⁷ Разные подходы к данной проблеме также хорошо и интересно описаны у Ю. И. Семенова (См.: Семенов Ю. И. Указ. соч. Раздел 3). Можно упомянуть в этой связи и книгу И. А. Гобозова «Введение в Философию истории» (М., 1993. См.: Гл. 3. § 1).

⁸ Сорокин П. А. Указ соч. С. 522.

⁹ Сорокин П. А. Он также оказался прав, утверждая, что «будущее не упразднит эту проблему, как думает М. М. Ковалевский» (Там же С. 523).

существенную скорость социального развития»¹⁰. Но в целом надежда найти главные причины и законы истории продолжала жить.

По мере того, как это становилось все более сомнительным, усиливались позиции плюралисто¹¹, то есть тех, кто полагал, что развитие надо объяснять совокупным сочетанием многих факторов, «из которых каждый так или иначе связан с массой остальных»¹².

Также стали популярными требования отказаться от историософских теорий и описывать историю по совету Ранке так, «как это собственно происходило». Но попытка отделить историю от законов, в конечном счете, не оправдала себя. Поэтому стремление представить ее не просто нагромождением изолированных фактов и причин, а процессом по-прежнему имеет логико-методологическую привлекательность и даже своего рода магнетизм.

В XX веке история продолжала быть вовлечена «в движение, подобное движению маятника: в течение какого-то периода она пыталась точнейшим образом узнать свое прошлое, затем, наоборот, она стремилась понять законы своего развития, чтобы потом вновь вернуться к своей первой задаче»¹³. Очень влиятельным стал системно-структурный метод, который позволил во многом по-новому увидеть взаимоотношения частей внутри общества, причины как стабильности, так и развития обществ и т. д.

Однако в целом в западной науке усилились боязнь или неприятие глобальных обобщений. В результате существенно уменьшился по сравнению с прошлым интерес и к проблемам движущих сил (особенно сквозных), хотя отдельные направления исторического развития, например экономические макроциклы, активно изучались. По мнению Ю. И. Семенова, плюрализм (многофакторность) остается наиболее

¹⁰ Конт О. Основные законы социальной динамики, или Общая теория естественного прогресса человечества (Философия истории. Антология. Под ред. Ю. А. Кимелева. М., 1995. С. 119).

¹¹ «К числу сторонников этого течения принадлежит немало социологов, работающих в ряде отдельных социальных дисциплин, а равно и теоретиков общей социологии. К этой категории относятся: Дюркгейм, Леви-Брюль, Парето, Эллвуд, Ковалевский, Кареев, Зиммель, Петражицкий и др.

Все они смотрят на историческое явление не как на уравнение с одним неизвестным, а как на уравнение со многими неизвестными, которые невозможно решить с помощью одного фактора» (Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 188).

¹² Слова М. М. Ковалевского (Цит. по: Сорокин П. А. О так называемых факторах... С. 522).

¹³ Дюбюк А. История на перекрестке гуманитарных наук (XII Международный конгресс исторических наук). М., 1970. С. 3.

популярным подходом в западной общественной науке¹⁴.

Многофакторность, бесспорно, гораздо лучше однобокости, поскольку не давит на исследователя и дает некое подобие теории: с одной стороны, признаются важность многих движущих сил и отсутствие среди них самой главной, с другой — возможность в том или ином контексте принять за главную почти любую из них или особую их комбинацию.

Но это единство не имеет, фигурально говоря, крыши, то есть не обобщено на самом высоком уровне, а значит, нечетко, аморфно, расплывчато. И если такие подходы могут быть достаточными при исследовании отдельных не слишком больших периодов истории, то они становятся малопригодными или даже бесполезными при анализе исторического процесса в целом¹⁵. Не этим ли, в том числе, объясняются малые успехи западной науки в решении многих принципиальных проблем, например, периодизации исторического процесса, использования идеи законов в истории и т. п.?

В нашем обществознании также наметилось подобное направление, которое повторяет ошибки зарубежной науки в отношении скептицизма и игнорирования общей теории. Такая реакция на догматизм и объективизм вполне понятна. Но, думается, это путь в тупик. Для того же, чтобы не отказаться от очень важной и удобной идеи единства исторического процесса и в то же время не впасть в схематизм и однобокость, надо попытаться охватить разные подходы одной концепцией. Но решение, вероятно, лежит в иных направлениях, чем обычно думают. Ни поиск самого главного фактора, ни аморфность плюрализма не дадут его. Нужно перейти от многих альтернативных и взаимоисключающих теорий к разработке идей, **которые** способны их интегрировать. Для этого необходимо **совместить** принципы плюрализма и монизма. Это поможет меньше исказить реальность и одновременно избирать в тех или иных рамках главные силы, что

¹⁴ «Суть ее состоит в том, что исторический процесс объявляется результатом параллельного и равнозначного воздействия многих факторов: экономического, политического, идейного, психологического, биологического и т. п., из которых ни один не является определяющим, хотя в зависимости от исторических условий один из них может выйти временно на передний план, потеснив остальные» (Семенов Ю. И. Указ. Соч. С. 159).

¹⁵ Можно согласиться со следующим утверждением: «Хотя употребление термина «факторов теория» вошло в традицию, он является неверным, ибо «претендует» на наличие теории факторного подхода. Однако такая теория (которая должна была бы содержать типологию факторов, принципы их выделения и др.) на практике отсутствует. В связи с этим вместо термина «факторов теория» логичнее было бы употреблять термин «факторный подход» (Философская энциклопедия. Т. 5. С. 301).

позволит структурировать теорию исторического процесса и делать ее логичной.

Итак, приходится констатировать вместе с Ю. И. Семеновым, что «по вопросу о движущих силах истории...никакого единства взглядов среди историософов, историков, этнологов и социологов не существует»¹⁶. Однако, на мой взгляд, это свидетельствует именно о том, что в данном вопросе далеко не все в порядке.

В отечественной науке в настоящее время продолжают господствовать устаревшие взгляды, связанные с объективизмом и умалением роли методологии, перемешанные с новыми системными и процессными идеями. В результате неудивительно, что поиски главной причины развития предпринимаются и до сих пор, а также что поднимаются на щит уже давно отжившие свое идеи.

Иной уклон — попытки использовать для анализа движущих сил исторического процесса слишком формализованные теории, что ведет к потере собственно социальной специфики. В этой связи полезно обратиться к рассмотрению некоторых весьма модных сегодня взглядов — современного варианта эволюционизма. Спору нет, новые подходы, связанные с исследованием узловых бифуркационных точек процесса, неустойчивых состояний систем, с усложнением их информационных и энергетических уровней и т. п., способны оказаться во многих случаях продуктивными¹⁷. Идея чередования периодов

¹⁶ Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 159.

¹⁷ Вот некоторое суммирование этих идей в одном из вариантов теории эволюции Вселенной, включая и историю.

«Как справедливо считает И. Пригожин (1989), сейчас возникает новая концепция Вселенной и создаются новые представления о науке. Классическая наука XIX века — первой половины XX века изучала закрытые вневременные системы (время, по выражению А. Эйнштейна, — это «иллюзия»), движущиеся к равновесию. Мы можем констатировать кризис принципов градуализма (постепенности) в науке о зарождении жизни (академик А. И. Опарин), в эволюции органического мира (Ч. Дарвин и Ч. Ляйель), обществе и экономике (К. Маркс). Оказывается, что для постепенного перебора всех мутаций и возможностей в истории просто не хватает времени. Реальная эволюция шла путем чередования гомеостазисов и бифуркаций — катастроф (кризисов и революций) по пути усложнения и убыстрения. Это стало ясно после того, как наука обратилась к изучению более сложных открытых неравновесных систем, развивающихся в направленном — темпоральном — времени. Оказалось, что выводы, полученные И. Пригожиным, Г. Хакеном и др. на термодинамических системах, вполне приложимы к развитию Земли, природы и общества (Моисеев, 1990); само же развитие Земли, биосферы и общества более понятно, когда рассматривается в рамках бионогенетического ускоряющегося времени. Везде мы наблюдаем одни и те же, по существу, механизмы унаследованности от предшествующих фаз, дивергенцию и неоднозначность выбора при явной канализованности — направленности и даже целенаправленности эволюции по пути усложнения ее и перехода к более высоким информационно-энергетическим уровням». (Зубаков В. А. XXI век. Сценарии будущего: Анализ последствий глобального экологического кризиса. СПб. 1995. С. 28).

устойчивых и неустойчивых состояний может в ряде ситуаций объяснить неравномерность и скачкообразность развития, поскольку неустойчивость порой ведет к появлению принципиально нового, и система приходит в равновесие уже на более высоком уровне. Эти концепции хороши уже тем, что помешают исторический процесс в более длительный ряд, представляют его одним из этапов вселенской эволюции и тем самым дают некоторые общие принципы его анализа и частично методологию¹⁸. Они очень полезны и тем, что создают потребность в интеграции различных наук и могут использоваться для создания широких схем и моделей.

Подобные общие принципы способны играть роль того, что я называл базовыми законами (отправными точками исследования). Но это не значит, что они будут автоматически и главными законами. Для решения каких-то задач они могут быть таковыми, но пытаться представить их главными изначально — это то же, что утверждать, что существует один универсальный метод исследования как природных, так и социальных явлений. Такой подход будет не только наивным и ошибочным, но и просто вредным. Сходство общественных систем с иными очень важно, но преувеличение роли этого сходства, по сути, повторяет ошибку, за которую критиковали эволюционистов прошлого, преуменьшавших различия между биологическими и социальными организмами.

Думать, что достаточно поместить объект в ряд общего, чтобы понять его, в корне неверно. Нужен и другой ряд — особенности или даже уникальности. И только тогда, рассмотрев объект с разных позиций, мы создаем себе возможность для того, чтобы объединить их в единый спектр качества и охватить одной теорией. Разумеется, создание теории требует и множества иных вещей, но без этого наши попытки скорее всего ожидает неудача или односторонность, приемлемость лишь в узких рамках. А если исследователь этого не сознает, то тем самым делает свою концепцию очень уязвимой для критики.

Сформулируем теперь некоторые вопросы, которые неизбежно встают (все равно, осознают это или нет) перед теми, кто пытается такие общие концепции применить к анализу исторического процесса (на часть из них мы постараемся дать ответ).

1. Каковы отличия природной и исторической эволюции?

¹⁸ В этом плане хороши также и законы диалектики, и некоторые идеи эволюционистов XIX—XX веков (Спенсера, Тейяра де Шардена и др.), разумеется, при критическом к ним отношении.

2. Каковы различия в развитии биологических и общественных организмов, а также в способах закрепления и распространения достижений?

3. Каковы различия в движении к единой системе природно-биологических и социальных объектов (соответственно геобиосфера и человечество)?

4. Появляются ли в исторической эволюции на разных этапах развития человечества коренные отличия?

5. Каково соотношение глобальных и малых причин в истории?

6. Как соотносятся воздействия неодоушевленных факторов (или сходных с ними по типу влияния) и деятельность людей, наделенных волей и сознанием? Это, может быть, важнейший вопрос для любого теоретика, поскольку только в исторической эволюции есть субъекты. И кто бы, как бы и в какой связи ни пытался поставить поступки людей в один ряд с бессознательными причинами, глубокого ответа на вопросы теории исторического процесса он не получит, пока не найдет связку между неосознанным и осознанным, между общим эволюционным и особым в историческом развитии.

7. Каковы причины ускорения именно исторического движения?

8. Каковы, наконец (традиционный вопрос теории движущих сил), роли и иерархия различных факторов социального развития?

9. Каково соотношение в историческом движении эволюционного медленного развития и скачков?

10. Почему лишь некоторые из бифуркационных состояний ведут к плодотворным изменениям и каким образом классифицировать эти состояния? Почему те или иные потенции имеются только в отдельных обществах?

Читателю должно быть совершенно ясно, что автор считает очень важным искать широкие, глобальные обобщения и сходства и сам пытается постоянно это делать. Но он против того, чтобы объяснять исторический процесс в основном из этих сходств, потому что такой подход ведет либо к игнорированию специфики социального и исторического¹⁹, либо просто к банальности и мало что может дать

¹⁹ Один серьезный сторонник таких подходов вынужден признавать: «Пока при описании исторических процессов мы пытаемся использовать язык теории исследования операции либо язык нелинейной динамики. Однако попытки строить конкретные модели показывают, что в этих языках отсутствуют важные для исторического анализа понятия и представления». Он в этой связи высказывает весьма интересную и, кажется, правильную мысль: «Можно ожидать, что развитие теоретической истории также приведет (как в экономике и психологии. — Л. Г.) к

конкретным исследователям. Поиск «архимедова рычага» истории и тем более всей эволюции равносильно поиску вечного двигателя и приводит лишь к отторжению теории от практики. Нет, нужно искать и общие принципы, и конкретные причины, и сходное и особое, и закономерное и случайное, и большое и малое и т. д., чтобы потом пытаться это связать.

Цель параграфа, таким образом, — показать некоторые возможности использования категории «движущие силы» (и тесно с ними связанных) для анализа исторического процесса в целом и отдельных его проблем. Для этого на нескольких рассуждениях и примерах увидим, как возможно представлять исторический процесс одновременно и с позиции многофакторности, и с точки зрения его единства и наличия в нем главных движущих сил. Кроме того, концепция должна «оставить место» и для причин, о которых мы сегодня знаем мало или вовсе не знаем. Однако полной теории движущих сил здесь не излагается, поскольку эта тема особого исследования.

Но сначала попытаемся определить само понятие движущих сил²⁰.

Оно должно быть достаточно широким, чтобы охватить многообразие и на его базе строить типологию. Итак, понятие движущих сил исторического развития — это представление о причинах, которые ведут или могут вести к изменениям, оцениваемым нами, в конечном счете, как позитивные, в обществах, их элементах и межобщественных явлениях.

Что же касается типологии, то стоит заметить, что без взвешенного подхода и правильной методологии она останется лишь схоластическим упражнением. Напротив, при верных общих принципах с ее помощью можно пытаться создать недостающие для перехода от всеобщего к конкретному части теории. Ведь при более совершенной методологии из конкретного материала можно «выжать» гораздо больше выводов, сделав тем самым общие правила намного

созданию оригинального математического аппарата» (Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика — ключ к теоретической истории? // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4. С. 102). Нисколько не умаляю необходимости поиска решения с этой стороны. Но непонятно, почему полагают, что сами социальные науки, у которых уже создан необходимый язык и выработано немало средств анализа, творчески бессильны? Нужно и должно использовать все методы и достижения других наук, но ведь не ради того, чтобы формализовать теорию истории во что бы то ни стало и не ценой утраты ею собственной специфики!

²⁰ В данном случае нет необходимости разбирать различные мнения по поводу таких дефиниций. Скажу только, что общий методологический порок многих из них — представление об объективности законов, что ведет к преувеличению значения одних факторов и умалению других.

плодотворнее.

Вот некоторые возможные основания для типологии движущих сил:

1) потенциальные и реальные; 2) глобальные и локальные; 3) универсальные и частные; 4) постоянные и переменные; 5) длительные и кратковременные; 6) внутренние и внешние²¹; 7) природные и социальные; 8) материальные и духовные; 9) субъективные и объективные; 10) безличностные и личностные и т. д. Очевидно, что аспектов такого деления много. Причем каждая такая пара представляет собой спектр качества, на котором можно выделить множество уровней и подтипов.

По ходу изложения я кое-что дополнил к этому списку, а некоторые типы проанализирую подробнее. Но в целом характеристика типов не входит в задачу этого параграфа²².

Остановимся пока на рассмотрении потенциальных и реальных движущих сил. Это позволит лучше понять, какие причины внутри общества ведут к изменениям и как последние закрепляются. Исходной точкой для рассуждений здесь может послужить мысль о том, что в самой природе человека как вида, в физических, психических и умственных возможностях людей вообще, а также в том, что они в большинстве случаев ведут коллективный образ жизни, заключается принципиальная возможность многих вещей, которые уже проявились и могут проявиться в будущем²³.

В этом смысле история представляется как реализация этих потенций, группирующихся в самых невероятных комбинациях. Это то, что я называл базовыми законами. Но рассуждая дальше, мы видим, что под воздействием различных причин эти потенции могут проснуться. И при наступивших благоприятных обстоятельствах вдруг произвести неожиданный эффект. Так, порох способен храниться десятилетиями, но при попадании искры взорваться. Так нередко человек лишь в конце жизни открывает свои способности. Образно говоря, закон дремлет в потенциальном состоянии, и кто знает, что его пробудит, и пробудит ли вообще?

²¹ Возможно, что как среди людей выделяются типы, больше направленные либо на внешнюю жизнь, либо на свой внутренний мир, так и под воздействием различных причин (религии, способа добывания пищи, географических и исторических особенностей, позиций правящих групп и т. п.) интересы общества могут быть направлены внутрь или вовне.

²² См. об этом: Гринин Л. Е. *Философия и социология истории...* Ч. 1. Гл. 3.

²³ Разумеется, новое, гениальное, творческое имеется в возможностях не каждого человека вообще, а лишь некоторых одаренных. Но когда эти таланты раскрываются, их достижения превращаются (далеко не всегда, конечно) в коллективное достояние, переходя из возможности в реальность.

Итак, для перехода возможности в действительность нужны: 1) сами потенции; 2) причины, создающие сдвиг, кризис и т. п.; 3) соответствующая реакция на возникшие обстоятельства. Тойнби называл эту ситуацию «вызов — ответ». У него есть и еще одно образное выражение: «огниво и кремень»²⁴.

Но решение проблемы на этом не заканчивается. Почему дается разный ответ на сходный вызов? И не бывает ли так, что ответ уже во многом предопределен? В результате появляется вывод о том, что подобно тому как из одних и тех же человеческих генов при разной комбинации рождаются люди совершенно разных способностей, так и в обществах при потенциально одинаковых возможностях рода человеческого возникают такие особенности, которые в одних случаях (в большинстве) не могут дать качественного развития, а в других — способны на это. Задача исследователя — определить, в чем состояла такая особенность, незаметная долгое время, но сыгравшая важную роль. Если же еще добавить к этому массу всякого рода вещей (контакты, случайности, условия среды, опыт, приобретенный за счет других, наличие того, что называется субъективными предпосылками и пр.), то станет ясно, насколько сложен процесс превращения потенциальных движущих сил в реальные. Причем появление нового рождает и новые потенции. Так, возникновение государств создает огромные возможности в регулировании общественной жизни; изобретение письма открывает перспективы развития общественного сознания и т. п.

Итак, потенциальные силы — это те качества, которые могут при определенных условиях реализоваться и способствовать развитию.

После того как эти возможности закрепились, они переходят в разряд действительных.

Таким образом, мы видим движение от пассивности и неподвижности (в исследуемом нами аспекте) к активности. И весь исторический процесс в определенной мере предстает как переход из возможности в реальность все новых сил.

Прежде чем перейти к решению поставленных проблем, полезно напомнить, что поставленная задача может очень сильно определять степень значимости выводов. Поэтому-то так важно умение правильно отобрать средства решения избранной проблемы, увидеть различные

²⁴ См.: Тойнби А. Цивилизации перед судом истории. М. — СПб., 1995. С. 25.

аспекты и подходы к ней и правильно перейти от одного к другим. Не менее важна способность определить область применения и приложения полученных выводов²⁵.

Если речь, допустим, идет об анализе общества как социального организма безотносительно к конкретно-историческим реалиям, то желательно рассмотреть взаимоотношение организма и внешней среды²⁶, а также взаимодействие его органов (элементов системы).

Исследование с позиции социологии истории, которым мы займемся в следующем разделе, нацелено на выяснение относительно более и менее главных подсистем общественной системы. Но если задача стоит конкретнее, то в зависимости от типа общества и среды, особенностей периода и эпохи наш анализ каждый раз принимает существенно другой вид.

Иной аспект откроется также, если мы пытаемся понять причины различий в развитии обществ²⁷. Ведь общесоциологический подход многого в историческом процессе объяснить не в состоянии. Например, такие проблемы, как соотношение центра и периферии на уровне крупных регионов (или планетарного масштаба), а также причины перемещения таких центров²⁸, явление нового качества как результат суммирования достижений многих обществ; необходимость определенной среды для тех или иных процессов и многое другое. Сказанное легко объяснимо, поскольку межобщественные отношения крупного регионального, тем более расширенные до общечеловеческого, масштаба представляют собой иное качество. Используя выражение Н. Н. Моисеева, можно сказать, что здесь происходит эффект «сборки». И, как было уже сказано, взаимоотношение группы обществ и отдельного общества — это соотношение целого и части.

²⁵ Ведь, с одной стороны, полученный вывод верен прежде всего для данной избранной нами системы координат и потому не может механически использоваться для решения других проблем. Но с другой — очень часто наиболее ценными будут не одноразовые ответы, а типовые решения. Поэтому желательно искать именно такие и уточнять методологию и правила их применения.

²⁶ Возможно, мы придем к мысли, что «это взаимодействие вырабатывает известные изменения, продолжающиеся до тех пор, пока не будет достигнуто равновесие между действиями окружающей среды и действиями, противопоставляемыми им агрегатом» (Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1. С. 59).

²⁷ Весьма продуктивен уже упомянутый прием, который использовал Тойнби, объясняя разницу в цивилизациях. На сходный вызов они могут давать в зависимости от тех или иных причин разный ответ. (Конечно, не стоит забывать, что и вызовы сильно отличаются). Современный анализ состояния систем: устойчивые — неустойчивые, жесткие — мягкие и пр. — также способен многое объяснить в этом плане. есть немало и иных подходов.

²⁸ Этому вопросу в своем 3-томном труде уделил огромное внимание Ф. Бродель.

Теперь я могу пытаться показать, как можно решить наиболее сложный вопрос теории движущих сил: как совместить монизм и плюрализм.

Анализ исторического процесса сложно вести, если не применять метод сквозных движущих сил. Но весьма распространенная ошибка в этом случае полагать, что действие этих факторов «постоянно, равномерно и однонаправленно в течение всего периода функционирования»²⁹. Такая социальная энтропия не может объяснить изменения. Ведь если какой-то фактор постоянен, то как он обуславливает развитие?³⁰ Ограничена также возможность объяснить развитие цикличностью (пульсацией) какой-то природной или социальной силы³¹. Ее роль коренным образом меняется, как только общество переходит определенный рубеж (так с развитием огнестрельного оружия стала падать опасность набегов кочевников на цивилизованные страны).

Таким образом, мы стоим перед проблемой. С одной стороны, выделить какой-то главный фактор для всего исторического процесса без натяжек нельзя. Кроме того действие всех сил тесно взаимосвязано. С другой — «хотя в конкретной действительности все эти факторы и находятся во взаимодействии, однако научное изучение их не может и не должно (как и всюду) останавливаться перед эмпирической «пестротой», а должно разложить тот пестрый и сложный клубок взаимодействия различных факторов на ряд причинных связей и зависимостей» (выделено мной. — Л. Г.)³². Выполнять подобную операцию можно по-разному. Но ошибочным является разделение движущих сил на «подлинные» и соответственно «неподлинные»³³, ибо

²⁹ Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 73—74. Так М. А. Барг и Е. Б. Черняк характеризовали действие неких общественно-необходимых отношений, составляющих «особого рода совокупное целое, субстанцию, отличную от целостностей, образуемых другими сторонами этих отношений» (Там же. С. 66—67).

³⁰ Разумеется, длительное воздействие каких-то условий создает и скрепляет какие-то качества и свойства и даже создает те или иные потенциальные движущие силы. Но мы уже видели, что для их пробуждения нужны особые условия.

³¹ На подобной гипотезе основана, например, теория этногенеза Л. Н. Гумилева, справедливо подвергаемая критике. Для некоторых моментов все же такой прием может оказаться удачным. Так, периодическим усыханием степей многие историки объясняют усиление активности кочевников.

³² Сорокин П. А. О так называемых факторах... С. 523.

³³ Так, например, Энгельс говорил о движущих силах, стоящих за побуждениями исторических деятелей и приводящих «в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы», как о «подлинных движущих силах

значимость причин для решения разных задач будет, очевидно, очень различной.

В каждый данный момент и в каждом месте существует неповторимое сочетание сил. Это означает, что нет главной движущей силы применительно и ко всей истории, и к любому ее эпизоду. Но, основываясь на том, что говорилось о главных и неглавных законах, в рамках избранного нами объема и поля применения, можно выделить относительно главные и неглавные силы.

Поэтому указанную выше дилемму продуктивно решать так. При моделировании исторического процесса для отдельных периодов можно избирать ведущими те или иные факторы, показывая причины ослабления одних и усиления других. И если такой прием не абсолютизировать, появляется возможность, фигурально говоря, распределить факторы по периодам, тем самым стоя на более близких к реальности позициях, не теряя возможность процессного описания и стремясь достигнуть объективности. В этом аспекте история предстает не как реализация одного-нескольких факторов-констант, а как процесс изменяя силы различных факторов, исчезновения одних и включения других. При этом действие сквозных движущих сил сохраняется, но их значение сильно меняется от периода к периоду.

Такой прием удобен для характеристики формации. В моем представлении это выглядит так. В первобытности главными силами, заставлявшими идти вперед, были изменения в природе и необходимость менять места поселения. Это хотя и очень медленно, но вело к заселению планеты, увеличению контактов, появлению многих изобретений и приспособлений. В эпоху земледелия природный фактор продолжает быть очень важным, но в мировом масштабе еще большую роль стали играть военные и иные взаимодействия, которые заставляли думать об улучшении обороны, управления и прочем, «тасовали» колоду обществ³⁴. В эпоху индустриализма все более важной движущей причиной становились производительные силы, которые обрели

истории», подразумевая, что «побуждения отдельных лиц» менее подлинные или неподлинные (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 307— 308).

³⁴ Так, в моем понимании, это выглядит на формационном уровне. Но уже говоря о вариантах формации и тем более об отдельных обществах, мы для каждого случая строим собственную иерархию движущих сил. Например, в городах-государствах Греции важнейшую роль играла политическая борьба между их гражданами, а в Риме в отдельные периоды — внутренние (гражданские) войны. В других случаях мы вспомним о религиозных движениях и т. п. А если спустимся на уровень сравнительно небольших эпох, то все важнее станут отдельные личности, случаи, мелкие особенности и т. п.

способность самовозрастать и из года в год увеличивать как объемы, так и технологию производства. Следует выделить также общественную (классовую борьбу), которая постепенно заменяла войны в качестве толчка к преобразованиям в обществе. В настоящее время ведущими (из большого количества) силами в строго ограниченном аспекте, конечно, можно признать науку и информатику. Таким образом, на протяжении исторического процесса значение одних движущих сил уменьшается, других — возрастает. Он видится как ослабление старых и появление новых движущих сил, причем условно для каждой формации можно выделить один-несколько ведущих факторов.

Хотя, бесспорно, динамику изменения в движущих силах можно представить по-иному, чем это сделал я (доказательства моего подхода будут изложены во 2—3-й частях), но самое главное — принцип, согласно которому исторический процесс, его ритмы, этапы, скорость, многое другое неразрывно связаны с изменениями в движущих силах. Само собой, с учетом масштаба, объема, уровня анализируемого материала.

Такой взгляд позволяет интегрировать несколько точек зрения и теорий в рамках анализа всемирно-исторического процесса. Например, не будет смысла жестко противопоставлять роль исторической эволюции и естественного отбора³⁵, с одной стороны, и рост сознательного момента в человеческом развитии (то есть роль идей, гениев, личностей, новаторства и т. п.) — с другой. Органически вписывается в концепцию также увеличение значения производства и науки, особенно в последние несколько сот лет. Указанный выше подход объясняет также: а) как может сочетаться идея плюрализма (поскольку предполагается наличие многих факторов) и главных движущих сил, поскольку их роль меняется от этапа к этапу; б) причины ускорения развития и модификации общественных законов; в) причины появления нового и распространения его особым способом. Это то, что иногда называют канализацией развития, то есть развитие идет сначала в отдельных узких местах, а уже затем, благодаря распространению, и более широко; г) роль заимствований и контактов: в одних школах им уделено недостаточно внимания, а в других —

³⁵ Эти вопросы слабо разработаны в отечественной литературе. А между тем без их ясного понимания трудно понять и такой важнейший для истории момент: движение обществ, регионов и т. п. рисуется, как сочетание путей более или менее прогрессивных, ведущих к дальнейшему совершенствованию, и таких, которые ведут в тупик или к уничтожению.

чрезмерное (диффузионисты); д) возможность совместить значимость внутренних факторов (классовой борьбы, роли собственности и пр.) и внешнего воздействия, особенно в плане того, что общая линия движения человечества сочетается с разнонаправленностью развития отдельных обществ³⁶.

Посмотрим теперь на диалектику связи эволюции и других факторов. Эволюция — путь тяжелый, медленный и разрушительный, часто почти незаметный, создающий впечатление монотонно поворачивающегося на одном месте колеса (Тойнби). И именно такой предстает перед нами история древности и средневековья. И все же в бесконечном естественно-историческом отборе постепенно выявлялось методом бесчисленных проб и ошибок, «выбраковки» (Гэфтер) неудачных или несчастливых форм прогрессивное. Необходимость приравниваться к безжалостной окружающей природной и социальной среде способствовала лучшей приспособляемости³⁷. И выигрывал тот, кто вовремя и наиболее эффективно давал ответ на внешний вызов, был сильнейшим, энергичнейшим, наиболее сплоченным, организованным и т. п. Нередко в лучшем положении оказывались просто наиболее удачливые, «везучие»: защищенные от набегов кочевников, живущие на островах и т. п. Естественный отбор поэтому неразрывно связан со случайностями.

Упрощенно говоря, внешние движущие силы (природа, социальное окружение) воздействовали на общество так, что создавали возможности для естественного отбора, а различные контакты и заимствования способствовали распространению того, что представляло наиболее удачным. Соответственно, чем теснее связаны общества, тем больше возможность проявления и распространения достижений. Иными словами, появление принципиально нового есть синтез общечеловеческого и особенностей передового общества. С одной стороны, такой скачок подготавливается предыдущим развитием,

³⁶ Конечно, чтобы читатель яснее представил, каким образом все это может органически сочетаться, желательны дополнительные пояснения. Но объем первой части и так велик. Кроме того, я ограничиваю число примеров и объяснений еще и потому, что, в известной мере, вся книга иллюстрирует способы совмещения разных подходов.

³⁷ Исследователей во многих обществах восхищали целесообразность производства, быта, форм политического устройства, культуры и т. п. данной конкретной обстановки. Плеханов писал по этому поводу: «Тут повторяется то же явление, которое еще греческие философы замечали в природе: целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразное самим характером своим осуждено на гибель» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956. Т. 1. С. 644).

«опытом» за счет неудачных попыток нащупать новый путь, все большим назреванием потребностей в «решении задачи», пока линия эволюции не выйдет туда, где создались наилучшие условия для прорыва. Но с другой — где и как это произойдет, — вопрос конкретного исторического случая и совпадения особых условий.

Причем оформившееся здесь новое закрепляется по-настоящему, только если оно распространяется дальше породившего его общества.

В этой связи важно отметить и такой момент. Главными движущими силами в одних случаях могут выступать внешние воздействия, в других — внутренние противоречия (такими источниками могут быть, например классовая или партийная борьба). Но для каждого типа обществ (с учетом характеристики эпохи) есть свой определенный предел, потолок развития. Дальше него оно может пойти либо в результате выпадения из общего ряда как новая «веточка» эволюции, либо под воздействием более развитых соседей и при необходимой трансформации структуры. В ином случае общество вступает в кризис, но не в силах удовлетворительно, то есть радикально разрешить его. Это одно из объяснений циклов подъема и упадка, столь характерных для древних и средневековых обществ, особенно восточных. Государство каждый раз начинает очередной цикл с новой отметки, но поскольку развитие идет не в перспективном направлении, пропускает наиболее удачный момент для качественной мутации и трансформации, в результате все дальше заходит по тупиковому пути.

Таким образом, для глобального качественного рывка и выхода на более высокий качественный уровень необходимо появление новых движущих сил.

По мере развития все новых социальных факторов, особенно промышленного производства, науки, классовой и партийной борьбы, современных идеологий и т. д., а также ослабления изоляции обществ, роль эволюции ослабевает, а иных сил растет. В результате эволюция заменяется социальным реформированием. По мере же интеграции человечества и появления у него общих проблем и своего рода международной «этики», реформирование начинает перерастать в то, что можно назвать социальной селекцией (местный тип общества «скрещивается» с образцом передового) и инженерией (то есть конструирования модели общества и планирования его функционирования). Разумеется, эти способы развития еще в начальной стадии и полностью себя не проявили. А роль эволюции, хотя и ослабла, но все же сохраняется. Очевидно что изменение баланса

движущих сил ведет к модификации исторических законов.

Сделаем теперь несколько общих рассуждений, которые помогут яснее понять принципы совмещения анализа движущих сил на разных уровнях, в различные по длительности и характеристикам периоды и перехода от одних к другим.

Как уже сказано, без противоречия нет развития. Но что такое противоречие? С одной стороны, мы единую действительность делим на то, что видим как гармонию и ее отсутствие. Но с другой — такое деление не выдуманно а имеет и объективные основания. Однако противоречия столь же многолики, сколь разнообразна реальность, поэтому целесообразно их классифицировать и типизировать. В целом же для нашего случая противоречие можно было бы определить как столкновение различных по характеристикам сил и воздействий. Из такого столкновения может возникнуть особого рода равнодействующая сила, либо новая потребность (ее осознание) и попытки ее разрешить и т. п. В общем плане наличие определенного противоречия и возможностей для его разрешения и создают основу для развития. И наоборот, отсутствие или слабость противоречия лишают общества возможности меняться.

Без противоречия нет развития, но возникновение противоречия не ведет автоматически к развитию, поскольку оно может долго или вовсе не разрешаться. Бывает, что из-за этого нарушается цикл, общество так и живет с нарушенным и ставшим уже привычным, вроде опухоли, воспроизводством. Оно может постепенно угасать или быть взорвано изнутри неразрешимым иначе противоречием (восстание, революция и пр.), чтобы на его обломках началось новое движение с более низкой отметки.

Значит, движущие силы можно разделить на подводящие к противоречию и разрешающие их. Иногда они совмещаются в одном факторе (например, современные производительные силы, наука), но обычно между возникновением и нарастанием противоречия, с одной стороны, и его положительным разрешением — с другой, проходит время, порой настолько длительное, что проблема перезревает и парализует всякую нормальную жизнь.

Можно сделать вывод, что когда в обществах преобладает стремление к сохранению (консервации) отношений и образа жизни, то развития почти нет или оно случайно. Такая ситуация особенно характерна для первобытности. Однако с усложнением социальных организмов и увеличением их контактов появляются многочисленные

источники противоречия, поэтому абсолютно господствовать консервативная тенденция не может.

Преодолевается противоречие в зависимости от особенностей обществ по-разному, но лишь как необычный вариант в результате такого процесса открывается перспектива нового. По мере того как эволюция заменяется другими способами трансформации, происходит также изменение типов противоречия и их разрешения.

Рудольф Карнап делил понятия науки на три вида: классификационные (то есть относящиеся к выделяемому классу, например, теплых предметов, планет, феодальных обществ и т. п.), сравнительные, то есть позволяющие сравнивать вещи: теплее, демократичнее, прогрессивнее и т. п.; и количественные, то есть выраженные языком цифр, для которых особенно важны конвенции, соглашения³⁸.

Для анализа исторического процесса они также интересны. Но, может быть, еще более важным для него будет деление категорий на две группы, характеризующие общества в состоянии покоя и в состоянии изменений³⁹. Конечно, между покоем и развитием есть множество промежуточных градаций и типов, не учитывать которые при тех или иных задачах нельзя. Для оформления такой глобальной категории можно было бы использовать термин: тип состояния. В свою очередь он делится на тип покоя (стабильности) и тип изменений. Кроме полезных (относительно развития), могут быть также вредные или безразличные изменения. Такие можно назвать неразвивающимися. И хотя в этом исследовании речь идет прежде всего о качественном развитии, о них также нельзя забывать, иначе трудно понять причины застоя, упадка, регресса.

На развитие и его темпы колоссальное влияние оказывает момент сознательного стремления к целям, достижение которых требует определенных изменений в обществе, и тем более сознательного стремления к изменениям как цели. В этой связи нельзя не отметить,

³⁸ Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. С. 97—109.

³⁹ Такое деление возникло довольно давно, и еще Конт ввел понятия «социальной статики» и «социальной динамики». Но, конечно, «не существует таких состояний общества, которых бы не затрагивали никакие перемены» (Маркович Д. Общая социология. Р-Д, 1993. С. 17). А Башляр отмечал: «Устойчивый объект, неподвижный объект, вещь в состоянии покоя задавали область подтверждений аристотелевской логики. Теперь перед человеческой мыслью возникают другие объекты, которые невозможно остановить, которые в состоянии покоя не имеют никаких признаков и, следовательно, никакого концептуального определения» (Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 252).

что у некоторых исследователей нет четкости в различении деятельности людей вообще, безотносительно к тому, насколько они желают изменений, и деятельности, так или иначе осмысленно направленной к ним (первую я буду называть неосознанной вторую — осознанной). В связи со сказанным сложно согласиться с такими, например, идеями. «В научной и учебной литературе движущие силы общества нередко связывают с определенной направленностью, с прогрессивными преобразованиями общества. Нам такой подход представляется односторонним. Ведь жизнь общества, его история есть целостный процесс. Он складывается из сложного переплетения противоборства самых разных людей, классов, наций, народов. В этом смысле **всякая деятельность людей есть движущая сила** (выделено мной. — Л. Г.). И она является таковой не потому, что она прогрессивна, либо реакционна, стихийна, либо сознательна и т. д., а потому, что она есть именно человеческая общественная деятельность. Иначе говоря, качество быть движущей силой **есть имманентное существенное качество человеческой деятельности вообще и эта деятельность в силу указанных причин не делится на движущую или недвижущую**»⁴⁰ (выделено мной. — Л. Г.).

Было бы гораздо правильнее построить ряд качества: осознанная — неосознанная деятельность и больше внимания уделить типологии этих различий. Ведь и сам автор Цитаты определяет движущие силы как деятельность людей, но «раскрытую с точки зрения ее внутреннего механизма, ее факторов и причин»⁴¹. Разве это прямо не связано с тем, насколько сознательно стремились те или иные субъекты к поставленным целям и что из этого вышло?

Очевидно, что в ряду качества осознанная — неосознанная деятельность, ведущая к развитию⁴², мы видим два полюса, две крайние точки, к которым никогда она полностью не приближается (поскольку, с одной стороны, всегда каким-то боком проходит через сознание, а с другой — даже самая планируемая деятельность ведет и к результатам, которых не ждали). Но градации здесь колоссальны. И самые неосознанные вещи могут вести к глобальным переменам, но это дело случая и длительного накопления различных вещей, затем создающих условия для скачка. Но такое развитие совсем иное, чем сознательное движение людей и коллективов к каким-либо целям.

⁴⁰ Барулин В. С. Социальная философия. В 2 ч. М., 1993. Ч. 1. С. 255.

⁴¹ Там же. С. 254.

⁴² Само собой очевидно, что осознанная деятельность может быть направлена на уничтожение, консервацию и т. п.

Несомненно, что даже жизнь какого-нибудь племени, которое жило без заметных изменений несколько тысяч лет подряд, а потом сгинуло без следа, можно представить частичкой единого пути человечества, как и вообще любые действия людей в определенном аспекте можно вписать в общую историческую эволюцию, хотя бы они были самыми что ни на есть новаторскими, нетворческими, рутинными. Так, сотни тысяч лет люди охотились и собирали растения, что способствовало их размножению, расселению и развитию. Но такая деятельность напоминает «деятельность» животных, меняющих карту моря, ландшафты или способствующих появлению новых видов. Если мы такую стихийную жизнь сравниваем с творческой, то подорвем саму идею о социальных движущих силах и отличии биологической эволюции от исторической⁴³. И уж тем более такой подход не годится для анализа коротких временных периодов.

Собственно, это узловой момент, вокруг которого уже два столетия идут споры о том, кто главный субъект истории, как соотносятся идеи и материальная жизнь и т. п.

Да, можно сказать, что всякая деятельность и общественная жизнь (от неандертальцев до современных людей) есть движущая сила. Но это будет иметь смысл только как противостояние социального и биологического, человеческой и животной психики. Но как основа рассуждений о движущих силах истории (общества) это теряет смысл, поскольку категория нуждается именно в том, чтобы выделить из общего контекста, каковым и является человеческая деятельность вообще, причины развития.

Постановка вопроса так, что внутри самого социального есть имманентное стремление к самосовершенствованию, неправильна и неисторична. Таким образом не объяснить разницу в результатах и темпах развития.

Возникают очень важные вопросы о том, когда и как появляется сознательное стремление к изменениям и какие этапы проходит этот процесс. Насколько совпадают конечные (и иные любые) итоги и первоначальные цели? Насколько отлично развитие в результате сознательных устремлений и неосознанных в этом плане действий? И т. д.

⁴³ По мнению П. Сорокина, «выдавать за социальные факторы то, что свойственно всему миру животных, равносильно положению, что закон тяготения приложим только к данному падающему камню, — занятие малопродуктивное и во всяком случае не экономное» (Сорокин П. А. О так называемых факторах социальной эволюции. С. 525).

Нет никакого сомнения в том, что стремление к переменам и улучшениям как у отдельного человеческого индивида, так и у коллективов — качество потенциальное, то есть такое, которое в принципе может проявиться, но долго «дремлет». В ряде обществ оно так и остается в неразвитом состоянии, а в других — при благоприятных обстоятельствах способно стать постоянным (причем для разных сфер жизни это происходит с огромным временным разрывом)⁴⁴. Стремление к изменениям превращается во внутренний источник развития относительно поздно, когда сознание связало два момента: необходимость перемен и их благотворность для решения многих проблем⁴⁵. Таким образом, человеческая деятельность, связанная с попытками изменить ситуацию, есть не имманентное, а лишь потенциальное свойство.

Когда те или иные стремления людей и групп становятся осознанными, получают определенную базу внутри обществ и тем более морально-правовое обоснование, тогда они, по выражению Маркса, превращаются в материальную силу, мало того, движущую силу, которая не дает людям и коллективам стоять на месте. И история демонстрирует нам, как вызревают все новые побудительные мотивы и, наоборот, подавляются старые (например, стремление к завоеваниям, столь важное в прежние времена).

Таким образом, движущей силой развития будет не вся деятельность людей, а только такая, которая создает условия для того, чтобы прежний цикл нарушился, в еще большей степени такая, что заставляет искать новые ответы на прежние или вновь возникающие вопросы, и еще более такая, которая целенаправлена на поиск нового или лучшего, хотя бы в этом еще и не было острой нужды. Данное положение относится и ко многим другим движущим силам: чем менее ясно осознана их роль, тем труднее идет развитие.

Проблема осознанной — неосознанной деятельности занимает

⁴⁴ Но теперь уже ясно, что гипертрофированное стремление к изменениям может быть так же вредно, как и страсть к постоянству во что то ни стало. И когда эта идея станет совсем ясной (когда жизнь заставит ее не только понять, но и принять), тогда, вероятно, найдутся способы, не гася стремление к улучшениям, поставить их под такой контроль, который не даст возможности разрушить основы общественной стабильности.

⁴⁵ Это одно из философских объяснений (если, конечно, не падать в расизм) того, почему жизнь многих народов и даже цивилизаций мало повлияла на развитие человечества, а других — колоссально.

важное место в общей концепции движущих сил. Увеличение доли действий, сознательно направленных на изменения, — одна из серьезнейших причин того, что стихийное эволюционное развитие заменяется элементами социальной генетики и инженерии. Но это также одна из причин изменения и самого **типа эволюции**. В моем представлении такая трансформация выглядит следующим образом.

Период антропогенеза — это переход от биологической к социальной эволюции. Но и **социальная** проходит ряд этапов. В первобытности она очень медлительна, **потому** что является **стихийно-социальной**. С появлением государств и цивилизаций можно говорить о формировании собственно **исторической эволюции**. древности и средневековье она по нынешним меркам все еще очень медленна и разрушительна. Это военно-цивилизационная эволюция. Затем ее сменяет новый вид исторической эволюции: промышленно-реформаторский (революционный). Наконец сегодня формируется иной тип эволюции — общечеловеческий. Но на последних этапах, как сказано, роль эволюции уменьшается, угасает (хотя и не полностью), а роль иных факторов развития и законов увеличивается.

Эволюционный (естественно-исторический) аспект желательно также связать и с тем, который в литературе иногда называют субъектным. Взаимодействие этих моментов удобно представить как сочетание движущих сил разных уровней, как соотношение глобальных и малых причин.

Исходным можно взять принцип, согласно которому уровень причины должен в целом соответствовать уровню результата. Это значит, что очень серьезные, качественные, глобальные изменения нельзя объяснить лишь случайными индивидуальными причинами, например, только чертой характера личности, только совпадением случайности и т.п.

Да, в некоторых состояниях общества любые воздействия могут стать важнейшими. Но в других ситуациях самые, казалось бы, подходящие состояния (та же неустойчивость, вызванная войнами и смутами) ничего не дают. Поэтому при анализе исторического процесса мы сталкиваемся и с таким явлением, что насыщенные политическими и военными событиями большие эпохи из-за того, что мы не можем обнаружить развития, кажутся нам пустыми⁴⁶, а в некоторых

⁴⁶ Вот один из подобных примеров: «История последующих (после VII в. н. э. — Л. Г.)

небольших по времени периодах (например, во время великих революций и войн) важными и существенными оказываются даже мелочи, тем более **если они так или иначе повлияли на лицо мира в дальнейшем**⁴⁷.

Да, дело во многом объясняется тем, что именно состояния неустойчивости потенциально могут рождают новое. Но здесь надо добавить очень важное правило, которое часто не учитывается, а оттого все синергетические подходы остаются бесплодными: **состояние неустойчивости может рождать новое, только если ход эволюции (и предшествующего развития) подготовил дня этого возможности**. Именно поэтому в некоторые кризисные периоды, которые совпадают с временем поиска историей новых путей, резко возрастает и роль отдельных деятелей, и значение эпизодов, мелочей, пустяков. Ведь в месте такой развилки-бифуркации случай может как способствовать, так и препятствовать появлению нового⁴⁸.

Поскольку же для реализации нового нужно, как сказано, стечение особых условий, то неизбежно в дальнейшем общество носит отпечаток этой комбинации. А если его путь становится образцом для подражания другими, то она так или иначе формирует и развитие иных (иногда многих) обществ. Так что роль случая в определенные моменты действительно весьма велика. Но ее не стоит и преувеличивать и тем более мистифицировать. Раз возможность стала действительностью, то и малое становится уже большим, а в том смысле, в каком употреблялось в первой главе, и закономерным.

столетий представляет собой довольно однообразное чередование распрей между соперничающими местными династиями, которые можно более или менее подробно проследить благодаря многочисленным надписям и указам, выгравированным на медных пластинках, но подробности **эти монотонны и никому не интересны, кроме специалистов**» (выделено мной. — Л. Г.) (Бэшем А. Чудо, которым была Индия. 1977. С. 78-79).

⁴⁷ Такое различное восприятие имеет и много причин, в том числе и недостаток или фрагментарность знаний или научные традиции, например, то, что Шпенглер критиковал как европоцентризм.

⁴⁸ Арон замечает по этому поводу: «Признаться, я мало чувствителен к ретроспективному доказательству того, что происшедшее не могло быть иным» (Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993. С. 181). А Антонио Грамши утверждает: «В действительности можно «научно» предвидеть только борьбу, но не ее конкретные моменты, являющиеся результатами постоянного движения противоположных сил, которые никогда нельзя свести к фиксированному количеству, поскольку в этом движении количество постоянно превращается в качество. Действительно, «предвидят» в той мере, в какой действуют, применяют сознательные усилия и тем самым конкретно способствуют возникновению «предвидимого результата» (Пит. по: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959. С. 183).

Таким образом, глобальные перемены реализуются в том числе через малые причины и явления и поэтому носят их отпечаток. Но мы немного пойдем в историческом процессе, если будем акцентироваться только на этой стороне и начнем игнорировать значение общего хода дел, накопленного к этому моменту опыта, синтезирования предыдущего прогресса в анализируемом обществе и месте, наконец, такие вещи, как большая или меньшая вероятность какого-то события и т. п. Вот с этой позиции и можно сказать, что уровень причины равен уровню результата. Коренные изменения могут не произойти по воле случая, но произойти только по воле случая не **могут** определенно. Иными словами, накопленные тенденции не всегда реализуются и реализуются по-разному благодаря стечению обстоятельств, но обстоятельства только открывают им вероятность, однако не рождают саму возможность, для которой нужно то, что называется объективными предпосылками. В свою очередь, конкретные моменты нельзя объяснить только крупными выводами⁴⁹.

Сказанное дополняет и следующее правило: чем длительнее по времени воздействие, тем оно может быть слабее в каждый данный момент. Речь идет о процессе, который можно принять за константу. Постоянно действующий фактор способен оказывать большое влияние и за длительный срок очень сильно воздействует на объект. Но сила его может оказаться слабее любой другой временной причины. Господство религии не означает отсутствия периодов упадка ее влияния. Длительный социальный мир может прерываться волнениями. И т. п. Такой подход проясняет во многом мнимость противоречия, на которое иногда указывают противники идеи сквозных факторов: почему глобальная причина не действует в тот или иной момент. Но стоит ли удивляться? Причина действует. Однако влияние иных вещей оказывается временно больше. Если затем воздействие этих локальных сил ослабевает или прекращается, положение восстанавливается. Если нет — значит временные причины начали переходить в разряд постоянных или заменились иными.

⁴⁹ Например, вопрос о причинах появления и роли того или иного Фаворита не объяснить просто наличием строя, порождающего фаворитизм. Тут приходится вдаваться в самые мелкие и личные моменты.

Аналогично и вопрос об индивидуальных чертах процесса индустриализации в Англии, которые в дальнейшем стали образцом для подражания, не понять без тщательного исследования многих исторических особенностей Англии XVIII и предыдущих веков.

Завершая параграф, можно констатировать, что учет различных сил, их мощи и воздействия — достаточно эффективный и удобный, причем не дискредитировавший себя прием. Он позволяет лучше увидеть, как совмещаются общие и частные, глобальные и локальные, сквозные и кратковременные и другие причины. Думаю, что будет полезно сформулировать относящиеся к данному методу правила. Они достаточно просты, если о них не забывать, позволяют избегать ошибок. Но они не прилагаются одновременно к разноуровневым явлениям.

Чем больше что-либо проявляется в количестве, тем слабее может быть в качестве. Соответственно, чем больше возможности количественного развития, тем слабее потребность в качественном. Так, рост численности населения может гасить нужду в технических усовершенствованиях, и наоборот, отсутствие целинных земель иногда приводит к интенсификации сельского хозяйства.

Обратно: **чем заметнее рывок в качестве, тем меньше количество таких проявлений.** Новое не рождается массово, иначе оно из уникального становится типичным. А подражание новому вместе с удачами неизбежно дает и брак среди тех, где общественный материал неподходящ для такой трансформации или нет нужных условий и т. п. Однако **чем больше качественных изменений, тем быстрее развитие. И наоборот.**

Наконец, вспомним то, что говорилось о яркости проявления законов. Нельзя «требовать», чтобы нечто заметное в один момент и в своих условиях было столь же заметным в других. Соответственно, как уже отмечено, постоянно действующие факторы не могут быть всегда доминирующими. Для одних движущих сил необходима длительность действия⁵⁰. Для других — определенный объем, поле приложения (например, больше, чем одно общество). Для третьих — именно неустойчивость, для четвертых — стабильность и т. д.

Иными словами, исследуя роль той или иной движущей силы, мы должны сформулировать общее правило, второе показывает, при каких условиях действие ее становится ярким и важным. Необходимо также понять принципы, на основании которых мы объединяем в одну силу фактически множество разных, и затем конкретизировать их для меньших масштабов, уровней, периодов. Следующий параграф в

⁵⁰ Как отмечал Гегель: «Поступательное движение мира происходит только благодаря деятельности огромных масс и становится заметным только при весьма значительной сумме созданного» (Гегель Г. Соч. Т. III. С. 95).

значительной мере может показать, как это делать практически.

§ 2. О роли личности в истории

Стали уже общим местом высказывания о том, что именно люди (и никто другой) делают историю. Поэтому, если не полагать, что они лишь марионетки в руках высшей силы, вопрос о роли наиболее заметных деятелей становится в ряд важнейших. Не утратил он актуальности и сегодня. По этому поводу высказано множество мнений. Чтобы не вдаваться в историю споров по данной теме, можно отметить, что столкновение взглядов по этому вопросу часто принимало вид «антиномии, первым членом которой являлись общие законы, а вторым — деятельность личностей. С точки зрения второго члена антиномии история представлялась простым сцеплением случайностей; с точки зрения первого ее члена казалось, что действием общих причин были обусловлены даже индивидуальные черты исторических событий»⁵¹. С прошлого века ситуация принципиально не изменилась.

Много раз обдумывая проблему, я пришел к выводу, что в рамках указанной антиномии ее не разрешить, поскольку частичная правота есть и в том, и в другом подходе. Вероятно, многие ученые думали так же, поэтому старались уйти от крайностей: полагать, что исторические

Деятели лишь орудия в руках Бога⁵² или темных сил истории, либо мистифицировать роль деятелей, описывая их полубожественными демидургами, не считающимися ни с чем, кроме своих целей⁵³.

Но и «средний взгляд» не разрешает проблему достаточно глубоко. Ибо он полностью не устраняет важнейшей причины, по какой до сих пор нет удовлетворительной теории, описывающей и объясняющей роль личности в истории. Я имею в виду то, что данный вопрос принадлежит к группе тех в философии, которые построены, так

⁵¹ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Избранные Философские произведения. В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 331.

⁵² «...судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа...» (Гегель. Философия истории. Соч. М. Л., 1935. Т. VIII. С. 30).

⁵³ «Третье возможное решение вопроса об историческом значении личности представляет комбинацию или примирение субъективной и объективной точек зрения. Личность есть как причина, так и продукт исторического развития... Это решение, в его общей форме, кажется наиболее близким к научной истине...» (Раппопорт Х. Философия истории в ее главнейших течениях. СПб., 1899. С. 10).

сказать, в абсолютном плане и потому требуют абсолютного ответа. Но поскольку истина конкретна, любой такой ответ, который призван на роль универсального на все случаи жизни, либо превращается в неприемлемую догму⁵⁴, либо становится слишком неопределенным, чтобы использоваться для прямого действия.

Предположим, что мы сформулируем проблему так. Способна ли какая-либо личность стать важнейшим самостоятельным фактором, меняющим общество (эпоху, господствующие взгляды) в зависимости от своего понимания дела, или она только реализует заложенное предшествующим развитием, что неизбежно должно проявиться? Другими словами, изменился бы существенно ход истории в некоторых случаях, не будь той или иной личности, или, напротив, появившись в нужный момент нужный деятель?

Но, если быть объективным, придется ответить, что в некоторых случаях ход истории действительно изменился бы, а в других — едва ли. Подобная растяжимая формула тем не менее имеет значение, если мы представляем ее в виде общего принципа. Для нашего случая он мог бы выглядеть так: в зависимости от самых разных условий и обстоятельств, с учетом особенностей исследуемого места, времени и индивидуальных черт личности, ее историческая роль может колебаться от самой незаметной до громаднейшей.

Такая идея позволила нам надстроить теорию, найти соприкосновение для разных точек зрения и как бы привести их к общему знаменателю. Это важный шаг. Но чтобы облегчить поиск ответов на более конкретные вопросы, указанный общий принцип необходимо развернуть в довольно объемную теорию с соблюдением нужных правил соответствия и процедур. А чтобы только приблизиться к подобию теории, необходимо заняться уточнением проблемы, разбить

⁵⁴ Вот один из многих примеров подобного ответа. Плеханов пишет, что роль личности и границы ее деятельности определяются организацией общества, и «характер личности является «фактором» такого развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 322). В целом это во многом верно. Но каковы возможности личности, если общественные отношения позволяют ей становиться «фактором такого развития?» Ведь если характер общества дает простор произволу (а в истории таких случаев едва ли не большинство), то исходное плехановское положение мало чем поможет нам. Разве в этой ситуации развитие не может стать более зависимым от желаний и личных качеств правителя, который и станет концентрировать силы общества в нужном ему русле, чем от иных причин? Так же однобоко выглядят и другие общие, претендующие на универсальность ответы.

ее решение на этапы, варианты, сделать необходимые оговорки и т. д. Очевидно также, что если строить ответ на данный вопрос в виде закона, то он должен подчиняться соответствующим логическим и методологическим правилам: учитывать уровень, аспект и масштаб обобщений, соотносить эпоху и изучаемое время и т. п. Кроме того, в зависимости от задачи и иных моментов роль одной и той же личности может представлять раз от раза существенно иной. Выработанные общие идеи способны во многом помочь исследователю, но их определенно недостаточно, чтобы оценить роль конкретного деятеля, поскольку для этого нужны специальные изыскания.

В этом параграфе будет методологически верным представить наш вопрос как весьма специфический, но все же частный случай проблемы движущих сил исторического развития. Тогда логично будет применить к анализу роли личностей важные исходные принципы: учитывать взаимосвязь всех исторических сил (а не вырывать личные побуждения из общего контекста); различать осознанные и неосознанные действия; показать, как меняется роль деятелей от формации к формации; понять, что увеличивает Их роль, а что ослабляет, и т. д. Но, поскольку далеко не все личности содействуют развитию, исследуемый вопрос в этом отношении становится шире, чем просто одна из специфических движущих сил.

Признавать роль личности малой логично только, если считать реальной некую внеисторическую силу (бога, судьбу и т. п.), либо полагать, что все изначально предрешиено⁵⁵. В ином случае главные рассуждения детерминистов (например, что не пояись та или иная личность, ее все равно заменила бы другая и общий ход истории остался бы примерно таким же) не выдерживают критики⁵⁶. В истории слишком много вещей и явлений персонифицировано. Иногда это не

⁵⁵ Например, рассуждая так: «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка.

«Сердце царевы в руке божьей». Царь — есть раб истории.

История, то есть бессознательная, общая, роевая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя как орудием для своих целей» (Толстой Л. Н. «Война и мир». В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 5).

⁵⁶ «Тот, кто утверждает, будто индивидуальное историческое событие не было бы иным, если бы даже один из предшествующих элементов не был тем, чем он в действительности был, должен доказать это утверждение. Роль личностей и случайностей в исторических событиях является первым и непосредственным элементом; тем же, кто отрицает такую роль, нужно доказать, что это не так» (Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 506).

столь важно (об этих ситуациях дальше), но в других случаях, особенно когда предстоит важный выбор, персонифицированность оказывается исключительно значимым моментом.

Но оставаясь на позициях здравого смысла, мы не можем не заметить обусловленность роли личностей общественным устройством, а также особенностью ситуации. Невозможно не отметить, что в одни периоды (нередко даже длительные) мало выдающихся людей, в другие (часто весьма короткие) — целые когорты. Люди титанического склада терпят неудачу, а ничтожества оказывают гигантское влияние. И т. д. Очевидно, что значение деятеля зависит далеко не только от его личных качеств и поэтому всякого рода романтические высказывания⁵⁷ не дают ключа к ответам на данные вопросы. Определенно, что роль личности зависит от множества разных причин и только «кажется, что герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и их сознанием»⁵⁸. Но, с другой стороны, именно действия лидеров (а иногда и рядовых людей) определяют исход противоборства и судьбу разных тенденций. Вот, исследуя эти противоречия, мы и попытаемся выяснить те причины, помимо личных особенностей, которые усиливают или ослабляют значение деятелей.

Все сделать в рамках одного параграфа невозможно. Поэтому, как и в предыдущем случае, мы лишь наметим некоторые возможности и варианты решения проблемы.

Начнем с того, чтобы уточнить, о какой собственно роли идет речь. Иногда ее сводят лишь к прогрессивному (или отрицательному) влиянию. Но тогда и проблему надо сужать до соответствующего масштаба, а не выдавать частный ответ за общий. Наметим типологию «ролей».

1. По времени воздействия: в момент совершения действия, или позже, но при жизни деятеля, или после смерти, или даже много спустя после смерти. 2. Ближе к «1» — непосредственная и опосредствованная. Так, в отношении Октябрьской революции Ленин играет непосредственную, а Маркс — опосредствованную роль. 3. По самому факту отсутствия или наличия личности. Например, соответственно отсутствие наследника у Федора Ивановича и факт избранного народом царя Михаила Романова, хотя и бездеятельного в

⁵⁷ Вроде того, что «история мира — биография великих людей» (Томас Карлейль).

⁵⁸ Гегель Г. Философия истории. Соч. Т. VIII. М. — Л., 1935. С. 29.

первое время. 4. Близко к «3» — активная или пассивная. Например, посаженный в тюрьму в конце прошлого века во Франции Альфред Дрейфус сам играл пассивную роль, но едва не вызвал раскол страны. 5. Планируемая — непланируемая. Это важно, так как множество влияний никем не планировалось и даже не предполагалось, но часто именно они и являлись наиболее значимыми⁵⁹. 6. По наличию или отсутствию выбора. Иногда главное — сделать нечто, поскольку всем ясно, что надо делать, но нет нужной фигуры. Так, россияне в 1610—1611 гг. знали, что нужно прогнать поляков из Москвы, но сначала должен был появиться Козьма Минин. Такова же роль Жанны д'Арк. В других ситуациях главное — определить путь развития. Например, Бисмарк стремился объединить Германию силой оружия, другой А. Н. Чемберлен и Э. Даладье в этом плане фигуры отрицательные, не сумевшие избрать правильный путь в борьбе с Гитлером. 7. По роду деятельности, поскольку то, что для одних сфер благоприятно, для других — нет, а то и смертельно. 8. По прогрессивности — реакционности. При прочих равных условиях все же можно сказать, что отрицательную роль сыграть проще, чем положительную, и нередко, чтобы помешать, не допустить, довести до кризиса и т. п., не нужны никакие способности, тогда как для создания чего-либо нового они почти всегда нужны. Для этого требуются и определенные условия⁶⁰. 9. По степени новаторства. 10. По заменимости. 11. Совершенные индивидуально или в рамках организации. 12. Другие. Причем для каждого типа нужно строить свой ряд качества, исследуя градации и переходы и учитывая, что нет чистых типов, а чаще всего они смешаны. И для каждого типа или их комбинации при анализе нужно определить их особенности, благоприятные или

⁵⁹ «...История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств... то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате получается нечто такое, чего никто не хотел» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С 395—396).

Подобное случается и с идеями. Например, они могут быть вырваны из контекста мировоззрения автора и подняты на щит воинствующей идеологией. Хрестоматийный случай — знаменитые фразы Мичурина о том, что мы не можем ждать милостей от природы..., или Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Но вообще же, чтобы идеи стали трать какую-либо роль, нужно совпадение ряда условий. Просто так, благодаря только их ценности, они не закрепляются в обществе.

⁶⁰ Для разрушительной же роли иногда вообще не требуется ничего более, кроме необходимых черт самой личности. Так прославился Герострат. Таковы и современные Геростраты — террористы. Здесь личность выступает иногда в «химически чистом» виде. Но бывает так и для изобретателя, ученого-одиночки. Но, конечно, чтобы стать великим разрушителем, типа Чингисхана и Тимура, нужны и «талант», и условия.

неблагоприятные моменты. Теперь яснее видно, насколько разными могут быть «роли» и сколько ступенек-уровней нужно пройти, чтобы от общего перейти к конкретному случаю.

Итак, в самом обобщенном виде речь идет о том, что, благодаря своим личным особенностям, или случаю, или общественному положению, или специфике времени и т. п., какой-либо человек может оказать самым фактом своего существования, своими идеями, действиями или бездействием, прямо или косвенно, в период его жизни или даже после смерти такое воздействие на свое или чужие общества, которые можно признать важными, поскольку они оставили заметный след в истории и дальнейшем развитии обществ (положительный, отрицательный или какой-то еще).

Аналогично обстоит дело с уточнением того, что понимается в каждом данном случае под личностью. Можно, скажем, рассматривать лишь результат, безотносительно к индивидуальным способностям деятелей⁶¹. Иное дело, брать выдающихся по личным качествам людей.

Но далеко-далеко не все они достигли заметных результатов. То же в еще большей степени касается вопроса о прогрессивной или реакционной деятельности, моральной оценке и других параметров. Неудивительно, что без подобного рода уточнений споры вращаются в схоластическом колесе, когда-либо доказывается одно и то же, либо спорят о разном.

Наконец встает вопрос и о том, каков критерий различения выдающихся и обычных личностей. В этом плане К. Каутский ставит, на мой взгляд, проблему правильно. «Вопрос, о котором здесь идет речь, заключается не в том, совершается ли исторический процесс людьми или какими-нибудь другими факторами, которые должны быть совершенно мистической природы, а вопрос стоит так: является ли исторический процесс продуктом деятельности всех людей, при наличии которых он совершается, или же человеческая масса представляет собою пассивную материю, которая нуждается в толчках со стороны отдельных выдающихся индивидуумов, приводящих ее в движение и указывающих массе направление, в котором она должна следовать. Спрашивается, следовательно, действительно ли масса

⁶¹ Тут вместе с Каутским уместно было бы сказать, что «под такими выдающимися личностями не обязательно нужно подразумевать величайших гениев. И посредством, и даже стоящие ниже среднего уровня, а также дети и идиоты, могут стать историческими личностями, если им попадает в руки большая власть» (Каутский К. Материалистическое понимание истории. М.—Л., 1931. Т. 2. С. 687).

является пассивным материалом, а выдающиеся личности — движущим началом»⁶².

Однако данный им ответ мне кажется неудовлетворительным:

«История делается всегда индивидуумами, обладающими волей, но эту историю делают все индивидуумы а не только отдельные выдающиеся личности», поскольку «историческое... влияние личности прежде всего зависит от силы класса или группы, доверие которых эта личность завоевала и в качестве представителя которого она выступает. Совокупные силы этой группы или класса кажутся тогда историку личной силой их представителей. Поэтому силы этой личности могут принимать в описании сверхчеловеческие размеры»⁶³.

Такой ответ неправилен потому уже, что он игнорирует наиболее важный для нас момент — яркость проявления. Это аналогично утверждению, что любая человеческая деятельность есть движущая сила, разобранным в прошлом параграфе. Да, формально историю делают все индивидуумы. Так же, как можно считать, что все предметы притягиваются. Но нужен ли был бы закон всемирного тяготения (и был бы он открыт), если бы речь шла только о телах небольшой массы? То же самое и здесь. Есть ли смысл говорить о выдающихся личностях, если приравнять их к самым рядовым? Да и фактически роль обычного человека не просто мала. Его влияние или гасится иными воздействиями, или включается в общую силу (в огромной мере помимо или вопреки его воле). Кроме того, чаще всего он мало представляет общую ситуацию. А если его поступок стал важным в каком-либо роде, то он перестает быть рядовым (чуть позже мы еще вернемся к соотношению личностей и масс). Таким образом, существует некая критическая точка воздействия личности на общество, за которой только это воздействие и становится заметным.

Возвращаясь к оценке личности, данной Каутским (а он здесь не одинок), можно сказать, что описанная им ситуация действительно распространена. Сила личностей нередко напрямую связана с мощью организаций и групп, которые она представляет или возглавляет, а наибольших успехов при этом добивается именно тот, кто лучше спланирует своих сторонников. В этом случае, по замечанию Плеханова, личность как бы приписывает себе часть сил других. Но даже и такой вариант не отменяет факта, что порой именно от личных

⁶² Каутский К. Указ. соч. С. 687.

⁶³ Там же. С. 696.

особенностей лидера и зависит, куда повернет эта общая сила⁶⁴. История только профсоюзов и забастовок дает здесь массу иллюстраций. Однако это лишь одна из ряда возможных ситуаций. Бывает так, что побеждает не просто более значительная сила, а сама ее значительность определяется в гигантской степени именно тем, кто их возглавляет. Ведь и судим мы о мощи соперничающих сторон часто прежде всего по результату, а не по потенциям. Поэтому роль лидера в такой ситуации (сражение, выборы и пр.), его соответствие этой роли имеет, можно сказать, определяющее значение, поскольку «само сложное переплетение антитетических условий приводит к тому, что в критические моменты определенные личности, гениальные, героические, удачливые или преступные, призываются сказать решающее слово»⁶⁵.

Следующую ситуацию можно назвать историческим **ВОЖДИЗМОМ**. Какой-нибудь человек призывает всех, любого встать под его знамена. Ему не важно, кто именно это будет, тут нет никаких ограничений, лишь было бы побольше приверженцев. (Особенно это вероятно для обществ, где классово-сословное деление выражено нечетко). Таковыми бывают проповедники, честолюбивые политики (вроде Катилины в Риме), бунтари и т. п. У такого деятеля либо неопределенный круг сторонников, либо его возможности и степень поддержки удастся определить только по совершившемуся факту. Сила будущего движения связана с энергией и удачей лидера и, наоборот, роль этой личности прямо пропорциональна увеличению числа его сторонников.

Таким образом, иногда группы и направления могут оформиться, только если появляется организатор-объединитель (подпольная партия, секта и т. п.), иногда — напротив, государственный аппарат, элиты и партии как бы «выстреливают» лидеров, когда те умирают, дискредитируют себя или приходит срок выборов. Это характерно для монархии при правильной передаче власти («король умер, Да здравствует король!») и при развитой демократии.

Есть ситуации, когда ощущается дефицит личностей и приход ее вовремя равносильна крайнему усилению тенденции. Но может быть и наоборот — существует конкуренция, и хотя кто-то может сделать

⁶⁴ «Мы знаем, что кучка лидеров может принудить свою нацию к определенному курсу действий» (Миллз Т. /Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 83).

⁶⁵ Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 183.

лучше или быстрее, но в общем плане это не столь важно, поскольку разница во времени и в другом будет не слишком большой⁶⁶.

Роль личности в делах, требующих наличия только единственного варианта (религии при отсутствии веротерпимости, монарх, наследник, главнокомандующий и т. п.) гораздо выше, чем в ситуациях, где допускаются альтернативные варианты (в науке⁶⁷, культуре, изобретательстве и пр.), и тем более там, где какой-либо деятельностью занимается много людей. Так, в бизнесе могут быть исключительно выдающиеся люди. Нетрудно вспомнить очень яркие фигуры миллиардеров, но мало о ком можно сказать, что его роль в национальном и тем более мировом плане была такова, что так или иначе, чуть хуже или позднее его не могли бы заменить другие.

Еще одна — **роль в будущем**. Первоначальное воздействие личности и ее идей слабо. Но впоследствии она может стать колоссальной. Личность становится знаменем. К тому времени, как христианство превратилось в значительную силу, Христос (если считать его реальным лицом) давно был казнен. Но руководители общин (большей частью безвестные теперь люди), будучи живыми, без имени Христа ничего не значили.

Конечно, перечислены не все типы «ролей». Кроме того, реальный деятель может играть не одну, а сразу несколько их. Это усложняет анализ, но не устранивает необходимость типологии.

Возвращаясь к вопросу о соотношении личности и масс, мы видим здесь такое же разнообразие ситуаций. От той, когда массы представляют инертное население, с которым начальство может делать все, что захочет, до той, когда властитель лишь номинально правит, а на деле не может ступить самостоятельно ни шагу, не заручившись поддержкой мелких предводителей (например, зависимость короля от

⁶⁶ Для определения приоритета, скажем, изобретателя или ученого срок определяется порой уже не в годах и месяцах, а даже в днях и часах. Так, зафиксирован факт, что изобретатель телефона Белл запатентовал свое детище 14 февраля 1876 г. всего на 2 часа раньше своего конкурента Грея. И благодаря этой ничтожной разнице Белл теперь всемирно известен, а Грей — нет (См.: Соучек Л. Туда, где не слышно голоса. Прага, 1968. С. 136).

Но порой короткий срок крайне важен, поскольку колоссальное значение приобретает именно то, кто первый сделает что-либо. Так, если бы атомную бомбу первой создала Германия, а не США, то это могло иметь серьезные последствия.

⁶⁷ Как бы ни был велик тот или иной ученый, но, если наука до пускает параллельные исследования, критику и свободу мнений, роль личности здесь будет намного меньше, чем в выработке догматов веры при монополии одного течения. Речь идет, конечно, о нормальной науке. Иное дело, если ученый выступает революционером — ниспровергателем авторитетов, как Коперник, Бруно, Галилей и др.

шляхты в Польше XVIII в.) или даже избирателей⁶⁸. По выражению Н. К. Михайловского, толпа свергает своих героев по собственному капризу. Сравнивая роль масс и личностей, мы видим: на стороне первых — численность, масштаб, объем и т. п. На стороне вторых — осознанность, цель, воля, план и пр. Поэтому можно сказать, что **наибольшей роль личности при прочих равных условиях будет тогда, когда преимущества и тех, и других соединятся в одну силу.** Оттого расколы так уменьшают мощь организаций и движений, а наличие соперничающих лидеров может вообще свести ее к нулю. Итак, **несомненно**, что значение деятелей определяют много **факторов** и причин. Следовательно, задача в том, чтобы **выяснить и представить в системе и в единой концепции, какие моменты и как воздействуют на роль личностей.** Любая однобокость способна исказить истину. (Например, если собираются решить проблему в целом, но вместо общей задачи ставят часть ее.) Воздействие всех типичных причин в этом плане можно обозначить одним **термином «фактор ситуации».** Он складывается: а) из особенностей среды, в которой действует личность (общественный строй, традиции, задачи и т. п.); б) состояния, в котором находится в определенный момент общество (устойчивое, неустойчивое, идет на подъем, под уклон и т. п.); в) особенностей окружающих обществ; г) особенностей формационного времени (т. е. общей характеристики периода исторического процесса, включая степень интегрированно обществ, темп развития и пр.); д) близости общества к «генеральной линии» истории, что увеличивает или уменьшает возможность влиять на многие общества и исторический процесс в целом; е) благоприятности момента для действий; ж) особенностей самой личности и потребности момента и обстановки именно в таких качествах; з) наличия конкурентных деятелей; и) других.

Здесь они расположены не по степени значимости, поскольку сила факторов в разных случаях может быть неодинаковой. Если мы разбираем, скажем, влияние личности на все человечество, то здесь особенно важны пункты «в», «г», «д»; если причины — неудачи реформы, то «а», «б», «ж», «з». И т. п. В целом же **чем больше из указанного благоприятствует личности, тем может быть важнее ее роль.**

⁶⁸ Но чаще всего роль лидера и рядового человека очень неравноценна (иногда так, как соотносятся общее количество голосов «за» и один бюллетень). В воспаленном мозгу героя Ф. М. Достоевского это выразилось в делении на «тварей дрожащих» и «право имеющих».

Анализ с позиции **фактора ситуации** позволяет не только объединить разные точки зрения, но и локализовать их, определив сферу действия, «урезать» их претензии. Кроме того, такой подход облегчает изучение конкретного случая (поскольку очерчивает круг вопросов, дает направление поиска и т. п.), нисколько не предопределяя результата. Между тем и романтики, и детерминисты большинство указанных выше факторов либо игнорируют, либо включают в теории только частично.

Разумеется, из перечисленных моментов мы сможем разобрать с разной степенью полноты только часть. Начнем с того, что если смотреть с точки зрения теории движущих сил, или, что вернее для данной ситуации, вообще исторических сил, личность выступает одной из важнейших среди них. Но она действует в совокупности с ними и в зависимости от их значения увеличивает или ослабляет собственное (и наоборот). К тому же ее роль следует увязать с особенностями формационного времени и конкретного момента, а также нашей задачей, в том числе с пространственно-временными ее характеристиками и родом деятельности человека⁶⁹.

Говоря о роли личности, важно уточнить, идет ли речь о новом качестве только для данного общества или вообще для человечества. В первом случае неудача (или удача) не так уж важна для всемирно-исторического процесса, тогда как для общества способна стать роковой (оно может сойти с дистанции, попасть в зависимость, потерять темп и т. п.)⁷⁰. Иное дело — новое вообще (и для передового общества и для всемирного процесса). Здесь ставки намного выше.

Именно это я называл близостью к «генеральной линии» истории. Как мы уже говорили, малые причины, реализуясь, оформляют большие процессы и тем самым придают им, во-первых, определенный облик (если уместно, они могут стать тем, чем является прецедент для англо-саксонского права), во-вторых, становятся

⁶⁹ «Чем более узкой является эта область (исследования. — Л.Г.), тем более важной кажется роль отдельной личности, которая здесь действует. Меньше всего мы можем игнорировать роль отдельных личностей в борьбе современности» (Каутский К. Указ. соч. С. 690).

⁷⁰ Приди на место Петра I иной, «спокойный» государь, эпоха реформ в России отложилась бы, затем могла запоздать, как в Турции, в результате чего страна стала бы играть совсем иную (малую, подчиненную) роль в Европе и мире. А вот после Петра I правили часто совсем не талантливые люди, но фаза общества после петровских реформ и побед была уже иная, более спокойная. Даже время Екатерины II при всех ее выдающихся свершениях менее велико, чем эпоха Петра I. Там ставились русская государственность и общественное устройство, здесь — лишь совершенствовались.

моделью для других; в-третьих, открывают или закрывают возможности для многого иного. Не говоря уже о том, что в решающие моменты даже мелочь может стать роковой для какой-то тенденции. Тем более это касается деятелей. Когда какая-то личность появляется и закрепляется в определенной роли (тем самым затрудняя или облегчая приход других), «начиная с этого момента, случайность перестает быть случайностью именно потому, что налицо данная личность, которая накладывает отпечаток на события и придает им тот или иной облик, определяя, как они будут развиваться»⁷¹.

Сказанное хорошо объясняет и роль благоприятного момента: ведь поскольку история не запрограммирована, и в каждый момент времени из ряда потенциалов реализуется одна, то в определенных ситуациях шансы слабых тенденций возрастают и вообще возможность выбора увеличивается. Найдутся ли деятели, способные воспользоваться случаем, и кто они будут? Иногда детерминисты говорят, что не будь одной личности, ее заменила бы другая. В принципе это было бы так, если бы ситуация могла ждать долго. Но дело-то именно в том, найдется ли нужный человек в наиболее благоприятный момент (когда, по известному выражению Ленина, сегодня — рано, а послезавтра — поздно). Стоит упустить случай, и потом уже в десять раз более одаренная личность ничего не сможет сделать. А поскольку темп истории возрастает, времени на эксперименты у обществ становится намного меньше, чем раньше, когда история могла переигрываться, разрушая и вновь создавая цивилизации. Общий уровень перерастает определенную ступень, и затем уже общество должно догонять других, используя не собственную, а чужие модели.

Поэтому говорить о том, что великие эпохи рождают великих людей в смысле того, что они приходят как по заказу, неверно. (Разве сегодня россияне не страдают от недостатка выдающихся политиков?) Трагедией многих людей явилось несоответствие лидеров задачам,

⁷¹ Лабриола А. Указ. соч. С. 183.

Соотношение начального выбора и последующей детерминированности поможет понять такая аналогия. Когда писатель пишет первое Произведение, он волен избрать обстановку, дать характеристику герою, назвать его как угодно и т. д. Но если книга имеет успех, и он берется за продолжение, то тут автор уже сильно связан предыдущим выбором.

Или пример из истории: революционеры-догматики (реформаторы) могут первоначально взять на вооружение как знамя любые идеи, КОТОРЫХ обычно в предреволюционные эпохи большое разнообразие. Но если пол этими лозунгами они пришли к власти, то уже вынуждены отдавать им определенную, большую или меньшую, дань.

которые ставило время. И напротив, появление человека, сумевшего воспользоваться обстоятельствами, чтобы увести общество в сторону от наиболее правильного пути, становилось их проклятием. Таким образом, наличие более или менее соответствующей личности общественным задачам является случаем, хотя и достаточно вероятным.

Продолжая эту тему, можно сказать, что нередко личность — просто «орудие истории», но нередко и такой деятель, который сделал то, что не смог бы сделать никто другой.

На вопрос о границах роли личности в истории можно ответить и так: **если какая-то личность сумела сделать нечто, что кажется удивительным (все равно в данном случае, было ли это прогрессивно или наоборот), значит, потенциальные условия для этого были.** Ибо если условий нет, личность не создаст их из ничего.

Но далеко не всегда история преподносит деятелю стопроцентные шансы. Очень часто они неопределенны, нечетки, спорны. И как, талантливо или бездарно, будут использованы эти возможности, в огромной степени и зависит от человека, который в этом случае способен ускорить или отдалить решение проблемы, придать этому решению определенные черты, реализовать или упустить редкий шанс и т. п.

Следовательно, при оценке значения какого-то деятеля встает вопрос о том, мог ли кто-то другой сделать то же при наличных условиях?⁷² Нередко мы можем констатировать, что нет, не мог. То, что сделал этот человек (хорошего или плохого): сумел сконцентрировать силы нации, использовать крошечный шанс, проявил небывалую жестокость и т. д. — это выше сил не просто обычного, но и человека много выше (ниже) нормы⁷³. Не этим ли также объясняется притягательность образов Александра Македонского, Цезаря,

⁷² Иногда можно руководствоваться следующим. Если какие-то вещи не могли быть сделаны в то или иное время — это предел роли личности. Если что-то могло быть сделано (например, паровой двигатель знали еще в античности, но дальше игрушек дело не пошло), но сделано не было, значит, это предел тех условий, которые могли вызвать потребность в необходимой личности.

⁷³ Эпизод, описанный Плутархом, очень хорошо иллюстрирует разницу между гениальным и просто выдающимся человеком. Александр Македонский советовался с приближенными, принять или нет условия, предложенные персами. Дарий еще до решающей битвы при Гавгамелах готов был заключить мир на очень выгодных условиях. Он уступал Македонии все земли западнее Евфрата и сулил огромную контрибуцию. Парменион сказал:

«Будь я Александром, я бы принял эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, — воскликнул Александр, — будь я Парменионом!» (Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2 т. М., 1987. Т. 1 С. 391).

Наполеона и др.?

Итак, влияние личности в определенные моменты представляется не просто большим, но даже и решающим. Однако глубоко понять ее можно только в контексте всех общественных факторов. Мы видели, что от периода к периоду значимость движущих сил диаметрально меняется. Это касается и влияния деятелей. А поскольку **все факторы взаимосвязаны, деятельность личностей выступает в неразрывности с другими движущими силами и находится с ними в определенном соответствии**⁷⁴. Роль личности также напрямую связана с возможностями, которые имеет в данный момент общество и которые оно ей «доверяет»⁷⁵.

Ни один человек еще сто лет назад не мог оказать такого воздействия на природу, как сегодня самый заурядный специалист (на гигантском танкере или на АЭС и т. п.). Ускорение развития и интеграция ведут к тому, что человек, находящийся в любой точке планеты, в принципе способен оказывать влияние на самые разные места. Соответственно, чем меньше объединено человечество, тем меньше влияния может оказать на него одна личность. Это касается любого исторического периода, поскольку иные процессы способны протекать только в определенной среде. Например, христианство могло столь широко распространиться именно в многонациональной и достаточно тесно объединенной Римской империи.

Система сдержек и противовесов в политической организации общества или система контроля над личностью уменьшают ее влияние. Этому способствует и усиление конкуренции в создании нового. С другой стороны, рост технических возможностей дает в руки любого человека огромную силу.

Поэтому, сравнивая роль личности в древности и средние века с современностью, можно сказать: у прежних властителей в обществах монархическо-деспотического типа (подобного Китаю в конце III в. до н. э. в правление Цинь Ши-хуанди, который сжег множество книг и

⁷⁴ «Тем не менее в любых ситуациях действия индивидуумов являются личностными, как бы они ни отражали детерминирующего влияния социального окружения. В свою очередь, это окружение может быть отражено в действии индивида лишь в той степени, в какой оно опосредуется через систему личности. Таким образом, полное понимание любой социальной ситуации и ее возможных последствий предполагает знание не только основных моментов социальной структуры, ...но и основных моментов личностей, функционирующих в этой структуре» (Инкельс А. Личность и социальная структура: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 53).

⁷⁵ Например, каково бы ни было желание Чингисхана или Батые уничтожить огромную часть человечества, их возможности при любом раскладе были меньше, чем у нынешнего маньяка, который добрался бы до ядерной кнопки.

казнил МАССУ ученых) было больше возможностей влиять на общество. Ведь в нем отсутствовали механизмы ограничения деспотии. Но тогда и не было столь больших технических возможностей. Поэтому при прочих равных условиях роль личности может возрасти до гигантских размеров, если в ОДНОМ месте соединяются две тенденции: персонализация власти и вседозволенность правителей, с одной стороны, и техническая мощь современности плюс возможность с ее помощью оказывать влияние на остальной мир — с ДРУГОЙ.

Именно так в XX веке произошло в СССР, Германии, Японии⁷⁶.

Различия в силе влияния личности между прошлым и современностью также в том, что сегодня гораздо больше представлений о разных путях и моделях развития, что нередко делает зависимым от личности выбор того или иного курса (так, Кемаль Ататюрк избрал для Турции путь светского европейского государства, а нынешние мусульманские лидеры часто выбирают исламизацию). Убыстрение темпа развития, с одной стороны, также повышает значение лидеров, поскольку стоит чуть опоздать, и наверстать упущенное становится очень трудно. Но с другой — для человечества роль национальных лидеров во многом уменьшается. В этом же направлении действует и снижение роли войн и территориальных захватов.

Надо сказать, что хотя в целом фактор ситуации учитывается недостаточно, один его момент — положение внутри общества — ряд исследователей выделяет. Правда, большей частью это носит характер попутных и порой нечетких замечаний, однако так или иначе они отмечают два главных состояния: 1) стабильности и прочности; 2) нестабильности, хаоса, революций, кризисов и т. п.

При этом второе состояние дает возможность личностям проявить себя и влиять на общество гораздо больше⁷⁷.

⁷⁶ Лев Толстой называл императора Николая II Чингисханом с пушками и телеграфом. Он, конечно, сильно преувеличил, поскольку царь жестокостью не отличался. Но этот образ отлично подходит к Чингисханам XX в. Они, правда, имели, кроме телеграфа, еще концлагеря, ракеты, а Сталин — даже атомную бомбу. Похожие деятели встречаются и сегодня, особенно в исламском мире. По счастью, ни один из них не имеет столь грозного могущества и влияния, каким обладал, например, Гитлер. Но если бы нынешняя Ливия стала вдруг сверхдержавой, то роль ее правителя М. Каддафи возросла бы колоссально.

⁷⁷ Причем это ученые, принадлежащие к разным школам и жившие в разное время. Чтобы не перегружать читателя, лишь укажу их. Лабриола А. Указ. соч. С. 182—183;

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю М., 1977. Т. 3. С. 71. Из российских ученых: Гуревич А. Я. Об исторической закономерности//Философские проблемы исторической науки. С. 68; Розов Н. С. Структура цивилизации... С. 129 (причем он ссылается на аналогичные мысли

В целом я бы сформулировал это так: **чем менее прочно и устойчиво общество, чем больше там** разрушены старые конструкции, тем большее влияние может оказать отдельная личность на него.

Другими словами, роль личности обратно пропорциональна стабильности и прочности общества.

Однако без развития этих мыслей и создания типологий состояний общества далеко продвинуться не удастся. И стабильность, и особенно нестабильность имеют много вариантов, каждый из которых обладает очень существенными особенностями (плюс, конечно, конкретные вещи)⁷⁸. Так, застой отличается от прочности в условиях нормального территориального (вариант — экономического роста); и тем более от условий быстрого роста. Устойчивость может быть и при медленной деградации или упадке. Даже при стабильности многое зависит от того, насколько общественный строй «зарегулирован» на одну личность. Варианты общественной ломки тоже многообразны: реформа отличается от революции, мирная революция от гражданской войны и т. п.

Исключительно важно также представить изменения в обществе как **процесс смены его состояний (фаз)**. Далее для примера я покажу одну из ряда моделей такого процесса, состоящего из 4 фаз: стабильное общество типа монархии; общественный предреволюционный кризис; революция; создание нового порядка. Но могут быть и другие модели, например, стабильность — кризис — реформа; стабильность — кризис — революция — контрреволюция; застой — реформа — подъем (или упадок); подъем — реформа — подъем. И т. п.

Итак, вернемся к нашему примеру. В истории обществ, возможно, основную часть времени занимают спокойные эпохи. Разные формы правления могут иметь свои плюсы и минусы, но сейчас важно отметить, что **чем лучше система «сдержек и противовесов», чем правильнее проведено разделение властей, тем больше застраховано общество от того, что его руководители подорвут его**

И. Валлерстайна); Барулин В. С. Социальная философия. Т. 1.-С. 276 и др. Это подтверждается и синергетикой: «Например, в состоянии неустойчивости социальной среды деятельность каждого отдельного человека может влиять на макросоциальный процесс (роль личности в истории)» (Абдеев Р. Х. Философия информационной цивилизации. С. 200).

⁷⁸ «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» (Гегель. Соч. М. — Л., 1934. Т. VII. С. 7-8).

устойчивость. В любом государстве всегда очень многое зависит от конкретного человека у власти, но в целом такие спокойные, «малые» эпохи гораздо меньше подвержены тому, чтобы отдельная личность стала ее «творцом»: благодетелем или демоном⁷⁹. Здесь скорее более важным будет состояние соседних и иных обществ, которые военным вторжением могут подорвать стабильность. Аналогичную роль способны сыграть и стихийные бедствия, эпидемии. В современном устроенном государстве должны быть механизмы, которые не доводят дело до взрыва и ограничивают роль личности в плане неконтролируемого воздействия на общество. С одной стороны, это дает возможности проявить себя гораздо большему числу людей, с другой — уменьшает зависимость развития от личности — «благодетеля» и гарантирует от чрезмерно вредного влияния. Подобная ситуация отразилась, например, в мировоззрении основателей США, считавших, что всякое правительство — неизбежное зло, но плохое — зло нестерпимое.

Раньше или позже, но строй может начать клониться к закату (прежде всего в обществах, где нет «встроенных регуляторов», позволяющих на сравнительно ранних стадиях выявлять назревающие проблемы и решать их). Противоречия внутри него, особенно подогретые заимствованиями техники и технологии, передовых отношений и законов в отдельных областях, обостряются. Начинается движение за переустройство. Благо, если в это время находится лидер, способный повести общество по пути мирного развития.

Если же решение неудобных для власти вопросов оттягивается, то возникает ситуация кризиса и стремление к насильственному их разрешению (переворот, революция, заговор и т. п.). А вместе с этим

⁷⁹ Вот Гегель говорит об идеальном, по его мнению, государстве: «...здесь неверна именно предпосылка, будто бы имеет значение особенность характера. При совершенной организации государства важны лишь наличие формально решающей вершины и природной неподатливости страстям... Ибо вершина должна быть такого рода, что особенность характера не имеет значения... Монархия должна быть прочной в себе самой, и то, что монарху принадлежит сверх этого последнего решения, есть нечто входящее в область частного, чему не должно придаваться значения. Могут быть такие состояния государства, при которых выступает одна лишь эта область частного, но тогда государство еще не вполне Развито или нехорошо построено» (Гегель Г. Соч. Т. VII. С. 308—309).

При монархиях, разумеется, роль личности не может быть малой, хотя все согласятся, что в определенные периоды, кто бы ни был на троне, ничего слишком радикального не произойдет. Например, римская империя I в. н. э. была могущественна и прочна настолько, что даже Дикие выходы Калигулы, Нерона и других не могли подорвать ее сил. В определенной мере в демократическом обществе при системе сбалансированных сдержек и противовесов роль личности приближается к положению описанных Гегелем монархов.

появляются различные концепции и схемы переустройства страны, мира, устранения несправедливости и т. п. Тут появляется много личностей, стремящихся так или иначе преобразовать систему. Они представляют различные общественные и политические направления. Альтернативные возможности (тенденции и направления) развития общества не только получают здесь более ясное классово-групповое выражение, но и находят своих апологетов, лидеров, провозвестников, рупоров и т. п.

В такую эпоху яркие личности более характерны для стороны разрушительной. Но могут выплыть таланты и в консервативном лагере. Удача, если такому лидеру удастся «выпустить пар» и мирно изменить страну, разрядить ситуацию. Однако так бывает далеко не всегда. Кризисы часто потому и являются кризисами, что ограниченные и упрямые люди доводят положение до такой крайности, когда из нее уже практически не выбраться. Произойдет социальный взрыв или нет, зависит от многих факторов, в том числе и от силы личностей с той и с другой стороны.

Но если все же строй гибнет под влиянием революционного напора, наступает третья — революционная — фаза. Начиная разрешать глобальные противоречия, накопившиеся в старой системе, общество никогда не имеет заранее однозначного решения. Это невозможно по многим причинам потому уже, что каждый класс, группа, партия и т. п. имеют свой вариант решения проблемы, а борьба партий, личностей и идей лишь усиливает такое множество. Какие-то из тенденций, конечно, имеют больше, а какие-то меньше вероятностей, но это соотношение может под влиянием разных причин резко измениться.

В такие переломные периоды лидеры иногда играют роль как бы гирек, способных перетянуть чашу исторических весов⁸⁰. Это похоже также на явление резонанса в физике. И когда частота колебаний общественных возможностей (в самом различном виде, например, в желаниях масс или армии) совпадает с колебаниями личности, когда в ней как бы аккумулируется гигантская воля общественной силы, роль ее увеличивается тысячекратно.

Следовательно, в определенные моменты сила личностей, их

⁸⁰ «Когда специфические интересы отдельных социальных групп настолько обострены, что все борющиеся партии взаимно парализуют друг друга, тогда, для того чтобы привести в движение политический механизм, требуется индивидуальное сознание определенной личности» (Лабриола А. Указ. соч. С. 183).

индивидуальные качества, соответствие своей роли и др. имеют огромное, часто определяющее или завершающее значение. Это волевой, нередко иррациональный и подверженный случаю фактор может быть и благотворен, и опасен, поэтому гораздо надежнее, если у общества есть ограничители таких влияний.

Победу какой-либо силы нужно еще отстоять в тяжелой борьбе. И под воздействием множества нужд создаются нередко такие общественные формы, которые никто не планировал и не мог планировать. И эти, по сути дела, случайные вещи затем становятся уже данностью, которая может даже определить будущее устройство обновленного общества, поскольку в этих институтах начинают кристаллизоваться многообразные интересы новой элиты. Мы видим здесь, что в наиболее переломные эпохи роль личности огромна, но в то же время обычно совсем иная, чем она сама предполагала. А дальнейшие последствия и вовсе не ясны. Во время таких переломов происходит масса изменений, выявляется много вариантов, «мутаций» различных общественных институтов и отношений, которые могут быть как вредны, так и благотворны. Это уже определяет конкретный расклад сил и случай. Такие взрывы дают много возможностей для различных эволюционных вариантов развития. Беда только в том, что метод проб и ошибок истории требует миллионов жертв и загубленных поколений тех, кто попал под несчастливый Случай.

После революции и разрушения старого общество предстает аморфным и потому очень податливым к силовым воздействиям. В такие периоды роль личностей может носить неконтролируемый, непрогнозируемый характер и для неокрепшего общества быть и формообразующей силой.

Бывает и так, что, получив влияние, лидеры вовсе заводят общества (под воздействием самых разнообразных личных и общих причин) туда, куда никто не мог и помыслить, «изобретают» небывалую общественную конструкцию.

Затем (иногда довольно быстро) наступает следующая, четвертая фаза — создание нового строя и порядка. После укрепления у власти какой-либо политической силы борьба может идти уже в стане победителей. Она связана как с взаимоотношениями лидеров, так и с выбором дальнейшего пути развития. **Роль личности здесь также исключительно велика: ведь общество еще не застыло, а новое может связываться именно с этим человеком, пророком, вождем и т. п.** После крутой смены общественных порядков общество заметно

поляризуется. Популярная личность, например вождь восстания или глава победившей партии, начинает играть роль своего рода знамени. Чтобы окончательно утвердиться у власти, нужно расправиться с оставшимися политическими соперниками и не допустить роста конкурентов со стороны соратников. Эта продолжающаяся борьба (длительность которой зависит от многих причин) напрямую связана с особенностями побеждающей⁴ личности и окончательно придает облик обществу.

Итак, характер новой системы сильно зависит от качеств их лидеров, перипетий борьбы и прочих, порой случайных, вещей. Это причина того, что всегда **в результате крутых перемен получается не то общество, которое планировалось.**

Постепенно рассматриваемая нами гипотетическая система взрослеет, формируется, приобретает жесткость и собственные законы. Теперь уже во многом они определяют лидеров. Пока строй достаточно крепок, а тем более если он хотя бы частично прогрессирует, изменить его не так-то просто, часто невозможно. Если общество, вступившее по кругу вновь в фазу устойчивости, не сумело приобрести регуляторы бескризисного развития, то цикл с известными изменениями может повториться или на каком-то этапе наступят благотворные преобразования.

Итак, мы бегло рассмотрели вопрос о роли личности. Но удалось лишь наметить некоторые направления исследования, показать отдельные возможности анализа. Не разобрано множество моментов. В их числе очень важная проблема, как определить, чем измерить саму степень влияния личности на общество и исторический процесс, где тот порог, за которым можно говорить о таком влиянии. Мало затронут момент изменения оценки роли личности в связи с позицией наблюдателя (если использовать физический термин), которая может зависеть от его принадлежности к определенной группе, обществу (тому, о котором идет речь, или иному), близости к событиям во времени и т. д. Полезно было бы развить мысль о том, что Энгельс называл «параллелограммом сил», а также о корректирующих механизмах в обществе, влияющих на роль личности и ее оценки (например, в каком соотношении находятся общественные возможности для проявления талантов и роль личности, оказавшейся

на вершине власти)⁸¹. Практически не поднимался вопрос о том, как влияет развитие общественного сознания на личность, осмысление его задач и собственных целей и многое другое. Все это дело специального исследования, которое автор надеется в свое время осуществить.

§ 3. Об общественном прогрессе и его критерии

В XVIII в. окончательно оформилось представление о прогрессе. Он мыслился таким поступательным процессом, который «может быть более или менее быстрым, но никогда не пойдет вспять»⁸². В XIX в.

возникло много историософских и социологических теорий, которые описывали прогресс как великий, всеобщий и неизбежный закон. Но затем эту концепцию постигла та же участь, что и ряд других (о законах истории, ведущих факторах и др.): все больше ученых стали или пренебрегать, или вовсе отвергать понятие прогресса. А приверженцы данной идеи не сумели внести в нее что-то принципиально новое.

Гегель, исходя из своей доктрины, видел в явлениях регресса лишь внешние случайности общей предустановленности, Спенсер полагал, что регресс встречается столь же часто, как и прогресс. Более поздние мыслители стали вовсе отказываться от теории прогресса или, подобно Арону, «разочаровываться» в нем. Даже слово «прогресс» стали избегать, заменяя его «развитием», а то и вовсе «социальным изменением».

Чтобы понять, целесообразно ли полностью отвергать идею прогресса, стоит задаться вопросом: а собственно зачем она нужна? Можно выделить несколько ее важных функций. Во-первых, мировоззренческую, дающую некий стержень видения мира, истории и отношения к ним. Тейяр де Шарден выразил это так: «Если прогресс — миф, если, приступая к труду, мы можем сказать: «Зачем»? — то наше усилие рушится, увлекая в своем падении всю эволюцию, ибо мы — ее воплощение»⁸³. Но, разумеется, цельность мировоззрения сама по себе

⁸¹ Мне думается, что при прочих равных условиях роль лидера, оказавшегося у власти, в определенном смысле находится в обратной пропорции к свойству общественной системы помогать талантливым людям проявить себя.

⁸² Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума//Философия истории. Антология. С. 185.

⁸³ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 185.

еще не доказывает правомерности теории. Во-вторых, данная категория служит удобным способом осмысления множества фактов. И эта сторона очень важна для анализа истории. Огромная содержательная емкость понятия позволяет упорядочить материал, охватить его целиком, расчленив и структурировать в теорию исторического процесса⁸⁴. В-третьих, это понятие очень полезно при сравнении разных обществ, или одного и того же общества на разных этапах или отдельных его сторон и т. п. А можно ли обойтись без сравнений? Правда, имеются попытки доказать, что некоторые сферы принципиально несравнимы, например мораль, искусство и т. п. Вероятно, это утверждение связано с тем, что такая мыслительная операция в какой-то мере требует и оценки. Действительно, разные области жизни в различной степени поддаются сравнению и оценке, но все же по каким-то параметрам это делать можно, и развитие науки постоянно открывает нам новые аспекты такого сопоставления. Как производится сравнение? Условно говоря, нужно привести объекты к «общему знаменателю», то есть найти общее, характерное для всех членов этой мыслительной операции. Категория прогресса и есть одна из возможностей приведения к «общему знаменателю». В роли последнего выступал критерий прогресса (правда, в большинстве теорий не очень удачно).

Таким образом, тот, кто отказывается от идеи прогресса, лишает себя удобного и во многом отработанного способа анализа, осмысления и группировки фактов. Но чтобы этот метод стал действительно научным, надо разобраться как с самими понятиями прогресса и его критерия, так и с причинами кризиса концепции в целом. И если удастся избавиться ее от серьезных недостатков, нигилизм в отношении нее окажется зряшным. Речь идет о следующем. Во-первых, идеология не должна первенствовать перед фактами, поскольку научное исследование не может базироваться на вере или привычке⁸⁵. Если эти

⁸⁴ «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения», — писал Лев Мечников (Мечников Л. И. Цивилизации и великие исторические реки. М, 1995. С. 232).

⁸⁵ В этом плане (но только в этом) можно согласиться с Н. А. Бердяевым: «Учение о прогрессе представляет собой религиозное исповедание, верование, потому что обосновать научно-позитивное учение о прогрессе нельзя, потому что научно-позитивно можно обосновать только теорию эволюции, учение же о прогрессе может быть только предметом веры, упования» (Бердяев Н. А. Смысл истории. М. 1991. С. 146). Однако нельзя согласиться, что научно нельзя доказать учение о прогрессе. Это зависит от того, что под ним понимать.

моменты берут верх, то идея может стать просто вредной.

Следовательно, нужно демистифицировать проблему и наполнить ее научным содержанием. Во-вторых, эта концепция не доведена до той полноты, которая должна быть у столь объемной теории. Она, фактически, недостоверна (ибо во многом игнорирует многообразие проявлений прогресса и регресса), а потому неподвзятому исследователю кажется бесполезной⁸⁶. Иное дело, например, теория эволюции, развернутая так, что от нее сложно отмахнуться. Поэтому концепцию нужно довести до необходимой полноты, чтобы тесно связать общую идею с конкретной реальностью. В-третьих, надо ясно разобраться в том, каким образом построена сама теория прогресса. Георг Зиммель говорил: «Фундаментальная проблема теории познания истории состоит в следующем: как из реальных событий создается научное построение, именуемое нами историей»⁸⁷. Фундаментальная проблема, связанная с идеей прогресса, состоит в том, как в этой концепции увязать огромную разнородность: взлетов и падений, застоя и упадка, приобретений в одном и потерь в другом, неравномерности и неоднородности развития обществ и многое другое.

Если подходить к понятию прогресса как к объективности, носящей абсолютный характер, если полагать, что он «проявляется фатальным образом, как и все космические явления»⁸⁸, или что «прогресс является неизбежным потому, что входит в планы провидения»⁸⁹, либо потому, что существуют некие имманентные законы, определяющие прогресс и его ход, то сделать этого нельзя⁹⁰. Доктрина и реальность истории вступят в непримиримое противоречие.

Но решить эту проблему возможно, если исходить из того, что прогресс — научный закон и как другие глобальные законы есть наше представление, которое разлагает неразрывную действительность на логические части и «рафинирует» ее. Мы видим, что анализ

⁸⁶ Недаром Франк говорил о «методологической смутности» теории прогресса (Франк С. Л. Очерк методологии наук. Пит. по: Социология. Хрестоматия. Сост. Козлова О. Н. и др. М., 1993. С. 7).

⁸⁷ Зиммель Г. Избранное. В 2 т. М. 1996. Т. 1. С. 532.

⁸⁸ Цит. по: Мечников Л. И. Указ. соч. С. 238.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Или, если рассуждать, как философ Булье: «Существует только один исторический закон — это закон прогресса... Выше всех законов и обобщений, которым древние и современные писатели пытались подчинить историческое движение, стоит этот великий закон прогресса, конечно, истинного прогресса, освобожденного от всех ошибочных и ложных понятий, делающих идею прогресса ложной, смешной или опасной» (Цит. по: Мечников Л. И. Указ. соч. С. 237).

исторического движения позволяет констатировать существование подобной тенденции. Следовательно, правомерно сформулировать положение о соответствующей направленности исторического процесса. Но, во-первых, ей можно противопоставить и иные объяснения. Во-вторых, уверенность в правильности вывода о прогрессе не гарантирует автоматизма его в будущем. В-третьих, как любая крупная идея она сформулирована в абстрактном и общем виде, а потому для использования в практических целях требует довольно сложных пояснений, поскольку приходится исходить из принципиальной невозможности из одного только общего давать исчерпывающие ответы на частные вопросы. В-четвертых, фигурально говоря, концепция прогресса страдает односторонностью (и следовательно, ограниченностью) генетически. А любой односторонний подход, по определению, не может дать полной картины (как портрет в профиль не покажет лицо в анфас).

С учетом таких ограничений и уточнений понятие «прогресс» способно обрести более нейтральный смысл. Исчезает также основание отказываться от него (что часто есть своего рода протест против абсолютизации и идеологизации категории)⁹¹.

В этом параграфе я предлагаю свой вариант того, как можно использовать понятия прогресса и его критерия. Для того чтобы структурировать теорию, сравнивать исторические периоды, общества и пр. Само собой, что правомерны и иные. Чем мое, решения проблемы. Однако любая научная концепция должна соблюдать определенные методологические правила. Например, надо ясно понимать, что любой критерий имеет изъяны, и поэтому предпочтение его перед другими дает не только плюсы, но и минусы. Следовательно, неизбежно приходится делать выбор между приобретениями и потерями. Самое главное — представлять последствия того или иного теоретического решения, тогда выбор будет осознанным и обоснованным.

Из ряда альтернатив следует избрать наиболее удачную, но не менее важно понимать, что наиболее объективная картина будет, только если мы научимся переходить от одного аспекта к другому и точно определять границы действия каждого.

Определения прогресса в нашей науке восходят еще к идеям

⁹¹ Вместе с Ницше уместно было бы сказать: «...преждевременно и почти бессмысленно верить, что прогресс должен наступить необходимо; но как можно отрицать, что он возможен?» (Ницше Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 255).

Гегеля⁹². Обычно прогресс объясняется как «такое направление развития, которое характеризуется переходом от низшего к высшему, от менее совершенного, к более совершенному»⁹³. А общественный прогресс — как «такое развитие общества или отдельных его сторон, которое в основном характеризуется: направленностью (восходящее развитие); необратимостью изменений (возникновение качественно новых возможностей, не существующих ранее)»⁹⁴.

В этих, во многом верных формулировках налицо те же родовые недостатки, что и в определениях закона. Попытки подогнуть огромное разнообразие под одну абсолютную, универсальную формулу и тем самым представить прогресс почти одинаковым и на уровне общества, и в рамках планеты, и в начальных, и в современных стадиях; убеждение в том, что прогресс «имманентен» обществу, а стало быть, все они одинаково способны к развитию; стремление определить один критерий для всех уровней и периодов и т. п. — все это делает теорию прогресса сильно идеологизированной и мало практичной, а в результате — очень уязвимой для критики.

В моем понимании прогресс — это научное представление, выраженное в форме системы законов о развитии природы и общества (человечества), которое в определенном аспекте видится нам как движение от простого к сложному, от низшего к высшему и т. д. и позволяет в достаточной степени объяснить ход эволюции.

Общественный прогресс — научное представление, выраженное в форме системы законов о разворачивании исторического процесса, развития человечества и отдельных обществ (или их элементов), которое можно представить как их усложнение, совершенствование и т. п. Идея прогресса позволяет нам сравнивать одни общества и эпохи с другими по количественным и качественным характеристикам, по принципу сложности, совершенства и прочему, а также понимать, что прогресс не всеобщ, не может протекать без соответствующих условий, в реальности неразрывен с регрессом и застоём.

⁹² «Таким образом, в существовании развитие является движением вперед от несовершенного к более совершенному, причем первое должно быть рассматриваемо не в абстракции, лишь как несовершенное, а как нечто такое, что в то же время содержит в себе свою собственную противоположность, так называемое совершенное, как зародыш, как стремление» (Гегель Г. Философия истории. С. 54).

⁹³ Крапивенский С. Э. Социальная философия. Волгоград, 1994. С. 285.

⁹⁴ Основы философских знаний. Учебное пособие. М., 1994. С. 94. Или как «восходящее, поступательное развитие человеческого общества от низших ступеней к высшим» (Философская энциклопедия. Т. 4. С. 381).

Итак, прогресс описывается не единым законом, а их системой, объединенной общим принципом, причем в каждом случае надо скрупулезно доказывать и обосновывать такое движение от простого к сложному, от низшего к высшему, поскольку от уровня к уровню, от периода к периоду, от общества к обществу и от его одного элемента к другому это изменение предстает в различном виде. Следовательно, наша задача — найти способы такого сравнения и сопоставления.

Существует большая необходимость среди всех уровней выделить два базовых: **общечеловеческий и конкретно общественный**. Как они соотносятся?

Благодаря все большей интеграции, контактам и тому, что Г. Тард называл подражанием, частные достижения в отдельных обществах становятся достоянием человечества, а следовательно, **прогресс человечества в любом случае выступает гораздо более полным и системным, чем прогресс в отдельных обществах**.

Ведь развитие человечества — это сложный баланс подъема и упадка его составляющих обществ, поэтому мировое развитие несводимо к изменению состояния его Частей.

Во-первых, только некоторые достижения включаются в общую их сумму. Даже сегодня, при развитости обмена информацией. И тем более — в прежние эпохи. При этом вклад разных обществ и народов в общечеловеческую «копилку» очень сильно различается. Кроме того, мировой прогресс складывается не только из успехов отдельных обществ, но и в результате развития межгосударственных и коллективных отношений. Его эпохальные этапы часто не совпадают со взлетом прогресса в конкретных обществах.

Во-вторых, прогресс (и само существование) каждого государства и народа, особенно прежде, мог быть конечным (вспомним СССР), а прогресс человечества, по крайней мере в сопоставимых интервалах, можно представить бесконечным. В-третьих, планетарное развитие вовсе не говорит, что и все общества одновременно прогрессируют. Напротив, разделение общечеловеческого и конкретно-общественного уровней прогресса как раз и связано с той фундаментальной идеей, согласно которой не все общества развиваются по прогрессивному направлению, а только часть их (даже меньшинство). Среди группы обществ, представляющих определенную ветвь исторической эволюции, только некоторые способны к переходу к новому. Из остальных одни идут в тупик, другие — уничтожаются, третьи — поглощаются и т. п. Конечно, и эти социальные организмы создавали

что-то новое в не столь важных областях, но чаще служили общим фоном истории, возможностью для распространения прогрессивного путем заимствования или насильственного внедрения. Были и народы, которые прославились только тем, что разрушали чужое, выполняя роль слепых сил истории. Следовательно, общий полный прогресс, который мы учитываем в развитии человечества, складывается не только из частичных прогрессов разных обществ, которые становятся общим достоянием путем перенимания и подражания, навязывания и насильственного внедрения и т. п., но также и из сочетания тупиковых и перспективных вариантов развития, отдельных прогрессов и регрессов, направлении развития с разным знаком и т. п.

Итак, лишь часть обществ оказывается реально (фактически) способной к прогрессу. Да и сам прогресс в них выглядит частичным, выборочным. Наряду с выдающимися достижениями в религии или науке, военном или государственном деле, производстве и т. п., в других областях они могли быть весьма посредственными или даже отсталыми. Но в любом случае, как мы уже неоднократно говорили, переход к новому есть достижение не одного этого проходного общества, но суммирование успехов предыдущих и современных обществ, всего хода эволюции. И вот это пересечение общего и конкретного развития я называю близостью к генеральной линии исторического развития.

Понятие «генеральной линии» исторического развития, которое я уже несколько раз использовал, очень важно для теории исторического процесса. О нем будет обстоятельная речь в следующей части. Полезно оно и для определения прогрессивности отдельных обществ и эпох. Пока условно его можно определить как некую теоретическую модель «главного» (относительно постулатов теории) пути развития человечества. Естественно, что в зависимости от избранных исходных посылок эта линия может выглядеть по-разному, но даже и у самых ярых оппонентов в определенных моментах она неизбежно совпадает.

Для глубокого понимания концепции прогресса совершенно необходимо учитывать особенности формаций и крупных периодов. В каждом из них содержание этого понятия становится во многом иным. И то, что было для определенных эпох маяком, позже расценивается как регресс. Соответственно меняется и содержание термина «критерий прогресса»⁹⁵, о чем еще будет речь. Такой взгляд хорошо увязывается

⁹⁵ Ведь прогресс — понятие относительное и, как любое сравнение, требует точки отсчета.

с тем, как были представлены в параграфе 1 изменение значимости движущих сил от формации к формации и процесс трансформации типов эволюции. Уместно вспомнить и о переходе от малоосознанной к осознанной деятельности. Все это дает нам возможность различать такие типы прогресса, как **стихийный** (естественно-эволюционный) и **сознательный** (планируемый); **частичный** — **системный**. Связаны с этим также типы: **самостоятельный** — **заимствованный** (вариант — **насильственный**); различающиеся по источнику развития: **внутренний** — **внешний**.

Вместе с изменением характера эволюции и увеличением роли сознательной деятельности меняются и формационные типы прогресса. Весьма условно их можно назвать так:

I формация — **приспособление к природе**; II формация — **аграрно-цивилизационный**; III формация — **индустриально-торговый**; IV формация — **научно-информационный**⁹⁶.

В рамках отдельной формации в каждом обществе в зависимости от направления его развития единый тип прогресса предстает частичным или специализированным. Для первой формации можно выделить подтипы, связанные с разными природными зонами и формами хозяйства (например, **охотничье-сезонный полярных областей, охотничье-кочевой степей и др.**); для второй — **религиозно-культурный, сельскохозяйственный, торговый, военно-экспансионистский** и ряд других типов. Для третьей — **промышленный, политико-правовой, национально-идеологический** и др. Для четвертой — **военно-промышленный, технотронный, интеграционный** и др. (в последней формации типы еще полностью не прояснились).

Сказанное позволяет теперь нам сформулировать несколько законов, характеризующих прогресс. Мы выяснили, что общий прогресс человечества во времени и пространстве есть сосуществование прогресса и регресса, подъема и упадка разных обществ. Это можно выразить так: **всемирный (человечества) прогресс есть сложная сумма прогрессов, регрессов и застоев**

Но этот исходный уровень постоянно меняется. Например, сегодня Россия по сравнению с США сто лет назад колоссально впереди. Но это нас не устраивает и не может устраивать: мы хотим быть вровень с сегодняшней Америкой!

⁹⁶ Обозначения, конечно, могут быть иные, ибо ни один термин в названии не охватывает всего объема содержания понятия. В данном случае задача, на наш взгляд, — возможно короче обозначить тип. В зависимости от общей концепции мы и выделили более главный и системный моменты.

многих обществ И по правилу соотношения целого и элементов общий прогресс не сводим к простой сумме достижений отдельных народов.

Второй закон я бы назвал **законом противоречия**. Его суть в том, что любой прогресс имеет своим спутником (обратной **стороной**) **регресс**⁹⁷. Причем пропорции этого соотношения очень сильно различаются. То, что прогресс и регресс сосуществуют, не только не парадокс, но как раз доказательство того, что формулируемые нашим сознанием законы и положения расчлняют единую действительность⁹⁸. И чтобы не впасть в односторонность, необходимо помнить об обоюдоостром свойстве сознания: разлагать нераздельное. Поскольку любой прогресс можно представить также и регрессом (и наоборот), задача в том, чтобы определить пропорции этого соотношения (с учетом избранного ракурса и поставленной задачи) и понять, когда нужно обратить внимание на оборотную сторону, а когда, напротив, можно отвлечься от нее. Желательно также понять, какие условия делают данное качество в одних случаях ярким, в других — нет.

Следовательно, формула прогресса в том, чтобы проявляться в видимых противоречиях: создавая — разрушая, облегчая — усложняя, освобождая — угнетая и т. п. Это одна из причин столь разноречивых оценок одного и того же исторического события. Таким образом, люди, решая одни проблемы, раньше или позже этими действиями создают другие, нередко парадоксальные по отношению к прежним. Так, уничтожение нужды вызвало проблему перепотребления.

Третьим законом можно считать изменение характеристик прогресса и его ускорение. Об изменении от этапа к этапу мы уже сказали. Ускорение же прогресса ведет к тому, что человечество все сильнее интегрируется. Отсюда неизбежно то, что части его начинают все больше обуславливать друг друга, все сильнее устремляться за общим течением. Конечно, это процесс большой Длительности, но если он приведет к созданию более-менее организованной общечеловеческой системы, то представления о прогрессе должны будут кардинально измениться.

⁹⁷ Эта идея выражена и в народной мудрости: «Нет худа без добра».

⁹⁸ Было бы неправильно, подобно Коллингвуду, утверждать, что «если есть какая бы то ни была потеря, то проблема ее сопоставления с приобретением становится неразрешимой», поскольку прогресс, в его толковании, есть только «чистый выигрыш без каких бы то ни было потерь» (Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 314).

Итак, идеальный прогресс, то есть развитие, при котором не теряется ничего положительного, а лишь отрицательное, может только мыслиться. Такой **абсолютный прогресс** есть своего рода цель, подобная достижению абсолютной истины. Мы же сверяем какой-то реальный прогресс по **степени его относительности** (соотносительности) к абсолютному. Однако, думаю, можно говорить о том, что в последние столетия прогресс стремится к тому, чтобы стать **более системным**, поскольку и само человечество все больше стремится стать системой, а многие современные общества желают создать механизмы саморегуляции и развития.

Разговор о критерии прогресса лучше предварить рассмотрением вопроса о соотношении прогресса и человеческого благополучия, удовлетворенности жизнью и т. п., словом, всего того, что социологи прошлого кратко называли счастьем. Почему это столь важно? Дело в том, что в последние несколько лет в нашей философской литературе участились утверждения о том, что критерием прогресса «может выступать только сам человек»⁹⁹, его положение в обществе, рост благосостояния и т. п. Причем без сколько-нибудь развернутой методологии этого критерия¹⁰⁰. То, что философы обратились к гуманистическому аспекту, — замечательно. Однако при этом они, кажется, забывают, что оценка моральная и оценка научная — разные вещи¹⁰¹. В результате проблема прогресса и его критерия уходит в сторону от возможного решения.

Наука имеет дело с изучением каких-либо объектов, и потому ее главное назначение — точнее исследовать и описать их, а если

⁹⁹ См.: Основы философских знаний. С. 95.

¹⁰⁰ Более благоприятное впечатление оставляет следующий подход: «Таким интегративным, значит, наиболее важным, критерием прогресса выступает **уровень гуманизации общества, то есть положение в нем личности**: степень ее экономического, политического и социального освобождения; уровень удовлетворения ее материальных и духовных потребностей; состояние ее психофизического и социального здоровья. Заметьте, кстати, что внутри этого сложного по своей структуре индикатора можно и нужно выделить один, по сути дела, синтезирующий в себе все остальные. Таковым, на наш взгляд, является **средняя продолжительность жизни**» (Крапивенский С. Э. Социальная философия. С. 290). Особенно ценным, на мой взгляд, будет именно синтезирующий критерий, который легко формализуем и удобен в сравнении. Но он может быть при годен лишь в современную или близкие к нам эпохи. Хотя бы из-за скудости данных, отсутствия статистики для большинства периодов, или потому, что еще сравнительно недавно войны и революции были двигателями прогресса. Он также нуждается в конкретизации для разных уровней, эпох и обществ. Например, как оценить последние несколько лет в жизни России: как прогресс или как регресс? По факту сокращения продолжительности жизни это регресс. Но будет ли объективной такая оценка?

¹⁰¹ В данном случае я считаю философию истории гораздо ближе к науке, чем к венаучной философии.

возможно, показать способы практического применения полученных знаний. Она не должна изменять истине, даже если последняя задевает моральные или идеологические положения¹⁰². Известный французский историк Фюстель де Куланж говорил: «Патриотизм — добродетель, а история — наука; их нельзя смешивать». Эта мысль прекрасно подходит к соотношению морали и науки. Их также нельзя смешивать. Но они во многом и связаны. Наука не отрицает и не игнорирует мораль¹⁰³.

Напротив, только точное знание при правильном применении и соответствующем общественном устройстве способно стать исходным пунктом в улучшении жизни. Самое главное в указанном плане — чтобы полученные данные и выводы применялись в моральных, а не аморальных целях. Но это уже зависит от общественной системы, регулирующей такие процессы. С другой стороны, любые, самые привлекательные моральные установки могут быть использованы в отвратительных целях. Каждый из нас приведет примеры этого и в советский, и в постсоветский периоды.

Поэтому попытки прямо приложить моральную оценку к понятию прогресса ненаучны и оттого ошибочны и даже вредны. Прогресс — это самый сложный процесс, который можно попытаться сделать менее болезненным и более гуманным, лишь глубоко поняв его, и никакие благие пожелания не помогут, если нет условия для их реализации.

Мне бы хотелось, однако, не только показать, как и почему следует разделить научный и моральный подходы к прогрессу, но и каким образом и в чем эти подходы способны совместиться.

Как уже сказано, связать прогресс и счастье, оказывается, очень нелегко¹⁰⁴. Недаром Маркс говорил, что прогресс в течение всей истории уподоблялся «тому отвратительному языческому идолу,

¹⁰² От того, что мы не признаем наличие бессознательного, открытого Фрейдом, причем бессознательного, во многом аморального, толкавшего нас к нехорошим вещам, люди лучше не становятся. А от того, что мы следуем ложным (но таким моральным) идеям о том, что человек по природе добр или что у людей одинаковые способности, мы только вредим воспитанию детей.

¹⁰³ Конечно, как и любой другой вид деятельности, наука без контроля может стать общественно вредной, и поэтому нуждается в определенных ограничениях и рамках. Сегодня это становится все очевиднее.

¹⁰⁴ П. Сорокин еще в начале века в статье «Социологический процесс и принцип счастья» рассмотрел такое соотношение и пришел к выводу: «...можно признать исторический процесс прогрессом, но зато из понятия прогресса приходится исключать точку зрения счастья; если же критерием прогресса становится счастье, то само существование прогресса становится проблематичным» (Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 509).

который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых¹⁰⁵. Во-первых, само понятие счастья меняется раз от раза. Для тех, кто недоедает, счастье — есть досыта, для тех, кто переедает (как в современных обществах), счастье — есть много и вкусно, но не болеть и не толстеть. Во-вторых, существует огромная разногласия во мнениях, и примирить их невозможно¹⁰⁶. Не будем же мы выяснять это путем всеобщего голосования. К тому же принуждение нередко уничтожает удовлетворение от достигнутого. В-третьих, общее счастье (если признать, что оно существует) не сводится к лозунгу Иеремии Бентама о наибольшем благе для наибольшего числа людей. Нет, это самый сложный компромисс целей, желаний, удач и трагедий множества людей даже не из одного, а из ряда обществ. Общественная жизнь насильственным и далеко не лучшим образом примиряет все это.

Причем в каждом случае эти проблемы решаются по-своему, используются особые методы принуждения и компенсации¹⁰⁷. В-четвертых, наибольшее счастье (в принципе невозможное), когда люди удовлетворены всем и всегда. Но если бы такое «счастье» вдруг осуществилось, то в ту же минуту прогресс остановился бы, ибо тогда исчез бы двигатель к развитию и улучшению.

Очевидно, что прогресс, одновременно ведущий к положительным изменениям в жизни большинства людей, лучше такого, который повышает благосостояние лишь меньшинства и использует остальных только как материал для этого. Однако улучшение жизни есть столь многообразный и многомерный процесс, что возникает вопрос: что именно и как менять? Больше есть или больше учиться, путешествовать? Больше потреблять или, напротив, ограничивать потребление? Давать больше свободы или уже меньше, так как человек точно в соответствии с мыслью Канта «обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних»¹⁰⁸. Другими словами,

¹⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 230.

¹⁰⁶ Еще в детстве мне запомнились слова А. Гайдара: «Что такое счастье — это каждый понимает по-своему». Действительно, сколько людей — столько мнений. Но если попросить сформулировать — что такое счастье для тебя, многие, вероятно, затруднятся или дадут глупый, пошлый ответ. Кроме того, получив желаемое, большинство людей вдруг осознает, что они хотели совсем не то или что не в этом счастье, или что они не могут жить без чего-то еще и т.п.

Стоит также отметить, что чем более развит человек, тем меньше он удовлетворяется имеющимся. И многие религии, учитывая эту особенность, делали главный упор именно на том, чтобы отречься от всего суетного, мирского, житейского. С другой стороны, нередко люди ограниченные и есть самые счастливые.

¹⁰⁷ Такие компенсаторы трудностей жизни, неудач и пр. могут быть в виде религии, национальной, корпоративной гордости, психотерапевтических лечений, возможности иметь отдушину в алкоголе, сексе и т. п.

¹⁰⁸ Цит. по: Философия истории. Антология. С. 62.

благополучие и счастье на все времена определить невозможно. Они различны в каждой стране, эпохе, общественном слое: всегда и похожи, и непохожи; они никогда недостижимы, как горизонт. Следовательно, столь разноречивое, изменчивое и субъективное понятие не может быть критерием для всего исторического процесса или больших его периодов. Но у подобных идей есть собственное, даже более высокое назначение: они цель жизни и двигатель развития, источник противоречия и т. д.

Представления о счастье способствуют общественному прогрессу, но не могут быть использованы как научный критерий этого прогресса. Стоит пояснить, что для оценки прогресса в определенных целях можно применить различные по типу критерии: моральные, идеологические (например, с позиции Родины, рабочего класса, интересов своей нации и другие), общефилософские или какие-то еще. Но все они в корне отличны от **научного критерия**, который подходит для объективной и даже в чем-то формализованной оценки. Назовем его **историко-социологическим критерием**. Тем не менее, выделив типы критериев, желательно было бы подумать, а нельзя ли все-таки как-то совместить их, особенно научный и моральный?

Мне кажется, до известной степени можно. Во-первых, стоит отметить, что если, по субъективному мнению, счастья и не прибавилось, то страданий определенно убавилось: войны, эпидемии, смерть близких (особенно детей), физическая боль, голод и т. п. стали более редки, чем в прежние времена. Это все достижения прогресса¹⁰⁹. Во-вторых, **прогресс выступает как результирующая многих сил, в числе которых все большее место занимает стремление к благополучию и счастью.**

В-третьих, подобные идеи постепенно превращаются в какой-то степени в составную часть и историко-социологического критерия прогресса. Это происходит, когда из пожеланий и лозунгов они становятся реальностью, социологическими фактами. Но, конечно, такой переход от декларации к практике очень часто не совпадает с ожиданиями¹¹⁰. Следовательно, множество таких достижений (как

¹⁰⁹ Разумеется, есть и противоположные его проявления: ухудшения наследственности, ослабление здоровья, загрязнение окружающей среды и т.п. Но в этом плане все же баланс в пользу прогресса.

¹¹⁰ Нередко мы наблюдаем, насколько верными оказываются изречения вроде «Благими намерениями вымощена дорога в ад» или пословицы «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Мы также можем хорошо представить степень соответствия лозунгов и их реализации. Россияне (и бывшие жители СССР) за последние 10—12 лет увидели, как идеалы рынка, конкуренции, национализма, демократии, свободы слова и пр. показали не только лицевую, но и

равенство перед законом, ограничение рабочего дня, уменьшение смертности, всеобщность образования и т. п.), которые закрепились в общественном бытии и сознании, можно систематизировать и для каждого общества определенной эпохи описать как некий **стандарт благополучия**. Примерно так, как такие стандарты делаются, чтобы измерять уровень жизни. Этот прием, конечно, годится прежде всего для сравнения обществ, ближайших к нам и современной эпох. Однако он органически вписывается в общую концепцию прогресса и его критерия.

В-четвертых, достижения прогресса в нынешнем виде можно представить как **равнодействующую эволюционного развития (не планируемой прямо деятельности) и различных критериев (то есть целей, которые стояли перед субъектами исторического процесса), представляя собой результат их воздействия**. В этом плане можно различать два типа прогресса; **естественно-исторический**, то есть возникающий как результат не планируемых в таком смысле действий, и **прогресс, планируемый сознательно**. История в этом ключе видится как переход (но переход бесконечный) от стихийного и потому очень медленного (а нередко жестокого и мучительного) прогресса к прогрессу планируемому, где уже нельзя не предусматривать и рост человеческого благополучия. Однако в любом случае он сможет вместить столько счастья, сколько позволяет общественная реальность, а не сколько хочется.

Возвращаясь к вопросу о критерии прогресса, можно отметить, что если отождествлять его с самим прогрессом, а последний видеть объективным законом, непримиримые и бесплодные споры о том, что будет таким критерием, неизбежны. Ситуация решительно меняется, если его рассматривать не как абсолютный и вечный показатель, а в теснейшей увязке с относительностью самого прогресса. А поскольку, как мы видели, содержание этой категории меняется от уровня к уровню, от периода к периоду, должно изменяться и представление о критерии. Трансформируется он также в зависимости от поставленной задачи и исходных посылок теории.

Единый и строгий критерий мог бы быть только в случае, если бы прогресс шел в одном количественном отношении. Тогда его можно было бы измерять как какую-нибудь физическую величину (например

обратную сторону.

расстояние). Но мы понимаем, что количество раньше или позже переходит в новое качество. А чтобы сравнить разные качества, нужно иное основание, чем характерное лишь для каждого из них. Следовательно, прогресс может измеряться одной мерой только в определенных рамках, за пределами которых критерий его трансформируется¹¹¹.

Итак, одного критерия на все случаи жизни быть не может. Тем не менее есть смысл говорить о едином критерии для исторического процесса. Но только как о принципе, как о том общем, что есть в различных критериях, избираемых для разных масштабов, как об абстрактном качестве, принимающем самые разные очертания в разных контекстах. И, конечно, требуются достаточно сложные методики, чтобы увязать все в общей концепции.

Говоря о соотношении прогресса и критерия, мы должны также рассматривать их как взаимоотношения системы и отдельного элемента. А это значит, что один элемент не может определять всю систему, и в то же время общие системные свойства так или иначе сказываются на любом элементе. Следовательно, никак нельзя полагать, что весь прогресс заключается в прогрессе одной его составляющей. Критерий лишь показатель прогресса. А последний может происходить одновременно в разных сферах, частях и направлениях, число которых вместе с развитием человечества все растет. Критерий — это лишь один из признаков прогресса. Цель выделения такой категории — облегчить распознавание прогресса в сложнейших и запутанных процессах изменений. Им в принципе может стать любой элемент системы: наиболее бросающийся в глаза, главный, по мнению исследователя, чем-то выделяющийся и т. п. Но, конечно, наилучшим решением будет совпадение субъективности ученого и объективной значимости, которое Тейяр де Шарден образно сравнивал с перекрестком, откуда наблюдателю открывается особая перспектива.

Кроме уже описанных моральных, идеологических и научных критериев, можно выделить следующие их типы.

1. **Относительно главный** в данной системе. То, что в ней нет полностью независимых элементов, ясно. Но, как уже говорилось, с позиции принципа релятивизма можно выделить относительно

¹¹¹ В некоторых случаях критерием перехода к новому качеству будет Спешность решения обществом стоящей перед ним задачи, которое мы оцениваем как верный ответ на вызов, как мостик, ведущий к материальному пути.

главные¹¹².

П. Сорокин считал, что «методологически в качестве независимой «переменной» можно взять любой фактор или любое условие. Речь здесь может идти лишь о научной продуктивности исследований той или иной связи, а не о какой-то predetermined важности того или иного фактора, в силу его природы»¹¹³. С этим можно согласиться. Но стоит добавить, что научная продуктивность в огромной степени зависит именно от совпадения субъективных представлений и объективного положения дел. И когда исследователю удается нащупать элементы или факторы, более фундаментальные в рамках определенной системы координат, эффект его изысканий резко возрастает. Поэтому хотя теоретически относительно главным элементом действительно может быть любой элемент, но научно продуктивными из таковых будут лишь немногие.

2. Критерием могут быть и формализованные величины или даже просто формальная характеристика, подобно тому как знания оцениваются в баллах. Но любая такая величина отражает некое качество (размеры, темпы и т. п.). Тем не менее формальный критерий может быть наилучшим, поскольку он есть продукт конвенции, нейтрален и вызывает меньше споров. И там, где его можно применять, часто незаменим. Современные общества без таких показателей, как валовой внутренний продукт (ВВП), национальный доход на душу населения, жизненный уровень, продолжительность жизни и прочее, оценить почти невозможно. Тем не менее сам по себе подобный показатель без увязки с общим анализом может ввести в заблуждение, как медицинский анализ автоматически не означает болезни или здоровья.

Поэтому считать формальный критерий абсолютно верным — большая ошибка. Он всегда усреднен и — результат конвенции — компромиссен. Любой критерий однокбок, и это в равной степени относится и к формальным¹¹⁴.

¹¹² Предположим, что у человека заболело сердце и стало плохо гнать кровь. Очевидно, что, хотя в организме все связано, врач прав когда говорит: «Самое главное — вылечить сердце, тогда все восстановится». То же и в развитии.

¹¹³ Цит. по: Медушевский А. Н. История русской социологии. С. 136.

¹¹⁴ Так, очень часто сравнивают развитие по ВВП или доходу на душу населения. Но, во-первых, существуют разногласия в подсчете этих величин и весьма серьезные (например, как включить нелегальное производство и доходы), во-вторых, они сильно зависят от богатства природы (в тех же странах ОПЕК), структуры населения и прочего.

3. Можно выделить также **комплексные** критерии¹¹⁵, то есть такие, в которых как бы преломляются показатели развития многих сфер, фокусируются достижения разных областей¹¹⁶.

4. Критерии в рамках исторического процесса также отличаются по тому, надо ли нам сравнивать общества в синхронном «срезе», что можно обозначить как **синхронный, или критерий по современности** (хотя он может относиться к любому историческому периоду); или в зависимости от исторического результата, то есть взятый в диахронном «срезе», ретроспективно **критерий по близости к «генеральной линии» истории**.

5. Следует выделить **общие**, то есть годящиеся для сравнения всех обществ определенного множества, и **специфические**, то есть показывающие особенность отдельных эпох, цивилизаций, обществ и т. д. Каждый тип может иметь разное содержание в зависимости от взглядов и пристрастий ученого, а также иных вещей. Выбор типа критерия и его конкретного содержания во многом зависит и от поставленной задачи. Например, если речь идет о всеобщем прогрессе для современности, то таковыми могут быть разные (например, качество жизни, экологический уровень деятельности общества и пр.), но почти все они мало годятся для прежних эпох. Если нужно выделить критерий развития для нашей страны, то он предстанет совсем иным, чем в развитых. Так, для России лучшим показателем сегодня были бы высокие темпы роста производства, уровня жизни и т. п. Но в странах с высоким уровнем потребления, возможно, уже следует думать о его стабилизации или даже сокращении. Для каких-то задач явно недостаточно одного критерия, а нужно несколько. Однако в каждом случае желательно строить их иерархию по важности, объективности (или нечто вроде таблицы соотношения), что уменьшит односторонность взгляда. Критерии, естественно, зависят от полноты наших знаний, поэтому для каждой эпохи и общества мы исходим во многом из наличных условий.

¹¹⁵ Похожий тип выделяет Крапивенский. Он называет его «интегративным, то есть пропускающим через себя и впитывающим в себя изменения буквально во всех сферах жизни общества» (Крапивенский С. Э. Социальная философия. С. 290).

¹¹⁶ Например в современных производительных силах все больше учитывается то, что называется человеческим фактором: то есть удовлетворение трудом, безопасность, благосостояние и даже здоровье. В определенной мере и долголетие. А в будущем (если развитие пойдет нормально) все заметнее должно включаться бережное отношение к природе, плюс пропорциональность развития.

Итак, абсолютного критерия нет. Проблема, стало быть, в том, чтобы **создать методiku использования данной идеи для определения прогрессивности**. Тогда можно будет интегрировать разные подходы и использовать разные методы.

Я думаю, что при прочих равных условиях наилучшей окажется та концепция, в которой удастся совместить органически больше типов критериев и логичнее все это связать.

Как мы выяснили, категория «прогресс» нужна, чтобы было удобно определять уровень развития. Посмотрим теперь, какого рода бывают такие сравнения. Во-первых, категорию прогресса можно приложить ко всему историческому процессу, чтобы сопоставить наиболее крупные его периоды. Это могут быть, например, доиндустриальный, догосударственный, доцивилизационный и т. п. и соответственно индустриальный, государственный и т. п. периоды. А могут быть общественно-экономические формации. Подход зависит от взгляда на периодизацию.

Для крупных периодов формальные критерии мало годятся. Ведь эти этапы видны и так, задача лишь в том, чтобы определить наилучшие основания и рубежи. Здесь нужны относительно главные критерии. Для сравнения формаций я полагаю возможным в качестве такого взять **переход к качественно новым мировым производительным силам** (это понятие в моей концепции называется «**принцип производства**», и о нем будет в следующей части очень обстоятельный разговор)¹¹⁷.

Таких формаций я выделю четыре, но есть смысл обозначить также и производственные рывки внутри них, ведущие формацию от начальных стадий к зрелости.

Однако указанный критерий **смена принципа производства** (или если нужен меньший масштаб — **переход на новый этап принципа производства**) применим прежде всего в мировом или, точнее, формационном масштабе. К отдельным обществам он приложим лишь

¹¹⁷ Такой переход совершается в результате производственной (не следует путать с технической) революции. Конечно, чтобы она совершилась, необходимо накопление множества изменений во всех сферах. Но только выход на принципиально иной производственный уровень позволяет сделать процесс перехода к новой формации мировым и необратимым явлением (аргументация этого тезиса в следующей части).

Однако хочу подчеркнуть, что ни принцип производства, ни производительные силы я не свожу только к технике (как это не редко делается и сторонниками, и противниками таких взглядов).

в ограниченной мере. Это объясняется тем, что, как уже говорилось, из ряда исторических линий развития только некоторые могут привести к качественно высшему этапу (в нашем случае — к революции в производительных силах). Общества, способные сделать такой производственный рывок, можно считать наиболее прогрессивными, если исходить из близости к «генеральной линии» истории¹¹⁸. Если же делать синхронный «срез», то окажется, что общества, в которых доминирующими являлись иные сферы, чем производство (религия, государство и т. п.), и которые сделали в этих направлениях значительные успехи, нередко превосходили во многих отношениях указанные «производственные». Следовательно, в этом плане (критерий по современности) они были прогрессивнее¹¹⁹. Такой подход только лишний раз доказывает относительность прогресса и сложность любого сравнения.

На основе мирового (относительно главного) критерия мы выделяем особый для каждой формации, но в целом имеющий прямую связь с принципом производства. Мы называли его общим критерием. Что же он представляет и обозначает? Он хорош уже тем, что годится для всех (или хотя бы большинства) обществ, позволяет сравнить каждое с каждым. Но общий критерий в конкретных социумах необязательно окажется важнее специфичного. Последние нередко сильнее¹²⁰. Кроме того, общее имеет также свойство быть для историка менее заметным, интересным, ценным и т. п., просто потому, что оно есть у всех, а особое — лишь у некоторых. Однако для теоретика дело обстоит наоборот.

¹¹⁸ Во всяком случае, так было до сих пор, но возможно, что в будущем производственный момент окажется наиболее важным в плане прогресса.

¹¹⁹ Если сравнить, например. Сев. Италию и Китай XII — начала XIII вв. (до нашествия монголов), то по уровню государственности, культуры и многого другого мы, без сомнения, отдадим первенство Китаю. Но глядя на этот вопрос ретроспективно, увидим, что в Италии уже создаются предпосылки качественно иного уровня торговли, денежного и Кредитного обращения, разделения труда, техники и т. п. И в плане близости к генеральной линии государства Северной Италии прогрессивнее Китая.

Аналогично обстоит дело, если брать за критерий любой другой аспект. Так, к числу исторических народов часто относят древних иудеев. Почему? Ясно, что критерий тут религия. Но были ли в целом культура, государственность, наука евреев выше других современных им народов? Вряд ли. Скорее, ниже иных: египтян, индусов и пр. Однако они создали монотеистическую религию, к тому же — «мать» христианства. Следовательно, по близости к «генеральной линии» (да еще с учетом влияния на рождение ислама) — это действительно одно из самых прогрессивных обществ древности. Но по синхронному критерию — его место намного ниже. В этом плане мне кажется только отчасти верной мысль о несравнимости культур. По близости к «генеральной линии» их относительно легко сравнивать.

¹²⁰ Соотношение здесь примерно такое же, как при сравнении общих и частных законов.

Следовательно, «хорошие» показатели общего критерия не означают и не могут означать непреходящих и тем более исключительных успехов и в любой иной сфере¹²¹. С другой стороны, ухудшение показаний этого критерия будет важным признаком замедления развития общества, застоя или регресса, особенно если это не просто общий показатель, а еще и комплексный, то есть через который можно увидеть состояние целого ряда элементов общества.

Сформулируем, какие требования желательны к такому общему критерию. Он должен быть: а) тесно связан с общечеловеческим, в моей версии с изменениями в принципе производства; б) поддаваться формализации; в) быть комплексным; г) действительно общим, а не относящимся лишь к некоторым обществам; д) по возможности связанным с моральным критерием; е) не препятствовать выделению специфического критерия; ж) связанным с критериями по современности; з) связанным с критерием по близости к «генеральной линии» истории.

На последнем пункте остановимся подробнее. Только что мы вспомнили, что лишь часть направлений и социальных организмов оказывается удачной в плане прогресса. Очень схематично формационный цикл развития выглядит так: появившееся новое развивается вширь, дифференцируется и достигает пика, откуда начинается поиск путей к еще более высокому качеству из ряда возможностей, при этом прорыв происходит в относительно узких местах (это и есть близость к «генеральной линии»).

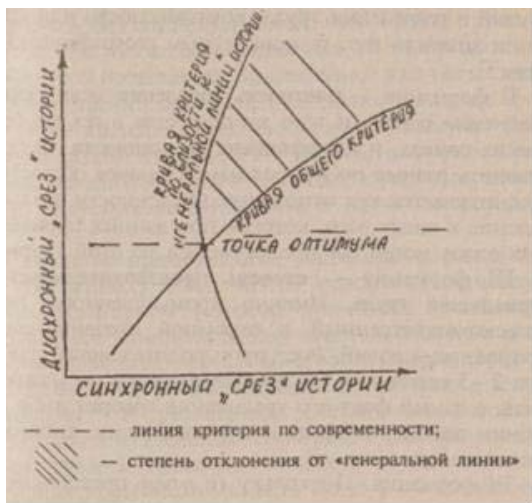
Отсюда важное уточнение для общего критерия. До определенного момента (назовем его точкой оптимума) прогресс в количественном и качественном выражении в целом совпадает, поскольку рост количества укрепляет и распространяет, а также доводит до зрелого состояния еще молодое качество. Однако по достижении точки оптимума прежний тип развития наталкивается на определенные препятствия. В ряде случаев, однако, удается их обойти или преодолеть, и прежний курс (и тип прогресса) продолжается. В результате общество начинает удаляться от наиболее удачного для качественного рывка состояния, которое и показывает точка оптимума. Оно теряет прежнюю податливость, его структура костенеет и утяжеляется, в то время как для перехода к новому обществу должно

¹²¹ Тем более, что некоторые сферы в плане прогресса находятся в обратной пропорции: «Когда говорят пушки, музы молчат», а также ухудшается торговля и многое иное.

быть достаточно гибким, а не сверхспециализированным и зарегулированным. Назревшие проблемы решаются еще большим усложнением системы или наращиванием каких-то элементов (в том числе и тех, какие мы принимаем за показатель прогресса). Этот рост становится уже гипертрофированным и чем дальше, тем больше показывает не прогрессивность, а путь в тупик, подобно тому, как увеличение мышц у культуриста часто говорит не о здоровье, а о грядущих болезнях. Такой рост в конце концов становится самоедским и начинает разрушать общество, а затем он или прекращается сам, или дело кончается катаклизмами.

Перерастание момента, откуда возможен поворот к новому, к качественному прогрессу, если это выразить графически, есть пересечение кривых критерия по близости к «генеральной линии» истории и общего критерия (см. рис.). Дальнейший количественный рост последнего в плане оценки прогрессивности должен быть скорректирован на степень отклонения от «генеральной линии» и увязан с совокупным качественным развитием¹²².

Это можно представить как дифференциацию общего критерия, причем из дифференцированных одни будут более, другие менее прогрессивными, в зависимости от успешности решения и близости к

¹²² Так, сверхтемпы экономического роста в ряде стран далеко не всегда благо. А в целом для человечества есть смысл говорить о пределах роста, и в любом случае — об их оптимизации, поскольку развитие во что бы то ни стало, за счет природы уже не благо. И тем более за счет жизни, свободы, здоровья миллионов, каковой была индустриализация в СССР.

«генеральной линии» истории.

Например, рост населения до определенного предела — благо. Если брать вторую («аграрную») формацию, то очень многие общества сталкивались с проблемой перенаселения. И «демографическое давление», когда увеличение населения доходит до предела, за которым возникают общественные трудности, если не абсолютизировать этот фактор, действительно, один из самых важных моментов в макроистории. Разные народы давали разный ответ на подобный вызов¹²³.

Итак, для каждой формации общий критерий в моем представлении выглядит так¹²⁴.

I формация — **степень приспособленности к природе**. Отражает идею колоссальной зависимости первобытных людей от природных условий. Показывает соответствие орудий и разделения труда, комплексности или специализации хозяйств и т. п. конкретным географическим условиям¹²⁵.

II формация — **плотность населения**, если речь идет о сравнении одного и того же общества в тех же географических рамках, и **коэффициент заселенности**, когда нужно сравнить разные по природным условиям общества¹²⁶. Он рассчитывается как отношение численности реального населения к числу того, которое при данных производительных силах могло бы прокормиться на этой территории

III формация — **степень производительности индустриального труда**. Именно промышленного, поскольку сельскохозяйственный в огромной степени зависит от природных условий. Рост производительности для последних 2—3 веков хотя бы

¹²³ Это могли быть: военные захваты, колонизация, развитие торговли, регулирование населения, максимальная интенсификация производства, понижение жизненного уровня, массовое уменьшение населения и т. п. Но лишь немногие в конечном счете оказались удачными в плане Формационного прогресса. «Ответ» Афин, расширивших торговлю хлебом, стал основой для последующего их расцвета. «Ответ» ряда европейских стран в виде создания многих городов, специализации территорий и технического прогресса стал основой для развития капитализма.

¹²⁴ Чтобы предупредить критику, вновь поясню, что никто не сводит весь прогресс только к одному элементу, но стоит задача выбрать один наиболее удачный момент для выделения критерия, характеризующую формацию до точки оптимума.

¹²⁵ В рамках этнографических исследований отсталых народов он может рассчитываться как соотношение числа людей, кормящихся на территории, к числу возможного населения при доземельском хозяйстве. Чаще речь идет об археологических, нередко фрагментарных остатках, но все же дающих представление о степени интенсивности и рациональности хозяйствования. Некоторые ученые используют для такой характеристики понятие «демографическая емкость ландшафта».

¹²⁶

приблизительно, но можно исчислить, а самый факт его увеличения говорит либо об улучшении разделения труда и специализации, либо о внедрении техники.

IV формация. Поскольку (в моем представлении) она только в начальных стадиях, то главный критерий еще не обрел полной значимости. Таким, вероятно, можно будет считать **степень стабильности обществ**. Думается, важнейшей составной частью такой стабильности станет уровень сохранности и воспроизводства природы при оптимальных темпах развития.

В начальных же стадиях IV формации пока следует считать таким критерием **уровень научно-информационного обеспечения**, без сомнения, много говорящий о развитости общества. Но поскольку наращивание экономического и технического потенциала, как сказано, уже натывается на серьезные препятствия, следовательно, развитие формации приближается к указанной точке оптимума. Все эти критерии легко связываются с типами прогресса, соответственно: приспособление к природе; аграрно-цивилизационный; индустриально-торговый и научно-информационный.

Рассмотрим преимущества указанной системы критериев. Во-первых, легко найти родство с относительно главным критерием (сменой принципа производства), поскольку все моменты входят составной частью в понятие производительных сил. Во-вторых, эти критерии формализуются и могут быть представлены даже в конкретных цифрах¹²⁷. В-третьих, это действительно всеобщие и, в-четвертых, комплексные критерии. Если, например, мы возьмем уровень производительности труда, то ясно, что наивысшая производительность будет в обществах с правовым государством и развитой частной собственностью. То же касается и плотности населения. Люди — главная производительная сила доиндустриальных обществ. И население росло там, где были сильные государство и религия (культура), способные обеспечить прочный внешний и внутренний мир, сплотить общество и создать механизмы поддержания порядка. В-пятых, от общих критериев можно прийти к специфическим, особенно если выделить **промежуточные**,

¹²⁷ Сравнивая по этому показателю, например, земледельческие и кочевые общества, мы сразу видим огромную разницу (иногда в десятки раз) в коэффициенте заселенности, а также ограниченность возможностей прогресса у неоседлых народов. Ибо он при таком населении может идти в очень узких направлениях: военном деле или отдельных изобретениях (типа седла), приручения некоторых животных.

Этот критерий показывает также перекосы в развитии производства, например, при массовой гибели людей на принудительных работах, подобно тому, как это было в Китае, Египте.

например, рост городского населения, и **дополнительные** (развитость частной собственности, права; уровень грамотности и прочее).

В связке с общим критерием они способны дать весьма объективную картину.

Авторскую систему общих критериев можно совместить в определенной мере и со взглядами других ученых. Например, выделяемый социологами прошлого критерий **по общечеловеческой солидарности (или эволюции социальной связи)**, на мой взгляд, из всех существующих — один из самых убедительных. (Правда, само слово «солидарность» не очень согласуется с войнами, геноцидом и прочим. Но дело, конечно, не в словах.) Если спуститься на уровень отдельных формаций, легко увидеть значительные совпадения этого и моего подходов¹²⁸. В первобытности рост интенсивности хозяйств вел к появлению более крупных и стабильных коллективов, а в целом — к заселению Земли. В аграрную эпоху рост населения приводит к укрупнению и структурированию обществ и увеличению контактов между ними. В третьей формации — рост производительности труда, с одной стороны, основывается на его разделении и специализации, с другой — увеличивает их. А разделение труда (по Э. Дюркгейму) — основа общественной солидарности. И еще более сближаются люди и общества с развитием современных средств транспорта и связи в четвертой формации¹²⁹.

Помимо общего, можно использовать и **специфические критерии**. Какими они будут, зависит от особенностей общества. Возможны военный, торговый, религиозный, культурный и т. п. уклоны¹³⁰.

Специфический критерий важен, потому что позволяет понять особость изучаемых обществ, а вместе с общим и с близостью к «генеральной линии» истории дает удачный масштаб для понимания причин яркости проявления тех или иных сторон. Кроме того, легче

¹²⁸ Беспристрастный читатель, однако, убедится, что производственный и особенно технический прогресс непременно ведет к увеличению сближения людей (не считая периодов войн), в то время как рост солидарности далеко не всегда ведет к производственному прогрессу. В этом плане (а также в возможности формализации) мой критерий, думается, фундаментальнее и предпочтительнее.

¹²⁹ Из сказанного ясно, что важно не только определить наиболее удобный критерий, но и что вопрос не должен ставиться строго по правилу формальной логики: или только этот — или только другой критерий. Желательно, насколько можно, с пользой совместить разные подходы, например, ввести понятие параллельных критериев, применение которых позволит увеличить степень точности и достоверности анализа.

¹³⁰ И они хорошо увязываются с направлениями частичного прогресса: военным, религиозным, торговым и т. п.

понять взаимосвязи отдельных элементов и сфер между собой, выяснить прямые и обратные пропорции между ними в плане прогресса и развития.

Кроме перечисленных, могут быть и иные методы сравнения прогрессивности обществ в разные по длительности эпохи, ведь для тех понять взаимосвязи отдельных элементов и сфер между собой, выяснить прямые и обратные пропорции между ними в плане прогресса и развития.или иных типов проблем должны быть собственные инструменты анализа¹³¹. Но думаю, что в целом читатель уже составил представление о подобного рода процедурах.

Без сомнения, предложенные мною методики (причем едва намеченные) и описанная система критериев достаточно сложны для восприятия и, на первый взгляд, могут показаться даже громоздкими и запутанными. Конечно, выделение одного (причем подробно не разработанного) критерия на все случаи усваивается намного легче и проще. Но боюсь, что эта «простота», по пословице, хуже воровства. Разве не наивно думать, что удастся сравнивать столь разные эпохи, общества и сферы по единому да еще и нечеткому основанию? Подумайте, возьмется ли экономист или социолог дать объективную характеристику малознакомых обществ и оценить их уровень развития по отношению к другим по одному или хотя бы двум-трем показателям, не рискуя крупно ошибиться. А ведь там речь идет лишь о современной, в целом понятной нам эпохе и о международно признанных и обкатанных методах.

Экономической науке, чтобы более-менее верно давать оценку ситуации и делать прогнозы, потребовалось выработать очень развитые методики, сложный понятийный инструментарий; были проведены многие и многие исследования на всех уровнях, создана масса моделей. Причем хороший специалист должен уметь верно избрать нужные ему, переходить от одних к другим.

Почему же в нашем случае должно быть иначе? Можно спорить об адекватности методик и правомерности избранных аспектов, но надеяться найти простой и универсальный метод бессмысленно.

¹³¹ Об одном из них см.: Гринин Л. Е. Философия и социология истории... Ч. П. С. 97—98.

Необходимо также разработать критерии для переходных периодов, поскольку во время социальных скачков могут быть падение производства, убыль населения, распад общественных и культурных связей и т. п. Однако нередко такие кризисы (войны, революции, завоевания более развитыми народами менее развитых и т. п.) мы все же оцениваем как прогресс, учитывая близость «генеральной линии» истории.

Другого способа превратить догматические и во многом «диктаторские» термины, оторванные от реалий, в инструмент анализа, моделирования, даже прогнозирования; иного пути уйти от односторонности к той объективности, которая открывается не в независимости от сознания, а в выработке все более точных, тонких и специализированных методов познания, я не знаю. И сомневаюсь, что кто-то его укажет.

* * *

Заканчивая философский раздел и переходя к разделу социологическому, в виде итога хотел бы сказать о следующем. Философия истории в том виде, в каком она сегодня у нас существует, больше похожа на метафизику, чем на иные социальные науки. И дело не спасает изложение в нынешних работах множества совершенно различных, несходных и отрицающих друг друга концепций (к тому же также большей частью метафизических). Пусть даже авторы станут перелагать и в несколько раз больше точек зрения, направление, на котором стояла и продолжает стоять эта наука, перспективы не имеет. Никогда философия истории и история не станут органически близкими друг другу, если не начнется работа по созданию многочисленных моделей, алгоритмов, схем, типологий и тому подобных разработок для разных уровней, временных периодов, пространственных объемов, микро- и макропроцессов и т. п.¹³² Это и составит настоящую теорию истории. И это будут те самые теории среднего уровня, о которых мечтают, как о спасении, многие наши исследователи. Однако сами по себе такие методы нередко бесплодны или недостоверны. Зато в общей системе науки от конкретики в виде историографических изысканий до глобальной теории (в виде философии и социологии истории, теории исторического процесса), а также общей и специальной методологии, связывающей все уровни и аспекты, они обретают очень большое значение.

Поэтому альтернативы поиску способов интеграции разных идей и методов, конкретизации общих положений до необходимых подробностей, ухода от абсолютных подходов к относительным с правильной методологией переходов и т. д. я не вижу. Такого плана исследования в отдельных направлениях появляются¹³³. И это вселяет

¹³² Наверняка тогда удастся применить и культурологические, и математические, и аксиологические и многие другие методы анализа, которые будут не исключать, а дополнять друг друга.

¹³³ К числу таких относится, например, работа Н. С. Розова «Структура цивилизации...».

надежду. Но их не только мало, они к тому же не имеют общеполитических обоснований, без которых поиск идет на ощупь. Хотелось бы верить, что предпринятая мной попытка наметить принципы и пути такого развития все же заставит кого-то задуматься над жизненно важной для философии и теории истории проблемой.

Разумеется, я отдаю себе отчет, что исследования, о которых сказано выше, могут пойти по-настоящему успешно только, если будет социальный заказ общества (как это происходило с экономикой, социологией, психологией и другими науками). Но будет ли такой заказ, в значительной мере зависит и от того, что собственно способна предложить социальная наука.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ*

Термин «социология истории», образованный по аналогии с философией истории, кажется мне достаточно удачным и емким¹. Кроме того, он очень важен потому, что дает название области исследования, которую совершенно необходимо отделить — при неизбежной нечеткости таких границ — от общесоциологической теории. Ведь последняя предназначена для анализа главным образом современных живых обществ (в первую очередь — высокоразвитых и стабильных). Ее, в отличие от социологии истории, я далее буду называть просто «социологией» (или «общей социологией»).

Почему же так необходимо это разграничение? Почему социология истории не может быть одним из разделов общей социологии? Прежде всего потому, что, хотя между ними немало и вполне понятное сходство, у них разный объект исследования. Хотя социология собственно и родилась в трудах ее основоположников как наука о сравнении любых общественных систем и организмов, в своем нынешнем виде она стала обретать собственный предмет, сосредоточиваясь именно на сегодняшнем ей обществе, тем самым уходя от анализа обществ исторических.

Но изучение живого, современного и понятного нам социума очень сильно отличается от исследования обществ исторических. Аналогично тому, как разнятся ботаника и зоология от палеоботаники и палеозоологии. Или более близкая нам аналогия. Первобытностью занимаются и археология, и этнография. И с этой точки зрения у них много общего. Но сколь велико между ними различие и в подходах, и в методах, и в значении, придаваемом отдельным вещам, и во многом другом!

Социология истории имеет, следовательно, очень широкий

¹ Название это буквально напрашивается. И, действительно, некоторые западные ученые используют его (см., например: Кроссер Пол. Социология истории // Современная прогрессивная философская и социологическая мысль в США. М., 1977). Изрядка оно употребляется и в отечественной литературе.

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1-2.

объект изучения. Ведь она стремится найти основы для анализа любого из существовавших с момента появления человека разумного обществ и обнаружить общие черты в разнообразнейших коллективах (от группы бродячих охотников до современных стран, населенных сотнями миллионов жителей), чтобы охватить это множество едиными принципами и теориями. И в этом плане с формальной точки зрения она как более широкое направление должна, была бы включать в себя социологию в качестве составной части. Первоначально, как мы видели, так и было. Однако по ряду причин и в силу своей практической значимости социология не только обособилась, но и стала настолько мощной, что во многом интегрировала в себе социологию истории и с большим ущербом для последней.

Сказанное о различии предмета между социологией истории и социологией неизбежно ведет к мысли о том, что первая не может ни копировать методы общей социологии, ни использовать в качестве базовой ее макротеорию. Особый предмет, специфика материала требуют и особых, собственных теорий и методов. Игнорирование этого ведет к тому, что второстепенное или позднейшее в историческом развитии выставляется как главное, а также к ошибочным посылкам и выводам и к недопустимому смешению понятий и подходов.

В самом деле, если современное общество всегда перед глазами, то от большинства исторических (не говоря уже о тех, что называют преесторическими)² остались лишь письменные или

иные памятники, а то и вовсе разрозненные или отдельные «следы». И это «мертвое» наследие не ответит само на вопросы анкеты. Его надо сложным образом расшифровать и интерпретировать. Следовательно, методы социолого-исторического (**социсторического**) исследования в огромной степени зависят от объема и характера источников наших знаний об обществе.

² Есть смысл сказать, что направления социологии истории могут (или даже должны) опираться на особенности исторических периодов. И само собой ясно, что дописьменный период имеет колоссальные отличия перед письменным. А период формирования человека разумного вообще Должно изучать особое направление, нечто вроде антропогенетической социологии. Но в данной работе я оставляю эти очень важные вещи без внимания.

В зависимости от близости к нам, обилию или скудности сохранившихся следов, ясности и многочисленности письменных памятников, социолог истории иногда ближе к использованию традиционных социологических (или даже микросоциологических) методов, иногда следует за традициями археологии, этнографии или антропологии, другой раз он больше всего заинтересован в доказательствах, поставляемых вспомогательными историческими дисциплинами (вроде палеографии, топонимики и т.п.), либо должен вникать в сложности работы с архивом. Иногда же просто берет понравившуюся ему точку зрения, ибо в плане доказательств они одинаково ущербны. И т.д.

Но столь значительная подвижность, диктуемая особенностями исследуемого исторического материала, не должна затемнять центральную идею о том, что все это цементируется общей теорией и методологией социологии истории. И умение использовать или иметь в виду специфические методы разных наук, создающих историческое знание, может быть плодотворным лишь в сочетании с общими принципами, которые позволяют оперировать столь большим разнообразием.

Итак, социология истории должна сосредоточиваться на обнаружении «общего знаменателя» в многообразии исторических обществ, выделяя сходные элементы, черты, функции, подсистемы, отношения и т.п. в них, исследуя общесоциологические законы, в том значении, о котором говорилось в первой главе. Но она также должна учитывать усложнение и изменение обществ и их составляющих, классифицировать их по видам и периодам. В отличие от теории исторического процесса социология истории изучает исторические общества в исторической статике. Однако следует подчеркнуть, что историческая статика — не неподвижность вообще. Речь о чистой статике идти не может. Общество трудно понять вне его функционирования и вообще процесса жизнедеятельности, взаимоотношения со средой. Есть смысл отвлечься лишь от процесса исторического развития (насколько это вообще возможно).

Социология истории в том виде, как я представляю ее, как бы связывает историю, современную теоретическую (и частично

прикладную) социологию, философию истории и теорию исторического процесса. Данный же раздел введен для того, чтобы, фигурально говоря, иметь социологический этаж для теории исторического процесса. Поэтому есть смысл сказать немного о различиях между социологией истории и теорией исторического процесса. Неразграничение их приводило к тому, что к процессу развития пытались приложить «универсальные» законы, полученные из сравнительного анализа обществ. Результаты оказывались неудовлетворительными. Однако и до сих пор (а в нашей науке особенно) налицо недопонимание того, что исследование исторического процесса требует иных методов и подходов, чем социология истории. Хотя бы потому уже, что последняя в гораздо меньшей степени интересуется рядом важнейших для теории исторического процесса проблем, например близостью общества к «генеральной линии» истории. Ведь главная ее задача — найти общее во всех или многих, а переход к новому качеству, как мы видели, сначала скорее исключение, чем правило.

Но на каком-то уровне проблемы прогрессивности и историчности и прочие начинают интересовать и социологию истории (если, например, мы занимаемся типологией обществ и сравнением этих типов). Аналогично обстоит дело и с различиями между историческими и социологическими законами. Последние сначала берутся безотносительно к историческому развитию, либо нам важен только его результат (а не ход и не причины). Но чем подробнее социологическая теория, тем больше требуется говорить именно о процессе. Сначала о функционировании системы или подсистем, затем об отличиях в типах и подтипах, далее о причинах отличий и следствий из них и т. д., пока мы не доходим непосредственно до вопросов исторического развития отдельных социальных организмов. В свою очередь, чем ниже мы спускаемся в исследовании исторического процесса, тем менее крупные регионы, этапы, линии изучаем, пока не дойдем до конкретных обществ и подсистем, т.е. до социологии истории. Все это лишний раз доказывает как необходимость разграничения предмета исследования между науками и направлениями, так и его условность. Но срачиваются на нижних

уровнях даже не два эти направления, а больше: тут перекрещиваются и философия истории, и методология социальных наук. А если прибавить к сказанному и гносеологический момент, то можно будет сказать: если все эти аспекты не только не противоречат, но во многом дополняют и «подпирают» друг друга, если видно, что на определенном уровне они могут смыкаться и переходить друг в друга — значит, это своего рода доказательство не только правомерности, но и верности авторского подхода.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Кроме общества, ничто в природе, исключая только тайны самой жизни, так глубоко не заинтересовывало человеческое воображение, и ни с чем, кроме самой жизни, воображение не обращалось так вольно.

Ф. Гиддингс

Несметное число различных моделей демонстрируют в своих социальных системах как первобытные, так и цивилизованные народы.

Р. Макайвер

... Социальные явления, не будучи материальными, все же представляют собой реальные вещи, допускающие исследование... они существуют определенным образом; ...имеют постоянный способ существования и особую природу, не зависящую от индивидуального произвола;... возникают из необходимых отношений.

Э. Дюркгейм

§ 1. Взгляд на различные способы анализа общества. § 2. Природно-производственная основа как базис общества. § 3. Структурно-функциональный анализ природно-производственной основы общества (географическая среда — производительные силы). § 4. Распределительные отношения

§ 1. Взгляд на различные способы анализа общества

Проблема обособления социологии истории от социологии весьма важна, хотя бы потому уже, что вопрос об общесоциологической теории в нашей науке остается запутанным. Прежде господствовал тезис, что исторический материализм и есть марксистско-ленинская общая социология. Он, следовательно, был одновременно и философией истории, и общей социологией, и социологией истории. В результате, и без того очень сложный вопрос о том, какова граница между философией и социологией, был

порядком затемнен давлением идеологии. Поэтому вполне справедлива была мысль Г.М. Андреевой, что «остается по-прежнему нерешенным труднейший... вопрос о том, в чем специфика социологического анализа общества по сравнению с его философским анализом; вместе с тем — в чем неразрывная связь этих типов анализа»³. В этих условиях вопрос о четком разделении социологического и социстического анализа общества почти не ставился. Этому способствовала и характерная для начальных стадий развития философии истории и социологии уверенность в том, что можно открыть всеобщие и универсальные социальные законы, господствовавшая в нашем общественном сознании.

Сегодня некоторые полагают, что достаточно перенять достижения западной науки. Стоит посмотреть, насколько это реально в отношении социологии истории.

Несмотря на высокий престиж социологии, громаду исследований и успехи в ее практическом использовании, целый ряд давних теоретических и методологических проблем так и не решен. В нашем случае особенно важно отметить, что в целом эта наука распадается на два больших массива: связанный с анализом общества как единого целого (исследующие макроуровень) и исследующий его «интерактивные парадигмы, которые делают акцент на изучении и интерпретации человеческого поведения на микроуровне»⁴. Причем оба направления базируются во многом и на разных философских и методологических посылах. «Эта ситуация, зафиксированная Р. Мертоном в 1947 г., и сегодня остается актуальной»⁵.

Попытки объединения этих уровней социологии предпринимались и предпринимаются. Но либо подобные теории не стали общепризнанными, а лишь дополнили и без того обширную палитру парадигм, либо оказались успешными только частично. Периодически возникают также всплески критики существующего положения дел. Так, например, Алвин Гоулднер активно доказывал, что «развертывание специализированных социологических

³ Цит. по: Барулин В.С. Исторический материализм. Современные тенденции развития. М., 1986. С. 211.

⁴ Социология / Под общей ред. Э.В. Тадевосяна. М., 1995. С. 26.

⁵ Ядов В.А. Цит. по: Социология. Хрестоматия / Сост. О.Н. Козлова и др. М., 1993. С. 10.

исследований, вопреки ожиданиям классиков американской социологии, не привело к созданию предпосылок для подлинно научной общесоциологической теории, а только способствовало усилению того, что обозреватели на Западе стали называть концептуальным беспорядком, «интеллектуальным Вавилоном»⁶. Существует также распространенное мнение, что отсутствие генерализующей теории, способной соединить различные эмпирические выводы, и есть главная причина неудовлетворительного состояния социологической науки, которое образно называют «вербальными джунглями»⁷.

Тот факт, что сама социология не имеет общепринятой генеральной теории, которую легко было бы просто заимствовать, на мой взгляд, делает еще более убедительной мысль о том, что социология истории тем более не может полагать в ней свою парадигму и методологическую основу. Она должна выработать собственные, специфические концепции и подходы. К тому же многое из необходимого для этого фактически уже есть: и в трудах предшественников, и рассыпанное в произведениях социологов, историков и философов. Сказанное, однако, не отрицает необходимости активно использовать, где это удобно, достижения, накопленные в общей и прикладной социологии.

Как уже отмечено, прежде чем в 20-е годы XX века социология сформировалась в том виде, который имеет явное сходство с современным, произошла существенная смена ее интересов. Зародившись в XIX в., она считала одной из главных своих задач — дать ясную теорию для исторического анализа в противовес спекулятивной философии истории. Упрощенно говоря, в этот период важнейшей целью социологов стало открытие ведущих общественных законов, сил и факторов, с помощью которых и можно было бы объяснять прошлое и настоящее и даже будущее. Однако в конце XIX

⁶ Танчер В.В. Алвин Гоулднер: «Обновление и критика» в американской социологии // Современная американская социология. М., 1994. С. 254.

⁷ Там же. По словам одного нашего социолога, основной корпус современной социологии «фактически просто отказывается признать возможность социологических конструкций истинно теоретического, «динамического» толка...» (Ицхокин А.А. Реконструируя Восток и Запад // Философские исследования. 1994. № 2. С. 22-23).

века в социологии начался перелом, связанный с поиском ее собственного, отличного от истории, философии и психологии, объекта. В результате произошел крен в сторону обнаружения ведущего (исходного) элемента, отношения и т.п. общества и одновременно главного (элементарного) метода его анализа. Этому были посвящены многие работы таких крупных ученых, как Дюркгейм, Уорд, Тард, Гиддингс, М. Вебер и др. Постепенно сосредоточение на исследовании «чистых» форм социальности делает главным объектом социологии социальную жизнь в пределах современного ученым общества. Происходит сдвиг от глобальных историософских концепций (таких, как у Конта, Спенсера, Гумпловича, Ратценхофера и др.) к исследованию самых малых, исходных общественных начал. Однако интерес к историческому процессу оставался еще весьма большим, поскольку активно работали многие из первопроходцев социологии (таких, как Теннис, Ковалевский, Сорокин, М. Вебер, Зиммель и многие другие), а равно их ученики⁸.

В начале XX века социология представляла, по определению Зиммеля, как «персональные» социологии одаренных людей, которые не смогли установить истинную дисциплину в этой смеси клик и школ⁹. По мере сближения позиций «к 1920 году накопившийся материал отдельных исследователей определил основные черты специальной социальной науки, посвященной анализу основных аспектов коллективного человеческого существования»¹⁰, параллельно с этим снижался интерес к глобальным теоретическим обобщениям исторического материала как к важнейшему объекту исследования.

Дальнейшее развитие социологии привело к тому, что историческое направление и вовсе перестало быть главным в нем. К тому же оно сосредоточивалось большей частью на анализе истории

⁸ Например, младший брат Макса Вебера Альфред стремился создать нечто вроде социологии истории, которая бы выглядела «социологически конкретизированной, построенной на основе эмпирического анализа исторического материала философией истории, или социологией исторического процесса» (Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., 1986. С. 129).

⁹ Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 40.

¹⁰ Там же. С. 45.

социальной мысли. Исторические данные служили своего рода заставкой, фоном, отправной точкой и т. п. В лучшем случае исторический метод признавался как важный дополнительный метод, помимо основных¹¹, полезный для тех, «кто считает изучение прошлого не менее ценным в понимании общества и общественных отношений, чем исследование сегодняшнего состояния»¹².

Разумеется, обращение к историческому материалу широко распространено, но главное отличие его от теоретического осмысления с позиции социологии истории именно в том, **что в большинстве случаев все эти изыскания предназначены именно для анализа современных процессов и объяснения современных и ограниченных рамками немногих обществ результатов**, а история есть лишь фон, исходный, базовый отсчет, или трамплин для рассуждений и т.п.

Социология же истории в первую очередь должна исходить из полного теоретического равноправия любого общества любой эпохи безотносительно к генетическому, культурному или иному родству с современностью либо прослеживанию влияния на нынешнюю ситуацию, аналогию с ней или чего-то подобного. Ей должна быть самоценной именно эта пестрота и многообразие. Так, историку самоценна та историческая реальность, которую он изучает, хотя бы этот интерес и не имел видимых практических результатов. А публицисту, который исследует историю какого-либо вопроса, важнее всего как раз возможность с помощью исторического экскурса объяснить современную проблему или ситуацию.

И уже во вторую (и последующие) очередь социология истории будет подчеркивать какой-то аспект как наиболее важный, искать в современном обществе некий результат исторического процесса или точку ретроспекции. Конечно, полностью отрешиться от сегодняшнего состояния невозможно, но одно дело — учитывать его, другое —

¹¹ Профессор Смелзер насчитывает пять главных социологических подходов: демографический, психологический, коллективистский, культурологический и исследующий взаимоотношения (см.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 18-19).

¹² Там же. С. 33.

ставить во главу угла.

Расхождение между социологией и социологией истории в чем-то несколько уменьшилось во второй половине XX в., когда оформилось, «благодаря усилиям Беккера, Г.Э. Барнза, В. Канмана, Бендикса, Уоллерстайна, П. Флоры и других», направление исторической социологии¹³. Оно разрабатывает социологические концепции и методы для анализа исторических данных, изучения развития социальных отношений, анализа длительного периода общественного развития и изменений социальной структуры и т.д.¹⁴. Без сомнения, это очень важный сдвиг. И все же, видимо, не случайно это течение не встало в ряд важнейших в социологии. Нисколько не сомневаюсь, что для нашей науки будет крайне полезным освоить достижения исторической социологии. Но, думается, что с учетом вышесказанного и того, что в ней отсутствует общая теория, существуют серьезные расхождения в определении ее целей и задач, а также очень сильно тяготение к методам общей социологии, рассматривать ее как источник заимствования основных концепций и главных методов социологии истории было бы неразумно.

Недостаточная системность и слабость общей методологии исторической социологии¹⁵ побуждает крупных историков, ведущих свои исследования на стыке историографии и социологии истории, самим разрабатывать необходимые концепции и методы¹⁶.

В отечественной науке призывы к более тесной связи истории и

¹³ Словарь: современная западная социология. М., 1990. С. 123.

¹⁴ См. там же

¹⁵ Одним из косвенных доказательств этого является факт выделения в современной западной науке социальной теории, которая «в отличие от социологии... включает анализ проблем, пересекающихся с философскими» (Леденева А.В. Предисловие к кн.: Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 10).

¹⁶ Например, Ф. Бродель говорил, что стремился создать «типологию, или модель, или даже грамматику, способную по крайней мере определить смысл нескольких ключевых слов, нескольких очевидных реальностей», таких, например, как «совокупность механизмов обмена, начиная с простейшей меновой торговли и вплоть до самого сложного капитализма (включая и его)» (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1986. Т.2. С.5). Но при всей важности таких исследований и разработок они все же не создают общей парадигмы и методологии социологии истории, а лишь частные методики.

социологии время от времени раздавались и раздаются. Иногда даже подчеркивается, что, поскольку главный интерес социологии — современности (настоящее), существует опасность механического перенесения «методики, понятий, теорий, концепций социологии в историческое исследование», что «может привести к упрощенчеству, вульгаризаторству» и т.п.¹⁷. Однако всерьез проблемы специфики социологии истории как особой науки или хотя бы направления не ставятся и попрежнему считается, что «социология выступает как общетеоретическая и методологическая основа исторической науки»¹⁸. Однако есть целый ряд работ, которые, на мой взгляд, можно полностью или частично отнести к хорошим образцам исследования в плане социологии истории. Прежде всего, это работы историков, посвященные изучению каких-то явлений, имевших широкое распространение¹⁹.

Итак, социология истории вполне может использовать или приспособить для себя методы самых разных наук и направлений от истории и до математики. Но это будет оправданно, если она выработает собственные главные базовые подходы и методы²⁰. Какие из них изберет исследователь, уже другой вопрос. Важно, чтобы они соответствовали специфическим задачам этого направления. Но прежде чем говорить о достоинствах и недостатках методов и подходов, желательно хотя бы очень приблизительно уточнить, что это такое. Упрощенно говоря, **под подходом можно понимать единство концептуальных посылок и группы связанных с ними и между собой методов исследования, вместе создающих определенный,**

¹⁷ Миронов Б.Н. История и социология. Л., 1984. С.5.

¹⁸ Социология / Под общей ред. Э.В. Тадевосяна. С. 17.

¹⁹ Таковыми являются, например, главы 6-9 книги В.П. Илющечкина «Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах» (М., 1990) или работа Ю.М. Кобищанова «Полуодье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций» (М., 1995). Много сделано было и в период дискуссий об азиатском способе производства в плане соисторических обобщений по разным вопросам, а также в исследовании отдельных институтов и сфер с позиции социальной философии. Есть, хоть и немного, работы, которые можно прямо отнести к социологии истории, например указанная книга Б.Н. Миронова.

²⁰ Под главными в данном параграфе я понимаю методы, которые пригодны для решения основных задач социологии истории, но, разумеется, они могут оказаться неподходящими для тех или иных частных или особых проблем. Число главных методов достаточно велико. Собственные или специфические методы — это методы, характерные именно для данной науки, либо приобретающие в ней особые черты.

более или менее обоснованный и имеющий научную ценность способ анализа того или иного крупного объекта или направления науки. Следовательно, подход — более широкое понятие, чем метод. Хотя в ряде случаев какой-либо метод может быть стержнем, изюминкой подхода, и тогда оба слова употребляются как синонимы²¹.

Очевидно также, что подходы могут быть более или менее содержательны или формализованы, годиться для ряда наук или быть специализированными, опираться на стройную и связную концепцию или на некие полуинтуитивные исходные положения. И т.д. Но так или иначе особый подход чувствуется или угадывается, даже если ученый прямо о нем не говорит.

Нередко исследователь, углубляясь в новые области знаний или разрешая по-новому какие-то проблемы, вынужден усовершенствовать или изобретать собственные методы, ибо особые идеи нередко требуют и собственных методов. Ведь «в социально-экономических науках методологические вопросы возникают на почве **специфических условий применения положений общего учения о методе или на почве своих специфических методологических затруднений**» (выделено мной. — Л.Г.)²². Особенно это было характерно для первого этапа социологии²³. Маркс нашел собственные категории и способы анализа общества и его социального состава. Спенсер исследовал общество как организм. М. Вебер обосновал метод идеальных типов. Фрейд и его ученики (Юнг, Адлер и другие) разработали методы использования психоанализа для исследования общества. Парсонс и другие развили структурно-функциональный метод. Во второй половине XX века родился структурализм,

²¹ Разумеется, при глубоком анализе таких многозначных и не совсем определенных терминов необходимо строго учитывать уровни и аспекты анализа. Но в данном случае особой необходимости специально это делать нет.

²² Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991. С. 144.

²³ Известный физик и методолог А. Пуанкаре (1910) даже иронизировал по поводу социологов, говоря, что они считают необходимым прежде всего «заботиться изобретением метода; и этих методов придумали много, ибо ни один из них не напрашивается сам собой. Каждый тезис в социологии предлагает новый метод, который, впрочем, каждый новый ученый опасается применять, так что социология есть наука, наиболее богатая методами и наиболее бедная результатами» (Там же. С. 144).

стремящийся «синтезировать все в единое целое, составить систему соответствующих элементов, создавая тем самым тотальный объект исследования»²⁴. И это далеко не полный список.

Итак, для исследования общества можно применять разные способы. Ведь это объект исключительной сложности и колоссального разнообразия. Мы уже видели, сколь часты были поиски «архимедова рычага» истории или «элементарного» метода анализа. Нет ничего плохого в том, чтобы увидеть историю или общество в каком-то одном аспекте. Беда, очевидно, в абсолютизации таких подходов.

Число возможных методов анализа общества велико. Но ни один из них не может дать полного и всестороннего описания данного объекта, поскольку он (как практически и любой другой) способен представать в самом разном виде, под разными углами и ракурсами²⁵. К тому же о чистом методе речь может идти только как о научной абстракции, поскольку многие из них эффективны лишь в совокупности с другими. Кроме того, они переплетаются, дополняя друг друга. Но гораздо лучше, если исследователь понимает природу такого процесса и использует эти приемы осознанно. Так легче избежать нелогичности, эклектики и т.п.

Исходя из сказанного, следует признать теоретическую возможность любых методов. Но практическая их значимость будет очень отличаться. Поэтому крайне важным становится вопрос о сравнении ценности разных способов анализа и точек зрения и об основаниях определения такой ценности. Эти проблемы «имеют не только специально-технический, но часто общепринципиальный и иногда философский характер»²⁶. В каждой науке, направлении исследования, системе отсчета или конкретной работе какие-то методы оказываются более точными, удобными, универсальными, специфичными и т.п., чем другие. Причем нередко сходные результаты можно получить разными способами, однако затраты

²⁴ Курсанов Г. Предисловие к кн.: Мулуд Н. Современный структурализм. С. 144.

²⁵ Именно этим и объясняется, что существуют десятки в чем-то верных определений одного и того же объекта. Недаром Н.А. Бердяев говорил, что наука знает истины, а не истину. А истины науки имеют значение лишь для частных состояний бытия и для частных в нем ориентировок.

²⁶ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 143-144.

усилий и конечный эффект могут отличаться так же, как при работе ручной и механической пилой. Но в иных случаях удачный метод заменить другим сложно или даже невозможно.

Есть много аспектов сравнения разных методов: удобство и доступность, широта использования, ясность получаемых выводов и т.д. Но с учетом вышесказанного одним из важнейших требований будет адекватность познавательных средств исследуемому материалу. Она позволяет яснее увидеть сферу применения метода, соответствие его реальности, правомерность «претензий» на те или иные области знаний и решение научных задач. Если хотя бы в этом отношении каждый исследователь начнет задумываться над тем, какие, зачем, почему и как он использует методы и приемы, насколько они соответствуют исходным посылкам и выводам, то и сам сможет увидеть многие недоработки, узкие места, явные противоречия и трудности. К сожалению, обычно над этим мало рефлексиируют, что является одной из важнейших причин бесконечности и бесплодности многих дискуссий. И если предъявлять к методам достаточно жесткие требования, то формально большое (или даже неограниченное) их число на практике становится не таким уж великим.

Описанные методологические принципы настолько фундаментальны, что я вынужден обращаться к ним при каждом удобном случае. Ведь «в таких науках, далеких от совершенства, как социально-экономические, потребность в разработке методологических проблем, по существу, даже острее, чем в других, более сложившихся и определившихся науках»²⁷. К сожалению, эти правила у нас недостаточно осознаются, хотя в современной зарубежной науке нередко говорят о «бесконечности интерпретации, когда ни один вывод, по определению, не конечен и не может стать истиной в конечной инстанции. Задача же заключается в том, чтобы представить набор точек зрения о социальной реальности, отражающих

²⁷ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 143. Хочу отметить, что книга Кондратьева приятно поразила меня именно своей методологией, всесторонним обоснованием определений и выводов, критики с позиции их места в системе общественности, соответствия поставленным задачам. Отрадно знать, что в отечественной науке существуют такие традиции, но досадно, что они основательно забыты.

ее сложность и многообразие и тем самым способствующих более глубокому ее пониманию. Выбор же собственной позиции осуществляется рефлексивно, с пониманием относительности принятой интерпретации»²⁸.

Однако, на мой взгляд, совершенно недостаточно просто указать на такое множество и «представить набор точек зрения».

Когда число их превышает разумное количество, наступает то, что образно было названо «интеллектуальным Вавилоном» плюс потеря ориентиров. К тому же разные точки зрения и подходы начинают конкурировать между собой. В такой конкуренции заложен глубокий смысл и источник развития науки. Но когда она переходит определенный рубеж, то становится самоедской, а споры теряют объективную основу.

И все же порой нельзя отрицать правомерности (в определенных рамках) даже крайних взглядов. Поэтому задача состоит в том, чтобы показать рациональное зерно в каждом или в ряде подходов и наметить направления (и формы) их интеграции, чтобы изучаемый объект предстал яснее и с разных сторон. Для таких операций можно использовать следующие способы: создавать иерархию подходов и методов, строго определять сферу применения каждого, надстраивать теорию так, чтобы альтернативные варианты стали ее предельными случаями и т.д. И, как уже подчеркивалось, концепция, которая при прочих равных условиях способна интегрировать наибольшее число подходов, найти возможность их соединения и соподчинения, не теряя собственного лица и логичности, может быть признана лучшей.

В данном параграфе я хотел бы показать, какие и почему подходы и методы правомерно признать за главные и специфические для социологии истории, а какие нет, а также — насколько и как можно использовать методы других наук и направлений или, употребляя терминологию Имре Лакатоса, показать их положительную и отрицательную эвристику. Поскольку же в настоящем разделе речь идет не о полной системе социологии истории, а лишь об основаниях теории исторического процесса, значительное внимание уделено также

²⁸ Леденева А.В. Указ. соч. С. 14.

и способам, которые могут быть использованы и в том и в другом направлении либо хорошо показывают каналы их взаимосвязи и стыковки.

Начнем с рассмотрения базовых, исходных начал анализа общества. «Основной пункт расхождения между различными теоретиками в том, берется ли за точку отсчета непосредственное взаимодействие индивидов или оно само выводится из концепции больших социальных групп»²⁹. Нет сомнения, что можно использовать и один, и другой метод. Но я убежден, что чем шире охват материала, и чем глубже в историю мы уходим, тем сложнее и менее эффективно принимать за исходный пункт анализа индивидов либо непосредственные отношения между ними, или какую-то сторону их личности (социальное положение, осознание ими отношений и т.п.). При сравнении большого числа несходных обществ и с учетом того, что в них обычно не было и намека на формальное равенство людей, исследование надо начинать с другого конца — с понимания специфики общества. И, следовательно, продуктивнее использовать более крупные единицы, чем индивид и даже чем малые группы, вроде «первичных групп» Ч. Кули или «социальных электронов» Ж. Гурвича. (Позже мы еще вернемся к данной проблеме.) Это одна из главных причин, почему я настаиваю на том, что у социологии истории — собственный предмет исследования и свои методы, которые не могут быть подменены предметом и методами других наук.

Теперь, исходя из сказанного, есть необходимость дать определение слову «общество». Как известно, оно многозначно. По мнению Семенова, даже если оставить в стороне житейское значение (типа «дурное общество») и названия организаций, то «в философской, социологической и исторической литературе термин «общество» используется, по меньшей мере, в пяти хотя и взаимосвязанных между собой, но все же разных смыслах». (Первый смысл — общество как социально-исторический организм; второй — их система; третий — человечество в целом; четвертый — общество вообще, безотносительно к каким-либо конкретным формам его

²⁹ Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. С. 418.

существования; пятый — тип общества — первобытное, традиционное, индустриальное и т.п.)³⁰.

В каких смыслах в этом разделе я использую понятие общества? Главный — общество вообще, как абстракция сходств общественно-исторических систем (организмов). Это связано с тем, что первая и основная задача социологии истории — показать общие черты в любом реально существовавшем социуме (в строении, функционировании, взаимосвязях элементов, взаимоотношениях со средой и т.п.), а также возможности социсторического анализа. Второй смысл — конкретное общество определенного периода и региона.

Еще один смысл слова «общество», употребленный здесь, — тип общества, связанный с этапами развития человечества (отдельных обществ), с направлениями и особенностями такого развития. Это позволяет говорить о второй, вытекающей из решения первой, задаче социологии истории: показать возможности и принципы выделения типов обществ, их отдельных элементов, отношений и прочего как в синхронном, так и в диахронном срезе. Но этой задаче в данном разделе уделено меньше внимания.

Я не употребляю понятие «общество» для обозначения группы тесно связанных между собой общественных организмов. Для такого уровня я ввожу особый термин — **пространственно-временные группировки обществ**, который будет разбираться во второй части. Но чуть позже мы немного скажем по этому поводу.

Определений общества (общества вообще) очень много, что неудивительно, поскольку это исключительно сложный объект³¹. Но в любом случае, как справедливо заметил Зиммель, «понятие оно так или

³⁰ Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 13 и далее.

³¹ Содержание определений зависит от исходных посылок автора, от предмета науки, от поставленной задачи и т.д. Можно говорить об обществе как о «соборном бытии» (как Франк) или как о социальном организме; как об иерархической структуре, или, подобно Л. Альтпоссеру, характеризовать его как структурированное целое. «Это значит, что все его элементы как на макротаке и на микроуровне диалектически и непрерывно взаимодействуют» (Гобозов И.А. Философия истории. С. 47).

И, напротив, по Никласу Лукману, общество следует рассматривать не как целое, состоящее из частей, не как часть более обширного целого, а лишь как условие возможности взаимодействия многочисленных социальных систем (Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. С. 184).

иначе противопоставляется простой сумме отдельных людей»³². Дать определение общества, которое бы годилось на все случаи, невозможно. И всякие попытки найти такую абсолютную дефиницию обречены на неудачу. В то же время среди многочисленных формулировок этого понятия можно встретить и такие, которые уместны лишь для конкретного случая или чтобы подчеркнуть какую-то одну сторону общества³³, и такие, которые могут употребляться в достаточно широком контексте. Их можно назвать относительно универсальными. Я также хочу дать определение подобного типа, которое, не претендуя на всеобщность, будет достаточным, чтобы решать поставленные задачи.

Итак, общество — это стабильное объединение людей, коллективов, групп, организаций, территориальных и иных единиц, а также материальных объектов в систему на основе разнообразных и сложных связей, зависимостей и договоренностей, которые так или иначе признаются его членами. Эта система структурируется властным центром, является независимой от других, способна поддерживать равновесие со средой, быть самодостаточной и саморегулирующейся. Она может быть представлена как состоящая из разнообразных подсистем меньшего уровня, но так же, и как часть более крупной системы.

Само собой, что вопрос о независимости общества весьма сложен, и говорить об абсолютной самостоятельности в условиях возрастающих контактов между ними невозможно³⁴. В этом плане первобытные и ранние общества из-за своей изолированности выглядят даже более «независимо», чем современные, сильно интегрированные. Достаточно объективным и удобным показателем независимости, как признают многие, служит факт политического

³² Цит. по: Социология. Хрестоматия / Под ред. О.Н. Козловой и др. С. 27.

³³ К числу подобных я бы отнес знаменитую мысль Тарда, что общество — это подражание, хотя сам ее творец, возможно, полагал, что она универсальна.

³⁴ Эдуард Шиллз отмечает условия самостоятельности обществ: саморегулирование, самовоспроизводство и независимость от других, т.е. оно не входит в качестве составной части в более крупное общество. Он также подчеркивает относительность подобной самостоятельности и то, что социальная система должна иметь свой «центр тяжести», т.е. систему власти в рамках своих границ (Шиллз Э. Общество и общества: макросоциологический подход / Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341-345).

суверенитета, без которого очень часто социум начинает деформироваться в интересах и под воздействием более сильных систем.

Представление общества как системы вообще является очень распространенным. Системно-структурный метод сегодня один из самых популярных и, думается, один из самых эффективных и удобных для социологического и социсторического анализа. Его достоинства в том, что: а) он не позволяет выделять абсолютно главные элементы (ибо тогда нарушается принцип системы — взаимозависимость частей), но не отрицает возможности строить их иерархию; б) указание на системность освобождает во многих случаях от необходимости подробного перечисления взаимосвязей и различных элементов; в) гораздо яснее взаимообусловленность всех элементов. Также можно пытаться понять и отдаленные последствия каких-то структурных изменений; г) общество видится качественно иным объектом, чем просто сумма элементов. В нем можно моделировать некоторые свойства иных, более простых систем, которые не всегда легко понять при только социальном или историческом анализе; д) понятие системы можно переносить и на отдельные части общества, тогда последнее выглядит как сложная система, что позволяет выбирать нужный аспект анализа.

Системный подход, однако, — это общий метод для ряда наук, и потому в социологии истории должный принять особые формы и направления. Между тем наблюдается чрезмерное увлечение слишком формализованным (системно-кибернетическим) подходом. Тогда часто просто теряется специфика исторического и даже социального. Общество, конечно, система, но система особая, существенно отличная от любой другой. Поэтому и определение общества, и методы его анализа должны органически учитывать эту особенность. Только тогда они могут считаться специфическими и приемлемыми для социологии истории, могут быть использованы для перехода к теории исторического процесса.

Одной из возможностей конкретизировать системный метод для социологии истории может стать представление общества

социальным организмом. Ведь любой организм — это система. А общество в ряде аспектов, действительно, имеет несомненное сходство с организмом, если только не увлекаться биологическими аналогиями. Такой подход даже способен дать общий знаменатель для выделения базового объекта социологии истории и плодотворный аспект для анализа взаимоотношения его со средой, без чего многие общества просто не понять. Он также позволяет четче отграничивать независимость общества. Но, думается, в иных случаях он менее удобен: например, когда общество есть не устойчивая система, а переживает глубокую трансформацию, раздирается социальными противоречиями, раскалывается или объединяется. Сложно выделять при таком методе и относительно главный элемент, поскольку организм, по определению, сбалансированная структура. Другая возможность приспособления системного метода к изучению обществ — очень популярный **сферный подход**. Под сферой обычно полагают развитую, зарегулированную и в определенной мере самодостаточную и самовоспроизводящуюся подсистему общества. Этот метод позволяет выделять (чаще всего по функциональному признаку) наиболее заметные части общества. Таким образом, удается находить общее в социальных системах, сравнивать их и определять взаимосвязи между важнейшими частями социума.

Однако налицо сложности и споры по поводу того, какие именно сферы включает общество. Абсолютизация такого деления, попытка раз и навсегда определить число и название этих частей, делают сферный метод догматичным и бесплодным. Совершенно очевидно, что число сфер во многом зависит от научной задачи. В одних случаях, например, будет удобнее говорить о политической и правовой сферах как о самостоятельных, в других — выделять единую политико-правовую. Мало того, логично полагать, что по мере усложнения общества происходит определенная перегруппировка его структуры и, следовательно, могут формироваться новые сферы³⁵.

³⁵ Например, имеет право на существование и следующее утверждение, что к середине XX столетия сформировалась «экологическая сфера общества. Она представляет собой подсистему общества, способствующую реализации субъектами исторического процесса особой социально-экологической функции...» (Ремизов И.Н. От описания к управлению социально-экологическими отношениями общества // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1995. № 2-3. С.66).

Отсюда видны и недостатки сферного метода в том виде, в каком он обычно используется.

1. Он больше годится для анализа зрелых обществ, где существует сложная структура и более заметная разделенность различных подсистем. И гораздо меньше подходит для анализа обществ примитивных, где отдельные сферы еще только намечаются или слабо выражены. Какая политико-правовая сфера будет, скажем, в догосударственном обществе? Или какая духовная сфера будет в дописьменном обществе? Речь может идти лишь об элементах, в которых мы ретроспективно усматриваем будущую сферу. Таким образом, для ранней истории он не годится и, следовательно, — поскольку мы сейчас говорим о главных методах социологии истории — таковым будет лишь частично.

Поэтому, мне кажется, что подобным ведущим методом может стать тот, что я называю **элементно-системным**. То есть мы выделяем главные моменты, имеющиеся в любом обществе. Только в одном — это будет очень сложная система (сфера), а в другом — относительно простая и примитивная комбинация элементов. При этом, элементно-системный анализ органически включит в себя и сферный, когда элементы, отношения, функции, связи и прочее образуют подсистему-сферу. Для такого органического соединения можно использовать дополнительный метод, условно названный мной методом срезов усложнения. Мы делаем в исследуемом длительном периоде в необходимом для нашей задачи количестве как бы срезы (срезы) и видим, каким образом рассматриваемые нами элементы усложняются и комбинируются друг с другом. Подобное усложнение можно выразить, например, в увеличении числа уровней (скажем, для производительных сил) или контуров связи (управления), если речь идет об информационной сфере, которую тоже, кстати говоря, иногда выделяют.

Такая операция позволяет также лучше определить типы общественных систем и подсистем³⁶.

³⁶ Вопрос о типологии обществ в данном разделе я почти не затрагиваю, однако это одна из важнейших задач социологии истории. Напомню только, что нередко они выделяются по характеру связи людей в обществе. Так, Теннис делил социальные объединения на общину и общество, Дюркгейм — на общества с механической и органической солидарностью. Во многом похожее деление предлагает Семенов: на демографические социальные организмы

Мало того, указанный подход, связанный с показом, с одной стороны, единства структуры всех обществ, а с другой — различий в их сложности, позволяет «распределять» относительно главные элементы какой-то подсистемы по разным историческим периодам и типам обществ. Например, техника в производительных силах не будет всегда их сердцевинной и главной частью, а таковой могут стать иные элементы: предмет труда (плодородие почвы, богатство недр и т.п.) или особенности населения (его многочисленность, особые трудовые навыки и т.п.). Это будет касаться и любой иной подсистемы. Так, в духовной сфере главным может оказаться религия, или идеология, или наука.

2. Из сказанного вытекает второй недостаток сферного подхода. Он по смыслу, с учетом исходного деления и слаженности функционирования, предполагает равенство сфер. Во многих случаях это удобно и правильно. Но зато это лишает возможности использовать **метод относительно главного элемента**³⁷.

Между тем выделение такого элемента — одна из основополагающих операций для типологии и классификации. И в зависимости от того, что именно выделять, общества можно делить, например, на до и государственные, до и письменные, дои цивилизационные, дои индустриальные и т.д.

3. Наконец, в обществе множество элементов принадлежит сразу нескольким сферам, поэтому жесткое деление нередко вызывает споры. Элементно-системный метод является более гибким, поскольку учитывает возможность по-разному выделять подсистемы в зависимости от общества и периода.

Сферный подход удобен, когда надо дать общую характеристику развитого общества как системы, показать ее части и сложность строения, перейти к анализу этих сфер по отдельности. Но когда надо

(демосоциоры), характерные для родовых обществ и географические социальные организмы (геосоциоры), характерные для государственно-политических. Семенов ссылается на идеи Нибура, Л.Г. Моргана и др.

³⁷ Попытки совместить сферный подход с идеей доминирования одной из них оказались в целом неудачными. И потому, что оба этих метода не очень сочетаются, и потому, что марксизм основывает свою теорию на принципе **абсолютной главности**, в частности базиса над надстройкой. Допустить здесь равноправность сфер — значило разрушить всю концепцию теории истории. Кроме того, на мой взгляд, Марксов подход к анализу структуры общества ближе к элементно-системному, чем к сферно-системному.

найти основы социологического анализа любого общества в любой период, показать усложнение строения общества на нескольких этапах или механизмы взаимодействия его частей и т. д. — удобнее элементарно-системный.

В качестве одного из возможных методов социологии истории может быть использован и так называемый **субъектный**, который основан на выделении активных участников исторического процесса. В нашем случае он тем более интересен, что важен и для философского анализа истории (вопроса о движущих силах и других), и для теории исторического процесса, и для непосредственной истории. Таким образом, он является интегрирующим, хотя в каждой науке и принимает особые черты.

Несмотря на свою широту, он использовался в историческом материализме довольно узко, прежде всего, чтобы доказать, что главным действующим лицом истории является народ (массы)³⁸. Из отечественных исследователей наиболее полно и глубоко, на мой взгляд, рассмотрел вопрос о субъектах истории Ю.И. Семенов. Полезно его выделение в качестве субъекта истории группы обществ. Я бы особо подчеркнул, что этот уровень исследования является в определенной мере промежуточным между социологией истории и теорией исторического процесса. Для первой — общественная система есть как бы обычный (нормальный) верхний уровень анализа, а изучение группы связанных обществ уже почти предельный, для второй — отдельное общество есть нормальный исходный уровень анализа, а объединения обществ — уже средний уровень.

Но если социология истории изучает сходства различных обществ, резонен вопрос: зачем ей анализировать группу социальных организмов? Дело в том, что последние бывают настолько тесно связаны между собой, что образуют как бы единое целое, разрывать которое даже в теории не всегда целесообразно. Одним из таких единств будут близкие в политико-культурном или этническом плане общества (вроде княжеств Руси), удачно названные Семеновым «гнездовой системой». Но видов подобных устойчивых систем довольно много. В целом я называю их **пространственно-**

³⁸ См., например: Материалистическая диалектика. Т. 4. С. 181.

временными группировками обществ, среди которых можно отметить типы: хищник-жертва, донорреципиент, колония-метрополия, союзы племен, государств и т.п. Пространственно-временной группировкой можно считать и то, что в привычном смысле называют **цивилизациями**, т.е. регионы или страны с устойчивыми культурно-религиозными традициями, институтами и т.п. Об этом будет подробный разговор в следующих частях. Пока же мимоходом хотел заметить, что, исходя из вышесказанного, описание истории как суммы изолированных и в основном самостоятельных цивилизаций есть только частично исследование на уровне исторического процесса, а частично на уровне социологии истории. И в этом, на мой взгляд, одна из причин несоответствия такой парадигмы и избранного ей метода в плане их притязаний дать картину всемирного исторического процесса.

Во многом верным будет также утверждение Семенова о том, что «первичные субъекты исторического процесса — это социально-исторические организмы, вторичные их системы, третичный — человеческое общество в целом, т.е. все существовавшие и существующие социально-исторические организмы, вместе взятые. Таким образом, исходной и одновременно самой важной категорией исторической и вообще всех общественных наук оказывается понятие социально-исторического организма, что делает необходимым его дальнейший анализ»³⁹.

Однако позволю себе не согласиться с излишней категоричностью автора. Общество, действительно, естественный, базовый уровень для теории исторического процесса. Но почему социально-исторический организм должен стать исходной и самой важной категорией «исторической и вообще всех общественных наук»? Ведь в зависимости от научной задачи такими могут стать и иные уровни (например, если изучаются небольшие коллективы, как в микросоциологии).

Кроме того, принятие базового уровня (или субъекта) не означает отрицание или игнорирование иных. Поэтому трудно согласиться и с таким утверждением Семенова, что хотя история складывается из

³⁹ Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 20.

деятельности людей, «но не отдельные люди являются субъектами исторического процесса. Это в равной степени относится как к рядовым его участникам, так и к крупным историческим деятелям. Жизненный путь Наполеона Бонапарта, например, не есть исторический процесс. Это всего лишь момент, хотя и существенный, истории Франции и Европы. Именно в качестве такового он и представляет интерес для историка»⁴⁰.

Однако на этом основании можно «вычеркнуть» из субъектов исторического процесса и партии, и группы, и сословия, и классы, и даже общества и народы, поскольку никто из них в отдельности не представляет исторический процесс, а лишь все они вместе, во взаимодействии и контактах. Но процесс потому и является процессом, что включает в себя множество вещей, сил, эпизодов. **Субъект же, по смыслу, по определению, тот, кто оказывает активное, сознательное влияние на ход событий и относительно самостоятелен в своих действиях.** И крупные деятели как нельзя лучше подходят под эти требования. Во многих случаях гораздо лучше, чем лишь в теории выделяемые классы или этносы, которые никогда объединенно не действовали и не выступали.

Из многих объектов анализа, которые должны быть исследованы в социологии истории, субъектами истории будет лишь часть. Поэтому субъектный метод, при всех его достоинствах, имеет и существенные ограничения. От него естественно перейти к другим. Если общество — нормальный верхний уровень анализа социологии истории, то каков же нижний? Логично, что первоначально мы можем полагать таким индивида или даже составляющие его личность моменты и действия. Именно в этом поиске исходного пункта анализа «клеточки общества» и прочего социология и обрела свой предмет. Во многом подражательно занималась поисками «кирпичика», «клеточки» общества и наша социальная философия. Однако, как сказано, социология и социология истории исследуют во многом разные объекты. Метод, удачный для микросоциологии, уже менее приемлем на уровне макросоциологии и имеет весьма ограниченное применение в социологии истории. Не говоря уже, что нет согласия

⁴⁰ Там же. С. 11.

в том, что именно избрать таким пунктом: социальное действие, социальное положение, социальное отношение, их символические образы в сознании людей, что-то другое или все их вместе.

Главное, что, спускаясь на этот уровень, мы, убеждаемся: а) за элементарные и исходные моменты анализа эти «атомы» и «клеточки» удобно принять, только исследуя одно общество (или несколько, близких по типу) и то не слишком большого временного периода или даже не общественную систему целиком, а лишь какую-то ее часть. И это легко объясняется. Социальные действия, отношения и т.п. в огромной степени носят в себе на микроуровне печать более крупных блоков общества (а то и всей социальной системы) или есть особый результат воздействия общества на индивидов. В конкретном социуме это общее в целом нам понятно, и мы можем абстрагироваться от него. Но во множестве социальных организмов они настолько различны, что на таком уровне между ними общего знаменателя не найти; б) эти «элементарные» вещи есть не только индивидуальные, но скорее надиндивидуальные реальности, поскольку очень часто, а в исторических обществах и подавно, «над индивидом стоит высшая духовная реальность, а именно коллектив»⁴¹.

Но добавим, не только духовная, а и материальная, политическая, экономическая и пр. И, следовательно, в) в рамках социологии истории, исследующей и сравнивающей множество непохожих обществ, в которых у людей разные ценности, **гораздо легче понять индивида из общества, чем наоборот**. Отсюда исходные пункты меняются местами: чтобы увидеть социальное отношение или действие и тем более их «символы» в психике людей, надо понять общество в целом, т.е. его структуру и функции, главные отношения, институты, ценности и пр. Поэтому вышеописанный метод пригоден в социологии истории лишь как частный⁴², поскольку данная крупномасштабная

⁴¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 7-8. Сложность в исследовании истории исходить из индивидуальной воли Лев Мечников образно выразил так: «Ни один «Эдип социологии» не дал до сих пор точного, ясного и определенного объяснения, почему историческая жизнь началась не с анархических и свободных группировок как наиболее совершенной формы организации, но совершенно с противоположных форм» (Мечников Л. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1995. С. 254).

⁴² Это, конечно, не говорит о строгой отгороженности микросоциологии и социологии истории. Чем более частные задачи в последней мы ставим, тем мельче единицы отсчета, пока

теория требует и **более масштабных исходных начал.**

Такие объекты анализа как нации, классы, социальные группы, сословия и прочее, бесспорно, хороши, и потому они всегда и всеми практически используются в исследовании. Но классы не существуют в доклассовом обществе, а сословия — в дои послесословном; нации сильно отличаются от племен, а в малочисленных обществах не резон говорить о массах. И т.д. Мне думается, что такие объекты анализа нуждаются в определенной систематизации, типологии и выделении их родовых черт. Категории, которые помогают решить эти задачи, я предлагаю называть **единицами анализа.**

Выражения политическая, социальная и т.п. единица встречаются весьма часто и в самом разном значении. Но ясной теории, методологии, принципов выделения и типологии таких единиц нет не только в социологии истории, но даже и в социологии⁴³.

Если удастся найти родовые черты объектов социологии истории, будет гораздо легче анализировать, на первый взгляд, такие разные моменты, как племя и государство; религиозные и научные корпорации, классы и касты и т.д. Конечно, для множества задач именно их различие и есть ключ к решению. Но в других случаях отсутствие родовых понятий мешает увидеть не только общие моменты, но и переходные или тупиковые (в противовес прогрессивным) виды и побуждает к поиску известных форм (например классов) там, где их нет или они играют малую роль. Важны подобные единицы и в анализе этнической структуры.

Я выделяю восемь таких единиц, в зависимости от их природы и

мы не придем к мельчайшим. Но даже и в этом случае будут различия, поскольку потребуется создать микросоциологию истории.

⁴³ Чтобы не быть голословным, приведу высказывания Дж. Тернера: «В самом деле, в то время как социологи различают такие возникающие явления, как первичные и вторичные группы, различные формы бюрократизации, различные социальные институты, городские и сельские сообщества, а также примитивные, переходные и современные общества, они оказались не в состоянии выработать теоретические суждения о том, какие из этих явлений являются **родовыми** и потому отличаются друг от друга в терминах определенных **основных свойств**». «Эти усилия сопровождаются сравнительно редкими попытками разработать понятия относительно **природы единиц**, находящихся в отношениях друг с другом».

«Итак, короче говоря, сторонники каждой из названных концептуальных перспектив редко обсуждают общие типы единиц, находящихся в отношениях друг к другу» (Тернер Дж. Структура социологической теории. — М., 1985. С. 387, 388, 389).

функций: **родственные, этнические, производственные (хозяйственные), экономические⁴⁴, политические, социальные, военные, духовные** (религиозные, идеологические и прочие). Речь идет прежде всего не о подсистемах общества и не об абстрактных конструкциях, а о реальных объединениях, типа цехов, тайных обществ, храмовых хозяйств, университетов и т.п., или четко выраженных слоях и группах (сословия, касты, этнические, религиозные общности и т.п.). Но единицы анализа могут быть и более абстрактными (вроде классов в ряде древних и средневековых обществ, где они конструируются больше теоретически).

В любом случае, чистая единица — это идеальный тип, поскольку такие объединения и группы неоднороднофункциональны. Например, в реальности политическая единица имеет и некоторые хозяйственные или военные функции. Но в более развитых обществах дифференциация функций увеличивает и количество видов таких единиц, а в менее развитых они чаще выступают как смешанные, а то и вовсе не разделены, синкретичны. Так, племя во главе с вождем может быть сразу и политической, и этнической, и военной, и идеологической единицей. Но хотя число таких единиц в разных случаях различно, они непременно есть в любом обществе, либо (если оно слишком мало) само общество есть такая предельная единица.

Этот термин имеет следующие достоинства: 1) он прост, нейтрален, неидеологизирован; 2) показывает некий предел, уровень, амплитуду, в рамках которой мы действуем. Он обладает важными методологическими качествами — предельностью и определенностью; 3) дает возможность для плодотворных мыслительных группировок разнообразных явлений и позволяет сделать типологию таких предельных единиц относительно легко; 4) показывая общее, не предопределяет конкретных форм и черт таких единиц ни в отдельные исторические периоды, ни в конкретном обществе. Но до определенной степени это может быть сделано, если будут поставлены соответствующие задачи. Например, выяснить типичные хозяйственные единицы охотничьих обществ или типичные единицы

⁴⁴ Связанные с обращением, распределением, сбором налогов и пр. Например, группы купцов (гильдии, товарищества и прочее), компании откупщиков и т.п.

какой-то формации; 5) важно, что этот способ позволяет опираться на естественные основания и образования; 6) даже там, где важнее подчеркнуть именно различия между видами одной и той же единицы, он служит удобным фоном или точкой отсчета при анализе; 7) его легко связать с субъектным методом, а также и с вопросом о роли личности. Так, нередко выдающиеся личности противопоставляли себя таким группам-единицам (вождь — племени, ересиарх — церкви и т.д.). В этом случае они по силе становятся сравнимыми. Следовательно, выдающиеся люди при необходимости могут быть рассматриваемы как предельные единицы анализа.

В зависимости от нашей задачи, объема и прочего «число структурных единиц может варьировать от малой группы до целого общества»⁴⁵. Если мы говорим о структуре общества (вообще), то ясно, что такие элементы должны быть меньше его, иначе их нет смысла использовать. С этой точки зрения общество можно представить как сложную систему взаимодействующих политических, этнических, родственных и иных единиц. Если же мы сравниваем общества (или периоды), т.е. используем сравнительно-исторический, точнее сравнительно-социологический метод, то базовой единицей может выступать и общество в целом, взятое в определенном аспекте. Например, гораздо яснее будет общее между родом (кланом), племенем, союзом племен, государством или даже союзом государств как независимых политических или военных предельных единиц. Выстроенные в последовательный ряд такие единицы можно представить и как однопорядковые в развитии (например, от рода до союза государств типа ЕС). Но в рамках общества политическими единицами могут быть проживающие там племена и народы, провинции (княжества), партии и т.д.

Конечно, метод выделения единиц анализа имеет свои ограничения, но во многих случаях он достаточно продуктивен и, думается, является не только специфическим, но и одним из главных

⁴⁵ Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель /Американская социологическая мысль/ Под ред. В.И. Добренко. М., 1994. С. 13. Как справедливо пишет этот ученый: «Исследователь решает, какой уровень структуры изучать, а также, что будет единицей его анализа (выделено мной. — Л.Г.), о структуре которой представляется возможным сделать обобщения. Какой бы уровень структуры ни избирался, он может быть проанализирован по отношению к его соседним уровням» (Там же. С. 20).

для социологии истории. А вот другой таковым, полагаю, признать нельзя. Я имею в виду стремление анализировать дои некапиталистические общества политэкономическим способом. Он характерен не только для отечественной науки. Но у нас имеет мощные традиции и корни в марксизме.

Разберем, почему данный метод неприемлем как основной для социологии истории? Политэкономия исходит в своих рассуждениях из того, что индивиды действуют главным образом, руководствуясь чисто экономическими мотивами выгоды или прибыльности и т.п. Мало того, эти побуждения базируются на строгой рациональности. Отсюда применение политэкономического метода по смыслу предполагает, что действия экономических агентов определяются лишь отношениями собственности, гражданского права и стремлением к рационально просчитанной прибыли. Иными словами, здесь противопоставлены экономические (прежде всего собственности) отношения прочим: социальным, политическим, идеологическим (и частично правовым). И от всех, кроме первых, абстрагируются, предполагая, что их влияние на экономические не столь существенно. Такое представление о независимости экономики от всех других сфер и отношений я бы назвал идеей о **социальной нейтральности**⁴⁶.

Между тем в любом обществе и на экономические отношения, и на экономическое поведение индивидов действуют многочисленные факторы, равно как и их изменения: роль государства и его военно-политическое положение, характер географической среды и исторически сложившиеся средства производства; сословно-классовое деление, религиозная и этническая (расовая) принадлежность и соответствующие идеи, обычаи, традиции и ценности; престижность занятий и многое-многое другое. Причем в разных обществах (и на разных этапах) могут быть более сильными те или иные факторы, а все вместе они создают то, что можно назвать **социальным**

⁴⁶ Эта не всегда четко выраженная посылка присутствует в таких подходах, как определение стоимости товаров либо количеством труда, либо только спросом и предложением, либо предельной полезностью и т.п.; в теориях свободной конкуренции (подвергшихся ревизии в 20-30-х годах XX в.); в концепциях эксплуатации прежде всего и всегда через отношения собственности на средства производства; модели базис-надстройка и других.

«вектором» или «магнитным полюсом» общества. И далеко не всегда он определяется именно тем, что считается главным в политэкономии.

Ситуации социальной нейтральности в чистом виде нет, не было нигде и не могло быть. Но если для капиталистического общества в научных целях ее где-то и можно допустить, то для большинства исторических обществ влияние различных социальнополитических и духовных сил столь велико, что абстрагироваться от него невозможно. Напротив, надо как раз и признать **наличие этого неэкономического (или внеэкономического) момента в качестве важнейшего не только в обществе в целом, но и в его экономике как специфику социологии истории** (и само собой просто истории).

Виднейший теоретик капитализма М. Вебер подчеркивал, что стремление к наживе (даже и к прибыли) было во многих обществах, но капиталистическое хозяйство от них отличается именно **рационализмом**. И именно появление рационального экономического мышления и соответствующей ему этики он и считает рубежом между средневековьем и капитализмом. В большинстве же исторических обществ господствовали иные ценности, чем только голое стремление к прибыли, а тяга к богатству обретала особые формы. К тому же многие материальные блага имели нетоварное или специальное назначение.

Строго говоря, и для социсторического анализа буржуазных обществ это порой слишком сильная абстракция⁴⁷. И для современных обществ Запада политэкономический метод может быть использован лишь в ограниченных пределах, поскольку сегодня слишком велика роль государства в экономике, распределении и прочем. А государство действует далеко не всегда из чистой экономической выгоды. Итак, если для капиталистического общества этот метод в

⁴⁷ Ф. Бродель неоднократно подчеркивал, что «правила рыночной экономики, какими описывает их классическая экономическая наука, намного реже действовали в своем обличье свободной конкуренции в верхней зоне — зоне расчетов и спекуляции», которую он прежде всего и определяет как капитализм, что в его понимании есть «накопление могущества», и «социальный паразитизм», который «строит обмен на соотношении силы в такой же и даже большей мере, нежели на взаимности потребностей» (Бродель Ф. Указ. соч. Т.2. С.6).

каких-то рамках может быть применим, то для других типов обществ его неприменимость как главного несомненна⁴⁸.

Отмечу, что если в отечественной социологии истории данный подход обычно несколько ограничивался историческими реалиями, то идея создать политическую экономию для докапиталистических формаций была изначально обречена на неудачу. По этой причине оказались, на мой взгляд, в главном бесполезны усилия такого крупного теоретика, как В.П. Илюшечкин, ставившего цель создать политэкономия докапиталистических сословно-классовых обществ, при других многочисленных достоинствах его работ. Если не грешить против исторических реалий, то такие попытки приведут в конце концов ко все большему удалению от чистой политэкономии и переходу к социологии истории и теории исторического процесса. Так зачем же делать это таким сложным способом?

Поэтому политэкономический метод применять для докапиталистических обществ примерно так же разумно, как пытаться выработать теорию национализма для донациональных обществ; теорию государства и права для догосударственных (или до появления писаного права) обществ; идеологии для обществ с анимистической или шаманской религией. Но он годится как подсобный в тех обществах, где появляются элементы товарного хозяйства (например в античности), недаром же и элементы политэкономии появляются в Греции с Аристотелем.

Теперь немного скажем о методе, который в целом можно охарактеризовать как обращение к природе (исходным чертам, инстинктам и т.п.) человека. Конечно, он оказывается малополезным для социологии истории, если применять его чисто антропологически (внеисторически), представить эти «страсти», «инстинкты» или нечто подобное аксиомами, из которых выводится вся история.

Герберт Маркузе, не чуждавшийся такого подхода, писал: «Понятие «инстинкт» (влечение)... относится к первичным «побуждениям» человеческого организма, которые подвержены исторической модификации»⁴⁹. Особенно необходимо обратить

⁴⁸ Более приемлемый метод, связанный с анализом экономической подсистемы, я предлагаю в § 4.

⁴⁹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995. С. XXVIII.

внимание на слова об исторической модификации этих природных начал (а их не одно, а много), без учета которой данный метод станет очередной догмой. Но если эти биопсихические и биосоциальные черты человека как вида избрать базовыми моментами, то на этой базе можно надеяться обнаружить некие изначальные, неизбежные (атрибутные) свойства человеческих коллективов и обществ, трансформацию, вариации и раскрытие потенций которых мы наблюдаем в истории. Тогда этот подход способен стать исходным (но не предопределяющим) пунктом для сравнительного анализа обществ⁵⁰. И тот факт, что интерес к этим проблемам, существовавший всегда, в последнее время даже растет, косвенно подтверждает сказанное⁵¹.

Довольно давно сформировался метод рассмотрения и исследования общества по институтам. В конце XIX — начале XX века наиболее частое внимание привлекали религия, а также семья, брак, государство, собственность и другие. В XX веке в связи с новыми реалиями нередко исследуются техника, производство, наука и т.д. В последние десятилетия особенно активными стали исследования социологии (а также и философии) отдельных областей (сфер) жизни общества: политики, национальных отношений, культуры и т.д.

Аналогичные исследования, но проведенные в рамках социологии истории (т.е. если вопрос не рассматривается практически внеисторически, а историю не делают просто фоном, оттеняющим современную ситуацию), имеют в рассматриваемом здесь аспекте несомненно большое значение. А метод исследования и сравнения отдельных институтов, отношений или сфер в рамках социологии истории можно считать одним из основных. Его ценность тем более возрастает, что он в принципе ясен, хорошо разработан и привычен.

⁵⁰ Более подробно этот метод описан мной в кн.: Гринин Л.Е. Философия и социология истории... Ч. 1. Гл. 2. § 4.

⁵¹ «Особый интерес, особенно в зарубежной науке, вызывают представления о том, как эволюция проявляется и формирует психику и поведение человека; авторы многих смежных наук обсуждают это как вопрос «о природе человека», его «биограмме», т.е. о чертах, присущих ему как представителю биологического вида. Предлагаемые различными авторами свойства во многом описывают аналоги животного мира и относятся к разным уровням обобщения (например «стратегии поведения», «агрессия», «социальный характер жизни», «морфология тела», «альтруизм»)» (Трофимова И.Н. Универсальные эволюционные признаки как основа анализа человеческой природы // Философские исследования. № 3. 1995. С. 5).

Но наиболее удачным он окажется в сочетании со сравнительно-социологическим методом, помогающим увидеть развитие института или сферы в достаточно широком контексте и не позволяющим экстраполировать нынешние реалии на прошлое.

Данный метод занимает средний уровень между элементносистемным, сферным и т.п. и приемами микросоциологии истории. Следовательно, очень важные, но узкие исследования отдельных общественных моментов нуждаются в объединении их более высокими теориями, которые, в свою очередь, без первых повиснут в воздухе.

И последний метод, о котором хочу сказать в этом параграфе, — это представление общества как главной и зависимой частей. В марксизме это всем известные **базис и надстройка; общественное бытие и общественное сознание**. Эти категории и их использование совершенно справедливо подвергались всяческой критике за попытки подогнать историю под схему. Фактически они в своей классической трактовке оказались пригодными лишь для ограниченного числа случаев. И все же в них есть рациональное зерно. И для определенных целей они могут быть использованы. И это как раз хороший случай показать принципы определения приложимости методов.

Относительно базиса и надстройки следует заметить следующее. Уже потому, что нет абсолютно главных законов, идея о том, что какой-то элемент всегда определяет другие, будет неверна. Однако выделение относительно главных элементов в данной системе координат имеет важный смысл. В одном варианте такой элемент может быть переменным, т.е. в рамках социологии истории для отдельных периодов, обществ и их групп им становятся разные подсистемы и институты (собственность,

религия, государство и т.п.). Подобные идеи родились давно, высказываются они и сегодня⁵². Я хочу лишь подчеркнуть, что это

⁵² Приведу длинную цитату Н.С. Розова, который описывает такой прием. «Сама конструкция причинной связи должна быть сложнее. Метафору шарика, толкающего другой шарик, или нажатия курка, ведущего к выстрелу, должно заменить понятие социокультурного процесса, входами, выходами, операндами и операторами которого являются природные, технологические, социальные, психологические и культурные компоненты. Причем человек участвует в процессе во всех этих ипостасях, а вещи, тексты и условия — лишь в некоторых. Внутри каждого процесса и между процессами постоянно появляются дефициты, препятствия

как раз случай выделения **базиса и надстройки**, т.е. определяющей и определяемой частей системы. В таком случае использование понятия «базис» (если не говорить о неприятии некоторыми самого этого слова) не вызывало бы возражений.

Другой вариант решения — при точно оговоренных условиях и отбрасывая сразу же идею автоматического доминирования базиса над надстройкой всегда и везде, принять за базис постоянный для социологии истории элемент. Но тогда здесь же возникает вопрос: какой элемент избрать таковым? Я считаю, что производственные отношения (и тем более отношения собственности) для этого подходят меньше, чем выделяемая мной **природно-производственная основа общества**. Она включает в моем представлении часть географической среды и производительные силы, и о ней подробно речь идет в следующих параграфах. Надстройка же в моем понимании — все остальное общество (отношения, идеи, институты и прочее).

Почему мой вариант удачнее? Во-первых, производственные отношения были избраны базисом, потому что Марксу требовалось подчеркнуть именно первенство отношений собственности перед другими. Но в этом случае географическая среда и производительные силы как бы выпадают из данной системы. Между тем базис по смыслу — это основа, фундамент. А за них логичнее брать именно материальную основу общества. Во-вторых, и фактически, базисная роль географической среды до нового времени, а индустриального производства — в новое и новейшее гораздо доказательнее. К тому же экономические отношения (и тем более отношения собственности) слабо дифференцированы в первобытности и во многих обществах древности, в то время как выделить в этих случаях природу и производство — значительно легче. Можно привести и другие аргументы.

и возможности, включающие механизмы роста и развития. Иногда в этой игре механизмов и процессов большую значимость могут приобретать технологические и социальноэкономические компоненты, иногда — политические и правовые, иногда — психологические и нравственные, иногда — специфически культурные. Историческое исследование и моделирование культуры должно учитывать все эти возможности» (Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. С. 113).

Но все же вычленение постоянного базиса в рамках социологии истории, учитывая, что нередки ситуации, когда главным в том или ином обществе или на каком-то временном отрезке выступает другой элемент, нельзя признать одним из ведущих методов этой науки. Какой же резон говорить об этом? Их два. Во-первых, сейчас речь у нас идет не о всей социологии истории, а лишь о социологических основаниях теории исторического процесса. Вся же эта область столь громадна, что даже общие принципы ее требуют самостоятельного и объемного исследования. Достаточно сказать, что нужно описать типы и подтипы обществ, отдельных элементов, институтов и сфер, их комбинации, показать различные взаимоотношения внутри и частично между обществами и т.п. И если перемножить это на гигантское число обществ, поле деятельности предстает необъятным.

Поэтому метод представления обществ как базиса-надстройки при всегда постоянном базисе ограничен и малопригоден, когда мы хотим говорить о равноправии, специфике, уникальности обществ, о самодостаточности культуры и религии в какие-то эпохи и т.п. Но как важное основание теории исторического процесса он заслуживает внимания. Через выделение доминирующего элемента удобнее строить периодизацию исторического процесса, «генеральную линию» истории, делать другие обобщения. И мы убедимся в этом в следующей части.

Во-вторых, такой метод все же может быть признан в ряду главных для социологии истории, если нам удастся удачно совместить его с принципом переменного базиса. О чем и пойдет речь во втором параграфе.

Сказанное о базисе и надстройке во многом годится и для соотношения бытия—сознания. Но об этом подробнее в своем месте.

Разумеется, мы рассмотрели не все методы. Число их, безусловно, больше. Кроме того, они как бы переходят друг в друга, могут дополнять и заменять один другой в определенных случаях. Они также не используются в чистом виде.

Важно, что читатель убедился, во-первых, в том, что все методы носят ограниченный характер и потому могут использоваться лишь в определенных рамках. Но эта ограниченность у тех или иных

методов колоссально различаются. Во-вторых, что желательно критиковать не методы вообще, а попытки сделать их всеобщими, или навязать несоответствующему материалу, или неумение понять, когда и где они могут эффективно применяться, а где непродуктивны и т.п.

И, наконец, в-третьих, важнейшая задача науки — найти собственное «рабочее место» каждой разумной идее (и методу). Фигурально выражаясь, «определить круг ее обязанностей». И, подобно тому как рынок объединяет его участников, так и над различными идеями и методами могут стоять в качестве объединительных концепций содержательного, методологическо-операционалистского или гносеологического плана. И тогда многие проблемы окажутся решаемыми

§ 2. Природно-производственная основа как базис общества.

В этом параграфе мы разовьем тему базиса и надстройки. Избрание какого-то элемента главным в системе в методологическом плане очень удобно, поскольку придает теории стройность и логичность, а иногда позволяет, «по выражению Декарта, найти лазейку» к научности фактов⁵³. Но все эти и другие плюсы перечеркиваются, если настаивать на безусловной объективности и непререкаемости такого деления. В подобном случае теория становится односторонней и догматичной. Именно поэтому я подчеркиваю **относительность главности** избранного элемента. В Принципе исследователь вправе избрать таким любой, поскольку в системе все влияет на все, а надстройка противопоставляется базису лишь в одном из многих отношений: силе влияния друг на друга и на общество в целом. Но ясно, что подобному предпочтению должны быть солидные основания. Несомненно, что признание условности и относительности созданной иерархии элементов больше отвечает подлинной научности, а «парадокс заключается в том, что условием стремления к объективности является осознание ее отсутствия. Получается, что вера в объективность своих результатов уводит от нее, а признание объективности полученных выводов и слабости своих

⁵³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 41.

методов — означает шаг к объективности»⁵⁴.

Итак, базис — это относительно главный элемент, выделяемый в общественных системах, исследование которого во многом дает ключ к пониманию их в целом, поскольку мы признаем его влияние на другие элементы и на всю систему более значительным, чем влияние других элементов и сфер на него и всю систему.

Подобного рода связи, по словам Арона, «современные социологи назвали бы не отношением причинной необходимости, а **отношением воздействия**» (выделено мной. — Л.Г.)⁵⁵. Для пояснения характера модели «базис-надстройка» можно также использовать понятия определяющей и управляющей сторон, анализируемые нашей философией. Будем считать базис определяющей, а надстройку — управляющей сторонами. Отношения между ними не жесткие: базис очерчивает границы возможностей, объем ресурсов и варианты развития надстройки. Если таких вариантов несколько, то от того, какой именно возобладает, в свою очередь, сильно зависит и сам базис. Соотношение определяющей и управляющей сторон будет еще яснее, если в качестве примера взять автомобиль (определяющая сторона) и водителя (управляющая сторона). Читателю нетрудно будет представить себе возможности и ограничения, которые дают шоферу разные марки автомобилей, а также понять, почему в одних руках машина служит долго и безаварийно, а в других — нет. В таком аспекте структура надстройки нас интересует лишь во вторую-третью очередь. Но это становится важным, если мы попытаемся принцип относительно главного элемента провести дальше и посмотреть, что из надстроечных компонентов будет базиснее других?

Суммируем, что же все-таки дает выделение постоянного базиса (безотносительно к тому, какая подсистема для этого избрана). Во-первых, это модель, которая помогает мысленно разорвать взаимозависимость элементов системы. Если в ней все связано, то

⁵⁴ Леденева А.В. Указ. соч. С. 14.

⁵⁵ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 57. Комментируя идею Монтескье, Арон пример такого рода связи находил в обусловленности «того или иного государственного строя географической средой», когда «та или иная причина воздействует таким образом, что возникновение данного государственного строя становится более вероятным, чем какого-либо другого» (Там же).

любой компонент можно понять, лишь уяснив структуру целиком. Но чтобы это сделать, нужна упрощенная схема, каковой и выступает «базис-надстройка». Во-вторых, следовательно, такой метод дает отправную точку и определенный алгоритм исследования. Нахождение базиса в отдельном обществе может оказаться порой равнозначным открытию ключевого факта, который по-новому освещает уже известные и указывает ответы на трудные вопросы. А для охвата сразу множества обществ такой метод — одна из возможностей увидеть их в онтологическом и методологическом единстве, а также и выделить и основания типологизации. В-третьих, это своего рода «строительные леса», необходимые для перехода к поиску критерия периодизации и создания ряда специальных категорий в теории исторического процесса. Есть и другие эвристические возможности данного метода.

Я уже приводил некоторые аргументы предпочтения в указанном плане именно природно-производственной основы. Об этом еще будет речь. Но чтобы лучше прояснить вопрос, рассмотрим глубже содержание данного понятия.

Сначала выясним, что понимается под **природной** основой общества? Ее можно определить, как часть географической среды, которая интегрируется в общество и оказывает на разные его сферы базисное воздействие.

Каналов взаимодействия ее и общества много. Так, несомненно тесная связь общественного сознания с окружающей людей природой (например при обожествлении последней); политическая сфера имеет продолжение в реальной территории с укрепленными пунктами, границами и пр.; экономическая подсистема не существует без объектов собственности (земли, леса). И т.д. Такую связь географической среды и общества можно представить и как ситуацию, когда каждая сфера имеет в рамках единой природной основы как бы свой собственный природный базис. Эту идею мы еще несколько разовьем дальше, хотя вообще она требует специального исследования, невозможного в данной работе.

Но, несмотря на многообразие взаимодействия географической среды и общества, на мой взгляд, наиболее системно, глубоко и мощно

такая интеграция осуществляется в производственной подсистеме (доказательства дальше). Разумеется, вероятны случаи, когда наибольшее влияние природной основы будет заключаться не в производственном моменте. Так, возможно, что для кочевников-грабителей удобные пути и условия для набегов будут самым важным фактором (хотя и степняки нуждаются в корме для коней и прочем). Но, полагаю, на высоком уровне исследования такими вещами можно пренебречь. **Поэтому весь этот комплекс, охватывающий общество и часть так или иначе интегрированной в него природы, я буду называть по главной артерии их связи природно-производственной основой общества.** В широком смысле слова он включает в себя всю интегрированную в общество природу и производство. В узком смысле слова — производство и только ту часть географической среды, которая с ним связана.

Неудивительно, если читатель задаст вопрос о правомерности такого соединения общества и природы. Само собой, что

объединение или противопоставление определяются двумя главными вещами: характером исследуемых объектов и удобством решения поставленной задачи. Хотя в нашей науке обычно общество и географическая среда противопоставляются⁵⁶, есть и мнения, обосновывающие возможность представления их как единой системы⁵⁷, правда, не всегда достаточно разработанные. Если мы стремимся строго подчеркнуть отличие социального от природного или специально исследуем влияние внешней среды на общество, противопоставление будет естественным. Но если мы хотим понять структуру, функции, а равно доминирующие в обществе связи, то ситуация, на мой взгляд, существенно меняется. Представьте, что перед нами общество солнце- или огнепоклонников. Будем ли мы

⁵⁶ Иногда это противопоставление бывает достаточно гибким: «Вторая», т.е. окультуренная человеком, часть природы, конечно, не может входить в состав общества, являющегося совокупностью и системой различных внеприродных (отличных от природных) отношений между людьми и созданных для этих целей органов, учреждений и организаций. Но она одновременно является и таким переходом, связующим общество и природу» (Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978. С. 45).

⁵⁷ См., например: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Т.3. С. 327-336. Можно также отметить работы А.М. Ковалева.

считать огонь или солнечный свет только внешними его моментами? Или это в определенной мере уже и часть самого общества? Я склоняюсь ко второму варианту. Для меня также несомненно, что если какое-то влияние постоянно, взаимно либо вероятность катаклизмов, так сказать, запрограммирована, то в ряде случаев гораздо удобнее рассматривать две эти системы как одну. Тем более, что обоюдное воздействие становится по мере развития социума все более глубоким и системным. Надо также совершенно ясно понимать, что речь идет не вообще о всей природе, а лишь о ее части, подвергшейся социализации. А остальная логично выглядит внешней силой, если только нам не требуется представить человека и общество частью природы. Но проблему можно рассмотреть и с иной стороны.

Если бы мы считали, что общество есть только духовно-психические (индивидуальные и коллективные) явления, а все остальное — внешнее, несущественное, тогда строгое отделение природы от общества было бы вполне логичным. И нам, очевидно, стоило бы попытаться снять «налет» материального с социального⁵⁸. Но нужно ли это делать? Не приведет ли это нас к недопониманию общественно-системных процессов? Ведь во-первых, сами люди — существа не только социальные, но и природные (биологические), причем четкую грань здесь провести сложно. Во-вторых, в состав общества входит огромное (и все возрастающее) количество материальных объектов (тех же средств труда, памятников культуры, предметов потребления и т.п.). Если вдуматься, различия в рассматриваемом аспекте между ними и природными объектами, включенными в производство или жизнь (типа почвы или воды в водопроводе), лишь в степени их социализации.

В-третьих, общество есть органичный синтез всех форм движения материи. Действительно, его специфику составляет именно социально-духовное и психическое. Но эта особенность не может существовать вне

⁵⁸ Примерно так ставил вопрос Франк: «Вопрос, однако, заключается в том, состоит ли социальное явление, как таковое, из этих физических процессов, или оно только связано с ними и имеет их своим внешним следствием и спутником.

Нетрудно усмотреть, что именно последнее соотношение выражает подлинное существо дела» (Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 65).

материального. И уж тем более нам не понять ни функционирование, ни взаимодействие частей общества, если мы исключим из анализа материальные факторы. Такой подход не только не подвергает сомнению специфику социального, но как раз и дает возможность оттенить его, показать, как и почему оно существует в синтезе с материальным.

В-четвертых, общество и природа и в самом деле есть система. Совершенно очевидно, что общество расположено на определенной территории и что между географической средой и ним происходит: а) обмен веществ; б) взаимное воздействие; в) взаимное преобразование. С этой стороны данный комплекс выглядит не просто системой, но системой интегрированной, поскольку происходит срастание обеих его составляющих в ряде моментов. Вынося же природное окружение за «скобки» общества как внешнее, мы тем самым исключаем его из одноуровневого анализа. Между тем это и материальный субстрат социальных отношений, и фундамент, на который опираются все сферы социума в виде тех или иных благ (земли, полезных ископаемых и пр.), а также часто цель деятельности людей или общественной борьбы. В конечном счете почти все крестьянские движения и множество революций проходили под требованиями земли. Легко ли «выключить» ее из общественной структуры?

Да, разумеется, природа остается природой. Но, будучи в той или иной степени подвергнута социализации, приобретает помимо первой своей сущности и вторую — социальную. И она «двойственна» тем более, чем сильнее осоциализирована, познана, включена в практику, подвергается влиянию и влияет сама⁵⁹.

⁵⁹ Конечно, возникает практический вопрос: каковы процедуры, объемы и пределы такого «включения»? Подробный анализ потребовал бы большого места. Кратко можно сказать, что чем меньше освоенность, познанность природы и степень влияния общества на эти объекты, тем меньшую их часть (и пространственно, и структурно) можно считать элементами общества. И, значит, в зависимости от ситуации степень такого «включения» будет колебаться от почти полной до ничтожной, чисто символической. Соответственно, по мере развития науки, антропогенного влияния и размаха деятельности, природа все больше входит в состав общества, оставаясь, конечно, и природой.

Дополнительно к сказанному следует также заметить, что чем большее значение общественное сознание придает каким-либо природным объектам и моментам, тем важнее роль

В настоящем параграфе я попытаюсь показать целесообразность выделения в рамках социологии истории в качестве постоянного базиса именно природно-производственной основы. Но с одновременным выделением и переменных базисов. Ибо только такое объединение и способно сделать базисный метод по-настоящему плодотворным и одним из ведущих в социологии истории.

Для того чтобы увидеть, как это возможно, попробуем сначала преобразовать вышеприведенное понятие базиса в общесоциологический закон. Однако надо помнить, что: 1) закон строится не в абсолютном выражении (одно всегда и постоянно определяет другое), а по правилам пропорции (чем... тем), причинно-следственной связи, импликации (если... то) и т.п.;

2) взаимное влияние между базисом и надстройкой есть процесс двусторонний, хотя степень приспособляемости частей друг к другу и разная; 3) влияние избранного базиса на надстройку будет ярким и заметным не всегда, а лишь в части случаев, хотя и достаточно большой. И лишь для подобного множества будем считать, что изменение базиса неизбежно так или иначе ведет к изменению надстройки либо, если такой трансформации не происходит, к глубокому кризису общества. Изменения же в надстройке не всегда ведут к аналогичным переменам в базисе; 4) яркость и заметность воздействия сильно зависят и от пространственно-временного масштаба анализируемой действительности; 5) в ситуациях слабого или незаметного влияния базиса на надстройку мы также можем считать выведенный нами закон действующим. Но поскольку здесь такое воздействие либо незначительно само по себе, либо нейтрализовано другими факторами, данный закон в этих случаях не играет важной роли; 6) избрание базисом другого элемента, чем наш, вполне допустимо, поэтому нужно доказать, что при таком подходе яркость проявления закона будет реже и слабее, а использование этой подсистемы в качестве постоянного базиса — менее эффективно, чем в нашем случае.

Можно считать относительное первенство природно-

этого природного бытия, которое становится и в той или иной мере бытием общественным. Иначе получается, что часть общественного сознания находится вне связи с общественным бытием.

производственной основы и ее относительно преобладающее воздействие на остальные сферы в рамках социологии истории достаточно частым. Но часто не значит всегда!⁶⁰ Поэтому исключительно важно определить, когда это будет правильным, а когда — нет.

Непредвзятое исследование показало бы нам, что более заметным влияние базиса будет: 1) в примитивных обществах, где все институты подстраиваются под природу, а сама надстройка еще очень проста. Так, роль природно-производственной основы будет заметно выше у ручных земледельцев, чем в сельскохозяйственных цивилизациях, где между нижней и верхней частями общественной пирамиды создано уже несколько промежуточных этажей; 2) в крупных, сильно интегрированных (особенно современных развитых), если возможности таких тесных связей лежат прежде всего в технических средствах и экономической взаимозависимости частей общества: транспорте, торговле и пр.

Таким образом, наиболее заметным влияние базиса будет в примитивных и развитых обществах, причем в первом случае важнее роль природы, во втором — производительных сил. Для простых обществ влияние базиса тем сильнее, чем труднее им выйти за пределы, определенные этой основой, или если ее давление не дает коллективам чувства относительной уверенности. Так, скудная местность держит людей под страхом недоедания и голода, а в результате все их действия определяются вопросом добывания пищи. Но еще более сильным оказывается влияние базиса, когда он быстро и решительно меняется. Роль географической среды, долгое время бывшей стабильной, в случае ее прямого (под влиянием природных катаклизмов) или косвенного (переселение) изменения резко возрастает. Ведь общество теперь должно вновь приспосабливаться к ней. Если же базис меняется постоянно, как в современных

⁶⁰ «Экономика детерминирует весь исторический процесс в конечном счете, но на каждом этапе его развития другие сферы могут выступать в качестве доминанты, т.е. могут играть господствующую роль» (Гобзов И.А. Введение в философию истории. М., 1993. С. 48. См. также приведенные Гобзовым интересные рассуждения Л. Альтюссера по этому поводу. Там же. С. 48).

государствах в связи с развитием техники и технологии, то общество также должно постоянно трансформировать свои институты, либо нарастают кризисные явления. Это, к сожалению, далеко не во всем хорошо. Ведь усовершенствование техники и рост науки требуют адекватных изменений в сферах, которые по своей природе не приспособлены к ним (например мораль, традиции и пр.). Поэтому слишком большие новации в базисе подрывают стабильность общества и должны быть упорядочены и ограничены. Причины множества разнородных кризисных явлений коренятся в том числе и в этом. Следовательно, вопрос о базисе имеет отнюдь не только академическое значение. Мало того, слишком быстрые перемены в одной (производственной) части базиса приводят к неконтролируемым изменениям и в другой (природной). Между тем и психофизическая природа человека, и само направление развития научно-технического прогресса предполагают стабильность в главных моментах природной основы. Тем, стало быть, опаснее ее быстрая (не говоря о катастрофической) деформация для всей общественной жизни.

Итак, можно сформулировать закон: **чем жестче определяет базис пределы возможностей общества или чем быстрее и радикальнее меняются базисные условия, тем сильнее и заметнее влияние базиса на надстройку и его роль в общественной системе.**

Сильное влияние природно-производственной основы несомненно для любого общества (что и дает основание выделять ее как постоянный базис). Попробуйте понять Египет без Нила, его разливов, без колоссального плодородия земли, естественных и почти непроницаемых границ и т.п.! Попробуйте понять историю Англии вне ее островного положения! Однако из выведенного закона следует, **что чем стабильнее базис и чем больше он позволяет получать благ, тем ровнее и на определенных временных отрезках или в определенных ситуациях незаметнее его влияние.** Стабильность эта — либо дар природы, либо достигается системами страховых и амортизационных механизмов (запасы, возможность что-то купить в другом государстве, взаимопомощь), наличием природных и производственных резервов и т.п.

Но чем стабильнее базис и чем больше у общества возможностей,

тем **большую роль начинают играть другие элементы, которые в этом случае можно рассматривать как новый базис**. Причем их влияние на всю систему в ряде случаев и периодов становится больше, чем у природно-производственной основы.

Возникает вопрос: как же совместить одновременную базисность разных элементов? Для этого удобно признать природно-производственную основу **базисом первой степени** (далее я буду обозначать его как базис₁), а другие элементы и сферы, претендующие на такую роль, в зависимости от их важности и распространенности — базисами второй, третьей и т.п. степени (соответственно базис_{2,3} и т.д.). Степеней можно выделять столько, сколько требуется. Ведь (с необходимыми поправками) выведенные законы характерны для базиса любой степени, а сам процесс выделения базисов видится бесконечным. В конце концов мы доходим до роли личностей, борьбы дворцовых партий, случайностей и т.п., т.е. тех конкретных причин, которые исследуются историками⁶¹. Ситуация напоминает ту, которую мы видели в параграфе о движущих силах. Но **чем выше степень базиса, тем более преходяща и ограничена его роль в плане длительности и масштаба (количества обществ, периодов и пр.) влияния**.

Таким образом, мы отказываемся от идеи всегда определяющего элемента, а выводим лишь относительно главный для социологии истории — базис₁. В отношении методологии выделения базисов второй и последующих степеней существует несколько подходов. Их можно всегда представлять переменными. Например, для всех цивилизаций сохраняется влияние базиса₁. Но для одних (индийской, майянской) базисом₂, можно взять религию плюс ею обусловленную культуру и связанные с ними отношения. Для других (китайской) — государство и государственную идеологию, для третьих (римской) — политику (войну) и право и т.д. Причем мы видим, что временами в этих обществах наблюдается как усиление роли такого базиса₂ (например, увеличение влияния государства или религии), так и

⁶¹ Конечно, историку нет нужды говорить о базисе, когда можно сказать о причине. Но полезно помнить, что принцип базисности может быть проведен до эпизода.

ослабление. В последнем случае на главное место выходит уже базис₃ (допустим, роль завоевателей как нового правящего класса). Но могут быть и иные подходы, причем иерархия базисов по значению в разных системах отсчета не всегда совпадает.

В данном разделе нет возможности подробно говорить об этих процедурах. Остановлюсь лишь на одном примере.

На мой взгляд, достаточно удобным будет после определения базиса, для всей социологии истории избирать наиболее важные базисы каждой формации. Например, для второй формации это можно сделать так. Стабильность базиса, есть относительная независимость от природы и устойчивое получение избыточной продукции. При такой ситуации важнейшее значение получает военно-политическая стабильность, т.е. безопасность от внешних нашествий и механизмы, помогающие избегать разрушительной борьбы за власть. Следовательно, на первое место выходит военно-политическая система общества (базис₂)⁶².

При достижении военно-политической стабильности на первое место выходит проблема социально-духовной стабильности и, следовательно, социально-религиозная (идеологическая) система цивилизационного типа (базис₃). Несомненно, что цивилизации возникли лишь там, где удалось минимизировать зависимость от колебаний природы и внешней угрозы, а также создать стабильную политическую систему. Конечно, когда основы цивилизации уже созданы, даже сильные потрясения не всегда способны ее уничтожить. Однако несомненно, что, как для расцвета, так и для возрождения цивилизации, нужна достаточная стабильность.

Таким образом, мы видим, что наш алгоритм требует серьезной коррекции и вариантности в каждом случае. В общих же чертах он заключается, как уже понятно, в том, что мы последовательно сужаем

⁶² Она может включать в себя также и часть социально-духовных и распределительных отношений, связанных с существованием особого сословия — воинов. В каждом обществе в этой палитре отношений главными могли быть различные моменты. Так, в Киевской Руси многие наши историки отмечали важнейшую роль так называемого родового строя, т.е. системы передачи власти не по прямой линии от отца к сыну, а старшему родственнику после умершего. В результате князья постоянно меняли княжества, существовали бесконечные поводы для распрей, в которые привлекали половцев и т.д.

пространственно-временной объем и конкретизируем причинно-следственные связи, пока не дойдем до нужного нашей задаче масштаба и уровня. Для этого мысленно строим ряд систем координат, каждая из которых представляет какую-то часть или частный случай предыдущей (принцип «матрешки»), примерно так, как это только что показано на примере второй формации и цивилизаций. Мы отталкиваемся от введенного нами постоянного базиса₁. Но если нужно, то и базисы следующих степеней представляем как постоянные в отведенных им рамках. Иными словами, строим иерархию базисов по важности до тех пор, пока не увидим, что уже в состоянии решить проблему⁶³.

Нужно понимать, что найденный нами базис предстает широким, только если мы говорим о большом объеме. Но в конкретном обществе он принимает и конкретный вид, т.е. важнейшим может оказаться лишь один из его элементов (как это мы только что видели для военно-политической сферы — см. сноску 62). Нельзя не принимать во внимание и разнонаправленность процессов. Так, согласно выведенному выше закону, усложнение общества ведет к определенной его независимости от природной основы. И мы, действительно, видим, как различные удобства отгородили, например, жизнь горожанина от влияния природы. Но, с другой стороны, эта «независимость» приводит к зависимости от стабильности географической среды. А она, как сказано, поставлена под угрозу изменением техники и пр. При необходимости нужно также соотносить внутренние и внешние факторы. Таким образом, указанный метод выделения базиса тесно связан с рядом других (движущих сил, причинно-следственного анализа, взаимодействия общества и среды и пр.) и сближает цивилизационный и

⁶³ Можно привести более наглядный пример. Если нас интересует какая-то проблема, связанная с климатом определенной местности, мы сначала должны определить ее географическую широту, которая есть первая и коренная причина различий в климате. Но затем мы берем во внимание еще множество причин: географическую долготу, близость к морю, теплые или холодные течения, направления ветров, рельеф и т.д., пока не подойдем к тем факторам, которые для данной задачи можно считать конечными. Очевидно, что чем стабильнее будут крупные факторы, тем легче, осознав их, затем от них абстрагироваться.

формационный подходы.

Предложенная здесь методология не является слишком уж сложной⁶⁴. Фактически нередко именно так и поступают, только не осмысливая свои приемы и больше рискуя ошибиться. Но, разумеется, такие методы при приложении к конкретным случаям потребуют достаточных усилий. Ибо даже в тех науках, где методики устоялись, делать такие операции непросто⁶⁵.

В этом и в следующем параграфе нас больше интересует природно-производственная основа в узком смысле слова, т.е. система части осоциализированной географической среды и производительных сил. Но стоит тщательнее проанализировать вопрос, что же дает такое объединение науке? Сделаем сначала маленький исторический экскурс.

«После того как наука разрушила детскую веру в существование благого провидения, после того как она уничтожила наивную веру в благожелательную природу, которая оберегает нас в нашей жизни»⁶⁶, а также по мере того, как ослабевала вера в то, что история есть результат деятельности великих личностей, обращение к географической среде как к важнейшей причине исторического многообразия (начавшееся еще с Монтеスキё, продолженное Ж. Мишле, Т. Боклем, Л. Мечниковым и мн. др.), явилось вполне закономерным. В результате было выяснено, что природа сильно, а то и фатально влияет на политическое и военное устройство обществ; изолированность или выгодность географического положения может

⁶⁴ Но даже если кому-то она кажется такой, стоит помнить, что нередко поиски «простого» пути ведут к натяжкам и искажениям. По этому поводу известный экономист замечает: «Один из самых действительно злостных и живучих предрассудков получил меткое название «презумпция простоты». Раскрывая суть этого предрассудка, Л. Науменко пишет:

«Никому не приходит в голову ждать простоты от теории относительности, квантовой механики или молекулярной генетики. Но почему-то принято, что в обществоведении «экономия мышления» не только возможна, но и желательна» (Афанасьев В.Н. Диалектика собственности: логика экономической формы. Л., 1991. С.8).

⁶⁵ Чтобы открыть планету Нептун, когда Уран считался последней седьмой планетой Солнечной системы, ученому У. Лаверрье, помимо таланта и интуиции, потребовалось несколько месяцев упорнейших расчетов. А ведь методики использования закона всемирного тяготения отработывались к тому времени уже два века.

⁶⁶ Реклю Э. Предисловие к кн. Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 221.

затруднять или поощрять войну, торговлю, иные контакты, колоссально замедлять или ускорять развитие; природная среда влияет на производство, формы собственности, религию и т.д. Естественно, что появились и крайние взгляды, когда ученые, подобно Виктору Кузену, считали, что, поняв физическую географию страны, ее флору и фауну, можно «наперед сказать, каков человек этой страны, какую роль эта страна будет играть в истории и не случайно, а в силу необходимости, и не в одну эпоху, но во все эпохи»⁶⁷. Но были и вполне трезвомыслящие ученые, искавшие оптимальные пределы влияния географической среды. К их числу надо отнести Л. Мечникова, одного из первых, кто пытался объединить в единую концепцию географический и производственный факторы.

Географический детерминизм как выводящая все из одной причины теория давно подвергнут критике и отвергнут. Действительно, он был не в состоянии объяснить ни того факта, что по мере приближения к современности роль природы слабела, а производства — росла (на это один из первых обратил внимание К. Маркс), ни того, что имелись огромные различия между обществами, находящимися в сходных условиях. Непонятны были и причины то возвышения, то деградации народа, продолжавшего жить в тех же самых местах без коренных изменений в окружающей среде. И т.д.

Но все сказанное не может опровергнуть факта значительного, а часто и определяющего влияния природы на многие общества, что продолжает быть питательной почвой для возрождения модернизированных теорий географического детерминизма.

Итак, с появлением индустриальных и тем более научно-информационных производительных сил, с ростом техносферы, с уменьшением влияния природы на образ жизни значение географической среды как базиса ослабевает, хотя, конечно, не исчезает, а влияние производительных сил в этом плане растет, поскольку они как бы оттягивают на себя формообразующую роль географической среды в отношении воздействия на другие сферы общества.

Таким образом, ни географическая среда, ни производительные

⁶⁷ Цит. по: История буржуазной социологии XIX-начала XX века. М., 1979. С. 59.

силы в отдельности не могут быть признаны базисом₁ для всей социологии истории. Поэтому, с учетом их теснейшего единства и взаимозависимости, исходя из динамики изменения роли природы и производства для сквозной теории, охватывающей все исторические общества, объединение производительных сил и географической среды в логико-методологическом плане становится необходимым. К тому же не только удобно, но и фактически правильно говорить о том, что производство и часть географической среды интегрируются, становясь единым базисом общества⁶⁸.

Последняя мысль увидится еще более верной, если вспомнить, что исторический материализм, преуменьшая роль природы, в то же время так описывал структуру производительных сил, что в них фактически входила и часть географической среды в виде предмета труда (земли, полезных ископаемых и т.д.). К сожалению, никаких логических выводов о том, что, следовательно, часть природы органически должна включаться в структуру производительных сил и через них в общество, не делалось. Мало того, даже вхождение в состав производительных сил предмета труда принималось далеко не всеми. По этому поводу существуют три наиболее распространенные точки зрения. Первая связана с включением предмета труда в структуру производительных сил. Она была особенно распространена в 20-30-е годы, а затем после перерыва возродилась в 50-60-е годы и продолжает быть одной из ведущих и по сегодня. Сторонники другого взгляда полагают, что предмет труда следует исключить из состава производительных сил. Это мнение было достаточно типичным в конце 30-начале 50-х годов, но вновь усилилось в 60-е и особенно в 70-е годы. Число ее приверженцев также весьма велико. Третья точка зрения заключается в том, что частичное включение предмета труда в производительные силы все же возможно⁶⁹.

С позиции ортодоксального истмата, который видел главные движущие силы истории имманентными обществу, полагаю, что

⁶⁸ Тем более, если мы вспомним, что в производительные силы включаются и люди, а теснейшая связь демографических и географических явлений давно доказана.

⁶⁹ См.: Социализм: диалектика производительных сил и производственных отношений. М., 1975. С. 40-41. См. там же литературу по каждой точке зрения.

ученые, сужающие состав производительных сил, более правы. Но в плане соответствия фактам, а равно и плодотворности такого подхода их взгляды не выдерживают никакой критики. Бесспорно, можно комбинировать состав производительных сил по-разному в зависимости от поставленной задачи и объема материала. Но занижать (а то и игнорировать) факт во многом определяющего воздействия географической среды на характер производства и жизни, которое признавали и некоторые видные марксисты, — антинаучно. Было бы соблазнительно привести ряд примеров такого влияния природы, но это увело бы нас в сторону. Впрочем, любой человек, открывший любую серьезную книгу, так или иначе затрагивающую эту проблему (тех же Мечникова, Спенсера, Тойнби, этнографов, историков, в том числе русских — Соловьева, Ключевского и др.), найдет подтверждения того, что, «чем дальше мы углубляемся в глубь веков, тем важнее учет географического фактора»⁷⁰.

Я бы выделил из многих три главных аргумента сторонников сужения состава производительных сил. Первый заключается в том, что техника — элемент более подвижный и отражает активное отношение человека к природе. Эта в целом верная философская посылка не отменяет вышесказанного: решающей или очень важной роли природных моментов в доиндустриальном производстве. А ведь нам сейчас важнее не активность или пассивность, которые, кстати говоря, не были постоянными и одновременными в истории, а сила влияния факторов и степень их интеграции. Впрочем, эти же ученые сами себя опровергают, признавая, что земледельческие орудия труда «именно в силу своего характера и уровня развития не имели еще столь самостоятельного значения», а главную роль играл предмет труда — земля⁷¹. Объясняют это противоречие они нелогично:

«...признание определяющей роли именно земельной собственности во всех докапиталистических формациях вовсе не противоречит тезису о значении орудий труда в определении способа отношения общества к природе. Просто это положение надо применять

⁷⁰ Слова Б.А. Рыбакова. Цит. по: Полодьный Р. Дети земли. М., 1977. С. 122.

⁷¹ Келле В.Ж. Послесловие к кн. Текеи Ф. К теории общественных формаций. М., 1975. С.

дифференцированно с учетом специфики данного уровня развития производительных сил»⁷². А ведь как раз «специфика данного уровня производительных сил» и заключается в том, что в них важнейшая роль принадлежит не технике, а природе.

Другой более серьезный аргумент связан с уменьшением влияния природы и ростом значения производства. Но это лишь оттеняет факт огромной зависимости и неразрывной связи доиндустриального производства с природными факторами, становящимися частью производства. Это неоднократно признавал и сам Маркс, писавший, что «силы природы наряду с другими видами производительных сил принимают вид производительных сил»⁷³.

Наконец, третий аргумент связан с боязнью разрушения истматовской теории. Так, например, Ю.К. Плетников утверждал, что «известны примеры, когда в прошлом безоговорочное включение средств производства в производительные силы создавало почву для уступки некоторых принципиальных позиций материалистического понимания истории концепции «географического детерминизма». Такую уступку допускал в ряде случаев Плеханов... Проблема включения или не включения предмета труда в производительные силы имеет, таким образом, серьезный мировоззренческий аспект, о котором нельзя забывать, продолжая дискуссию»⁷⁴. Конечно, сегодня такой аргумент мало кто поддержит открыто, но подобная позиция все еще продолжает оставаться глубинной гносеологической и методологической основой мышления многих.

Несмотря на расхождение взглядов по вопросу о месте предмета труда, большинство философов в целом едины по поводу роли географической среды в истории. Это внешняя среда, влияние которой хотя и велико, но не определяющее⁷⁵. Но в нашей науке есть и иные

⁷² Там же.

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. С. 298.

⁷⁴ Плетников Ю.К. Послесловие к кн. Эйхорн В., Бауэр А., Кох Г. Диалектика производительных сил и производственных отношений. М., 1977. С. 212.

⁷⁵ Следующие строки достаточно характерны для истматовского подхода к влиянию географической среды, фактически отрицающего ее формообразующее, порой жестко определяющее влияние на общество и его строй. «Исторический материализм признает большое значение географической среды для исторического развития... Однако исторический материализм считает географическую среду одним из условий исторического развития, но не его причиной

взгляды, хотя и малораспространенные. Ряд философов и теоретизирующих историков высказывают мысли, которые можно интерпретировать как включение части географической среды в состав производительных сил. И в результате она через производство «превращается в фактор внутреннего содержания общественной жизни»⁷⁶. Другие прямо заявляют, что «многие элементы внешней природы, вовлеченные в общественное производство, непосредственно вошли в материальное содержание общества — в его производительные силы»⁷⁷. Л.В. Данилова настаивает на том, что различие в структуре производительных сил естественно возникших и исторически приобретенных факторов имеет очень важное значение, в т.ч. при выяснении различий в формах взаимодействия общества и природы в индустриальных и доиндустриальных обществах, поскольку в последних господствовала натуральная система производительных сил⁷⁸.

Бесспорно, такой подход гораздо предпочтительнее. Но, к сожалению, в основе своей это разрозненные, не приведенные в систему и неоднозначно толкуемые мысли. К тому же не ставятся вопросы ни о базисности такой системы (в противовес признанию базисом производственных отношений), ни о том, чтобы найти единую концептуальную основу для дои индустриальных периодов. А без этого данные идеи остаются вне общей теории.

Таким образом, приведенный анализ точек зрения показывает, что поставленная в этом параграфе проблема имеет действительно важное теоретическое значение как в рамках анализа общественных организмов, т.е. социологии истории, так и в качестве основания теории исторического процесса. Суммируем, что же дает такое

и показывает, что географическая среда влияет на характер общества не непосредственно, а опосредованно, через способ производства материальных благ, который и определяет характер того или иного общественного строя» (Советская историческая энциклопедия. Т.4. С. 220).

⁷⁶ Ким М.П., Данилова Л.В. Природное и социальное в историческом процессе // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 13.

⁷⁷ Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982. С. 325.

⁷⁸ Данилова Л.В. Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. С. 119.

См. также ее выступление в дискуссии «Философия и историческая наука // Вопросы философии. 1988. № 10.

объединение в единую систему производительных сил и части географической среды. Во-первых, появляется основа для структурирования природы в зависимости от степени социализации разных ее частей (о чем в следующем параграфе). Кроме того, степень интегрированности природы показывает нам уровень развития общества.

Во-вторых, такая постановка вопроса во многом снимает серьезное методологическое противоречие, связанное с тем, что в одних случаях именно географическая среда выполняет роль базиса первой степени, а в других — производство. Причем нередко их разделение весьма затруднено, поэтому целесообразнее и эффективнее представить часть географической среды природной частью производительных сил.

В-третьих, указанный подход можно обобщить и в следующем социологическом законе. **Будучи всегда важной, роль географической среды тем больше, чем большее место она занимает в составе производительных сил. Аналогично и для других сфер: ее роль тем больше, чем большее место она занимает в составе этой сферы.**

С другой стороны, можно сказать и так: **чем слабее общественные производительные силы, тем больше роль географической среды.** А поскольку в общем плане производство тем слабее, чем древнее, постольку и роль географической среды тем больше, чем древнее период. И соответственно, чем скуднее природа, тем более развита должна быть технико-технологическая часть производительных сил, чтобы компенсировать эту скудость.

В-четвертых, более широкая система производства легче объясняет факт того, что и в разных формациях, и в пределах любой из них в конкретных обществах роль различных структурных элементов производства будет неодинаковой. В зависимости от природных, исторических и иных причин центральным звеном базиса, может быть географическая среда, техника, технология; входящие частично в производственную организацию общества (о которой в следующем параграфе) отношения собственности или органы государства, ведающие хозяйством, либо другие составляющие производительных сил. Таким образом, главная роль во всей

структуре базиса, в разных обществах и периодах может переходить от элемента к элементу: от выгодного географического положения до форм собственности, причем в зависимости от исторической реальности и конкретности задачи и каждый из этих компонентов может дробиться⁷⁹. Важно, что слабость одного элемента может компенсироваться силой другого. Так, недостаток людей устраняется мощностью техники или удачной производственной организацией. И наоборот, отсутствие техники нередко компенсировали использованием принудительного физического труда. И т.д. Такая постановка вопроса позволяет не противопоставлять (и не отбрасывать) целый ряд теорий (включая и истматовскую о производственных отношениях как базисе), а надеяться интегрировать их, а также связать в целое разные взгляды на базис, как в рамках всей социологии истории, так и в пределах конкретного общества. Несомненно, что налицо большое разнообразие этого базиса как во времени, так и в пространстве⁸⁰. Таким образом, **идея единого базиса превращается в принцип, объединяющий много вариантов.**

Есть и еще один момент, позволяющий лучше понять жизнь прежних обществ. Фернан Бродель утверждает: «Стремящаяся к тотальному описанию, к глобальному охвату история может оказаться возможной, если в область изучения экономики прошлого мы сумеем внести современные методы, учитывающие

⁷⁹ Например, природные производительные силы. Для охотников, понятно, ценнее всего было изобилие дичи, для земледельцев — плодородие почвы, для скотоводов — травяной покров и т.п. Общество торговцев или воинов прежде всего нуждалось в хороших коммуникациях или наличии железной (медной и т.п.) руды. Отметим, что без различий в географической среде вообще не могло бы возникнуть торговли.

⁸⁰ «Двигателем общественного прогресса попеременно являются разные элементы производительных сил. Они становятся на время в функциональном отношении первичными по отношению к другим элементам производительных сил. Революционизирующее воздействие может оказаться как непосредственно, так и опосредственно через общее развитие производительных сил в целом.

Иерархия разных элементов производительных сил может быть в данный период различна для разных сфер производства. В одной из сфер функция ускорения может принадлежать орудиям труда, в другой — трудовым навыкам человека и т.п. Развитие производительных сил, рассматриваемое с точки зрения различных сфер общественного производства, — процесс, далеко не равномерный не только от эпохи к эпохе, но и в рамках одного и того же времени. Общее же ускорение развития зависит от того, какой элемент в какой сфере производства играет роль катализатора» (М.А. Барг, Е.Б. Черняк / Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 80).

совместимость национальных экономик и строящие некоторую макроэкономику»⁸¹. И это будет тем более верно, если мы сумеем учесть особенности сравнения экономик в рамках социологии истории. Ведь под влиянием огромных современных успехов мы склонны преуменьшать объемы экономик прошлого. И важнейшая причина этого — в том, что в суммарную их мощь не включаются природные процессы и силы. Между тем можно смело утверждать, что в ряде обществ прошлого объем валового продукта «на душу населения» был весьма велик и возможно даже выше, чем во многих среднеразвитых странах, если считать и «работу» природы. Например, сколько миллионов тонн удобрений заменял египтянам ил великого Нила? Ведь чтобы собирать такие урожаи сегодня в Европе, нужны колоссальные затраты. А кто считал «лошадиные силы» индийских слонов или «миллионы тонн топлива», которые экономил ветер в парусах и на мельницах? Сегодня в океане вылавливается много миллионов тонн рыбы. Сколько энергии и затрат потребуется будущему человечеству, чтобы выращивать это количество рыбы искусственно? Говорят, что в американских степях еще в прошлом веке водились десятки миллионов бизонов. Много ли государств могут похвастать таким поголовьем мясного скота? У некоторых племен индейцев Аляски каждая семья заготавливала на зиму до тысячи лососевых рыб (переведите на современные цены!). Таким образом, огромное различие в структуре и развитости производительных сил не должно затемнять производительность хозяйства, поскольку чем больше численность населения и чем сильнее истощена природа, тем больше приходится «работать» за нее. И в этом плане соотношение объемов производства между нынешними и прежними обществами будет выглядеть по-иному. Любое же искажение пропорций как в одну, так и в другую сторону лишает нас правильной перспективы и, говоря словами Шпенглера, «ограничивает объем истории, но гораздо хуже то, что это сужает ее арену»⁸². Если это осознать, то и базис древних обществ предстанет более мощным и само выделение природно-производственной основы как базиса более обоснованным.

⁸¹ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск., 1993. С. 23.

⁸² Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1. С. 145.

Проиллюстрирую важность включения природных явлений в состав производительных сил еще одним примером. Воспользуемся таблицей сравнения ВВП, составленной П. Бэроком⁸³.

Развитые страны, исключая Японию			Азия, исключая Китай	
Год	ВВП на душу населения (дол. США)*	Уровень урбанизации (%)**	ВВП на душу населения (дол. США)	Уровень урбанизации (%)
1800	200	10	180	10

* В ценах 1960 г.

** Города с населением 5 тыс. человек и более.

На первый взгляд, цифры парадоксальные. На пороге XIX века страны Европы, уже давно вступившие в капитализм, превратившие в колонии огромные территории, по столь важным показателям находились практически на уровне отставшего от них и ставшего объектом колониализма Востока. А в Китае показатель ВВП на душу населения даже выше: 210 дол.⁸⁴. Но если вдуматься, то ничего удивительного здесь нет. И в Азии, и в Европе (может быть, за исключением Англии и Голландии) основной валовой продукт создавался в сельском хозяйстве. А плодородие земли и соответственно урожайность в целом в Азии была во много раз больше, чем в Европе, благодаря чему, собственно, там и могли тысячелетиями существовать столь многонаселенные страны. Тот факт, что, несмотря на такую разницу в географической среде, Европа уже опережает Азию, говорит как раз о ее более высоком техническом, технологическом и организационном развитии. Учитывая высокое плодородие почвы и огромную численность населения на Востоке, вполне естественно, что там было много крупных городов, связанных как с роскошью правителей, так и с довольно развитыми ремеслами и торговлей (достаточно вспомнить хотя бы мощный экспорт индийских хлопчатых тканей).

Приведенные цифры также очень хорошо показывают, что

⁸³ Таблица взята из ст. А.М. Петрова «Новые задачи старинной науки и некоторые материалы к изучению экономической истории Востока» (Народы Азии и Африки. 1989. № 2. С. 75).

⁸⁴ См. там же.

увлекаться применением современных экономических (формальных) методов сравнения и подсчета без их корректировки в плане специфики социологии истории и истории весьма опасно: слишком большие различия в структуре производства, щедрости природы, в ценах и мн. другом существовали в разных странах и эпохах.

Осознание важности материальных факторов истории, начавшееся в зарубежной науке в 40-50-х годах, в 70-80-х привело к мощному росту соответствующих исследований в разных направлениях, создавших фактическую базу для теоретических выводов. При этом размах исследований особенно поражает на фоне слабой разработки аналогичных вопросов в нашей науке⁸⁵. Однако фактическая база нуждается в теоретических моделях и методологии анализа и обобщения фактов. Иначе их просто не удастся правильно интерпретировать. Поэтому, учитывая важность поднятых в данном параграфе вопросов, мы продолжим их исследование в следующем параграфе, где рассмотрим систему «географическая среда-производительные силы» подробнее.

§ 3. Структурно-функциональный анализ природно-производственной основы общества (географическая среда производительные силы)

Географическая среда всегда включала в себя и космические элементы. Причем роль последних в настоящее время растет. Однако сохранение этого привычного термина⁸⁶, думается, вполне целесообразно. В качестве синонимов ему я буду также использовать выражения «природная среда» и «природа». Данное понятие объединяет в себе множество факторов и параметров: географические координаты, рельеф и климат, количество тепла, света, осадков, направления ветров, почву, флору и фауну и целый ряд других. Влияние многих из них подробно анализировали уже ученые прошлого. Соответственно представлять структуру этой среды можно по-разному. Так, например, Сорокин все подобные факторы делил на космические, т.е. неживую природу, и биологические (флору и

⁸⁵ См. там же. С. 66.

⁸⁶ Считается, что понятие «географическая среда» ввели Л. Мечников и Э. Реклю.

фауну). Это вполне правомерный подход. Но в данном исследовании он нецелесообразен, поскольку мы говорим об единой системе.

В этом параграфе пойдет речь о географической среде, тесно связанной с обществом. Она, как уже сказано, носит двойственный характер: и природный, и в большей или меньшей мере социальный. Поэтому ее структура и будет рассмотрена именно в таком аспекте: степени социализации и окультуривания разных ее моментов.

Географическую среду в этом плане можно представить как комплекс самых разных природных условий, которые, с одной стороны, оказывают существенное влияние на жизнь данной общественной системы и ее членов, а с другой — на которую эта система сама оказывает влияние.

В плане использования географической среды в хозяйственном обороте ее можно разделить на три большие части: включенная в той или иной мере в оборот (**окультуренная**); еще не используемая, но пригодная для хозяйственных нужд при данном уровне развития (резерв); не включенная в оборот и непригодная для этого при наличных возможностях (**неокультуренная**). Границы между окультуренной и неокультуренной частями кое в чем условны. Ведь ряд объектов окультуренной природы, которая включает в себя помимо предмета труда, источники энергии, пути сообщения и пр., выполняет одновременно и другие роли (одни и те же дороги могут быть как торговыми, так и военно-стратегическими). Кроме того, многие элементы природы, не будучи вовлечены в производство, тем не менее связаны с другими сферами общества и играют подчас весьма важную роль или, по крайней мере, составляют существенную часть общественного сознания⁸⁷. Назовем такую часть неокультуренной, но так или иначе интегрированной в общество природы — **осоциализированной**. Другая часть неокультуренной природы — **неосоциализированная**, почти не влияет на жизнь общества, либо такое влияние практически не осознанно, либо им можно пренебречь и т.д. По объему это основная (наибольшая) часть природы, ибо к

⁸⁷ А такое «включение» объектов в общественное сознание подчас ускоряет и социализацию. Можно напомнить, как в XVI в. римский папа проводил «границу» по глобусу Земного шара, еще сплошь покрытому «белыми пятнами», между Испанией и Португалией. И это ускорило активность и других держав.

ней можно отнести почти весь космос и огромные территории суши и океанов Земли (для многих эпох — бóльшую часть Земли). Не таковы ли для нас сегодня глубины Земли?

Анализ возможностей общества, стимулов и преград в его развитии и ряда других проблем облегчит понятие **«резерв географической среды»**. Между ним и окультуренной частью лежит зона, которая используется в обороте нерегулярно. А сам резерв целесообразно делить на части в соответствии с выгодностью, легкостью или сложностью вовлечения в такой оборот.

В зависимости от объема, мобильности и удобства он способен в ряде случаев колоссально воздействовать на все функционирование социального организма и его развитие. Наличие большого (тем более необъятного) резерва способствует сохранению устоявшихся отношений и форм хозяйствования. Если способ производства молод, это благоприятствует его росту. Так, огромный запас земель в США позволил сформировать американский путь развития сельского хозяйства, что создало невиданную по широте базу для мощного подъема самой современной промышленности. Если же способ производства уже стал тормозом для прогресса, то наличие резерва позволяет правящим группам отставшей страны, не желающим ничего менять, задерживать ее развитие. Та же безграничность земли в Северной Америке подпитывала в Южных штатах рабство, пока его не уничтожили силой. Таковую же роль играло расширение фонда земель в России для сохранения дворянского крепостнического землевладения. Стремление любой ценой обеспечить функционирование устаревших производственных отношений может приводить к попыткам искусственно расширить указанный резерв: отсюда захваты колоний, экспансия и пр. Исчерпание резерва и невозможность его увеличить могут создать социальный кризис. Если общество закосневшее, такая ситуация способна загнать его в тупик, если гибкое — дать толчок к качественным сдвигам.

Окультуренная часть географической среды в свою очередь делится на части по степени интеграции в общество. Наиболее тесно связанная с производством и бытом начинает превращаться как бы в **искусственную географическую среду**, хотя и неразрывно

связанную с естественной, но и сильно отличной от нее. Дороги, средства связи, транспортные и торговые узлы и т.п. (грубо говоря, те объекты, которые изучает экономическая география) — и есть искусственная географическая среда, в ряде случаев становящаяся просто **техносферой**, т.е. системой материальных объектов, в которых социального гораздо больше, чем природного.

Параметров освоенности данной среды можно выделить много. Прежде всего это пространственные характеристики. Площадь вовлеченной в оборот территории, умноженную на высоту и глубину проникновения в земные оболочки, можно представить как объем окультуренной географической среды, величина которого очень сильно растет от периода к периоду. Также отметим: глубину проникновения в вещество и материю в целом; способы преобразования природы; виды используемой энергии; номенклатуру используемых природных веществ и процессов и т.п.

В данном случае наша задача этого не требует. Но об одном показателе, на мой взгляд, очень важном, стоит сказать. Это удлинение пути продукта от его природного (или начального) состояния до потребления, что можно назвать **технологическими цепочками**. Такое удлинение показывает и глубину переработки, и роль природной части производительных сил. Чем длиннее цепь, тем меньше значение последней. Этот процесс как закономерность был описан давно. Отмечалось, что необходимость прибегать к особым дополнительным методам возникает ради увеличения конечного продукта. В связи с вопросом о природе накопления в прошлом веке возникла теория «окольных методов», родоначальником которой, принято считать М. Лонгфилда, а первое популярное изложение ее дал В.Рошер. Его пример с рыбаками, которые тратят время на то, чтобы сделать сети, но затем получают большее количество продукции, стал классическим. Развил теорию дальше Э.Бем-Баверк. По его мнению, вся история развития общественного производства есть история введения все новых окольных методов, удлиняющих путь от добычи первичного сырья до выпуска потребительных благ. Одновременно достигается и рост производительности труда.

Структура окультуренной части географической среды в свете

нашей задачи лучше всего может быть представлена как специфическое отражение общей структуры производительных сил. Следовательно, сначала нужно охарактеризовать производственную подсистему целиком.

Задумаемся, какие вообще существуют способы описания и деления производительных сил? Их немало. И они зависят от особенностей анализируемого материала, поставленной задачи и склонностей ученого. Возможен географический принцип, незаменимый в ряде областей экономической истории, т.е. описание производства по экономическим районам. Нередко удобен отраслевой принцип. Для конкретных проблем — мелкоотраслевой, а для масштабных — крупноотраслевой (промышленность — сельское хозяйство — транспорт — строительство и т.д.). В современной науке распространен способ, который можно назвать секторным. Выделяются четыре таких сектора: первичный, вторичный и т.д.⁸⁸. Есть и другие.

Но хотя эти подходы в той или иной мере могут быть использованы в социологии истории, ведущими они здесь стать не в состоянии. Более подходят для этой роли идеи Маркса. Даже сам его термин «производительные силы» был большой удачей, поскольку позволил охватить огромное разнообразие типов хозяйств одной категорией. Некоторыми западными авторами (например, Ароном, Д. Беллом) это ставилось Марксу в заслугу. Производительные силы в истмате обычно делятся на средства производства и людей. Средства производства в свою очередь состоят из предметов труда и средств труда. А последние подразделяются на орудия труда и прочие средства труда⁸⁹.

⁸⁸ С вариациями у разных ученых, к первичному относятся сельское хозяйство и добывающая промышленность; ко вторичному — обрабатывающая; к третичному — сфера услуг; к четвертичному — наука и информатика. На этих принципах основан и ряд периодизаций истории. Еще с XVIII в. производственную деятельность подразделяли на охоту, пастушество, земледелие и торговлю (промышленность), на основании чего также возникло несколько периодизаций истории.

⁸⁹ Надо отметить, что деление средств труда на орудия труда и прочие средства труда остается формальным, и очень часто средства труда и орудия труда выступают однопорядковыми синонимами.

Хочу оговориться, что, не желая усложнять материал, я не останавливаюсь на идеях Маркса о том, что исторически производительные силы делятся на естественные, т.е. природные,

Указанная структура в целом выглядит стройной и четкой. Действительно, почти любой производственный акт имеет две стороны: предмет и средство труда, а также посредника между ними — человека. Отсюда и определение производительных сил как «системы субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между обществом и природой»⁹⁰.

Но все же такой подход, вполне правомерный в ряде случаев, не полностью удовлетворителен в рамках социологии истории. Причина в том, что процесс производства представлен слишком политэкономично (абстрактный труд, атомизированный, по сути, производитель), а взаимоотношения человека и природы — чрезмерно антропологично.

Фактически же политэкономичность создает питательную почву для техницизма, поскольку орудиям труда, сводимым к технике, отведена в процессе труда центральная роль. Несомненно, что такая экстраполяция признаков индустриального общества на доиндустриальные ведет к искажениям, к занижению роли природных сил и выводу географической среды из системного анализа. С другой стороны, представление человека как атомизированного субъекта между предметом и средствами труда ведет к тому, что неадекватным выглядит влияние общественного разделения труда и способов производственного объединения людей на рост и направленность производства⁹¹. Я не хочу сказать, что марксизм не рассматривает и не анализирует эти моменты, но решения данных проблем недостаточно связаны с его структурой производительных сил, поскольку в них способ объединения людей в производстве

общественные и всеобщие. Хотя об этом обязательно говорится в любом справочном издании, в теории способа производства эта концепция не нашла органического развития и остается «пятым колесом» в ней. Но в любом случае, она не только не противоречит выводам, изложенным в данном параграфе, но, напротив, во многом подтверждает их: как в плане правомерности включения части географической среды в производительные силы, так и в системе уровней производительных сил.

⁹⁰ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 535.

⁹¹ К слову сказать, указанная атомарность производителя сказалась и в теории прибавочной стоимости, где вся прибавочная стоимость приписывается рабочему, а вклад разделения труда, руководителей производства, в целом общества практически игнорируется.

фактически не стал самостоятельной структурной единицей.

Антропологическое рассмотрение производства как обмена веществ только между человеком и природой слишком узко и недостаточно в связи с тем, что все большую роль получают не природные, а социальные и чисто человеческие предметы труда⁹². Но главное, малопродуктивно представлять человека в составе производительных сил только как целостный компонент. Ибо по мере увеличения населения и усложнения производства растет разделение труда. В результате руководит хозяйством лишь небольшая часть людей, а остальные как бы «приписываются» к тем или иным элементам производительных сил, становясь «колёсиками и винтиками» гигантского хозяйственного механизма (в т.ч. и «придатками машин», по выражению Маркса). Особенности этой иерархии людей крайне важны в социсторическом анализе (о чем мы еще скажем).

Тем не менее указанные ограничения с учетом того, что сама категория производительных сил не столь идеологизирована, как «производственные отношения» не являются неустраняемыми. Используя элементно-системный и некоторые другие методы, эти недостатки можно свести до приемлемого уровня, а данный подход органично включить в более широкую систему.

Опираясь на сказанное, думаю, что лучше всего при анализе структуры производительных сил в рамках социологии истории исходить из тех условий, которые обязательны для любого производства. Потребность в этих условиях создает или приводит в действие и структурные части производительных сил. Всевозможные же комбинации этих элементов дают огромное разнообразие типов хозяйств. Кроме того, становятся более ясными и функции этих компонентов, «ответственных» за должное обеспечение условий производства. Само собой, что в примитивных обществах такие структурные элементы неразвиты и синкретичны, а основная «работа» переложена на природу. В индустриальных же системах — каждый элемент дифференцирован и может быть представлен гигантскими отраслями экономики.

⁹² В терминологии Д. Белла: игра человека с природой сменяется игрой человека с искусственной средой (машинами), а затем игрой человека с человеком.

Обязательными условиями для любого хозяйствования являются:

- наличие самих людей, включая их воспроизводство и обучение;
- наличие предмета труда;
- производство и (или) обладание средствами труда (включая само тело и мозг);
- наличие энергии для всего процесса;
- наличие коммуникаций (дорог, рек и пр.) и транспорта;
- получение, обработка и передача информации (включая и речь);
- возможность хранения сырья, продукции и пр.;
- производственное сознание (знания о производстве, позволяющие планировать и предвидеть);
- организация совместных действий людей (включая обмен, кооперацию и пр.). Я называю эту структуру «производственной организацией общества».

Итак, производительные силы состоят: 1) из предметов труда; 2) средств труда; 3) энергетических источников; 4) транспорта и коммуникаций 5) хранилищ; 6) средств связи и информации; 7) людей; 8) производственного сознания (включая технологию и науку); 9) производственной организации общества (формы и способы объединения людей на производственных единицах и последних между собой в рамках общества).

Совершенно ясно, что, во-первых, деление это условное и во многих случаях нечеткое, во-вторых, в разных случаях одни и те же вещи и люди могут структурно выполнять разные роли, в-третьих, даже эта структура все еще остается достаточно примитивной. Но ее можно представлять от этапа к этапу все более сложной⁹³. Ведь по мере развития каждый элемент стремится к тому, чтобы стать подсистемой, которая во многом копирует структуру более широкой системы. Так, например, энергетическая область включает в себя и добычу предмета труда (угля, нефти и пр.), и его переработку, и транспортировку, и в той или иной степени все остальные моменты.

⁹³ Кроме того, для разных периодов и обществ она может органически дополняться секторным или крупно-отраслевым (а то и мелко-отраслевым), географическим и пр. анализом.

По мере дальнейшего роста от этих областей почкуются новые. Область, названная хранилищной, от использования естественных хранилищ переходит к их строительству, от которого отпочковываются все новые виды. А на современном этапе, скажем, система воспроизводства людей выделяет такие крупные ныне области деятельности, как обучение, восстановление (медицина и пр.), развлечение людей и некоторые другие. Таким образом, не теряется единство социсторического анализа, но хорошо видны результаты и направления усложнения обществ.

Существует еще продукт труда, о котором будет сказано дальше.

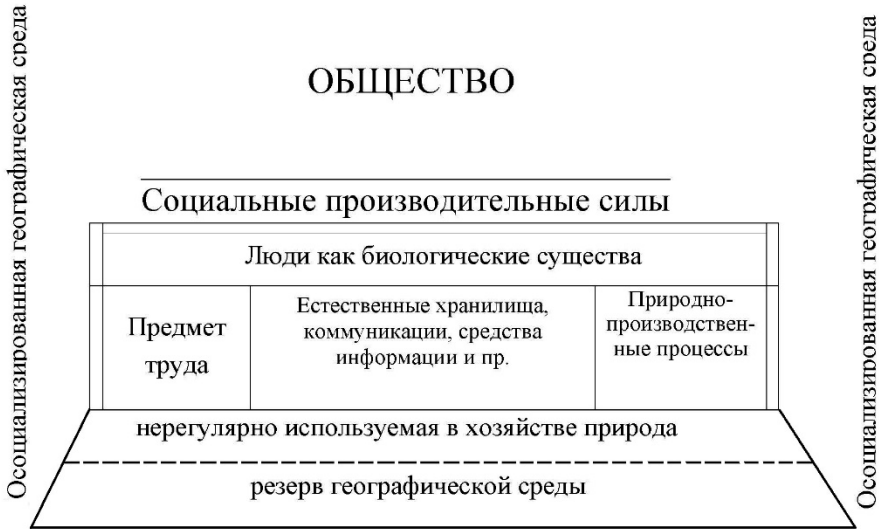
Теперь можно вернуться к природным элементам производительных сил. К ним целесообразно отнести и биологические качества самих людей (это отмечал еще и Маркс). Очевиден факт существования природного предмета труда. Реже обращают внимание на иные их элементы, игравшие в первобытности и древности огромную роль; естественные хранилища (пещеры, ямы и т.д.), средства сообщения и транспорта. Особую роль играли реки и моря. Отметим средства информации (звуки, свет, запахи, следы животных и пр.). И, конечно, энергетические источники (огонь, солнечное тепло, энергия ветра и т.п.). В производстве в той или иной степени задействованы и природные процессы: химические, энергетические и прочие, выполнявшие роль природных средств труда (копчение, вяление, заморозка продукции, полив и удобрение полей, отбеливание холстов и т.п.). Разумеется, в целом, коэффициент использования природных ресурсов в прежние времена был мал или даже ничтожен. Но и это позволяло многим примитивным обществам вполне обеспечивать свои потребности⁹⁴. Более наглядно структура природных производительных сил и всей природной основы общества видна на рис. 2 (на нем природные производительные силы обведены двойной чертой).

Описанные природные производительные силы составляют как

⁹⁴ В развитие того, что говорилось в прошлом параграфе, читатель может посчитать, что если первобытный человек потреблял 1 кг мяса в день, то в пересчете на нынешние цены это составит более 700 долларов США в год на «душу населения», а если добавить «стоимость» других продуктов, шкур, топлива и пр., то это будет выше, чем средний доход на человека во многих развивающихся странах.

бы «нижний этаж» всех производительных сил или их природный уровень.

СТРУКТУРА ПРИРОДНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Неосоциализованная природа Рис. 2

Чтобы показать усложнение производительных сил, их можно представить в виде нарастающих уровней (это пример метода срезов усложнения, о котором шла речь в прошлом параграфе). А всю их совокупность — графически в виде перевернутой пирамиды (см. рис. 3). Разумеется, границы между уровнями нечетки, а их число могло бы быть иным, чем четыре. Но это количество вытекает из наличия четырех крупных этапов в производстве, границами между которыми служат производственные революции. Чем больше таких уровней, тем сильнее меняется роль природы⁹⁵.

⁹⁵ В первобытности человек полностью приспосабливается к характеру окружающей среды. В индустриальную и современную эпохи уже, напротив, люди приспосабливают природу к своему производству и образу жизни.

Итак, первый уровень — **природный**. С переходом к сельскому хозяйству, а затем к ремеслу и торговле, возникает **природно-социальный**. Он еще очень тесно связан с природой, но хозяйство дает столь большой излишек, что возникает примитивная промышленность, переработка сельскохозяйственного сырья, специализация и мн. др. Третий — **социально-технический**. Связи производителей крайне усложняются, и на первый план выходит техника. Наконец, четвертый, еще не развернувшийся полностью, но уже мощно заявивший о себе — **научно-информационный**, куда относится и то, что называют духовным производством.

УРОВНИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ сил

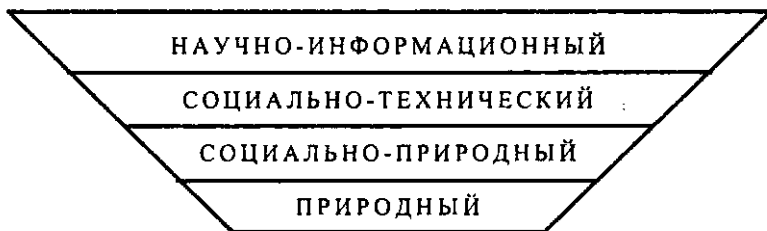

Рис. 3

Исходя из сказанного, **производительные силы можно определить как особую подсистему общества, представляющую комплекс природных, технических, энергетических, информационных и иных факторов, а также человеческих (физических, интеллектуальных, социальных и т.п.) качеств, предназначенных прежде всего для создания благ.**

Но чем такое производство благ отличается от «производства» политики, законов, знаний и т.п.? Вопрос не только не праздный, но очень важный и сложный. Собственно, без него не понять, каковы границы производственной подсистемы. В поисках ответа нам весьма помогла бы категория «труд». Тем более, что в структуре производительных сил речь идет о предмете и средствах именно **труда**. Можно даже согласиться, что «своеобразной осью

проблематики материально-производственной сферы является труд»⁹⁶. Однако несмотря на обилие исследований по этой проблеме, до сих пор остается большой сложностью отграничить труд от другой деятельности. Попробуйте найти основания для различия труда и квазитруда (т.е. бесполезной или вредной работы некоторых людей), общественной (бесплатной) деятельности, занятий политикой, хобби, воспитанием детей в семье, незаконной и преступной деятельности и т.д. и т.п. И если в любой паре труд — другая деятельность еще возможно подыскать различия, то специфического, по которому можно было бы отличить труд от любого другого занятия — вряд ли. Тем более в масштабах социологии истории⁹⁷.

Я не хочу сказать, что имею удовлетворительное решение данной проблемы, тем более, что в этой работе невозможно детально в нее углубиться. Однако высказать кое-какие соображения по этому поводу возможно. Совершенно очевидно, что понятие «труд» многозначно и употребляется в научном и политэкономическом, философском и юридическом, других смыслах. Но в рамках социологии истории, думается, важнее всего морально-историческое его значение, поскольку содержание этого слова меняется от эпохи к эпохе, от общества к обществу, а также по мере того как какая-то деятельность становится массовой, начинает продаваться на рынке труда и т.д. Причем в общественном сознании любой эпохи труд есть то, что признается таковым. Труд в целом и его конкретные формы могут оцениваться как положительно, так и отрицательно, потому что у каждого общества свой социальный вектор. (В античности, например, как известно, полагали, что работа по найму унижает свободного человека). С указанной точки зрения **труд есть то, что считается таковым в данном обществе**. Деятельность же, сходная с ним, но не оцениваемая так общественным сознанием, трудом не будет.

⁹⁶ Барулин В.С. Социальная философия. 4.1. С. 50.

⁹⁷ Если мы полагаем, что «процесс труда... есть целесообразная деятельность для создания потребительских стоимостей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 195), то чем это отличается от занятия по увлечению, где также создаются потребительные стоимости? А если труд — всеобщая возможность богатства (Там же. Т. 26. Ч. III. С. 185), то разве не помогает создавать богатства иная деятельность, например, семейное воспитание и пр., которую мы затруднимся отнести к труду. Я уже не говорю, что богатство создает также природа, а аккумулирует эксплуатация или грабеж.

Такой подход, не являясь слишком точным, все же частично способен помочь в решении крайне сложного вопроса о том, на основании каких критериев и как отделять производственную подсистему из всей социальной. А он есть, в свою очередь, часть важнейшей проблемы о принципах деления такой взаимосвязанной системы, как общество, на сферы, части и т.д. Принципы же эти ныне совершенно аморфны.

Когда возникла категория «производительные силы», собственно, речь шла о т.н. материальном производстве и природном предмете труда. Сегодня же, когда основное население ряда стран занято в сфере услуг и интеллектуальной деятельности, когда производство «духовных благ» сравнимо по объему с материальными, встаешь перед проблемой: а где, собственно, кончается производственная сфера? Не поглотила ли она все общество?

Мне кажется, что при исследовании конкретного общества, если мы будем исходить из смысла, который оно вкладывает в понятие труда, то хоть грубо границы производственной подсистемы можно будет обозначить. Более ясное представление о них и о месте производственной подсистемы в обществе в целом можно получить, если найти ответы на следующие (и некоторые другие) вопросы:

— Каковы основные цели производства и кто их определяют?

— Каковы средства, формы, направления и приоритеты их достижения?

— Какой излишек продуктов труда создается, и в какой степени он перераспределяется?

— Каковы направления, потоки и основные пропорции такого распределения? На принципах решения некоторых из этих вопросов мы остановимся в данном и следующем параграфах.

В общем же плане алгоритм разделения системы на части связан с необходимостью разграничения функций. И тут-то и видны трудности: множество вещей (например деньги), тем более люди, отношения и институты неоднофункциональны, а многофункциональны. Следовательно, в этом случае их надо учитывать по главности. Так, при попытке, скажем, выделить производственную подсистему, мы видим, что есть области

деятельности, имеющие прежде всего производственное назначение (допустим, выращивание хлеба), а есть сочетающие в разных пропорциях ряд функций (так, торговля имеет и производственное, и распределительное назначение). В других — производственная функция чаще всего неглавная (внешняя политика, разведка), есть и области, где она почти не видна.

Таким образом, мы имеем определенный теоретический фундамент для разграничения производства и иных сфер в зависимости от того, выходят ли производственные задачи на первый, второй и т.п. план. И с учетом особенностей проблемы, эпохи и общества мы будем или нет включать ту или иную деятельность в эту подсистему. При этом ясно, что границы сфер меняются от формации к формации и от эпохи к эпохе. По мере же уравнивания разных видов деятельности и все большего равноправия людей перед законом, уменьшения ограничений на занятия, использования техники в новых областях и т. д., идет как бы диффузия производительных сил от первичных секторов (и уровней) ко вторичным, третичным и т. д., где производственные функции сплавляются с иными.

Кроме того, взаимоотношения между подсистемами зависят от характера обществ. Структура военных и мирных, с натуральным и товарным хозяйством, «священных» и «светских» (по терминологии Г. Беккера) и др. очень различны. Так, в обществах военных грабителей производственная сфера сужена, поскольку их «производство» ведется в других, терзаемых ими странах. А там, где нет военной угрозы, военно-политическая сфера намного меньше, чем в беспокойных местах.

Рассмотрим теперь структурные элементы производительных сил. Начнем с самой специфической — людей, которые объединяют и приводят в действие всю систему.

В маленьких обществах, со слабым разделением труда, с небольшим населением, люди, скорее, особый, цельный элемент производительных сил. В обществах более крупных, с разделением труда, работники, с одной стороны, выступают как единый момент производительных сил, а с другой — могут быть структурированы и по иным основаниям. Например, по месту в производственном

процессе их целесообразно делить на руководителей разных рангов, исполнителей-специалистов, рядовых исполнителей и на тех, кто трудится самостоятельно (ремесленники, фермеры и пр.). Поскольку руководители либо формируют, либо осуществляют главные производственные цели, постольку с их точки зрения рядовые исполнители, которых большинство, лишь один из факторов производства, более или менее ценный в зависимости от ряда причин. Недаром же в античности все орудия труда делили на немые, мычащие и говорящие.

В литературе не раз заявлялось, что человек — главный элемент производительных сил. С точки зрения одушевленности, того, что интересы людей (правда, далеко не всех) и составляют цель производства и пр., это, бесспорно, верно. Но это внесоциальная и внеисторическая точка зрения. Если же подходить с позиции социологии истории и изменения важности роли отдельных элементов производительных сил в разных социальных и временных ситуациях, то это могло быть верным лишь в случаях совпадения редкости населения и мягкости строя (и скорее даже характернее для примитивных первобытных обществ). Чаще же людьми пренебрегали или даже жертвовали ради земли, техники и вообще осуществления производственной (или иной) цели в интересах определенных слоев. Достаточно вспомнить о рабстве в Новом свете, жестокостях ранней и социалистической индустриализации и пр.

Итак, какие функции выполняют люди в производстве? В некоторых работах отмечалось четыре: исполнительно-технологическая; транспортная; энергетическая; контрольно-управленческая⁹⁸. Несомненно, что можно выделить и другие, например, обучающую и рекреационную (восстанавливающую); информационную, научно-исследовательскую, распределительную и т.д.

В зависимости от выполняемых функций работники и «распределяются» в структуре производительных сил между предметом труда, транспортной, информационной подсистемами и т.д. Следовательно, нельзя не учитывать особую роль человека как

⁹⁸ Материалистическая диалектика. Т.4. С.220.

фактора производства, но нельзя и игнорировать столь фундаментальные различия их ролей, без анализа которых невозможно правильно понять и объяснить множество вещей⁹⁹. Не говоря уже о том, что в производстве участвуют не все люди, а в распределении произведенного — все. Люди могут быть также и продуктом труда. И это не только раб или крепостной, специально обученные для продажи, но и специалист, за которого вуз получает плату.

По мере развития общества и производства появлялись или раскрывались новые качества людей, а также и новые свойства человеческих трудовых коллективов, комбинаций человеческого и иных факторов и т.д., бывших лишь в потенции. Вместе со всей системой производительных сил их тоже можно «распределить» по четырем уровням.

В настоящее время, как уже сказано, быстрый темп развития техники, технологии, науки и пр. начинает превышать адаптационные возможности людей, в результате чего возрастает опасность их неадекватных действий, что делает неустойчивой всю общественную систему.

Мы уже упоминали о **продукте труда**. Это один из тех элементов, которые можно назвать **синтезирующими**, ибо они принадлежат сразу ко многим или всем подсистемам, фактически обеспечивают их постоянную взаимосвязь и делятся между ними в зависимости от того, где и какой продукт труда оседает. Производство этих продуктов и есть то, чего ожидает общество от производительных сил, их первая и главная функция. Образно говоря, продукт труда — это кровь или энергия, которая питает все общество.

Следует внести уточнения относительно предмета и средств труда. В любом акте производства можно выделить эти стороны, причем и в одной и в другой роли могут выступать не только неодушевленные предметы, но и люди, и животные.

⁹⁹ Например, в цивилизационных обществах при жестком делении на сословия и т.п. группы фактически производство сосредоточивалось лишь в низших сословиях, а высшие занимались управлением, войной, религией и пр. И в этом отношении подобные общества очень отличаются от дои послесословных. Именно такое сужение производственной сферы являлось основанием для Тойнби и других считать, что культура фундаментальнее производства.

При длинных и частично замкнутых технологических цепочках до появления готового продукта труда отдельных производственных актов может быть большое число. При этом средства труда нередко превращаются в предмет труда (например, машина требует ремонта) и наоборот (станок с конвейера становится из предмета средством труда). Я не говорю уже о том, что люди, оказывая друг другу услуги, выполняют попеременно то те, то другие функции.

Такая ситуация, несомненно, затруднит анализ производственной сферы. Поэтому в тех или иных областях есть смысл выделять прежде всего **главные** (один или несколько) предметов и средств труда. Например, характеризуя индустриальное общество, мы прежде всего говорим о машинах как главных средствах труда. Земледелец имеет ряд предметов труда (домашние животные, строения, корма и пр.), но главным будет именно обрабатываемая им почва.

Средства труда нельзя отождествлять лишь с техникой, ибо таковыми, как сказано, могут быть тягловые и ездовые животные, люди, природные процессы, органические и неорганические вещества и пр. Но в промышленных странах техника, без сомнения, наиболее важное звено. Техника — это реакция общества на скудость природы или слабость иных компонентов производства. В современных трактовах техники выделяется два крайних направления. Одни возводят ее в ранг главной независимой общественной переменной (У.Огборн и др.). Вторые считают ее античеловеческой, антигуманной, а то и вовсе демонической силой¹⁰⁰. Вообще же слово техника многозначно и разных определений его множество¹⁰¹.

В данной работе вряд ли требуется обстоятельно характеризовать такие элементы, как энергетические источники, хранилища, транспорт и коммуникации, средства связи и информации, тем более, что общее представление о них имеет любой читатель.

Однако есть необходимость сказать кое-что о производственном

¹⁰⁰ Одним из основоположников антитехнического направления был М.Хайдеггер (см.: Хёсле В. Философия техники М.Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 139).

¹⁰¹ В книге Дахина А.В. и Щурова В.А. «Апокалипсис технического объекта». Н. Новгород, 1992. С. 47-51 разбираются эти значения, а также приводится до двух десятков различных ее типичных определений.

сознании. Будучи коллективным продуктом социума, оно в примитивных обществах прежде всего воплощено в индивидуальном сознании отдельных работников, хотя вполне заметна и надындивидуальная его часть. По мере развития хозяйства производственное сознание разрастается в огромную область, включающую в себя хранение, передачу, обучение, создание и т.д. знаний о производстве, его планировании, технологии, управлении и пр. Занятые здесь люди составляют особые группы специалистов и интеллектуалов. Создание и обработка технологических и научных знаний и составляют основу того, что получило в нашей науке название «духовного производства»¹⁰². К нему относится не вся наука, а лишь ряд ее отраслей и направлений, хотя легко можно предположить, что чем дальше, тем большее число наук будет интегрироваться в производство. Роль науки как производительной силы общеизвестна. И сегодня все большее движение научной деятельности к тому, чтобы превратиться в часть гигантского общественного производственного механизма, вместе с информационно-вычислительной техникой определяют лицо современных производительных сил. Наука и производственное сознание в целом составляют как бы связку между материальным и духовным в обществе (точнее, одну из таких связок)¹⁰³. Будучи частью общественного сознания, они в то же время являются и частью базиса, и с этой стороны противопоставляются надстройке, куда относится общественное сознание. Это лишь подтверждает, что в общественной структуре не может быть жесткого деления и что модель «базис-надстройка» совпадает с моделью «общественное бытие — общественное сознание» лишь частично.

Более подробно теперь задержимся на производственной организации как на подсистеме, не описанной в науке. Как мы видели, существует трудность отнесения отдельных элементов к той или иной

¹⁰² К слову сказать, хотя теория «духовного производства» основывается на идеях Маркса и имеет под собой вполне реальные факты, в теорию исторического материализма, которой придерживаются ее авторы, она в целом вписывается плохо.

¹⁰³ Недаром Илья Пригожин говорит, что «наука и цивилизация действуют через технологию» (Пригожин И. Наука, цивилизация, демократия // Ежегодник: Философия и социология науки и техники. 1988-1989. М., 1989. С.9).

сфере. Многие принадлежат сразу к двум и более из них. Но такая сложность в то же время позволяет яснее увидеть механизмы и каналы взаимозависимости, взаимодополнения и взаимодействия частей системы, а также лучше объясняет большие расхождения в представлении о строении социума.

В принципе **любой элемент есть связка между какими-то другими**. Так, техника соединяет людей и предмет труда. Однако в общественной системе есть такие интеграционные структуры, в которых эта роль особенно заметна и важна. Они выступают как бы передаточными, буферными механизмами между двумя и более подсистемами, относясь одновременно ко всем из них. Такие элементы и структуры я называю **зонами интеграции**.

К числу подобных зон относится и та, которая соединяет производительные силы с распределительными отношениями (о них в следующем параграфе), а частично и с другими сферами. Этот вполне реальный (а не выдуманный) объект изучения я назвал **производственной организацией общества**. Введение такой категории делает более понятной связь производства, с одной стороны, распределения и потребления — с другой, а через них и особенности социальной и иной структуры общества. Поэтому, думается, теория данной подсистемы необходима.

Подобно тому как одну и ту же массу солдат можно объединить по-разному, от чего очень сильно меняются боевые качества армии, хозяйство при однотипных производительных силах также может быть организовано по-разному. Военная история зафиксировала немало случаев, когда хорошо обученные и организованные войска побеждали во много раз превосходящего по силам противника. Армия может превратиться в толпу охваченных паникой людей, но способна и долго обороняться, находясь в окружении. Экономическая история также свидетельствует о том, что объем и качество произведенного, уровень жизни и мн. другое часто напрямую связаны с тем, каким образом осуществляется совместное производство. Ведь «сам этот способ совместной деятельности есть «производительная сила»¹⁰⁴. Разделение труда в мануфактуре, как известно, повысило

¹⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С. 153.

производительность ручного труда в несколько раз по сравнению с ремесленными мастерскими.

Особенности производственной организации зависят, естественно, от географической среды и производительных сил, но также очень сильно от специфики политического, социального устройства общества, развитости отношений собственности, управления и права, исторических и религиозных традиций, соседнего окружения и интенсивности контактов (торговли и пр.). Производственные организации могут меняться в одном и том же обществе без переворота в производительных силах путем революции или реформ, чему мы с вами свидетели в России, где переходят от плановой экономики к рыночной. Нередко они сосуществуют (как, например в Китае, свободные экономические зоны и социалистический сектор).

Любое совместное производство фактически всегда отражает сложившийся тип неравенства и конкретный баланс интересов групп, слоев и участников. Какие-то из них всегда оказываются в более привилегированном положении, что выражается в различии ролей в производстве и распределении.

Любое производство — всегда есть начало распределения, т.е. фактический или предполагаемый раздел произведенного. Это может быть более или менее явным или скрытым, и во многом зависит от производственной организации и отношений на производственной единице. На государственном предприятии это более спрятано, чем на рабовладельческой латифундии.

Любой процесс труда предполагает его отчуждение от производителя. При работе на себя при натуральном хозяйстве это внутренний обмен (труд на результат). При товарном хозяйстве — внешний обмен. Но при этом часто в пользу иных участников процесса производства-распределения. Например, крестьянин продал урожай, чтобы заплатить налог или долг ростовщику. За отчужденный труд может даваться компенсация (полная или урезанная), в других случаях он присваивается безвозмездно.

В одних случаях труд или продукт сразу отчуждается от производителя. Наиболее яркий пример — работа на конвейере. В

других — процесс производства и распределения разомкнут во времени. Так, крестьянин может целый год работать самостоятельно, пока не придет срок платить оброк господину или налог государству. В одних случаях заранее известно, как распределится произведенное, в других — это зависит от личных особенностей участников (например прихотей помещика), от количества и качества труда работников, более или менее успешной работы всей организации и мн. др.

Итак, распределение начинается с производства. И, следовательно, производственная организация, относясь к производительным силам, непременно есть и часть распределительных отношений. Но будет ли именно производство главным узлом распределения или другой участок этого круговорота благ, зависит от общественного устройства (о чем и пойдет речь в следующем параграфе). Если отношения собственности развиты и играют большую роль, то очень вероятно, что важнейшие моменты распределения будут находиться уже в самом производстве¹⁰⁵. А если, например, главный нерв общества — сбор налогов, то основные механизмы распределения лежат вне производства.

Таким образом, в производственной организации условно можно выделить две основные части (на практике неразрывные). Те отношения, которые объединяют участников именно производственного процесса, можно назвать **производственно-организационной частью** производственной организации. А там, где в процессе производства начинается перераспределение труда и благ лежит **общественно-распределительная часть**. В этом параграфе мы главным образом рассмотрим первую сторону, а в следующем — вторую.

¹⁰⁵ Как связана производственная организация с собственностью, можно показать на таком примере. В западной экономике, особенно с послевоенного времени, в крупных корпорациях стал очень заметен процесс распыления собственности в акциях и пр. бумагах. В результате собственники очень часто не могут контролировать эффективность управления производством, не говоря уже о сложности вникания в сам процесс управления. Фактически главная роль в планировании и руководстве корпорациями перешла в руки довольно многочисленного управленческого персонала и специалистов, которых Гэлбрейт называл техноструктурой. В отличие от классического капитализма, эти управляющие больше заинтересованы не в максимальной прибыли, а в наибольшей устойчивости их фирм. Отсюда и определенная уступчивость работникам, стремление к экспансии и прочее.

Производственная организация связывает организаторов производства (руководителей распределения) и производителей внутри производственных единиц на основе типичных для данного общества способов и форм, а сами производственные единицы между собой — в общую систему. Следовательно, хотя уровней связи людей и организаций в общую производственную систему много, но особенно важно выделить два базовых. Первый — организация внутри производственных единиц. Такими единицами могут быть самые разные коллективы: от семьи (а в предельном случае и одного индивида) до громадных корпораций с числом служащих в многие тысячи человек. Внутри единиц есть своя сложная иерархия (часто весьма жесткая и даже жестокая), разделение труда, кооперация и мн. др.¹⁰⁶.

Второй уровень: связь между этими единицами — в рамках общества. Именно поэтому я и назвал ее производственной организацией **общества**. Разумеется, между ними располагается целый ряд других уровней. А поскольку существуют тесные (и все более интеграционные) отношения и между обществами, есть и надобщественные уровни, связывающие от двух до десятков обществ.

Какими же механизмами объединяются эти единицы? Их много, включая и иные, чем чисто экономические (военные, например, строительство военных укреплений; выплата даней и контрибуции; религиозные и престижные: строительство храмов, пирамид, дворцов и т.п.). Это показывает, что производственная организация связывает все подсистемы общества, причем нередко наиболее мощные воздействия производительные силы могли получать от неэкономических сфер. Может случиться, что военный, колониальный грабеж или другое прямое насилие существенно ориентирует все производство. Так возникает монокультурная экономика, например в

¹⁰⁶ В истории не перечисть типов различных производственных единиц. Для первобытности они базировались во многом на родственных отношениях. Для последующей эпохи наиболее распространенными были крестьянские дворы, часто объединенные в общины, государственные, храмовые, феодальные и др. хозяйства. Капитализм явил мануфактуры и фабрики, ближе к современности появились тресты, концерны и другие монополистические объединения и т. д.

Вест-Индии или Африке. Так, по-особому формируется крестьянское или городское хозяйство в странах, которые постоянно грабят.

Однако грань между экономическими и неэкономическими механизмами для доиндустриальных обществ провести отнюдь не просто. Например, сегодня налоги, помимо фискальных задач, выполняют роль рычагов управления национальным хозяйством. Они также очень важная связка между государством, производителями и потребителями, но далеко не единственный экономический механизм связи общества. А вот в государствах древности и средневековья, особенно на Востоке, они являлись, быть может, наиболее мощным объединителем бесчисленных крестьянских хозяйств. Но скорее не экономическим, а внеэкономическим механизмом.

Чем сложнее производительные силы, тем большую роль играют такие способы, как **кооперация и специализация**, ставшие в настоящее время исключительно разветвленными. Так, детали для одного изделия, допустим автомобиля, могут изготавливать на сотнях предприятий в разных странах. Важнейшим способом объединения производственных единиц издавна являлась **торговля**. В индустриальной экономике, базирующейся на частной собственности, как известно, **рынок** является главным объединителем и контролером. Но при социализме эту роль выполняют планирующие и контролирующие органы государства. Нечто подобное наблюдалось и в некоторых государствах прошлого. **Государственное регулирование хозяйственной деятельности** было важным фактором производственной организации во многих странах.

Производственная организация есть целостная система, а потому хотя и крепко связана с производительными силами, однако обладает и собственными особенностями, инерцией и ритмом. И в зависимости от них изменения в ней могут происходить легче или сложнее, быстрее или медленнее, вести к сильным или не очень общественным конфликтам и т.д. Связанная с надстройкой, она может как сдерживаться в развитии последней, так и сама ее сдерживать, останавливая, скажем, политические или правовые изменения.

Именно в этой части наиболее ясно проявляется закон

соответствия производительных сил и производственных (распределительных) отношений. И это несоответствие постепенно выражается в общественных идеях, требованиях, программах, конфликтах.

В рамках старой производственной организации могут складываться новые, больше соответствующие развившимся производительным силам (или хотя бы их отдельные элементы).

Различные обстоятельства, казалось бы, случайные в данной производственной организации, могут оказаться настолько благоприятными или неблагоприятными для нее, что способны стать катализаторами изменений или, напротив, ее возрождения. Например, когда появилась широкая возможность для польских помещиков вывозить хлеб за границу, это привело к резкому усилению крепостного права, росту барщины и уменьшению крестьянской самостоятельности. Нечто подобное было и в ряде районов России. Хотя формально отношения собственности остались прежними, производственная организация претерпела большие изменения¹⁰⁷.

Мы рассмотрели некоторые узловые проблемы, связанные с анализом природно-производственной основы общества и структуры производительных сил. То, как создаются блага, каковы ресурсы и возможности, а равно первичные потребности общества, очерчивает как бы первый круг представлений о нем. Но он еще слишком широк и аморфен. Поэтому совершенно необходимо понять, каким образом, кому и на основании чего достаются эти блага.

СТРУКТУРА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

¹⁰⁷ Еще пример. В конце XVIII в. была изобретена хлопкоочистительная машина Э. Уитни. К этому времени плантационное рабство в США стало приходить в упадок, поскольку очистка хлопка была настолько трудоемким делом, что не позволяла расширять объемы его производства. Так, на очистку одного фунта хлопка уходил целый рабочий день. Новая машина повысила производительность в сотни раз. И рабство воскресло с невиданной силой, рабовладельческие плантации захватывали все новые и новые территории и штаты.

Рис. 4

§ 4. Распределительные отношения

В этом параграфе речь пойдет об отношениях, с помощью которых осуществляются различные перемещения и преобразования благ, прежде чем они доходят до потребления. Поскольку это один из самых идеологизированных вопросов, потребовались дополнительные пояснения. В результате объем параграфа увеличился, и я был вынужден разделить его на части.

Анализируя данную проблему, невозможно обойти тему собственности. Но этот институт рассмотрен главным образом под определенным углом: как одна из разновидностей более широких отношений. Я назвал их **распределительными**. Однако поскольку читатель еще не готов полностью к введению такого понятия, в первом

и втором пунктах настоящего параграфа указанные отношения и соответствующая подсистема будут называться **имущественными**.

п. 1. Введение в проблему

В прошлом веке политэкономия была наиболее развитой из социальных наук, поэтому неудивительно, что делались попытки перенести ее категории и методы на философию и теорию истории.

Политэкономия выделяла четыре фазы оборота и соответственно четыре типа отношений, связанных с созданием и распределением благ: в производстве, в обмене, узком распределении (между агентами и факторами производства и с помощью государства) и потреблении. Таким делением пользовались разные школы. Из всех отношений, связанных с этим оборотом, иногда главными объявлялись обмен, порой — распределение или даже потребление. Но гораздо чаще в качестве стержневых выделяли отношения собственности, представляя их как сущность имущественных отношений любого общества.

Разумеется, для такого предпочтения имелись основания и причины: фактическое господство частной собственности на Западе с нового времени (а кое-где и раньше)¹⁰⁸; наличие развитых отношений собственности в античности, история которой была известна тогда гораздо лучше, чем история Востока; прямое влияние римского частного права и другое. В исследуемом нами аспекте также важно отметить недостаточное различие теории исторического процесса и того, что я называю социологией истории. В результате **отдельная линия всемирной истории, связанная с развитием частной собственности, выдавалась за тип развития любого общества**. Неудивительно, что и апологеты, и противники частной собственности преувеличивали ее значение. Первые полагали ее вечной, вытекающей из человеческой природы, находя ее элементы уже в животном мире;

¹⁰⁸ Отражение этого — различные утопии и теории, появившиеся с XVI в. Так, Джеймс Гаррингтон (XVII в.) выдвинул мысль о том, что формы государства, его законы и учреждения зависят от распределения собственности в обществе, «баланса владения землей» (См.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977. С. 22).

вторые — видели в ней главное зло. И до сих пор этому институту уделяется повышенное внимание.

В марксизме преувеличение роли отношений собственности получило исключительное направление¹⁰⁹. Они определялись как центр экономического базиса, доминирующего над политической и юридической надстройкой. Возникновение частной собственности объявлялось причиной формирования классов и рождения государства; она же характеризовалась как главный способ эксплуатации, а ее уничтожение — как основная возможность построения справедливого общества. Смена форм собственности на средства производства стала критерием периодизации истории. Таким образом вся общественная теория строилась, по выражению Д. Белла, вокруг «оси собственности». Поэтому не ошибусь, если скажу, что с категорией собственности в историческом материализме связана вся его основа и сердцевина. Его противники постоянно критиковали этот экономический детерминизм. Однако и сегодня он еще очень живуч. А теория собственности не только не подвергнута основательной ревизии, но по-прежнему в своем политэкономическом варианте довлеет над умами даже лучших отечественных ученых. И когда ищешь причины многочисленных несоответствий известных концепций и исторических фактов, неизбежно приходишь к выводу, что важнейшая из них — преувеличенная роль таких понятий, как «отношения собственности на средства производства», «формы собственности на средства производства» и т.п.

Поэтому я вынужден уделить повышенное внимание рассмотрению проблем и недостатков применения этих категорий в разных аспектах. Иначе многое в дальнейшем изложении будет непонятно. Но, разумеется, здесь нет системного анализа отношений собственности. **Моя цель — обосновать причины введения новых категорий и применения особых подходов при изучении**

¹⁰⁹ Помимо указанных моментов важнейшую роль играла его революционная направленность. Были также и причины, связанные с историческими и гносеологическими корнями марксизма (в первой главе настоящей работы об этом кое-что говорилось). В.П. Илюшечкин в целом ряде своих работ постоянно анализировал эти причины (См., например: Илюшечкин В.П. О происхождении и эволюции понятия «феодализм» // Народы Азии и Африки. 1987.

№ 26; его же. О соотношении и взаимосвязи теории общественных формаций и политической экономии // Вопросы философии. 1988. № 4).

имущественной подсистемы общества в рамках социологии истории, а также показать соотношение этой сферы с другими. Однако поскольку теория исторического процесса и социология истории ясно не разделены, придется затронуть более широкий комплекс проблем.

Начнем с выяснения, почему имущественная сфера не является всегда (или в основном) доминирующей над другими, как полагает марксизм. Схематически такое преобладание выглядело следующим образом. Класс собственников на средства производства, пользуясь своей мощью в экономике, определяет или жестко контролирует политическую и правовую системы (например, выделяя «исполнительный комитет») и соответственно занимает верхнее место в социальной системе (поскольку главный классовобразующий признак — отношение к средствам производства). Действительно, достаточно близкие к этой модели ситуации имели место (например, Венеция XIII—XVI вв. или Англия после парламентской реформы 1832 г.). Но уже с введением всеобщего избирательного права нередки случаи, когда правительство опирается не на крупных собственников, а формируется левыми партиями, представляющими голоса мелких собственников или вообще несобственников. При этом интересы крупных владельцев могут быть приносимы в жертву народной политике. Тем более это характерно для обществ, где демократия не устоялась, где огромное влияние имеют чиновники и их отдельные группы (чему мы и являемся свидетелями в России). Что же касается централизованных монархий, то даже Ленин отмечал относительную самостоятельность абсолютного самодержавия от высших классов. Тем более это справедливо для стран, где крупные собственники никогда не были в почете.

Теперь можно и ответить на поставленный вопрос. В предыдущих параграфах неоднократно говорилось о том, что идею абсолютного доминирования одной сферы надо отбросить как порочную. Причины введения базиса, для всей социологии истории подробно объяснялись¹¹⁰. Но определение имущественной сферы даже как

¹¹⁰ Причем было сказано, что этот базис очень широк и в каждом обществе может быть представлен лишь отдельными своими компонентами. Иногда такую базисную роль играет и

базиса для всей социологии истории было бы неправомерно. Во-первых, как сказано, выделение базиса, единого для всей социологии истории, нецелесообразно потому, что в разных случаях на данную роль выдвигаются разные подсистемы. Поэтому такую операцию удобнее делать в более узких рамках, например в рамках одной формации. Во-вторых, если бы вопрос был поставлен жестко, то логичнее было бы таким базисом² объявить политическую сферу уже потому, что ее легче вычленишь, чем имущественную. Другая причина состоит в том, что имущественные отношения (тем более отношения собственности) чаще всего предполагают неравенство, которое нередко ощущается как несправедливость. И поскольку они затрагивают интересы всех членов общества, то чтобы оставаться стабильными, этим отношениям требуются охрана от посягательств и опора на власть. Причем роль государства может быть «весомой, грубой, зримой», а может «прятаться» за правом. Разница тут колоссальная, но не будем забывать, что и право в конечном счете — упорядоченная мощь государства. Без такой поддержки или защиты указанные отношения приобретают иной характер: либо подчиняются какой-то силе, либо организуют собственную силовую организацию.

В соотношении имущественной и политической сфер возможно несколько типичных вариантов. Вышеописанная марксистская модель, где частная собственность — сердцевина отношений, вокруг функционирования и охраны которой вертится все, лишь один из них. В соответствующих обществах имущественная подсистема гораздо более автономна, чем в других, и в огромной степени регулируется правом. Однако даже сегодня таких государств меньшинство. Примем подобная система, если правительство не сглаживает полярность имущественного расслоения, далеко не всегда является стабильной¹¹¹.

Другие варианты не отвечают описанной схеме. Очень часты

собственность на средства производства, но не как имущественное отношение, а как часть производительных сил в составе производственной организации.

¹¹¹ Когда отношения собственности рассматриваются как несправедливые, а государственная машина может временами переходить в руки малоимущих (вернее, их лидеров), неизбежны имущественные перевороты. История Древней Греции дает тому много примеров. В нынешних развитых странах частная собственность, во-первых, поддерживается общим богатством; во-вторых, огромной системой социального перераспределения и ростом роли образования; в-третьих, уже выработанным в обществе убеждением (в том числе и на опыте стран, где прошли революции), что такой порядок выгоднее большинству.

случаи, когда привилегированные группы пользуются своим особым положением, чтобы извлекать экономические выгоды, но в состоянии делать это только через политическую власть. И не отдельно, как собственник, а лишь находясь в системе административной машины, будучи ее колесиком и винтиком. Причем в таких эгалитарных обществах с частными собственниками не считались, а лишь терпели их. В подобном случае имущественная сфера ясно не выделяется, спаяна с политической и иными. И это не просто затрудняет ее анализ. Нет, это требует совсем иных подходов к нему. Раз присвоение благ происходит прежде всего через государство, все имущественные отношения надо рассматривать под соответствующим углом, поскольку здесь, по удачному выражению П. Бергера, налицо «политическое распределение»¹¹². Нередко можно говорить также о социальном или идеологическом распределении.

Еще один (но не последний) вариант — строй, где преобладают крупные собственники, но нет единого сильного государства. Тогда они сосредоточивают военную, судебную и прочую власть и мощь в своих руках, что и составляет процесс феодализации.

Социальная структура также лишь в особых случаях определяется исключительно владением собственностью. Пожалуй, чаще для этого имелись иные основания: рождение в определенной семье, принадлежность к общине (гражданство) или корпорации (духовенство), определенные занятия, получение должности и пр. При этом, конечно, высшие слои чаще обладали большим имуществом, чем низшие. Однако не всегда. Так, торговцы могли быть презируемыми, но более богатыми. Исторический материализм полагал, что смена форм собственности (из-за доминирования этих отношений в социальной системе) неизбежно ведет к стадийным изменениям во всемирной истории. Поскольку мы говорим о социогисторических основаниях теории исторического процесса, есть смысл затронуть и этот аспект проблемы. Будет важным показать, что, если отказаться от идеи, что собственность определяет

¹¹² Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994. С. 24.

имущественную подсистему, а через нее и всю остальную структуру, окажется легче отойти и от того, чтобы за критерий периодизации брать смену форм собственности.

Я только хотел бы напомнить, что в рамках социологии истории первоочередная задача — найти общее во всех системах, независимо от их прогрессивности, генетической связи с современностью и прочего, и только затем на этой основе классифицировать их на группы. Следовательно, и концептуальная роль такой, например, категории, как «частная собственность», в этом плане не столь важна, как обычно представляют, поскольку в большинстве обществ (до сравнительно недавнего времени) эти отношения были неразвиты и (или) имели малое значение. Не столь фундаментальна она и для одной из задач теории исторического процесса — показать общие (формационные) черты имущественной сферы. В данном случае нам важнее, что формация есть стадия, к которой можно отнести большинство исторических обществ (хотя одни доходят до этого уровня самостоятельно и раньше, а другие несамостоятельно и позже). Иное дело, когда речь идет о причинах перехода отдельных обществ к новому, что открывает и путь к новой формации (ее этапу). Здесь как раз важнее отличия, особенность, уникальность. Следовательно, и роль частной собственности гораздо больше.

Нельзя отрицать, например, связь расцвета культуры в Афинах и развития там частной собственности; рывка Западной Европы в XIII—XVI вв. и наличия там достаточно развитых правовых отношений частной собственности и т.д. Но надо ясно понимать, что **такого рода проходные общества и особые институты являются скорее исключениями, поскольку переход к новому не идет в ряду обычного, типичного, а есть результат прорыва в месте складывания нетипичных, исключительных условий.** И значит, если признавать важную роль отношений частной собственности как движущих сил перехода к качественно более высокому, надо одновременно понимать, что такие отношения до определенного момента не могли быть типичными. В то же время они и не могли в какой-то степени не существовать во многих обществах, ведь новое

качество не появляется из ничего. Поэтому неверно утверждать, что частная собственность, скажем, в XIII—XVI вв. была только в Европе, а в остальных странах отсутствовала. Нет, она имелась в большинстве государств того времени. Однако была либо неразвита, либо подавлена и искажена иными отношениями, либо получила развитие лишь в отдельных секторах и т.д. И лишь в европейских странах она стала одним из важнейших и перспективнейших имущественных отношений, тем самым обретая иное качество по сравнению с ее состоянием в других обществах. Здесь налицо результат перехода количества в качество.

Наибольшие возражения теория собственности вызывала в обосновании выделения рабовладельческой и феодальной формаций. Однако критика в этом плане подрывала и всю пятичленную теорию. В то же время имелось и имеется немало вариантов сохранения последней путем модернизации или реконструкции обеих концепций. Такие попытки обычно связаны с расширением толкования содержания понятия собственности, например, государственную собственность объявляют предельным случаем частной (Алаев, Семенов и др.) и с развитием понятийного аппарата теории собственности (Семенов, Илюшечкин и др.). Но это лишь усложняет ситуацию, не решая проблем по существу. Укажу на некоторые трудности. Во-первых, в рамках каждой формации существует не одна, а ряд форм собственности, общие черты которых лежат глубже, чем обычно полагают. Особенно много проблем с рабовладением и феодализмом. Даже сами названия форм собственности этих периодов не только не несут какой-то новой информации об общих свойствах подтипов собственности, но во многом и искажают реалии¹¹³. Фактически в большинстве случаев они говорят нам меньше, чем понятия частной, условной, государственной или иных подтипов

¹¹³ «... Мы сталкиваемся с определенными терминологическими трудностями, связанными с тем, что для сравнения обществ по критерию собственности разные виды собственности должны выделяться по межформационным признакам, нейтральным по отношению к формациям (сравнение невозможно без общего мерила сравнения). Однако уже имеющиеся не являются формационно-нейтральными и несут значительную идеологическую нагрузку» (Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975. С. 101.).

собственности¹¹⁴. Хотя и в меньшей степени, но сказанное относится также к первобытнообщинной и капиталистической формациям¹¹⁵.

Во-вторых, «порядка», соответствующего логике теории способа производства, в смене форм собственности не прослеживается. В древности иногда обнаруживаются «капиталистические» формы, а классическое рабовладение «забредает» в новую историю (Юг США, страны Южной Америки). Вступившие в ранний капитализм страны проводят повторное закрепощение крестьян (некоторые государства Германии). На базе индустриальной экономики вдруг вырастают азиатские («политарные») отношения, как в СССР, или рабство военнопленных (нацистская Германия), или расовый феодализм, как в ЮАР. В аграрной преимущественно стране существуют самые передовые капиталистические отношения (Новая Зеландия). И т.д. В-третьих, нет четкой связи между развитием производительных сил и сменой форм собственности: нередко радикальная смена последних не связана с аналогичными изменениями в первых (Китай, например, классический образец чередования государственного и частного землевладения), а коренной производственный переворот, в свою очередь, не ведет к смене отношений собственности (Англия после промышленной революции). Все это фактически противоречит идее, заложенной в категории «способ производства».

Если все же попытаться построить схему развития типов собственности, то очень приблизительно она могла бы выглядеть так: **коллективные** формы первобытности еще очень слабо выражены именно как собственность. Постепенно они сменяются более **дифференцированными** и **персонифицированными**: вождеской, государственной (царской), корпоративной (храмовой) общинной, условной (ленной) и кое-где частной. Но отношения собственности только в отдельных обществах достаточно развиты. В целом отличие

¹¹⁴ Причем в юридическом плане рабовладельческая или феодальная формы могут не отличаться от буржуазной (например, в Римской империи или в царской России), а могут не иметь с ней ничего общего.

¹¹⁵ Например, в свете последнего исторического опыта очевидно, что социалистическая (государственная) форма собственности не есть более высокая по сравнению с капиталистической. Куда же ее отнести? Наиболее логично представить как подтип формы собственности индустриальной формации. Но тогда названия «капиталистическая, буржуазная» становятся узкими.

этих форм от классической частной в том, что все они более или менее **ограничены** социально-политическими рамками социума, и часть населения не может; быть субъектами этих отношений. В новое время растет роль **частной** собственности, которая в определенном плане становится **неограниченной** (и в то же время она ограничена в плане прав на человеческую личность). Но в новейший период усиливается процесс ее распыления, что во многом меняет и ее характер: появляется возможность контролировать и использовать в своих интересах огромную собственность не будучи главным владельцем (акционерные общества, холдинги и пр.). С другой стороны, частную собственность контролирует государство. Такой тип можно назвать **контролируемым**, поскольку растут ограничения, роль управляющих и государства.

Однако и эту условную схему сложно сделать основой для периодизации. О критерии периодизации и о формационных чертах имущественной сферы мы еще будем очень обстоятельно говорить во второй части.

п. 2. Отношения собственности в аспекте социологии истории

Теперь мы можем перейти к социсторическому аспекту применения категории «отношения собственности». Задача: **показать, что в рамках социологии истории объявить их ведущими, определяющими имущественную подсистему, невозможно или непродуктивно. Необходимы иные подходы к анализу этой сферы, которые бы органически включали в себя и теорию отношений собственности как очень важного момента.**

Трудности начинаются с определения собственности. Вроде бы ясное на первый взгляд, на деле это понятие рыхлое и нечеткое. Причем его дефиниции недостаточно учитывают то, что в разные эпохи и в разных обществах понятие «отношения собственности» во многом имеет несходный смысл, ибо «в каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях»¹¹⁶. В результате в системе отношений

¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С. 168.

собственности на первый план выходят разные моменты. Ведь иногда главное — именно обладание благом или его потребление. Но иной раз суть заключается «не столько во владении вещью, сколько в праве запретить третьим лицам пользоваться ею, если они не уплачивают собственнику определенные суммы»¹¹⁷. Ключевыми могут оказаться: безопасность или престиж, привилегии или обязанности собственника; степень его свободы и контроля за ним; налоги; права тех, кого собственник привлекает к эксплуатации объекта (арендатор, наемник), связь собственности с монополией или привилегией и т.п.

В анализе этих отношений можно отметить: расширительное и суженное толкование собственности; акцент на юридическом и фактическом ее аспектах.

В западной науке более традиционно расширительное толкование собственности, к которой относят порой даже Дотации, субсидии, социальные пособия, а то и вовсе знания, образование и т.п. Такой подход растворяет специфику собственности в других имущественных отношениях¹¹⁸.

В марксизме закрепилось узкое толкование: главными в производственных отношениях полагали именно собственность на средства производства, а остальная собственность признавалась как бы производной от нее (вопреки факту, что наиболее скорое обогащение всегда совершалось именно в обращении: спекуляциях, откупам, ростовщичестве, торговле и т.д.). Такое сужение чрезвычайно обедняет теорию и делает ее во многих случаях малопродуктивной.

Почему же неверно делать упор в анализе отношений собственности только на средства производства? Такая модель удобна, когда в обществе преобладает частная форма собственности

¹¹⁷ Жамс Э. История экономической мысли XX в. М., 1959. С. 93.

¹¹⁸ Расширительное понятие собственности имеет почтенную традицию. Так, например, французские дворяне до революции полагали своей собственностью не только землю, но и все привилегии. Людовик XVI при открытии Генеральных штатов в 1789 г. говорил: «Его величество понимает мает под названием собственности десятину, чинш, ренту, обязательные феодальные и по отношению к помещику и вообще все права и прерогативы, полезные и почетные, связанные с землями и поместьями, принадлежащими частным лицам» (Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789-1793 г. М., 1979. С. 157).

на средства производства, и если главная социальная коллизия проходит между собственниками и несобственниками. Однако так бывало лишь в сравнительно редких случаях. Там, где господствовала государственная собственность, имущественные отношения регулировались прежде всего административными способами: запретами, указами, налогами и т.п. В обществах с более дифференцированной собственностью существовали разные варианты. Например, в торгово-купеческих государствах нерв имущественных отношений проходит именно в сфере обращения, возможности контролировать рынки ценного сырья или сбыта¹¹⁹. Главными эксплуататорами могли порой выступать собственники средств обращения (денег, товаров): откупщики, монополисты, ростовщики, скупщики, спекулянты, финансовые группы, банки. Причем через займы государству либо через получение особых льгот, прав, информации и прочего они могут грабить все общество сразу.

Достаточно часто главными оказываются не отношения между собственниками и несобственниками, а между различными группами собственников. Примеров, когда производитель-собственник подвергается эксплуатации и дискриминации со стороны более сильных владельцев денежных или товарных средств, сколько угодно¹²⁰. Таковы были, например, отношения в Афинах накануне реформ Солона, где процветало ростовщичество, а крестьяне лишались земли и свободы за долги. А разве не грабились ремесленники и земледельцы скупщиками, предпринимателями-кредиторами? Не господствовал ли финансовый капитал в некоторых странах, например во Франции эпохи Луи-Филиппа? Не так ли в прошлом и начале этого века в США железные дороги душили фермеров, а крупные монополии разоряли мелкие фирмы, как прежде фабрики обрекали на нищету самостоятельных хозяев? При этом важно отметить, что более сильные группы используют не только, а порой не столько право собственности, но и возможность злоупотреблять им, монополизм,

¹¹⁹ И военно-политическая деятельность финикийских городов, Ганзы, Генуи, Венеции и многих других была направлена прежде всего на охрану и увеличение этих выгод, чтобы сохранять возможность перераспределять в свою пользу средства многих стран.

¹²⁰ «Эксплуатация в таком случае происходит не в процессе производства, который всегда одновременно является и процессом первичного Распределения этого продукта, а после завершения этого процесса в ходе его перераспределения» (Семенов Ю.И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. № 1. С. 163).

близость к власти, обман, коррупцию и прочее и прочее. Не наблюдаем ли мы похожее сегодня в России?

Итак, не только собственность на средства производства, но и собственность в сфере обращения может выступать в ряде случаев как главное и решающее отношение.

Кроме того, исторически отношения частной собственности возникают первоначально, как правило, именно в средствах обращения (шкурах, пушнине, скоте, престижных вещах и пр.). И известно много раннеклассовых государств, в которых существовали активная торговля, деньги и пр., но не было частной собственности на землю (такова была, например, Русь в X — первой половине XI в.). Да и само понятие «средства производства» меняется от эпохи к эпохе, а границы между ними и средствами обращения (потребления) условны и во многом зависят от научной задачи. При полунатуральном хозяйстве, скажем, деньги — средства обращения. Но в развитом товарном, вероятно, могут в определенных случаях быть и средствами производства. Ведь продукция (и капитал) должны постоянно менять форму с вещественной на денежную, согласно знаменитой формуле Маркса Д-Т-Д'. Тем более сложно провести такую границу в современном хозяйстве, где потоки благ, денег, ценных бумаг и других символов переплетаются и перекрещиваются, где часть производства есть процесс «производства» денег и финансовых средств.

Ситуация для анализа усложняется в связи с тем, что налицо масса случаев, когда формально собственник один, а распоряжаются объектом другие, причем эта цепочка иногда довольно длинна, а отношения регулируются не правом, а другими (силовыми, незаконными и полузаконными, ранговыми и т.п.) вещами. Россиянам достаточно вспомнить, как это происходило в СССР и происходит в России, чтобы в образах представить ситуации.

Сказанное подводит нас к еще одной трудности при анализе отношений собственности в социологии истории: соотношению их юридической формы и фактического содержания. Наиболее удачно, конечно, когда они достаточно близки, хотя совершенно очевидно, что **правовая форма и реальное владение в масштабах общества никогда полностью не совпадают**. Однако в каких-то случаях — это погрешность, которую можно не принимать во внимание, а в других

— это означает, что нужны прежде всего иные понятия для анализа, чем «собственность». Причем в социологии истории лишь в меньшинстве случаев можно говорить о совпадении юридической и фактической сторон. Ведь наиболее развитые законы и институты имеются как раз в обществах с развитой частной собственностью, каковая вообще появляется относительно поздно. До нового времени (и даже много позже) таких было немного (это торгово-купеческие и античные государства). В остальных обществах отношения собственности слишком осложнены и запутаны личными, со-словно-ранговыми, прямым насилием, всевозможными запретами и обычаями, чтобы юридический или политэкономический анализ оказался продуктивным. Имущественная сфера здесь слабо дифференцирована от других, а понятие собственности сильно отлочно от классического.

Таким образом, с одной стороны, буквальное следование праву дезориентирует нас: ибо очень часто закон лишь много позже санкционирует фактическое положение, уже давно признанное общественным мнением. Но с другой — игнорировать юридическую форму немисливо, поскольку отношения собственности нуждаются в порядке, стабильности, устойчивости, другими словами, в регулировании, невозможном без хоть какого-то (пусть даже обычного) права. Опять-таки без опоры на законодательство мы лишаемся ориентира в том, как разграничить отношения собственности и другие имущественные. Мне думается, что первый ориентир для такого различия — полагать, что **собственность есть право, санкционированное государством, или иной властью, имеющей достаточный авторитет, или хотя бы устойчивой традицией (давностью), т.е. это легитимное право.** Отсюда запрещенная, незаконная деятельность в области имущественных отношений является пограничной к санкционированной. Для каких-то задач их можно объединить, но чаще она не может быть отнесена к отношениям собственности. Следовательно, в обществах, где такая деятельность составляет значительную, тем более основную, часть и где свое право надо отстаивать не законным порядком, а силой, мы, пытаясь все видеть через призму собственности, часто искажаем факты,

либо игнорируем наиболее важную сторону. Если же вспомнить, что существует и масса ситуаций экспроприаций, конфискации, секуляризаций и им подобных действий государств, властей и групп, которые в основном выпадают из легитимной практики, как и любой грабеж, обман, смена «правил игры» к своей выгоде, то число указанных трудностей возрастет многократно. Следовательно, не учитывать юридическую сторону и оставаться на позициях теории собственности — значит загнать себя в тупик. Если же придерживаться правовой формы — невозможно особо выделять собственность только на **средства производства**.

И попытки видеть лишь юридическую сторону, и желание любые отношения представить как фактическую собственность ведут к модернизации истории¹²¹. Баланс между юридической и фактической стороной очень трудно установить в неразвитых обществах еще и потому, что, во-первых, это часто не двух-, а многосторонние отношения, причем объем прав каждого участника порой не разграничен и зависит от совсем иных, чем закон, вещей. Во-вторых, права всех или многих собственников бывали сильно ограничены. Так, в условиях феодализма земля может принадлежать одновременно государству, целой лестнице землевладельцев и, наконец, крестьянину, причем по-настоящему распоряжаться ей из них не может никто (государство не в силах отобрать ее, землевладелец — продать, крестьянин — отказаться от обработки и т.п.). При этом роль отношений собственности прямо связана с длительностью и устойчивостью такого комплекса и с дефицитом ресурсов. Если, например, свободной земли нет, принуждения требуется меньше, если

¹²¹ Так, частная собственность в античности давала основания говорить об античном «капитализме». Однако сходство между ним и промышленным капитализмом примерно такое же, как между государствами древнего Востока и советским социализмом, но достаточно ли корректно толковать о египетском или шумерском, тем более античном «социализме», как это делают некоторые ученые?

Такая модернизация отмечалась отечественными исследователями. Например, Израиль писал, что тенденция считать всю докапиталистическую эксплуатацию основанной на собственности фактически связана с подтягиванием этой эксплуатации к буржуазной. При этом феодал выглядит как сдающий крестьянину в аренду дом и участок на собственной земле; вождь племени, эксплуатирующий своих соплеменников, выглядит получающим прибыль от общинной земли как от своей собственной и т.п. (См.: Израиль В. Я. Указ. соч. С. 98).

ее много — больше.

В юриспруденции собственность толкуется как право пользования, распоряжения и владения объектом. Исходя из этого, некоторые ученые (Семенов, Израитель и др.) предлагали рассматривать ситуации, когда имеется лишь право пользования или пользования и владения как неполную собственность. В некоторых случаях это может быть полезным приемом, но в других — не годится. Ведь чем менее полной и устойчивой является такая собственность, тем слабее ее роль и соответственно сильнее значение иных, чем «чистая» собственность, вещей: силы, умения пользоваться ситуацией и случаем, борьбы интересов и пр. Между тем такие отношения по факту очень часто неустойчивы, преходящи, подвижны, подвержены колебаниям и изменениям.

Итак, трудностей (число которых легко умножить) в применении теории собственности более чем достаточно. И перед нами встает дилемма. Можно ли, несмотря на указанные сложности, расширить это понятие до разумных пределов, чтобы представить его как относительно главное в имущественной сфере в рамках социологии истории? Или же в любом случае категория «отношения собственности» окажется недостаточной, чтобы дать ключ к пониманию комплекса имущественных отношений любого общества любого периода? Конечно, первый путь не заказан. Но он только сначала кажется более простым. На деле он обременен столь большими ограничениями и неточностями, что будет малоэффективен. И я твердо убежден, что второе утверждение более верное.

Можно сформулировать несколько тезисов в его защиту (которые дальше мы аргументируем). Использование понятия собственности в вышеуказанном плане ведет, во-первых, к экстраполяции более современных отношений на менее современные и к модернизации истории. Во-вторых, недоучитываются слишком большие различия между развитой частной и другими видами собственности (прежде всего государственной). В-третьих, во многих обществах главные способы распределения связаны не с отношениями собственности. В-четвертых, отношения собственности имеют много общего с иными

имущественными, следовательно, на теоретическом уровне все они равноправны и представляют разновидности отношений, которые можно охватить более абстрактной категорией.

Экстраполяция более поздних отношений на архаичные Имеет многообразные проявления. Между тем развитые формы собственности очень отличаются от тех, что видятся нам как неразвитые (тем более от квазисобственности). И важно отметить, что многие из последних оказались тупиковыми. Иными словами, они не представляют просто более раннюю стадию частной собственности, способную вырасти в нее со временем. Нет, если позволено, это не соотношение ребенка и взрослого человека, а соотношение обезьяны и человека. Поэтому и роль отношений собственности в них совсем иная, чем в обществах с развитой частной собственностью. И неудивительно, что в период колониализма (да и сейчас еще) во многих случаях современную частную собственность приходилось просто «пересаживать» в туземную почву, поскольку прежние формы с ней не «скрещивались».

Глядя ретроспективно, можно увидеть коллективную и личную формы собственности и на самом раннем этапе развития человечества так же, как при желании их можно «обнаружить» и в животном мире. Но что такое «собственность» рода или племени? Она, по сути, нужна, главным образом, для охраны от внешних посягательств со стороны других коллективов, т.е. это своего рода государственная или административная «граница». И она не объяснит ни обычаев распределения, ни причин неравенства, выделения знати, как государственная граница немного скажет об экономическом строе страны. Такая «собственность» еще во многом напоминает «собственность» семьи животных, охраняющих свою территорию от других особей.

Сам процесс разложения первобытности и образования раннеклассовых государств в гораздо более редких случаях осуществлялся как результат выделения слоя (класса) частных собственников. Напротив, чаще социально-ранговые и личные различия, принадлежность к тем или иным группам, коллективам, близость к «сильным людям» или удачливому руководителю и т.д.

могли закрепляться и получением определенной доли собственности, причем, как отмечал Гизо, «земля получала тот или иной статус, смотря по тому, в какой степени был силен землевладелец»¹²². По сути, виды собственности отражали ранговый характер социальной или военно-социальной (обычно резко усложненной завоеванием) структуры. Впрочем, мы видели, как в процессе приватизации в России и объем, и статус собственности очень сильно зависели от прежнего или приобретенного социального (должностного) положения или близости к «сильным» людям. То же следует отметить относительно возможностей защитить приобретенное.

В сословно-ранговых и военных обществах отношения собственности (особенно как раз на средства производства) еще не получают должного развития либо строго контролируются и подавляются. Нередко частные собственники не только не могли влиять на власть, но и были запуганы, обираемы, а то и презираемы¹²³.

Можно, кстати, вспомнить, что ряд наших историков уже давно защищает идею разного значения института собственности в обществах, где господствуют вещные и личностные отношения. Вещные — отношения с большой ролью института собственности и характерны для обществ с товарно-денежными отношениями, особенно для капитализма. Здесь связь людей по поводу имущественных благ более основана на юридическом равенстве, и потому их права в принципе безразличны к конкретной личности. Стержень личностных отношений (типа клиентских, серважных, вассальных и пр.) — именно личные зависимости и повинности, причем имущественные права сильно обусловлены общественным статусом человека и рассматриваются через призму его социальной роли и личных обязательств (преданности, зависимости и т. п.). Это более характерно для обществ с натуральным или полунатуральным

¹²² Цит. по: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т.1. С.529.

¹²³ Если, например, законы Ману декларируют, что все, что существует в мире — это собственность брахмана, который имеет право на все это Следствие превосходства рождения, то совершенно очевидно, что отношения собственности в подобном обществе будут искажаться.

хозяйством¹²⁴.

В описанных моделях очень различен и тип потребления. Потребление как цель деятельности может порой оказывать колоссальное влияние на весь производственно-распределительный процесс. При натуральном хозяйстве оно ограничено как в размерах, так и в формах. При расширении рынка потребности растут в геометрической прогрессии. Адам Смит замечает по этому поводу: «В стране, где отсутствует внешняя торговля, крупный землевладелец, т. к. он не может обменять большую часть продукта своих земель, которая остается после покрытия расходов на содержание обрабатывающих землю людей, употребляет целиком на деревенское гостеприимство себя в поместье. Если этого избытка хватает на содержание ста или тысячи человек, он может его использовать не иначе, как на содержание ста или тысячи человек». Но как только крупные землевладельцы «находят способ потреблять всю стоимость своих доходов, они утрачивают всякую готовность делиться ими с кем-либо другим. За пару бриллиантовых пряжек или за что-нибудь столь же суетное и бесполезное они платили такую цену, которая соответствовала стоимости содержания тысячи человек в течение года, а вместе с тем отказывались от того влияния и власти, которое это могло давать им»¹²⁵.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: **чем менее развиты меновые (товарно-денежные) отношения, тем сложнее применять понятие собственности и тем важнее иные отношения: родственные, сословно-кастовые, военно-политические и пр.**

Можно также отметить, что **чем более трудной являются защита или подтверждение имущественных прав, чем чаще это**

¹²⁴ «Неотъемлемая черта феодализма... — господство межличных, прямых социальных связей и их преобладание в раннефеодальном обществе над отношениями чисто вещного типа. Эта черта не есть специфический Признак феодализма, ибо она характеризует любую формацию, в которой Товарное производство не становится регулятором общественной жизни. Но без непосредственных личностных отношений между людьми нет феодализма. Недостаточный учет этого признака социальных систем в докапиталистических формациях — серьезное препятствие для достаточно глубокого их понимания» (Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 221).

¹²⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Л., 1935. Т.1. С. 348, 351.

приходится делать своими силами, а не с помощью закона, общества или государства и через посредников (юристов), чем менее обеспечена безопасность собственности (и собственника), тем слабее развиты отношения собственности и труднее применять эту категорию для анализа имущественной сферы. Хорошим показателем развитости является также иерархия ценностей в общественном мнении (сознании), которое может ставить на первое место по важности сословное положение, либо должность, деньги, либо что-то иное¹²⁶.

Рассмотрим теперь соотношение государственной и частной форм собственности. Известно множество примеров, когда государство сосредоточивает в своих руках главные объекты производства и наиболее выгодные монополии (соляную и пр.). Эти общества и относят к азиатскому (государственному) способу производства. Причем в доиндустриальную эпоху они преобладали¹²⁷.

Бесспорно, что обе формы могут сосуществовать и переходить друг в друга. Причем, когда господствует частная собственность, государственная вбирает в себя многие ее черты. А когда наоборот, то частная приобретает качества государственной, в том числе умение использовать силу, привилегии и злоупотреблять властью. Но в любом случае между ними очень большие различия.

Первое из них состоит в том, что от лица государства-собственника выступает распорядитель, который обычно не отвечает личным имуществом за свои действия¹²⁸. Значение таких распорядителей связано с характером общества. Но весьма нередкий случай, когда слишком много зависит от их личных качеств и мотивов. Второе заключается в том, что цели властей сильно разнятся от целей

¹²⁶ В этом плане характерно высказывание князя Владимира Святого (Крестителя): «Серебром и золотом не найду я храброй дружины, а с Удалою дружиной найду серебро и золото».

¹²⁷ Попытки объяснять возникновение государства, классов и эксплуатации развитием в первую очередь частной собственности очень ограничили и запугали исследователей. В результате стали «находить» частную собственность там, где ее не было. В противном случае пришлось бы Признать, что подобные государства со слабым развитием частной собственности были неэксплуататорскими. Именно в теории собственности завязка проблем азиатского способа производства, теорий доклассового государства и им подобных.

¹²⁸ Любопытно, что при распылении собственности в виде акций в Крупных корпорациях, как отмечают уже с Бёрнхема, происходит отеснение собственников наемными руководителями фирм.

обычных собственников, поскольку очень часто связаны не с получением прибыли, а с укреплением режима, порядка и пр. Третье — в том, что во множестве государств (и до сих пор) не обладание собственностью открывает путь к власти, а наоборот — обладание властью дает путь к обогащению¹²⁹. Наконец, следует отметить, что, поскольку у государства в отличие от обычного человека есть в руках закон, сила и мощная организация, роль собственности часто просто отходит на задний план как маловажная. И поэтому в понятии «власть-собственность», нередко употребляемом в нашей науке, главное — именно власть.

Существенные особенности имеют также коллективная, корпоративная и другие виды собственности, но мы на них останавливаться не будем. Заметим только, что **чем более не определен собственник, отношения и объекты собственности, чем больше посредников между полюсами отношений, чем больше коллектив собственников и менее обозначены доли каждого, тем меньшую роль играют отношения собственности во всем комплексе имущественных.** И чтобы господствующая государственная собственность перешла в частную, нужны или децентрализация, или перестройка многих общественных и имущественных отношений. Отметим также, что в большом бюрократическом государстве с государственной собственностью ее роль тем меньше, чем больше чиновников, возможностей для произвола, сильнее налоги и прочие повинности.

Весьма условно можно сказать, что **собственность вообще (независимо от формы) — это возможность распределять блага в свою или третьих лиц пользу с помощью утверждения права распоряжения какими-либо объектами и запрещения таких действий другим.** Однако такое право должно быть не только определенным образом оформлено (законами, повелениями,

¹²⁹ Национальная местная буржуазия, «пришедшая в государственные учреждения на волне освободительных движений» «поняла также, что политическая власть предоставляет определенные возможности приобрести власть экономическую. И эти возможности, «заложённые» в ее политической власти, были лучшим, а возможно, и единственным средством создания экономической основы бюрократической национальной буржуазии...» (Аке К. Политическая экономия Африки. М., 1985. С. 175).

обычаями), но и опираться не на одну голую силу, а и на иные моменты (легитимности, священности, привычки, общей пользы и пр.). Ибо для господства отношений собственности при прочих равных условиях необходимы **определенная стабильность и уважение сильного (власти) к правам других собственников**. Чем больше, стало быть, государство соблюдает свои обязательства перед подданными и чем меньше склонно к пертурбациям, тем больше может быть роль госсобственности. Но она в любом случае очень отлична от роли частной собственности.

Отсюда логичен вывод, что полученное путем грабежа, конфискаций, завоеваний и тому подобных вещей (особенно при крупных имущественных переворотах) длительное время лишь формально является собственностью, лишь номинально кажется ведущей частью в тандеме «сила-собственность». На самом же деле главное здесь именно сила, укрепляющая новый порядок. Безусловно, завоеватель может быть уверен в своем праве владеть захваченным и объявлять своей собственностью завоеванное (подобно тому, как Вильгельм Нормандский объявил в побежденной Англии леса своими и запретил там охотиться)¹³⁰, но прежде чем такая собственность станет поддерживаться не силой преимущественно, а правом, проходит длительное время. И только тогда, если больше не было резких перемен, отношения собственности могут стать ведущими.

Между тем в истории до самого последнего времени право сильного господствовало где постоянно, а где периодически, результатом чего бывали имущественные перевороты, экспроприации тех или иных имущих слоев или корпораций, грабеж населения (в том числе и путем порчи денег, инфляции) и т.п. Так что происхождение собственности очень часто соответствует знаменитому афоризму Прудона, что она есть кража (или грабеж, разбой, обман и т.п.).

Таким образом, чем бóльшую роль в регулировании имущественных отношений играют сила и принуждение, чем меньше

¹³⁰ Автор книги о Мавритании говорит по аналогичному поводу: «То обстоятельство, что страна была завоевана, дает ее сегодняшним жителям по их собственному убеждению, больше прав на эти земли, чем если бы они жили на них тысячелетиями» (Ковальска-Левицка А. Мавритания 1981. С.73).

самостоятельности и добровольности у участников этих отношений, чем заметнее неимущественные (сословные, властные и пр.) различия между их сторонами, тем меньшее значение имеют отношения собственности. Теперь нам яснее, когда роль этих отношений становится важнейшей: **когда есть разные виды собственности, но преобладает частная, господствуют рыночные отношения, общество правовое, но собственники имеют определенные политические преимущества.** Во многих других случаях на первый план выходят иные отношения. Об этих ситуациях мы и поговорим.

Собственность лишь один из способов получать ту или иную долю благ. Для людей же в конечном счете наибольшее значение имеет не сам факт владения объектами, а возможность иметь и потреблять определенный объем благ. Способы их присвоения весьма разнообразны (о чем далее мы будем говорить подробнее). По связи же с отношениями собственности их можно разделить на три группы: несвязанные или малосвязанные с ними; элемент собственности обязателен, но не решающ; роль собственности преобладает¹³¹. Кратко рассмотрим первые две группы.

Думается, что в нашей общественной теории роль насилия занижена. Между тем нельзя забывать, что в «действительной истории крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой — одним словом, насилие»¹³². Целые империи расцветали за счет военной добычи. Существовало немало обществ, главная цель членов которых была направлена на грабеж соседей. Я уже не говорю о пиратстве, контрибуциях, обычном разбое. Еще более распространены были даннические отношения, которые могли существовать столетиями.

В вышеописанных случаях связь с отношениями собственности обычно отсутствует или слаба. Она становилась заметнее при завоеваниях и упорядоченной эксплуатации захваченного. Но мы уже говорили, что собственность в такой ситуации лишь форма, лишь

¹³¹ Причем, если «определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С. 168), то, чтобы определить собственность добуржуазных обществ, надо дать описание многих сословных, военных, политических и идеологических отношений.

¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 726.

повод облечь голую силу в закон. Когда побежденных сгоняют с земли или запрещают им охотиться, когда ограбленных за сбор колосков расстреливают или гноят в лагерях, разговоры о праве собственности лишь затемняют суть. Во многом аналогично обстоит дело с такими явлениями, как конфискации, экспроприации, проскрипции, секуляризации, национализации и т.п. Чем менее цивилизованно общество, тем меньше там связь с собственностью, а больше с силой.

Такие виды имущественных отношений, как принудительные работы (иногда эта барщина была ведущей формой, как в государстве Инков), церковная десятина и налоги, также могли не иметь связи с собственностью (например, подушная подать) или быть с ней крепко связанными. Но в любом случае **институт налогов — это право государства, вытекающее из его верховной власти, а не из госсобственности**. И хотя ретроспективно налоги могут казаться в ряде обществ именно следствием монополии государства на землю, это обманчивое впечатление. Когда вслед за Марксом многие отечественные ученые говорят о «ренте-налоге», думаю, что «рента» — просто дань политэкономии. Главное все-таки — налог. Ведь налоги прекрасно собираются и с собственников. Причем и там, где преобладала частная собственность, налоги и государственные повинности с крестьян могли быть существенно больше того, что те платили сеньорам. Такова была ситуация, по мнению ряда исследователей, во Франции перед революцией 1789 г.

На протяжении всей истории цивилизаций в большинстве обществ главным оставалось перераспределение через налоги. Однако в XIX в. в ряде европейских стран и США они перестали быть ведущей формой имущественных отношений, уступив свое место частной собственности. (Видимо, это и было одной из причин преуменьшения их Роли в экономической и социальной науке.) Но с 30-40-х годов XX в. ситуация меняется. В современных государствах через бюджет перекачивается иногда 30-40, а иногда 50 и даже более процентов всего национального дохода страны, причем львиную часть расходов составляют социальные платежи. Очевидно, что такого рода возможности государства вытекают не из государственной и тем более не из частной собственности, а из иных имущественных и социально-

политических явлений¹³³.

Ситуаций, когда имущественные отношения представлены в комплексе, очень много. Но в одних собственность — решающий элемент, а в других — обязательный, но менее важный. Последние и рассмотрим. Если монопольное право дает такой доход, что и часть его не получить при конкуренции; или если торговое общество живет за счет особого географического положения или силой препятствует торговле с выгодным партнером — это именно такие случаи. К ним также можно отнести обогащение за счет слияния с властью, получения особой информации (например для игры на бирже), льгот, неэквивалентный обмен, использование беспомощного состояния людей (голод, бедствия, война), запретов (типа максимума зарплаты), принуждение к труду на кого-либо и т.п. В этих случаях связь с собственностью обычно обязательна, но достаточно часто не является главной. Сказать, что они определяются собственностью так же правомерно, как заявить, что и в семейных отношениях главная сторона — имущественная, поскольку без имущественных отношений обычно семьи не бывает и есть семьи, в которых эти моменты ведущие.

Для разграничения собственности и иных имущественных отношений в обществах современного типа с развитым правом требуются дополнительные пояснения. Как мы уже выяснили, собственность здесь — это **устоявшиеся, санкционированные властью и общественным мнением отношения, вытекающие в основном не из права сильного, а из права юридического, т.е. включают в себя большую или меньшую добровольность сторон и их равенство перед законом, достаточную свободу деятельности.**

Кроме того, важно, что объект отношений собственности должен более или менее легко отчуждаться от собственника. Ведь хотя в принципе объектом собственности может быть все, часть объектов всегда из этих отношений исключена. Существует также

¹³³ Неудивительно, что среди экономистов и социологов распространены мнения, что теориями чистого обмена и собственности уже не обойтись, а их надо дополнить влиянием феномена власти, силой различных групп и социальной направленностью тех или иных институтов. Особое развитие эти взгляды получили во Франции. Одна из наиболее известных работ на эту тему принадлежала Ф. Перру и так и называлась «Власть и экономика».

много прав, имущественных или с ними связанных, которые принадлежат только конкретному лицу и не могут быть отчуждены. Используя выражение одного историка, можно сказать, что они находятся «на границе собственности»¹³⁴.

Исходя из изложенного, из отношений собственности надо в этом случае исключить (помимо того, что уже говорилось о незаконной деятельности, прямом насилии, налогах и пр.) всевозможные привилегии и выгоды, полученные не экономическим, а политическим путем (исключительные права, освобождение от налогов, особые субсидии и пр.), преимущества и права, вытекающие из факта, что человек является гражданином определенного государства (членом неэкономического коллектива), которые нельзя отчуждать. Это социальные пособия, пенсии, некоторые страховки, права на образование, лечение и пр. Наконец, и труд не есть собственность. Поскольку его отчуждение имеет большую специфику, а сам он не существует отдельно от труженика. Правильнее полагать, что труд, работа по найму — это вид личной услуги (правда, в последние эпохи особенно распространенной). Важно отметить, что в современных условиях в ряде стран, например в США, Доля труда в распределении доходов составляет 3/4, а доля владельцев собственности — только 1/4.

Однако совершенно ясно, что различные имущественные (и даже часть неимущественных) отношения и сейчас, и в прежние эпохи более или менее легко, но могут переходить в отношения собственности и наоборот. (Так, «грязные» деньги становятся признанной собственностью, та, в свою очередь, — источником налога, а последний превращается в социальное пособие и т.д.) Причем эти метаморфозы исключительно разнообразны, многочисленны и играют важную роль. **Подобные совместимость и взаимообусловленность подтверждают, что отношения собственности не будут явлением более высокого таксономического уровня по сравнению с другими имущественными отношениями. Нет. Они однопорядковы. Мало того, у них есть общие родовые черты (об этом дальше). Следовательно, их можно обобщить более широким понятием.**

¹³⁴ Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937. С.118.

Конечно, отношения собственности для социологии истории — одни из самых важных, в ряде случаев важнейшие, ибо «характер распределения дохода сильно зависит от первоначального распределения собственности, от приобретенных или унаследованных прав»¹³⁵. Но важное не означает, что эта категория способна «покрыть» все остальные имущественные отношения.

Когда мы выделяли базис, перед нами стояла задача создать модель, помогающую в ряде случаев анализировать структуру общества в аспекте ведущих проблем социологии истории. Мы делили общество на две части и никаких иных промежуточных уровней между всей системой и этими частями не было. Иное дело — с отношениями собственности. Между ними и обществом по крайней мере один (а скорее больше) пропущенный уровень: особая подсистема (имущественная), правильно очертить которую и мешает акцент на базисности собственности.

Теперь, думаю, достаточно ясно, что хотя и можно пытаться представлять собственность как имущественное отношение, в рамках социологии истории, но это непродуктивно и ведет к искажению фактов, модернизации истории, отказу от поиска родовых черт всех имущественных отношений, затемнению момента неразрывности во многих случаях имущественных и иных общественных отношений.

п. 3. Понятие распределительных отношений

Итак, несомненно, что во всех отношениях, связанных с круговоротом благ, имеется нечто общее. Эти родовые свойства мы будем анализировать чуть позже. Пока же попробуем определиться с обозначением категории, которой их можно обобщить. Разумеется, не в названиях суть. Главное — отказаться от взгляда, что в данной системе всегда доминирует собственность. Тем не менее весьма желательно, чтобы термин наиболее точно описывал ситуацию. В этом плане рассмотрение плюсов и минусов альтернативных понятий позволяет прояснить некоторые довольно важные моменты проблемы.

Если исходить из того, что главное звено процесса движения благ

¹³⁵ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С.57.

в каждом конкретном случае может находиться не только в производстве, но и в обмене, распределении или потреблении, то правомерно было бы вернуться к категории «производственные отношения». Но, конечно, это не самое удачное решение. Не говоря уже о том, что с данным понятием связаны вполне определенные ассоциации, оно слабо подходит к целому пласту распределительных явлений: насильственных (в том числе по отношению к соседям, колониям), незаконных и пр.

Логично также было бы остановиться на нейтральной категории «экономические отношения», что очень часто и делают исследователи, правда, не имея в руках достаточно ясной теории. Если бы речь шла только об индустриальных обществах, то указанное понятие пусть не совсем, но в основном отвечало бы задаче. Но даже с учетом того, что это слово может иметь более или менее широкое значение, в любом случае для социологии истории такой «экономизм» искажает картину. Ведь для многих обществ и эпох характер распределения благ можно определить как **до** или **внеэкономический**. Опять же по смыслу эти отношения должны быть связаны с экономикой, а во многих государствах доиндустриальной эпохи производство и потребление социально Разорваны, т. е. резко различны и доминирует последнее (например, в содержании двора, армии, церкви и пр.). Я уже не говорю об обществах, главная часть «экономики» которых заключалась в грабеже и сборе дани.

Также следует обязательно отметить, что в любом обществе, помимо благ произведенных (или обменных), в «котел» распределения попадают и блага иного происхождения. В традиционные эпохи особо следует отметить военные трофеи, невольников, дань; в новое время — поступления от колоний, работорговли, пиратства, контрибуции и пр. Во многих странах продавались государственные (офицерские), церковные и прочие должности, гербы, титулы, родословные, ранги и т.п. У ряда диких народов даже личные духи, божки, талисманы были предметом обмена. А вспомним, каких объемов достигала в средние века в Европе торговля различными церковными реликвиями и индульгенциями. Распространены были случаи самопродажи и продажи детей в

рабство. Примеров подобного рода множество. Таким образом, система движения благ **много шире обычного представления об экономических отношениях**. Сказанное относится и к термину «имущественные отношения», мало подходящему, скажем, к социумам, главное «имущество» в которых — еда. Он также имеет и тот недостаток, что предполагает более стабильную и правовую обстановку, чем она могла быть. Кроме того, фактически в таких отношениях очень большую роль могут играть сословные или групповые привилегии, запреты и ограничения, не всегда ощущаемые именно как имущественные. Для решения поставленной задачи я ввожу, как наиболее удачный, термин **«распределительные отношения»**. Их нельзя путать с понятием **распределения** в узком (политэкономическом) смысле. **Такое распределение лишь часть распределительных отношений**. Последние также намного шире того, что обычно понимается под экономическими или имущественными отношениями (тем более шире, чем эксплуатация, поскольку в обществе масса случаев добровольности или полудобровольности). Теоретически все механизмы или случаи (одного таксономического уровня) здесь должны рассматриваться как равноправные: будь то собственность или грабеж побежденных; свободный найм с юридическими гарантиями или принудительный труд военнопленных; первобытный обмен дарами или развитая торговля, национализация или проскрипции; налоги или хлебные раздачи и т.д.¹³⁶.

Есть и иные, даже более основательные причины введения понятия **«распределительные отношения»**. Можно сказать, что почти в любом акте, звене, механизме, связанных с «циркуляцией благ» (Леви-Строс), присутствует в той или иной степени момент их

¹³⁶ Иногда я встречал такие возражения против указанного термина «распределительные отношения», что хотя перечисленные явления и достаточно распространены в истории, но они есть как бы отступление от «нормы», «правильных отношений», каковыми выступают отношения собственности. Тут Можно лишь повторить сказанное в п.1. В таком возражении смешаны два подхода. «Норма» в плане перспектив исторического процесса часто как раз есть исключение, а «отступления от нормы» гораздо более распространены, и ото порой объясняет трудность или невозможность перехода к качественно более высокой ступени развития. В социологии же истории задача — найти способы анализа всех (желательно без исключений) вне зависимости от их близости к «генеральной линии».

распределения. Следовательно, с этой стороны данная категория является достаточно емкой и широкой, чтобы обобщить существенные сходства внешне не похожих явлений. В самом деле, разве не говорят об отношениях собственности на средства производства как об отношениях «по распределению средств производства»¹³⁷? В принципе распределяется все: факторы производства и места в производственной иерархии; товары через рынок; средства через бюджет; налоги, штрафы, внешние контакты и т.д. С этим кругом распределения тесно связаны и иные круги: распределение власти, должностей, престижа, прав, известности, славы, информации и т.п. — всего того, что так или иначе связано (или может быть связано) с получением определенных материальных и иных преимуществ (выгод)¹³⁸. Очевидно, что это очень сложный круговорот и специфики здесь сколько угодно. Так, этнологи нередко представляют отношения в примитивных обществах как особую систему распределения и обмена продуктами, праздниками, дарами, редкостями, женщинами и др.

На основе изложенного можно сформулировать и идею о некоторых свойствах благ, которые правомерно считать глубинными, ми и универсальными, и даже о целой системе таких качеств. Но разумеется, речь идет не о физических свойствах или признаках, присущих вещам самим по себе, а о социальных, т.е. таких, которые возникают у благ только как у объектов отношений между людьми, только как у субстрата этих отношений.

Первым отметим **полезность**, включая и то, что в политэкономии описывается понятиями потребительная стоимость (предельная полезность). Но только часть таких благ обладает еще и **дефицитностью**, т.е. их всегда меньше полной потребности. В системе распределения участвуют именно дефицитные блага. Однако судьба их бывает очень различна. То, какими способами блага отделяются от владельца (производителя), какой путь прodelывают, между кем и в

¹³⁷ Семенов Ю.И. Всемирная история как единый процесс... С. 169.

¹³⁸ «Этот основанный на **распределении** жизненно важных занятий и благ порядок, охраняемый правом и упорядоченный собственностью и семейным началом, и есть то, что называется человеческим обществом», — писал немецкий историк Лоренц фон Штейн (Цит. по: История политических и правовых Учений. М., 1981. С. 320). (Выделено мной. — Л.Г.).

каких пропорциях делятся, составляет смысл двух тесно связанных категорий: **отчуждаемости и распределяемости** благ.

В некоторых случаях их можно рассматривать и как единое свойство. Способность благ отрываться, отделяться от того, кто ими обладает (производит, контролирует), с учетом степени насилия при этом, т.е. **отчуждаемость**, во многом подчеркивает общий уровень распределительных отношений. Это понятие поэтому станет исходным для введения очень важной категории теории исторического процесса — тип **отчуждения благ и личности**. Способность же благ определенное или неопределенное число раз переходить из рук в руки, делиться на какое-то количество частей между претендентами на них, свойство их в связи с таким разделом приобретать разную социальную форму — **распределяемость** — показывает нам общую основу для объединения всех этих часто непохожих моментов и актов в единую систему в обществе — **распределительные отношения**. Это качество связано с самим жизненным оборотом общества, которое, чтобы функционировать, должно иметь ту или иную систему перераспределения благ. Но оно также связано и с неизбежным неравенством людей.

Распределительный оборот предполагает и фазы, этапы, моменты этого цикла, также опирающиеся на некоторые свойства благ. Кроме отчуждаемости, важно отметить **принадлежность и эквивалентность**. Первое, как ясно, связано с полным или частичным, прямым или косвенным, постоянным или временным обладанием благами и соответственно с понятием собственности, контроля и т.п. Второе — показывает свойство благ замещаться, обмениваться и приравняться друг к другу и входит в содержание категорий обмена, рынка, стоимости и пр. Можно сказать также о способности благ **аккумулироваться** в виде общепризнанных ценностей, что сильно влияет на весь характер распределительных отношений. Чем легче собирать, хранить, делить и передавать блага, тем выше развиты в обществе обмен, отношения собственности и имущественное неравенство.

Мне кажется очень важным, что удалось докопаться до таких абстрактных свойств, которые дают естественную основу и для

выделения целой подсистемы, и для приведения разнообразия этих отношений (включая и собственность) к единому знаменателю. Теперь очевиднее, что все они, действительно, имеют родовые черты. Доказать общность этих отношений и составляет сейчас нашу задачу. Но чтобы не впасть в объективизм, не следует, конечно, забывать ни об их различиях, ни о том, что любое абстрактное свойство в реальности представлено в разной пропорции и комбинации и никогда не существует в чистом виде. Поэтому стоит заметить, что переход одних распределительных отношений в другие на практике не всегда осуществим или нередко происходит болезненно. Разумеется также, что далеко не все в данной конкретной Действительности будет отчуждаться и распределяться. С этой стороны история могла бы предстать как процесс включения (исключения) объектов в «циркуляцию благ». Общества сильно отличаются тем, что вовлечено в оборот, может быть объектом обмена, собственности, что способно распределяться иными способами: через государство, церковь и т.п. Чрезмерные ограничения отчуждаемости и распределяемости, естественно, сковывают общество, нарушают его мобильность. Но и ситуация, когда все продается и покупается, обменивается и разленивается — ведет к его разложению. Неудивительно, что власти постоянно ищут баланс между крайностями, то легализуя (ослабляя контроль) какую-то деятельность, то запрещая ее.

В распределительном круговороте сливаются четыре потока благ: природные; созданные в производстве (произведенные); живой труд (услуги); социальные. Последние можно разделить на две группы: различные эквиваленты (деньги прежде всего), титулы и права на получение благ (общественные «иероглифы», по выражению Маркса) и т.п.; и связанные с социальным положением, властью, престижем и пр.

Все виды благ могут быть реальными или мнимыми, но особенно это важно для ряда социальных благ (денег, акций, ценных бумаг, прав, каких-то обещаний и т.п.). Блага могут иметь разную форму: натурально-вещественную, символическую (титулы, деньги, права), живого труда (услуги), социального признания (подчинение, уважение, авторитет, слава и т.п.).

Следует сделать несколько пояснений относительно живого труда (услуг). То, что это — одно из важнейших благ, очевидно. Но как он отчуждается? Ведь труд не существует отдельно от человека, как вещь. Думаю, что можно представить его как комплекс больших или меньших потерь для человека (времени, физической, умственной или нервной энергии, здоровья, сил и т.п.), а также физических или моральных неудобств. Все это требует определенного насилия (внутреннего или внешнего к человеку, прямого или косвенного). Поэтому условно можно считать, что такого рода процесс предполагает полное или частичное **отчуждение личности**. Составляющие личность блага и свойства как бы распределяются между физическим и фактическим (юридическим, временным) владельцами: рабочим и предпринимателем, хозяином и слугой и т.д. Такой процесс приспособляемости (социализации) людей хорошо показывает тесную связь между распределительными и иными отношениями. Процесс отчуждения личности, конечно, связан не только с трудом, не только даже с такими явлениями, как институт слуг, приобретение наложниц и жен, но и вообще с определенной очень важной стороной жизни людей.

Между производством и потреблением благ никогда не бывает совпадения. Во-первых, в производстве участвуют не все, а в потреблении все, от грудных младенцев до стариков. Ведь если люди могут не работать, не заниматься политикой или искусством, быть равнодушными к религиозным или национальным различиям, то не есть и не получать минимум благ они не могут. Во-вторых, очень часто производители оказываются в худшем положении, а паразитические и привилегированные слои — в гораздо лучшем. Поэтому, хотя, с одной стороны, потребности заставляют людей трудиться, но с другой, — помимо труда, существуют иные возможности и способы их удовлетворения, в большинстве исторических обществ — более выгодные, удобные, быстрые, приятные и престижные, чем труд. В этом отношении люди оказались весьма изобретательными. Помимо грубой силы, существует и психологическое насилие, обман, пропаганда, закон, традиция, занятие наиболее выгодных должностей и мест, присвоение и обладание собственностью, привилегии и

неравноправие, запреты и поборы и т.п.

Итак, **распределительные отношения есть отношения, связанные с процессом движения и распределения благ в самом разном виде во всей общественной системе самыми разными способами.** Поскольку распределительная сторона присутствует почти везде, процесс этот может быть представлен более или менее широко. Принцип отграничения данной подсистемы примерно такой же, как и производительных сил: учитывая значимость данной функции в данной ситуации, подсистеме, аспекте и т.д. И подобно тому, как мы говорили о роли категории «труд» в обозначении границ производства, здесь для этого можно использовать понятие «блага» (речь идет не только о материальных, но и духовных и иных благах). В зависимости от задачи объем содержания этого термина может быть больше или меньше. В любом случае необходимо говорить о типичных потребительских (произведенных) продуктах, общепринятых эквивалентах (деньгах в первую очередь), о живом труде (услугах), каких-то материальных объектах (земля, скот и пр.). Часто трудно обойтись без учета прямых прав на получение благ (собственность, очередность, карточки и пр.), поскольку и сами эти права становятся моментами распределения. Наконец, можно включать и не столь определенные (часто косвенные), но весьма большие возможности, порождаемые получением (наличием) тех или иных социальных благ (знатность, известность, прописка, личные связи и т.п.). Однако поскольку эти последние многофункциональны, нас они интересуют в первую очередь в аспекте получения той или иной доли общественного пирога.

При анализе комплекса распределительных отношений выявляются как бы две проекции: реальное и идеальное (предположительное) распределение. Первое опирается на второе, но никогда не совпадает с ним. Иногда это просто колебание вокруг средней линии, иногда расхождение очень велико. Несовпадение прав и возможностей с действительностью не только факт, но и во многих случаях важнейший источник противоречий, конфликтов, борьбы. Это несовпадение образует своего рода разницу в виде незаконной деятельности, обмана, обесценивания собственности, ножниц между

общественным статусом и доходом и пр. Причем можно смело сказать, что чем сильнее такое несоответствие, тем больше проблем в обществе, которое либо в упадке, либо плохо устроено, либо конфликтно, переходно и т.д. Одновременно мы видим уровень самосознания и самопознания общества, соблюдения его законов и принципов. Это также дает ключ к пониманию направления политики общества, связанной с попытками преодолеть или уменьшить такое расхождение или институционализировать его и пр. (например постоянная борьба с дефицитом при социализме, инкорпорирование новых профессий и слоев в кастовую систему и т.д.). Яснее видна также результирующая линия, связанная с колебаниями, удачами и неудачами в этом плане.

Итак, введение категории «распределительные отношения» кажется достаточно удачным. Ее достоинства:

1. Дает возможность охватить очень широкую систему отношений, опираясь на их родовые черты, позволяет их уравнивать и сравнивать.

2. Более предпочтительна для социологии истории, так как не модернизирует архаические отношения, в то же время позволяет моделировать их типы для групп обществ и отдельных стадий развития. Также удобна для анализа экономики современных государств, проводящих колоссальное перераспределение через бюджет, всякого рода фонды и пр.

3. Позволяет выделять главные и второстепенные направления и моменты в системе распределительных отношений любого конкретного общества, причем разными способами.

4. Лучше объясняет социальную структуру общества, а также причины изменений в экономических укладах, не связывая их с формационным движением.

5. Нагляднее показывает связь различных подсистем общества.

6. В это понятие хорошо вписываются в качестве вариантов его более низких таксономических единиц такие термины, употребительные в антропологии и этнологии, как «реципрокный обмен», «редистрибуция», «контроль за распределением ресурсов» и пр.

7. Разнообразные концепции доминирования собственности, обмена, госраспределения или других институтов при соответствующей интерпретации могут найти в этой теории свою область приложения.

Следует сделать ряд пояснений. Как уже сказано, распределительные отношения глубоко проникают и интегрируются в другие подсистемы: ведь блага, подобно крови, должны дойти до всех клеток социального организма. Но экономическая часть распределительных отношений может составлять центр (ядро) последних и оказывать мощное воздействие на все остальные части подсистемы, а может занимать периферийное положение. От чего это зависит? Конечно, от роли собственности и других институтов, характера общества в целом. Но с другой стороны, понять этот характер помогает иерархия ценностей и интересов социума. То же, что составляет предмет наибольших желаний, можно назвать своего рода **знаменателем благ**, поскольку к нему как к наиболее значимому приравниваются общественные статусы других категорий благ. В результате создается определенная социально-психологическая направленность поведения людей. Иногда бывает один главный «знаменатель», например принадлежность к сословию, место в государственном аппарате, земельная собственность, деньги и др. Помимо главного, есть еще и достаточно важные дополнительные. Иногда сосуществуют несколько более или менее равнозначных «знаменателей» (особенно в больших и переходных обществах) и образуется как бы несколько частично изолированных систем (комплексов)

Многие западные историки экономики используют такой общественный закон: плохие деньги вытесняют хорошие. Другими словами, если одновременно в хождении разные валюты или металлические деньги (например золотые или серебряные), среди них могут выделиться более и менее предпочтительные. Все желают получать первые, а расплачиваться вторыми. Таким образом, более предпочтительные деньги становятся «хорошими» и исчезают из оборота. Аналогично можно было бы сказать, что наиболее сильные, влиятельные, энергичные, удачливые, преступные и прочие члены

общества стремятся к получению наиболее предпочтительного вида благ. И последние становятся все более дефицитными и все более желанными. Причем престижность «знаменателя» далеко не всегда совпадает с реальностями экономического развития (особенно в переходных обществах), так как очень многое зависит от силы привычки, традиций, социальной роли тех или иных слоев.

Можно говорить и об особом **социальном «векторе»** как результирующей такой социально-психологической направленности и мотивации поведения, а также формирования и воздействия соответствующих институтов. Естественно, «вектор» влияет на распределительные отношения. Так, престижность землевладения заставляла буржуазию вкладывать свои капиталы в поместья, престижность госслужбы — отрывала дворян от своих имений и т.п. Иногда есть смысл выделять несколько «векторов». Но будет ли определять социальный «вектор» богатство, власть, военная удача, или земельная собственность вкупе с судебной властью, или место в госиерархии, или принадлежность к ведущим корпорациям, в каждом случае распределительные отношения приобретают особый характер.

Иногда распределительные отношения более соотносятся с экономическими, если главная арена распределения — производство, связанное с частной собственностью и денежным обращением. В этом случае сама экономическая сфера гораздо более отделена от других, более автономна и менее подвержена влиянию политики, идеологии, военщины и т.п. Достаточно ярко это проявлялось в пору классического капитализма. В этих случаях отношения собственности могут являться ядром всех

остальных общественных отношений, определять и социальное деление общества. Тогда кажется, что «все социальное неравенство в конце концов — это неравенство в доходах»¹³⁹, хотя это и не совсем так.

Однако подобная разделенность сфер исторически менее распространена. Даже и сегодня. **Распределительные отношения чаще выступали не в чистом «экономическом» виде, а в неразрывной связи с другими, будучи переплетены с ними, как**

¹³⁹ Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1994. Т.1. С. 192.

бы растворены в них, составляя их экономическую «подкладку», «изнанку»¹⁴⁰. И в этом случае они очень существенно отличаются от более чистых экономических отношений. Так, при социализме во многих случаях разграничить экономику, политику и идеологию было просто невозможно. В обществах, где экономические моменты выделить труднее, хуже развиваются и производительные силы, задавленные администрированием, религией или сословными привилегиями. Любая форма политического, идеологического, национального и тому подобных господства и неравенства предполагает те или иные материальные преимущества определенным группам. Они могут быть меньшими или большими; откровенными, грубыми или прикрытыми, замаскированными; держаться на силе, обмане или духовном рабстве и т.п. Но они обязательно есть.

Однако сказать упрощенно, что главное — это именно распределительная сторона, а все остальное —крытие их, было бы неверным. Но невозможно и игнорировать распределительную «изнанку». Исследователь должен обязательно докопаться до нее. **Когда он найдет ведущие механизмы распределения, можно быть уверенным, что в этом пункте сосредоточены политические, юридические, идеологические, социальные и иные центры общества.**

С учетом сказанного стоит иногда говорить об обществах с экономическим, политическим или административным, военно- или колониально-грабительским, сословным (т. е. через принадлежность к определенному сословию, национальности или расе, группе, месту жительства и т.п.), идеологическим или религиозным, и другими векторами. Иногда допустимо вести речь и о соответствующих типах распределительных отношений. Естественно, что обычно такие типы бывают не чистыми, а смешанными. Это будет один возможный способ анализа распределительных отношений.

Другой, не всегда удобный, можно назвать «по кругам распределения». Следует изучать движение, потоки благ, сначала связанных с их непосредственным производством и обменом, затем

¹⁴⁰ «Ведь экономические институты существуют не в вакууме, а в контексте или, если хотите, в ткани социальных и политических структур...» (Бергер П. Капиталистическая революция. М., 1994. С. 31)

с социальным положением групп, потом с общественным и государственным устройством, далее — с политикой и деятельностью, направленной на сохранение или изменение положения (иногда отдельно и внешнеполитическую деятельность), наконец, блага, связанные с нарушением установленного порядка (очередность может меняться). Еще один способ — сравнения реальной и идеальной проекции распределения — уже упоминался.

Наконец, можно говорить и о методе (вероятно, наиболее универсальном) по видам и типам распределительных отношений, выделяя среди них главные и второстепенные. Здесь нужны следующие пояснения.

Для общества вообще, общества-модели все этапы и способы распределительных отношений (подробнее о которых еще будет речь) теоретически равноправны. Для всей истории мы не можем указать на такие, которые всегда и везде являются ведущими во всей системе распределения. Ни собственность, ни налоги, ни государственное распределение, ни военный грабеж таковыми не являются. Мы вправе утверждать, что в каждом конкретном обществе, действительно, чаще всего можно и нужно выделять наиболее важные, ключевые моменты распределения. Однако они могут быть на любом участке этого распределительного кругооборота: от производства до конечного потребления (в своем или чужом обществе). Они нередко специфичны для данного общества или группы сходных обществ. Большая или меньшая значимость того или иного способа распределения зависит от особенностей данной системы, эпохи, уровня производительных сил и многого другого. Но в то же время все моменты, этапы и виды распределительных отношений представляют собой целостную систему, которую полностью свести нельзя даже к наиболее важным способам, теснейше связанную, с одной стороны, с производством, а с другой — с социально-политическим строем. Иначе говоря, в зависимости от конкретной реальности и нашего угла зрения, иногда удобнее делать акцент именно на системности, иногда — на выделении главных отношений, способов, механизмов, изменение которых порой

способно преобразовать всю социальную систему¹⁴¹. Такой подход позволяет лучше увидеть связь распределительных отношений с теми или иными институтами, общественной иерархией, эксплуатацией, политикой и идеологией, выяснить баланс социальных сил. Ведь распределительные отношения существуют не сами по себе, а возникают между участниками (государством, людьми, социальными, экономическими и иными единицами). Поскольку в обществе всегда есть тот или иной дефицит благ, постольку на них с разными шансами на успех всегда претендует несколько потенциальных потребителей: например, покупатель и продавец, государство и налогоплательщики и т.д. Отсюда, естественно, постоянное соперничество или борьба в обществе за блага (как между отдельными людьми, так и группами). Подобное соперничество вызывает постоянные требования об изменении существующих способов распределения и имеет разные формы разрешения: от прямой силы до международного суда. Попытки «перетянуть одеяло на себя» могут вести к изменению как отдельных моментов распределительных отношений, так иногда и к полному преобразованию всей их системы. Ведь благодаря общим свойствам благ виды распределительных отношений оказываются взаимозаменяемыми, способными переходить друг в друга, преобразовывать свои формы, меняться местами по важности и т.д.

Наконец, следует напомнить, что распределительные отношения сильно связаны (а иногда очень и очень сильно) с производительными силами как через производственную организацию, так и через иные каналы. С одной стороны, производительные силы как бы получают

¹⁴¹ Например, в III в. н.э. в Римской империи при Диоклетиане за поступление налогов стали отвечать землевладельцы, а в городах — куриалы (или декурионы), т.е. члены городских сенатов или куриий. В результате землевладельцы и куриалы (впоследствии окрестные средние землевладельцы в обязательном порядке входили в число куриалов) стали кровно заинтересованы в том, чтобы плательщики налогов не могли свободно покидать их районы. Поэтому в империи постепенно установилось всеобщее закрепощение (к профессии, месту жительства и т.д.). А сами гаранты налогов уже не могли отказаться от этой «почетной» обязанности, были навечно прикреплены к своим местам с запрещением выезда из города. Они отвечали за недоимки собственным имуществом и многие разорялись. «Куриалы стали, по выражению современника, «рабами своих предков» — родившийся куриалом куриалом и умирал» (История средних веков. М., 1980. С. 58). От этой повинности избавляли только смерть или разорение. Подобная система одно время была и в Византии.

«заказ» от системы распределения, с другой — сбой в производстве или резкий рост его возможностей способны сломать баланс распределительных отношений. Ясно также, что такие институты, как рынок, торговля, собственность на средства производства и ресурсы (или контроль за ними), налоги, влияют на обе подсистемы.

Для устойчивых и иерархических обществ, где труд — удел низших слоев, связь распределения и производства менее тесная, и базисность, как мы говорили, представляется по-иному. Для примитивных или индустриальных — связь гораздо теснее. Само собой, что распределение имеет и особые каналы связи (помимо производства) с географической средой, которая дает материал для распределения (например землю), способствует или нет торговле, контактам, предполагает степень изобилия и излишка, более или менее удобный эквивалент благ и т.п.

Подводя итоги, можно сказать, что исследователь каждый раз должен ответить на вопросы: кому, на основании чего, каким образом и в какой пропорции достаются какие блага и как связаны различные социальные, политические и иные преимущества и материальные выгоды. Будут ли они прямо вытекать, находиться в потенции, требовать для своей реализации незаконных действий и злоупотреблений и т.п. Надо найти в этом пестром потоке и круговороте устойчивые течения, выявить главные и второстепенные вещи, показать, как от смены тех или иных механизмов меняется вся система распределения и другие сферы. О наиболее важных видах и типах распределительных отношений пойдет речь дальше.

п.4. Виды и типы распределительных отношений

Теперь мы поговорим о разнообразии распределительных отношений. Можно насчитать десятки способов распределения и еще большее количество их комбинаций. Некоторые из них редки или уникальны, другие исключительно распространены (или были таковыми раньше). Для многих видов имело бы большой смысл проанализировать факторы, способствующие или препятствующие росту их значения подобно тому, как мы это делали в отношении собственности. Такие социологические законы показали бы, когда

такой механизм может стать ведущим (важным) или вообще реальным, когда будет существовать ближе к чистому виду, а когда в комплексе, и какие комбинации наиболее вероятны. Несомненно, что это очень важная и интересная задача, но разрешимая лишь в специальном исследовании.

Даже краткая характеристика способов и механизмов распределения потребовала бы слишком большого места, а попытка системного изложения увела бы нас в сторону. Пришлось поставить более скромную задачу — сделать ряд замечаний и привести конкретные примеры для подтверждения и иллюстрации сказанного ранее. Несколько более подробно рассмотрена лишь меновая стоимость.

Однако чтобы читатель все же мог представить многообразие видов распределительных отношений, ниже дана их краткая систематизация, в которой все виды разделены на десять типов. За основу такой операции взято сходство Б методах и источниках получения благ (доходов). Классификационные основания, разумеется, могут быть иные. Важно лишь не забывать о тесной взаимосвязи и взаимодействии реальных способов распределения, образующих общий комплекс (и более интегрированные малые комплексы внутри него). Следует помнить и о возможности перехода, перерастания, превращения одних видов и типов в другие. Поэтому любая типология будет условной. Данный же перечень претендует не столько на системность, сколько служит иллюстрацией.

ТИПЫ И ВИДЫ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Пояснения. Во-первых, перечень этот далеко не полный и к каждому типу можно добавить какие-то виды, а возможно, даже ввести новые типы.

Во-вторых, ряд способов распределения относится сразу к двум или нескольким типам.

В-третьих, многие виды часто связаны между собой, а то и вовсе действуют лишь в сочетании с другими. Я пометил для ряда случаев такую сочетаемость, поместив после соответствующих видов и типов в квадратных скобках [] номера им сопутствующих.

В-четвертых, хотелось показать более и менее важные и распространенные виды. Но поскольку они могут быть ведущими в одних и второстепенными в других формациях, я пометил их цифрой вверху³, которая обозначает номер той формации, где данный вид (тип) наиболее значим (хотя они могут иметь место и в другие эпохи). Там же, где его важность равна для двух формаций, цифры разделены запятой^{2,4}. Если цифра вверху стоит перед порядковым номером вида (типа), значит, она относится ко всему здесь написанному, а если после определенного слова, то лишь к этой разновидности способа распределения.

К месту сказать, что даже бегло проанализировав, когда, какие механизмы распределения были ведущими, мы убедимся, что для второй формации наибольшее значение имели насильственные (каковыми часто были и налоги) или внеэкономические. Для третьей — как экономические, так и внеэкономические, поэтому их можно обобщить как **полуэкономические**. Наконец, для четвертой — больше **экономические**. Сказанное будет важно при анализе исторического процесса.

1.² С помощью насилия:

- 1) военный, колониальный³ и другой грабеж;
- 2) дань и родственные ей явления;
- 3) психологическое насилие (запугивание, в том числе с помощью религии, табу; использование особой пропаганды^{3,4} и пр.);
- 4) принуждение к труду, включая порабощение, закрепощение, уголовные наказания и пр. [2.1; 6.1];
- 5) принуждение к определенным повинностям (оброк [2.1], десятина, отработки [3а.3] и пр.);
- 6) экспроприации, конфискации, репрессии с целью обогащения и пр. [3а. 6].

2. Путем установления особых правил производства и потребления:

- 1)³ собственность на средства производства в многообразии ее вариантов (найм на работу, аренда, условное владение [3а.3]; использование мелкой трудовой собственности, интеллектуальной собственности⁴ и пр.);

2) запреты на ввоз, вывоз, перемещение тех или иных продуктов³ [5], запрет на те или иные трудовые действия и операции (баналитеты² и пр.) [8.1];

3) регламентация (например максимум зарплаты, стандарты и требования к качеству⁴, ограничение эксплуатации⁴ и др.);

4)¹ установление правил потребления;

5)^{3,4} доходы от производительной предпринимательской деятельности [2.1; 2.3; 2.6; 4.1];

6) доходы от трудовой деятельности: самостоятельной^{2,3}, по найму^{3,4} (в том числе благодаря особой квалификации, образованию⁴) [2.1; 2.3; 2.5].

3.^{2,4} **Государственные доходы и расходы:**

а) доходы:

1) налоги [2.1; 2.2; 6.6 и др.];

2) доходы от госсобственности [За.5; 1.6; 2.1. и др.];

3) работа и повинности в пользу государства [1.4; 1.5]; 4) займы [6.3; 6.2];

5) госмонополии (на изготовление денег, соляная, водочная и пр.);

6) неординарные [1.6; 7.1; 1.1. и др.]. б) *Расходы:*

1) военные [1.1];

2) двор монарха²;

3) госаппарат [8.3]

4) поддержка различных социальных групп (привилегированных² [2.1; 6.2; 8]; бедных⁴ и пр.);

5) социальные⁴;

6)⁴ образование, культура, наука;

7) прочие (инвестиции, погашение займов и др.).

4. **Основанные на особости производства и географической среды:**

1)^{3,4} за счет технического превосходства [2.5];

2) за счет особого места в системе международного разделения труда [5.5];

3)² благодаря плодородию почвы;

4)^{3,4} за счет богатства природных ископаемых [5.5].

5. В процессе обмена и образования стоимости: [2.1; 3а.1; 4.2; 8.1]:

- 1)² торговля как обмен продуктов собственного труда [2.6];
- 2)^{2,3} торговля как особая деятельность и получение торговой прибыли:
- 3)² монопольная торговая прибыль;
- 4)³ колебания меновой стоимости (цены);
- 5)² внешняя торговля благодаря особой географической и иной ситуации.

6. Финансовое распределение:

- 1)² ростовщичество;
- 2) собственность на средства обращения [2.1; 6.6 и др.];
- 3) кредитная деятельность (включая займы государству (монарху)^{2,3};
- 4) использование особых преимуществ и обстоятельств [8] (например приобретение собственности за бесценок³);
- 5) кассации долгов и уклонение (отказ) от долгов (в том числе государственных [3а.4];
- 6) откупа налогов [3а.1].

7. С помощью обмана, мошенничества и прочего: [9.1; 9.3, 6.5; 6.4].

1) порча денег² и другие манипуляции с деньгами со стороны правительства, включая выпуск необеспеченных денег⁴ (т.е. инфляция, но без гласности или процедур уменьшения ущерба от нее) [3а.5; 3а.6];

2) невыполнение (отказ от выполнения) обязательств и гарантий либо одностороннее изменение ранее установленных правил с целью получить доход (избавиться от расхода);

3)³ различные финансовые и прочие мошенничества и получение «дутых» доходов (с акциями, ценными бумагами, за счет спекуляций, раздачи невыполнимых обещаний и пр.);

4)⁴ подделка и фальсификация товаров.

8. С помощью особых положений и законов, через неравноправность (сословную, юридическую и др.):

- 1) монополии (торговые, личные, сословные и пр.) [2.1; 6.2]; 2)²

льготы, привилегии, повинности;

3)^{2,3} злоупотребление служебным, общественным и иным положением [3; 9.1];

4) принятие особых законов, правил, а также манипулирование законами [7.2].

9. Незаконное (несанкционированное) распределение:

1) различные корыстные преступления [8.3; 2.1 и др.];

2) незаконные промыслы (контрабанда и др.), нарушение запретов, регламентации, преступная коммерческая деятельность (наркобизнес и пр.);

3) создание незаконных (преступных) синдикатов, структур, организаций (мафиозных, клановых, цеховых и пр.);

4) пиратство.

10. Другие.

Наиболее важными чаще остальных в рамках социологии истории можно считать: прямое насилие; отношения собственности; доходы от производительной и трудовой деятельности; регламентация производства и потребления; через государство, Но могут быть и иные, например получение монопольной торговой прибыли в купеческой республике. Ведь подобно тому как в живой природе есть большие и малые организмы, хищники и паразиты, так и среди социальных организмов могут быть самые разные и по параметрам, и по формам «питания».

Ранее мы говорили, что характер распределительных отношений очень зависит от способов аккумуляции и свойств эквивалента благ. Ведь деньги не только помогают их обменивать, но и при достаточном развитии товарно-денежных отношений начинают подрывать сословные различия, модифицировать все социальные отношения. С этой точки зрения распределительные отношения могут делиться на **натуральные, полунатуральные, товарно-денежные и эрзаценежные** (т.е. имеющие заменители денег в виде различных ценных бумаг, кредитных карточек и т.п.). Существенно различаются также и общества с металлическими деньгами и с бумажными. В последних очень сильно может проявляться такой специфический механизм распределительных отношений, как **инфляция**,

перекачивающий блага в руки государства или определенных групп. Не сегодняшнему читателю удивляться этому. Однако инфляция появляется уже с порчи золотых и серебряных денег, примеры чего можно найти в истории большинства народов¹⁴².

С незапамятных пор грабеж соседей был важнейшим источником обогащения. Война же долгое время воспринималась почти как естественное состояние. А «у варварского народа-завоевателя война еще является регулярной формой сношения, которая используется все шире по мере того, как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном способе производства, создает потребность в новых средствах производства»¹⁴³. Но даже и у греков военный грабеж играл важную роль (по словам Платона, все войны происходят ради стяжания богатства).

Война становится в некоторых случаях способом перераспределения прибавочного продукта в масштабах больших регионов¹⁴⁴, а для отдельных обществ — просто формой существования, основным источником получения благ¹⁴⁵. А раздел военной добычи становился важнейшим (и нередко довольно сложным) институтом, через который можно понять и социальную

¹⁴² Приведу лишь один факт, который показывает роль такого перераспределения в отдельные периоды. Впрочем, для тех, кто пережил гиперинфляцию, обесценивание накоплений, это должно быть ясно и так.

Историк Маколей писал о 1696 году в Англии: «Несомненно, что все те беды, которые обрушили на плечи английской нации в течение четверти века плохие короли, плохие министры, плохие парламенты и плохие судьи, не сравнимы с той бедой, которую в течение одного года принесли плохие золотые монеты и плохие шиллинги... Ничего нельзя было купить без перебранки. В каждой лавке шла ссора с утра до вечера. Между хозяевами и поденщиками споры были неизбежны, как неизбежно наступление субботнего вечера. Рабочий, получая кусочек металла, полагал, что получает шиллинг, но когда он хотел купить пинту соли или хлеба, то у него с трудом брали его за половину стоимости» (Цит. по: Варга Е.С. Избранные произведения. Начало общего кризиса капитализма. М., 1974. С. 35).

¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.

¹⁴⁴ «В ходе беспрерывных войн, взимания с побежденных колоссальной дани, а иногда и прямого ограбления покоренных стран, происходит как бы насильственное перераспределение прибавочного продукта в масштабах всего переднеазиатского региона. То одна, то другая страна претендует на политическое лидерство и право беспрепятственного грабежа соседей» (История Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1979. С. 444).

¹⁴⁵ Историк Соловьев приводит письмо Крымского хана Ивану IV, в котором тот пишет:

«... но ведь ты нашу землю хорошо знаешь, наша земля войною живет» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960. Кн. III. С. 274).

структуру общества. Например, в таком типично хищническом государстве, как Крымское ханство, «в пользу беев и мурз шла десятина.... со всей добычи, захваченной во время грабительских набегов»¹⁴⁶.

Такие государства, как Ассирия, Вавилония угоняли покоренное население десятками и сотнями тысяч, чтобы поселить его в других местах и сделать своими тяглецами, а римляне сотни тысяч пленников превращали в рабов. Для Древнего Рима трудно переоценить роль войн и грабежей побежденных. Не менее важна была эксплуатация колоний для Португалии, Испании, Англии. Последняя оплодотворила промышленный переворот индийскими богатствами.

Насилие вообще присуще в той или иной мере общественной жизни. Однако постепенно, когда жизнь упорядочивается, оно, во-первых, частично заменяется привычкой, пониманием необходимости соблюдения порядка, во-вторых, становится в существенной мере незаметным или «нормальным». Но при изменении общественных условий «нормальное» насилие может вдруг перерасти в тотальное, как это случалось даже в XX веке в целом ряде стран. Причем насилие из политического легко переходит в экономическое и наоборот, поскольку одни его виды способны порождать другие или иметь их спутниками. Так, в Римском государстве гражданские войны 44—31 гг. до н.э. «сопровождались проскрипциями, конфискациями земель, непомерными налогами, принудительным набором в армию (в Риме армия комплектовалась из добровольцев), бегством рабов, господством военщины и отсутствием личной безопасности»¹⁴⁷. Общеизвестно также, что во время политических или социальных переворотов уничтожение имущих и богатых, чтобы поживиться их добром, весьма распространенное явление. Например в проскрипциях 43 года до н.э. в Риме погибло около 300 сенаторов и

¹⁴⁶ Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973. С. 138. Этот автор грабительский характер данного общества объясняет скудостью природы, в результате чего «на первом месте в жизни татар важнейшим фактором оказался внеэкономический способ добывания средств существования — война» (Там же). В некоторой мере это верно, засушливые земли Крыма были неплодородны. Но, возможно, вернее обратное: военный характер общества препятствовал интенсификации производства. Ведь умудрялись же татары содержать себя после присоединения к России.

¹⁴⁷ Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1956. С. 326.

двух тысяч всадников. Все они были богатыми людьми, но некоторые богатыми колоссально. Имущество всех было, естественно, конфисковано¹⁴⁸.

Принудительный труд играл заметную роль до сравнительно недавнего времени как в государственных, так и в частных хозяйствах. В некоторых же обществах, в том числе в колониях нового времени, он был важнейшим общественным институтом¹⁴⁹.

Хотя и существовали страны, в которых не было налогов, все же в большинстве случаев государства в той или иной форме их собирали. История демонстрирует нам исключительную выдумку властей в деле введения новых налогов, а также их форм и методов сбора. Как верно заметил Адам Смит, «никакому другому искусству не выучивается одно правительство у другого, как искусству выкачивать деньги из карманов своего народа»¹⁵⁰.

Налоги возникли, естественно, из потребности государства и правящих групп удовлетворять свои финансовые и экономические нужды. И носили они долгое время характер, мало зависящий от их воздействия на экономику. То есть правители слабо заботились о том, как влияет их налоговая политика на хозяйство. Однако постепенно эта связь становилась все яснее. Но лишь в сравнительно недавнюю эпоху налоги стали рассматривать не только как возможность пополнить казну, но как важнейший способ влияния на экономику, очень тонкий инструмент экономического регулирования, а также социальной справедливости. Сказанное верно также в отношении таможенных и торговых пошлин, которые прежде могли просто душить торговлю и все экономическое развитие¹⁵¹. Теперь же в

¹⁴⁸ Там же. С. 333.

¹⁴⁹ Например, одним из декретов второй половины XVIII в. всем бразильским индейцам мужчине в возрасте от 13 до 60 лет предписывалось регистрироваться у назначенного правительством начальника поселения, где они жили. Половина мужчин каждого поселка должна была часть года бесплатно трудиться на португальцев. Другой же половине разрешалось в это время оставаться дома и работать на себя (См.: Файнберг Л.А. Индейцы Бразилии. М., 1975. С.23).

¹⁵⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.-Л., 1935. Т.2. С.373-374.

¹⁵¹ Причем такие пошлины не всегда были связаны с фискальными Целями. Иногда это определялось общей экономической политикой (яркий пример — меркантилизм), иногда — эгоистическими интересами отдельных влиятельных слоев. Таковы были пошлины на ввоз хлеба

большинстве стран под влиянием деятельности международных таможенных организаций экспортно-импортные пошлины все больше становятся инструментом тонкого воздействия на экономику

В XX веке длительное время рост налогов опережал экономический рост, например, с 1937/38 по 1974/75 г. в США и Англии поступления от налогов возросли в 17 раз¹⁵².

Кроме налогов, известно еще множество способов пополнять казну или хотя бы затыкать финансовые дыры. Главные из них помечены в Перечне (выше). Несколько слов о необычных и неординарных доходах. Об экспроприациях, конфискациях, поступлениях от военного и колониального грабежа уже сказано. В некоторых случаях важную роль играли поступления от «союзников»¹⁵³. Многие мелкие государства состояли на содержании у крупных (например, ряд германских княжеств, государи которых «зарабатывали» также на продаже своих подданных в солдаты в иностранные армии). Во второй половине XX века помощь слаборазвитым странам превратилась едва ли не в «повинность» развитых, хотя она нередко неэффективна и действует развращающе.

Несомненно, что специфичность общества и государства нередко порождает и специфичность его доходов (бывает и наоборот). Так, сегодня многие крошечные и малые страны «злоупотребляют» своим суверенитетом, то предоставляя свой флаг судам (Либерия, Панама), то устраивая на своей территории «офшорные зоны» и т.п., что является, по сути, перекачкой средств из других стран, которые делятся между

в Англию, введенные в интересах лендлордов, в ущерб капиталистам и особенно рабочим. «Парламент принял хлебный закон, который фактически запрещал ввоз хлеба из-за границы до тех пор, пока цены внутри страны не составили бы 80 шиллингов за квартал и выше (квартал равен приблизительно 290 литрам). Это была очень высокая цена: даже в годы войны (с Наполеоном при сильном сокращении ввоза. — *А.Г.*), стоимость квартала пшеницы нередко падала до 40 шиллингов» (Ерофеев И.А. Очерки по истории Англии (1815—1917 гг.). М., 1959. С.5).

¹⁵² Политическая экономия. Экономическая энциклопедия. Т. 3. С.20.

¹⁵³ Например, Афинское государство в период расцвета «имело... разнообразные источники дохода, но все средства, которые собирались в Аттике, были значительно меньше тех сумм, какие поступали от афинских союзников. Экономическая мощь Афинского государства в V в., таким образом, была связана с политическим и военным порабощением других греческих городов» (Древняя Греция. М., 1956. С. 264).

принимающей стороной и фирмой, не желающей платить налоги. Существуют также государства, живущие за счет того, что они являются религиозными центрами тех или иных конфессий. Самое знаменитое из них — Ватикан, до 1870 г. занимавший довольно значительную территорию. Сюда стекались огромные богатства со всех концов мира.

Вряд ли кто будет сомневаться в том, что от характера государственных расходов может существенно зависеть и характер распределения вообще, тем более, если через бюджет (казну) проходит основная часть прибавочного продукта. Расходуют ли власти средства, чтобы поддерживать высшие сословия, уже неспособные к прогрессу, или на гонку вооружений, чтобы угодить военщине, или на дворцы монарха, или на развитие экономики и социальные программы и т.п. — все это очень влияет на весь комплекс распределительных отношений, а нередко является ведущим их моментом. Расходы могут быть еще разнообразнее, чем доходы. Извечная статья бюджета — содержание армии. В государствах неразвитых это бремя перекладывали прямо на население, вводя систему условных владений или кормлений для воинов. Множество примеров тому — в истории Европы, России, Турции, Индии и т.д. В Китае в некоторые эпохи (скажем, в XV в. при Минской династии) население нередко приписывали к своего рода военным округам, куда оно и должно было поставлять натуральный налог. Другие важные статьи: содержание госаппарата, двора или культовых сооружений — иногда становились непосильными. В странах, где граждане что-то значили, крупные суммы могли уходить на их подкормку или развлечения. По словам Цицерона, осуществление закона о хлебных раздачах отнимало у государства 20 % дохода¹⁵⁴. В XX веке расходы ряда государств увеличиваются быстрее роста производства¹⁵⁵, часто и быстрее доходов, отчего растут государственные долги.

Нарушение законов и обычаев с целью получения

¹⁵⁴ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 291.

¹⁵⁵ «На протяжении более столетия происходит рост национального Дохода и производства. В то же время почти во всех странах наблюдается тенденция к еще более быстрому росту государственных расходов (Самуэльсон П. Указ. соч. С. 186).

имущественных выгод — явление, сопутствующее всей истории человечества. Однако многие исследователи отмечали прямую связь между разумностью и оправданностью различных запретов и ограничений (относительно общего уровня эпохи, конечно) и распространенности подобных способов распределения. Грубый эгоизм или твердолобость привилегированных и власть имущих групп резко увеличивает такую, говоря сегодняшним языком, криминализацию общества либо доводят репрессии до абсурда.

Вышеприведенные примеры и рассуждения должны были продемонстрировать, что адекватно оценить те или иные распределительные отношения вне общей направленности, вне ведущего вектора или трудно, или невозможно. Насколько неверным может быть теоретический анализ отдельных видов этих отношений, взятых вне социальной реальности, покажет рассмотрение такой важной экономической категории, как меновая стоимость (стоимость). С ее помощью исследуются механизмы определения реальной ценности благ относительно других благ в эквиваленте (обычно денежном). Поскольку же товарно-денежные отношения в той или иной степени присущи, начиная с определенного момента, почти всем обществам, а во многих становятся важнейшими, роль стоимости как распределительного отношения в социологии истории велика. Между тем политэкономы рассматривали процесс ее образования как бы вне социальной действительности.

Трудовая школа, вершину которой представлял Маркс, утверждала, что стоимость товаров бывает только трудовой (если бы!), и она в целом соответствует либо количеству труда, затраченного на него, либо нормальному для данного общества количеству труда для такого производства. Были и другие в чемто верные подходы. Так, некоторые экономисты, исходя из предпринимательской практики, полагали, что стоимость образуется из фактических затрат и ожидаемой средней прибыли. Не лишены были некоторого обоснования и психологические теории (предельной полезности и др.), которые определяли стоимость как психологическую готовность покупателя и продавца купить и продать товар за определенную цену. В самом деле, голодный человек может отдать за хлеб во много раз больше, чем в других условиях, так же, как находящийся в

безвыходном положении продаст вещь за бесценок. Но ясно, что в огромных товарных потоках действуют в основном иные законы формирования цен. Имела основания и идея факторов производства (Сэй и др.), согласно которой стоимость создается не только трудом, но и другими факторами производства: капиталом и землей. Хотя надо заметить, что с развитием науки, разделения труда, социальной сферы и прочих таких факторов становится много больше. Но самой распространенной оказалась теория спроса и предложения, которая определяла цену (стоимость) как результат соотношения спроса и предложения. На графиках это выглядит как пересечение их кривых. Естественно, что конечная цена часто не совпадает с предположениями производителей и покупателей. Эта теория, будучи весьма практичной, однако, не объясняет природы процесса образования стоимости, а лишь регистрирует его¹⁵⁶.

Применение к социологии истории любой из этих (и некоторых других) концепций крайне затруднено, ибо эти школы абстрагировались от множества моментов, влияющих на стоимость: религии, войн, налогов, сословной или групповой морали, юридических и фактических преимуществ одних групп (и людей) перед другими и т.д. Но уже в XIX, а особенно в XX вв., не столь системно и всеобъемлюще, как следовало бы, но такие влияния стали признаваться теми или иными экономистами, социологами или историками¹⁵⁷. Высказывались и мнения, что адекватная концепция распределения должна предполагать и «социологическое исследование, исходящее из особого характера одной или нескольких социальных

¹⁵⁶ «Между тем при наличии одних и тех же условий спроса и предложения мы будем иметь одну систему установления равновесия в случае монополии, Другую — при чистой конкуренции и опять-таки иную для группы конкурирующих между собой монополистов» (Чемберлен Э. Теория монополистической конкуренции. М., 1996. С. 57).

¹⁵⁷ Я уже цитировал по этому поводу Ф. Броделя. Приведу еще два примера. «Петри видел, что ценность (стоимость. — Л. Г.) принимает ту или иную форму в зависимости от «социального целого» и его «регулирувания», так как «отражает не индивидуальные потребности... а общую социальную структуру, создавшую рамки, в которые включены индивидуальные хозяйства» (Смит М.Н. Очерки истории буржуазной политической экономии. М., 1972. С. 135).

По мнению ряда экономистов, например П.Л.Рейно, «каждая среда защищает свои интересы, и финальная стоимость является результатом, возникающим из синтеза реальных потоков» (См.: Черников Г.П. Основные теории антикоммунизма. М., 1972. С.27).

групп»¹⁵⁸.

Главные теории стоимости возникли в обществе относительно свободной конкуренции, относительно умеренных налогов и господства частной собственности. Поэтому ученым казалось, что можно отвлечься от иных социальных факторов. Подобный взгляд был распространен и на ситуации, вовсе далекие от европейских условий XVIII—XIX вв. В доиндустриальных, социалистических, во многих капиталистических обществах существовали и особые льготы, и монополии, и вмешательство государства, и принуждение, и неэквивалентный обмен¹⁵⁹ и многое, многое другое, что делало производство и торговлю сложнее или проще, производительнее или нет, престижнее или нет, тем самым мощно влияя на ценообразование. Одна налоговая политика способна резко менять цены. А вспомним, как по команде правительства одни цены в СССР могли вопреки всякой логике стоять на месте десятилетия, в то же время другие (на спиртное, например) были подняты выше некуда.

Весьма важен и вопрос, тесно связанный с предыдущими, о том, образуется ли собственно стоимость в производстве или же в обращении. Маркс утверждал, что, поскольку стоимость имеет трудовую природу, она возникает именно в производстве, а в обращении ничего подобного быть не может. Однако это не вязалось с бесчисленными фактами неэквивалентного обмена, завышения или занижения цен и т.п. Другие школы — предельной полезности или спроса и предложения — стояли как раз за то, что стоимость возникает в обращении. Они более правы, хотя и неполно раскрывают суть дела.

Мне картина видится следующим образом. В производстве создаются блага, обладающие лишь потенциальной стоимостью. Но общество (в лице его части, группы, представителя и т.п.) еще должно признать ценность произведенной вещи. А это происходит

¹⁵⁸ Слова Жана Маршала (Цит. по: Жамс Э. Указ. соч. С. 358-359).

¹⁵⁹ В средние века «торговая прибыль возникала в результате неэквивалентного обмена, т.е. покупки товаров по ценам ниже их стоимости и продажи этих товаров по ценам выше их стоимости» (Политическая экономия: Учебник: В 2 т. М., 1979-1980). Мысль фактически верная, но довольно странная для экономической теории, утверждающей, что обмен должен быть эквивалентным общественно необходимым трудовым затратам, а стоимость не создается в обращении.

далеко не всегда, иначе не было бы сбоев со сбытом или ажиотажного спроса. Поэтому, когда потенциальная стоимость в процессе обращения превращается в реальную, эти величины могут существенно не совпадать.

Таким образом, если рассматривать стоимость в рамках социологии истории, то ее нельзя понять вне комплекса распределительных отношений, и в каждом обществе **этот механизм будет испытывать особые влияния и соответственно функционировать. Стоимость следует в указанном плане трактовать как общественное отношение, как один из способов распределения, связанных с рядом других: торговых, найма, привилегий и пр.**

Механизмы же образования самой стоимости разнообразны, хотя среди них возможно выделить наиболее распространенные или ведущие, например спрос-предложение при свободной рыночной конкуренции; общественно признанная норма прибыли; общественно необходимый труд; налоги; регулирование цен и продаж; монополистический рынок; всеобщая госмонополия¹⁶⁰ и др.

Исходя из сказанного, гораздо правильнее полагать, что в общем случае товары обмениваются **неэквивалентно** (а эквивалентный обмен лишь частный случай). Это так не только потому, что существует принуждение, регулирование, высокие налоги или паразитизм определенных групп. Это так уже потому, что найти некий измеритель стоимости, независимый от социального целого и влияния частных, невозможно, ведь неравенство есть атрибут любого общества. Последнее же в лице тех или иных его представителей оценивает труд, редкость, качество и т.п. под влиянием общего своего характера, принимающего тот или иной конкретно-особый вид в том или ином случае. А участники таких отношений действуют, исходя из собственных интересов, возможностей и влияния.

Если принять эту мысль, то и проблема неэквивалентного обмена труда и заработной платы между рабочим и капиталистом,

¹⁶⁰ В этом случае «установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта между, с одной стороны, картельными магнатами, а с другой — остальными членами общества» (Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959. С. 312)

бывшая камнем преткновения для трудовой (и не только для нее) школы, выглядит вполне ясной. Маркс, как известно, решал ее так, что обменивается не труд, а рабочая сила. И в этом случае обмен продолжает быть эквивалентным, только платит капиталист за один товар — рабочую силу, равный лишь необходимому труду, а фактически получает другой (как необходимый, так и прибавочный труд). Между тем если принять, что товары всегда обмениваются неэквивалентно, то вполне логично говорить, что рабочий продает именно труд¹⁶¹ (т.е. затраченное время, энергию плюс неудобства) за заработную плату, но стоимость труда такова, что позволяет капиталисту получать при продаже его результатов прибыль (механизм здесь в принципе тот же, что и при торговой наценке).

Итак, разнообразные теории стоимости могут быть использованы в социологии истории, но как частные случаи более широкой концепции, в свою очередь являющейся лишь одним из моментов теории распределительных отношений.

¹⁶¹ С учетом того, что говорилось об особенностях отчуждения труда.

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИИ ИСТОРИИ*

§ 1. Политическая структура общества. § 2. Социальная структура общества. § 3. «Этнос» и другие категории в аспекте социологии истории. § 4. Общественное бытие и общественное сознание.

Государство... в широком смысле слова — это институт как таковой, в котором воплощается власть.

Ж. Бурдо

Этническая общность представляет собой умозрительный конструкт...

Э. Шилз

Таким образом, тот факт, что каждый индивид живет в обществе, создает для него двойное предопределение: во-первых, он находит сложившуюся ситуацию, во-вторых, обнаруживает в ней уже сформировавшиеся модели мышления и поведения.

К. Манхейм

В этой главе собраны проблемы, каждая из которых требует специального и скрупулезного исследования, невозможного здесь. Те или иные их аспекты еще будут неоднократно затрагиваться в следующих частях книги. В данном же случае, чтобы завершить сооружение социологического «этажа» теории исторического процесса, я рассматриваю только некоторые подходы к анализу этих подсистем и намечаю отдельные направления их исследования. В частности, пытаюсь обратить внимание на методологические ошибки и неверные подходы, которые ведут к путанице и неадекватному объяснению реальности, являются во многом причиной топтания на месте вокруг ряда проблем. Одни трудности вытекают из объективизма, другие — из неразличения, во-первых, социологии и социологии истории, во-вторых, социологии истории и теории исторического процесса.

Есть смысл в этом введении к главе остановиться на трех

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1-3

методологических проблемах, подробнее рассматриваемых далее в параграфах, чтобы предварить их восприятие читателем и показать возможные пути их решения.

Неверное представление о законах и категориях как о почти прямом отражении реальности не позволяет достаточно точно исследовать их в рядах общего и особенного. Например, весьма часто государство определяют как «организацию», а классы и этносы как «большие группы (общности) людей». Спору нет, в них есть заметные черты соответственно «организаций» и «групп». Но ведь они в первую очередь **политические, социальные и этнические явления**. Вышеописанный же подход логически требует, чтобы дефиниция данных категорий отличала их и от всех вообще организаций (групп) и от других политических (социальных, этнических) организаций (групп). Сделать это крайне затруднительно, и в результате определения «хромают», а представление о месте данного явления в ряду других искажается. Поэтому, думается, и удобнее, и правильнее объяснять указанные категории через родовые к ним, но менее широкие, чем вышеприведенные понятия: соответственно **политическую, социальную и этническую единицы**, обладающие специфическими для каждого разряда свойствами. Разумеется, предварительно мы должны охарактеризовать эти единицы. Такая разбивка на операции облегчает задачу и избавляет от «необходимости» искать универсальные определения.

Указанные трудности особенно заметны в дефинициях понятия «этнос», в целом не удовлетворяющих этнографов. На мой взгляд, уязвимость даваемых этносу характеристик как раз и связана с тем, что налицо попытка найти некий «индикатор», который выделял бы конкретный этнос из всех иных, как родственных, так и неродственных явлений, да еще бы позволял теоретически отграничить один этнос от другого. Найти универсальный отличительный признак, думается, невозможно, а вот создать алгоритм выделения сначала этнических единиц среди всех других, потом этноса от остальных этнических единиц, потом уже одного этноса от другого и т.д. — вполне по силам.

В отношении государства и этноса следует еще особо

подчеркнуть, что эти понятия означают также и некий рубеж в развитии политической и этнической подсистем. И эти два аспекта также желательно разделить, чтобы не запутывать нашу задачу.

Опасность объективизма, подстерегающая любого ученого, заключается и в том, что на практике смешанное, нерасчлененное пытаются подогнать под чистые и яркие типы. Особенно это очевидно опять-таки на примере понятия «этнос» и других категорий этнического. Я не случайно поместил в эпиграф слова о том, что этническая общность есть особый умозрительный конструкт, а не некая сущность, имеющая совершенно самостоятельные и изолированные формы, как фактически следует из анализа многих работ.

В самом деле, нет (либо они редкое явление) **чисто этнических общностей**. Другими словами, можно говорить о нациях, но они существуют не сами по себе, а как ядро, составная часть, элемент государства и общества. Есть объединения, которые мы называем племенами, но это почти всегда не только этнические, но и хозяйственные, политические или другие единицы. Когда люди объединяются в национальные партии (общины и прочее) с определенной структурой, последние становятся одновременно политическими (культурными и другими) образованиями. Ведь невозможно представлять какой-либо народ этнически¹, но можно политически, культурно, конфессионально.

Этнос (народ), никем не представляемый, есть «этнос-в-себе» и, кроме того, что в плане этнического самосознания это не слишком развитая общность, есть одновременно и население, входящее в самые разные единицы. Недоучет сказанного ведет к бесконечным спорам, вроде того, является ли нация общностью политической или этнической. Тогда как она есть и то, и то сразу. Но в разных нациях и в различных ситуациях на первое место выходят то одни, то другие моменты.

Следовательно, в подобных случаях нельзя упускать из вида, что этническая общность есть одновременно и какая-то иная единица².

¹ Разве только как на балу в «ледяном доме» у царицы Анны, куда свезли для демонстрации представителей всех российских народов.

² Соответственно это касается и остальных общественных единиц, хотя и в разной степени.

Иногда этнические общности правильнее (удобнее) представлять социальными. Так, некоторые племена в Индии считались особыми кастами и, следовательно, были социальными (в узком смысле) единицами. И, напротив, социальные группы могли и по языку, и по обычаям, внешнему виду, одежде и другим чисто этническим признакам резко различаться между собой (скажем, высшие сословия от низших). **Следовательно, выделение какого-то аспекта смешанной единицы как основного во многом связано с поставленной задачей.** Поэтому необходимо перейти от поиска универсальных и везде равных себе категорий к разработке методик приложения теории к реальности.

Иными словами, я ни в коем случае не подвергаю сомнению реальность этнической стороны действительности, которая, кстати говоря, тем заметнее, чем сильнее дифференцированы функции в обществе. А лишь подчеркиваю мысль о том, что, выделяя в чистом виде данное качество (этничности), невозможно ожидать тождества теоретической модели и действительности.

Другая крайне важная проблема связана с недоучетом (тем более прямым отрицанием, основанным на идее универсальности законов) того, что существуют разные по перспективности и потенциям линии исторического развития, причем нередко переход от тупиковой линии к исторически прогрессивной крайне затруднен, а то и вовсе в качестве самостоятельного невозможен. Сказанное касается очень широкого круга явлений. Но рассмотрим его на примере эволюции политических форм. Существует и в зарубежной, и в отечественной науке тенденция полагать, что процесс генезиса государства шел от родовых (локальных) групп к слабо консолидированным племенам³, а затем к племенам или союзам племен с централизованной властью (вождествам). А уже от них к примитивным ранним (и небольшим) государствам, которые могли со временем слиться в крупное... Указанным стадиям соответствуют эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества. Нет необходимости останавливаться

³ Здесь нет возможности объясняться, что понятие племени не имеет строгого значения в науке. Некоторые ученые, например Л.С. Васильев, вообще полагают, что нежелательно говорить о племени, если в нем нет централизации. В любом случае унификация названий таких единиц была бы очень полезной.

на том, что эта схема подвергается в той или иной степени критике. Существеннее, что многие считают ее «достаточно эффективным рабочим инструментом потестарно-политико-этнографического исследования»⁴. Думается, что в описанной теории смешаны как весьма верные и ценные наблюдения и выводы, так и неправомерное объединение стадий разнонаправленных линий эволюции. Практически же речь идет о следующем.

Естественно полагать, что обычно племя было крупнее локальной группы. Вождество могло быть равно или больше племени (если в нем объединялось несколько племен). В раннем же государстве консолидировалось (инкорпорировалось) несколько вождеств.

Совершенно очевидно, что не все племена становились вождствами и, и не все вождства — государствами, а лишь меньшинство. Однако неявно как бы полагается, что потенциально каждое из этих образований могло стать следующим на эволюционной лестнице, подобно тому, как каждая икринка может стать мальком, хотя фактически из сотен икринок в малек превращается едва одна. На самом деле, ситуация здесь совсем иная. Поскольку речь идет о переходе в качественно иную стадию, о появлении принципиально нового, можно смело утверждать, что лишь меньшинство и в принципе могло стать при реальных условиях более высокой формой⁵. Фактически же подобным образом реализовывалось лишь меньшинство меньшинства политических единиц. Большинство же образований, достигших зрелости в пределах своей стадии, как правило, не в состоянии были перейти на новый прогрессивный этап или потому, что у них не было необходимых потенциалов, или потому, что существовали некие дефекты в их конструкции, или потому, что система была слишком жесткой, чтобы легко трансформироваться, или требовались такие условия, которые не возникали, или по другим причинам.

Однако многие из этих образований отнюдь не застыли на месте, а развивались. Только их развитие было во многом не таким, как в

⁴ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 14.

⁵ Подобно тому, как из всех видов приматов только немногие были подходящими для антропогенеза.

направлении генеральной линии, описанной выше. В результате, пропустив удобный момент (или не дождавшись его), они превращались в своего рода «переростков», уже не походя, допустим, на «нормальные» вождества, но и не становясь государствами в нашем понимании, а лишь представляя определенные их аналоги по некоторым функциям. Здесь можно с поправкой на отличие социального от биологического говорить о законе необратимости эволюции. Поэтому таким «переросткам» уже часто было много труднее стать государством (вождеством и т.д.). Однако исследователи таких обществ сплошь и рядом их характеризуют не как параллельные генеральной линии явления, а как предшествующие государству (вождеству) стадии. Следовательно, и ряд моментов, нехарактерных (или необязательных) в принципе для развития по «генеральной линии» начинают считать, напротив, **закономерной стадией на пути к новому качеству. И тем самым параллельные эволюционные процессы объявляются последовательными, а наши представления об исторических закономерностях искажаются.**

Ошибки эволюционистов прошлого, полагавших, что ситуации, застигнутые у **тех или иных народов**, есть универсальные стадии эволюции **всех** народов, продолжают иметь место. Между тем должно быть ясно, что, поскольку развитие идет неравномерно, прорыв происходит прежде всего в узких местах необычного. Поэтому перейти самостоятельно к новому этапу способны лишь немногие. Образно говоря, эволюция не широкая лестница, по которой раньше или позже могут подняться в одном направлении все, а сложный лабиринт, выход из которого находят лишь некоторые.

Следовательно, реконструируя процессы по современным наблюдениям, нужно опасаться принять «переросток», боковую линию или гибрид за необходимую стадию, между тем как настоящая роль каких-то моментов и особенностей исказится или ускользнет из внимания. Поэтому нередко истинная магистральная линия исторического процесса подменяется совсем другой.

Так, я думаю, что образования, подобные ирокезской конфедерации, которая была сравнима в ряде отношений с крупным вождеством (а по численности даже и небольшим ранним

государством)⁶, выступали как его аналог. И неверно признавать такие потестарные союзы закономерной стадией, предшествующей вождеству, поскольку это, скорее, параллельная ему боковая ветвь, отошедшая от магистрального пути из-за чрезмерного «разделения властей». Точно так же целый ряд объединений племен, насчитывающих десятки, а то и сотни тысяч человек и сравнимых и по величине, и по степени социально-культурного развития с мелкими (а иногда и средними) государствами, могли не превращаться в государства долгими столетиями (или вовсе никогда). Но неправомерно их поэтому считать догосударственной стадией, равной по уровню вождеству. Нет, это боковые ветви эволюции, параллельные раннему государству, или, по крайней мере, представляющиеся таковыми в определенном временном отрезке.

Но поскольку социальная эволюция не столь жестка к своим формам, как биологическая, некоторые из этих «переростков» сохраняют шанс вернуться на магистральную линию развития. Однако чтобы они стали «проходными», нужны уже **совсем иные (во многом иные) условия, чем раньше**. Так, слишком большое «вождество» может захватить целую страну и образовать государство, в котором окажется правящим слоем. Но, однако, для этого нужно, чтобы была такая ослабевшая страна и чтобы предприятию сопутствовал военный успех. При наличии нужных условий то, что было прежде недостатком, может стать достоинством. И тем самым открывается как бы «запасной путь» (их может быть несколько) для отставших обществ. Но, во-первых, это уже совсем иной процесс, чем представлялось ранее, поскольку аналог государства превращается сразу в крупное государство, минуя этап мелкого. А во-вторых, большинство таких «переростков» все же ожидает историческая неудача и они не в состоянии сыграть активную роль в процессе политогенеза.

Конечно, не хотелось бы создать представление, будто я считаю, что исследователи рисуют однолинейную схему движения к государственности. Нет, в трудах специалистов-этнологов картина

⁶ Морган в «Лиге ирокезов» говорит, что существуют большие расхождения в определении их численности. Сам же полагает что к 1650 г. ирокезов было 25 тыс. человек (Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983. С. 21-22). В «Древнем обществе» он уже более осторожен, заявляя, что численность их никогда не превышала двадцати тысяч душ, если когда-либо достигала этой цифры (Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1934.С. 74).

выходит как раз достаточно пестрой (хотя у многих обществоведов она, действительно, весьма упрощена). Но добросовестность ученых-практиков, считающих невозможным замалчивать факты, приходит у них же в противоречие с невольной опорой в теории на указанную не во всем верную схему. Предложенный выше подход, напротив, делает наши представления и о типах политических единиц, и о путях их эволюции, взаимного перехода и прочего гораздо более адекватными реалиям и устраняют некоторые теоретические трудности (в частности «необъяснимость» слишком высокого развития ряда «догосударственных» обществ).

Разумеется, следует обратить внимание и на другие методологические проблемы. Например, недостаточный учет того, что институты и явления, существовавшие в одну эпоху, уже не идентичны по свойствам аналогичным по названиям институтам и явлениям другой эпохи, а иногда отличия радикальны. Следствием этого бывает перенос более развитых или более заметных свойств на архаичные, переходные и тому подобное явления. В отношении собственности мы разбирали это подробно и еще коснемся в своем месте. Нечто подобное наблюдается и в отношении определений государства, этноса, классов и т.д.

§ 1. Политическая структура общества

Признавая общество системой, мы должны предположить, что в нем имеются определенные силы, препятствующие центробежным тенденциям. И они, действительно, есть. Причем природа их разнообразна. Во-первых, существует взаимная экономическая и иная зависимость людей, групп и районов друг от друга. Во-вторых, этнические и цивилизационные связи (родственные, языковые, культурные, религиозные и пр.). В-третьих, некие географические моменты, способствующие единению. Но все эти связи, в некоторых отношениях исключительно прочные и долговечные, не в состоянии сплотить достаточно крупные массы людей в действительно единый организм без креплений политических. Поэтому как только людей становится больше, роль власти как интегрирующей и объединяющей силы увеличивается. Ведь будучи системой относительно замкнутой и самодостаточной, общество должно иметь и определенный центр,

который выполняет роль координирующей и объединяющей основы⁷. Власть и создает такой центр или ядро, вокруг которых структурируется общество.

В государственный период подобным центром чаще всего выступает государство, которое так или иначе навязывает свою волю обществу⁸. По мнению Ж.Бюрдо, без достаточно деятельной власти общество есть неподвижное тело, неспособное удовлетворять своему назначению, которое есть постоянное действие. Власть — явление, характерное для любого, в том числе и догосударственного периода, хотя сила и способы ее осуществления, очевидно, должны быть пропорциональны масштабу. Если в малых коллективах достаточно авторитета, то в крупных требуются иные рычаги власти. Понятие это вообще весьма широкое, многозначное. Определяют его по-разному. Парсонс, например, характеризует власть как «способность общества мобилизовывать свои ресурсы ради достижения поставленных целей, как «способность принимать решения и добиваться их обязательного выполнения»⁹.

Политическая власть есть особое устройство (свойство) общества, благодаря которому одна его часть может принимать или проводить решения в жизнь, подчинять своей воле все общество. Эта власть может быть безликой (оправдываться обычаем, законом, божественной волей), выступать в виде группы руководителей или быть олицетворенной, персонифицированной в монархе, президенте, диктаторе, вожде и т.п.

В примитивных обществах власть, как и другие явления и институты, мало расчленена и дифференцирована. Она также и мало концентрирована. В первобытных социальных организмах во многих

⁷ «Каждое общество, рассматриваемое под микроскопическим углом зрения, может быть представлено как центр и периферия» (*Шилз Э. Общество и общества: макроскопический подход // Американская социология. Проблемы, перспективы, методы. М., 1972. С. 348*).

⁸ «Подобно религии, правительства играют в жизни общества уникальную и необходимую роль, но в противоположность религии, которая обеспечивает духовную интеграцию, выражающуюся в верованиях и ритуалах, правительство организует общество посредством законов и власти. Более того, оно ориентирует общество на реальный, а не на вымышленный мир» (*Девис К., Мур У.Е. Цит. по: Социология. Хрестоматия / Авт.-сост. О.Н. Козлова и др. М., 1993. С. 145*).

⁹ *Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 525.*

случаях вырабатывались достаточно устойчивые системы управления и создавались своего рода системы «сдержек и противовесов», препятствующих концентрации власти в одних руках. Подобной демократией у ирокезов восхищался Морган, подробно описывая процесс управления у них, требовавший единогласия, длительных консультаций и особых процедур. Но такое образование, неспособное аккумулировать свои силы выше определенного предела, было обречено на застой. Отделение власти политической и административной от общества, что и составляет процесс образования государства, было в этом плане огромным шагом, позволяющим концентрировать силы более эффективно. Переходным моментом к нему обычно считают вождество, подразумевая под этим термином достаточно централизованное, социально дифференцированное и стратифицированное племя (или группу племен) во главе с обладающим значительной властью наследственным вождем и имеющее иерархическую систему управления. Сейчас нет необходимости входить в тонкости характеристик этого довольно сложного и весьма неопределенного термина и им выражаемого явления. Об этом пойдет речь в третьей части, так же как и об устройстве догосударственных обществ и их политических единиц. В данном параграфе я хотел бы сконцентрироваться только на некоторых проблемах: на определении государства и его отличиях от дои негосударственных политических единиц; на анализе понятия «аналоги раннего государства»; а также немного коснуться вопросов о происхождении государства и его соотношения с цивилизацией.

М. Блок писал: «Один схоласт говорил о власти, что у нее «нос из воска — он одинаково легко гнется налево и направо»¹⁰. Это можно отнести не только к беспринципности власти, но и к тому, что государственная машина нередко бывает достаточно гибкой. Государство в зависимости от указанных выше и других причин может выступать как надклассовая, независимая сила (например в абсолютной монархии); как организация определенного правящего класса, даже как машина, «экипаж» которой постоянно меняется (при

¹⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 105.

демократии). В последнем случае нередко оно является «исполнительным комитетом» (Маркс) аристократии, граждан-рабовладельцев, буржуазии и т.д. Зато, если государственный аппарат автономен, может сформироваться особый класс управленцев-чиновников. При частых завоеваниях оно напоминает крепость, гарнизон которой после победы меняется, и т.д.

Многие государства возникали как своего рода надстройки над обществом, требуя лишь покорности и выполнения повинностей, не вмешиваясь в местные дела. Иногда на местах все оставалось почти по-прежнему в течение столетий. Но много было государств тотальных, которые контролировали все, в том числе и частную жизнь граждан. Мы наблюдали его в нашей стране. Однако и вообще «современному государству свойственна врожденная тенденция все глубже вторгаться в дела общества, если на его пути нет никаких установленных законом барьеров»¹¹. Очевидно, что чрезмерный административный контроль в современную эпоху вреден, поскольку делает власть негибкой, а людей пассивными.

От того, каково государство, напрямую зависит влияние его правителей и органов на жизнь общества. Иногда малейшие колебания наверху отражаются с огромным усилением внизу, на всем хозяйстве, иногда, как это бывает на море, бури на глубине почти не слышны¹². Иногда политика и другие отношения достаточно легко различимы. Иногда нет, если государство охватывает все. Тогда каждый акт его — политический и одновременно хозяйственный, или религиозно-идеологический, или судебный и т.п. Такая ситуация свидетельствует или о неразвитости государства, или о его гипертрофии. Важны и способы закрепления порядка: с помощью законов или террора; национального, религиозного или экономического давления и т.д. Тип

¹¹ Бергер П. Капиталистическая революция. М, 1994. С. 102.

¹² «Основой политического строя (в Индии. — Л.Г.) была самоуправляющаяся деревня, которая сохранилась без существенных изменений, в то время как правители приходили и уходили. Новые переселения извне и захватчики затрагивали лишь поверхность этого строя, но не его корни» (Неру Д. Открытие Индии: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. С. 223-224).

«Власть государства (в Индии. — Л.Г.) при всем ее внешнем деспотизме обуздывалась тысячами обычаев и законодательных ограничений, и ни один правитель не мог свободно нарушать права и привилегии сельской общины. Эти основанные на обычае права и привилегии обеспечивали известную свободу как общине, так и личности» (Там же. С. 224).

и форма государства сильно зависят от того, куда сдвинут баланс власти, каковы его функции, степень централизации и прочее (и наоборот).

Современные государства географически чаще всего совпадают с обществом в целом, но как системы они полностью не совпадают, хотя бы потому, что одновременно на территории государства находятся граждане других стран, а собственные могут быть за рубежом. Тем не менее в нынешнюю эпоху эти понятия нередко довольно трудно разделить¹³.

Проблема определения государства, как и ряд ей аналогичных, осложняется большими различиями в подходах к тому, что, собственно, и с какой стороны определяется. Существует множество дефиниций. Нет смысла говорить о чисто юридических, либо политологических, поскольку они обладают как собственной спецификой, так и тем, что характеризуют развитое государство, имеющее разветвленный аппарат управления, четкую территориальную структуру, право и многое другое¹⁴. Не буду также останавливаться на его толкованиях как некоей идеальной субстанции, вроде гегелевского, что «государство есть божественная идея как она существует на земле»¹⁵, или на том, что в нем реализуется дух нации и т.п. Остановимся на тех, что более или менее близки к социологии истории. В марксизме оно определялось как особая организация (аппарат, машина и т.п.), которая служит интересам господствующего класса и создана для того, чтобы держать эксплуатируемых в подчинении. Нет сомнения, что эта функция, особенно в доиндустриальных государствах, была

¹³ По этому поводу известный политолог Х. Кун пишет: «Исторические ситуации, в которых возникло противопоставление государства и общества и тем самым публичного и частного права, в настоящее время не существуют. Таким образом, их различие, лежавшее в основе понятия общества, стало затруднительным» (Цит. по: Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. М., 1982. С. 282).

¹⁴ М. Вебер отмечал: «Вообще «государство» как политический институт с разработанной «конституцией», рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на «законы», управлением чиновников-специалистов в данной существенной комбинации решающих признаков известны только Западу, хотя начатки всего этого были и в других культурах» (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 47).

¹⁵ Гегель Г. Философия истории. Соч. Т.VIII. С. 38.

важнейшей. Однако несомненно и то, что в демократических странах (да и во многих недемократических индустриальных) оно уже давно выполняет прежде всего иные задачи. Это и дает основания говорить о государстве как об особой надклассовой силе.

Но так или иначе, однако определенное насилие — извечный и характерный признак государства. М. Вебер подчеркивал эту сторону, но делал упор именно на легитимности насилия. Он говорил: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение **господства** людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство»¹⁶. И все же думается, что для ряда древних и средневековых обществ марксово определение точнее. Да и XX век наглядно продемонстрировал в тоталитарных режимах эту его черту организованного и жесткого насилия одних групп и наций над другими. Ведь при систематических грабежах или диктатуре понятие легитимности мало пригодно, «закон» здесь — прямая воля и сиюминутная целесообразность власть имущих.

Среди современных западных ученых, занимающихся проблемами происхождения и становления государства, при многочисленных расхождениях во взглядах на этот процесс, в отношении черт государства вообще есть ряд моментов, с которыми согласны почти все. Во-первых, что это «управление профессионалами» (Витфогель). На мой взгляд, управление профессионалов суть то же, что и наличие особой организации, отделенной от народа, — черта, которую Маркс и Энгельс считали обязательной для этого института. Во-вторых, наличие специальной управленческой функции и административного аппарата, по крайней мере верхнюю часть которого и составляют профессионалы. В-третьих, вслед за М. Вебером подчеркивается легитимность насилия¹⁷. В

¹⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 646.

¹⁷ «Главная характеристика, которая отличает государство от других форм социальной организации, — заключают Г. Клессен и П. Скальник, — это политическое господство, легитимная сила навязывать решения». Причем имеются в виду не только классовые «по вертикали» формы господства, но и общая зависимость всех подданных от насильственных средств принуждения» (Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства// Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991. С. 68).

принципе по этому поводу можно сказать то же, что и об отношениях собственности: чем больше насилия, нестабильности и прочего, тем меньше можно применять понятие легитимности.

Универсального для всех случаев определения государства, как очевидно, быть не может, поскольку в рамках поставленных задач приходится делать акцент на те или иные моменты, не говоря уже о том, что объединение в одной категории столь разнообразных явлений всегда означает определенные предпочтения. К тому же это развивающийся и меняющийся во времени институт, да и представления о нем эволюционируют.

Для наших целей, с учетом общих параметров социологии истории, будет правильным поставить перед такой дефиницией следующие задачи: 1. Показать отличие государства от других политических единиц: а) догосударственных; б) параллельных ему на ранних этапах (аналогов); в) негосударственных и надгосударственных. 2. Принцип, взятый за основу определения, не должен мешать классифицировать государства по периодам и типам; входить в резкое противоречие с теорией исторического процесса.

Тогда, прежде всего, нам нужно понять, что такое **политическая единица**. Ведь как уже сказано, рациональнее определять государство именно через родовое ему понятие. Во-первых, это властные образования и организации, т. е. либо обладающие властью, либо стремящиеся ее перераспределить. Макс Вебер определял политику как «стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе включает»¹⁸. Вот эта деятельность и борьба вокруг распределения и, добавим, за ее использование в каких-то целях и составляет важнейшую черту политических единиц, в том числе и догосударственных¹⁹.

Во-вторых, эта власть **неспециализированная**, т.е. жестко не связанная лишь с определенными задачами и сторонами. Политическая власть может заниматься любой проблемой и формировать

¹⁸ Вебер М. Указ. соч. С. 646.

¹⁹ Для характеристики догосударственной системы власти отечественные специалисты предложили особый термин «потестарная организация» (от лат. potestas — «власть»).

специальные органы, но в целом по функциям строго не определена, общесоциальна. Другими словами, если политическая единица специализирована, то она часть более широкого целого, а если самостоятельна, то не может замыкаться в узких рамках. Отметим также, что политическая власть стремится в своих пределах либо к верховенству над другими видами власти, либо к их ограничению, регулированию, отчленению²⁰.

Политическая единица, следовательно, — это единица, которая **участвует (стремится участвовать) в распределении и использовании власти либо самостоятельно, либо как часть общей системы путем общего и административного управления социальным организмом и представления его вовне.** Таким образом, политические единицы объясняются через власть. В государстве же связь с властью особенно очевидна и почти всеми подчеркивается.

Итак, не претендуя на универсальность, государство можно определить как **особую достаточно устойчивую политическую единицу, представляющую отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующую на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территорией и населением вне зависимости от согласия последнего; имеющую силы и средства для осуществления своих претензий.**

Дадим развернутые пояснения к данному высказыванию. Во-первых, контакты власти и населения должны быть регулярными и воспроизводимыми, а не эпизодическими. Это позволяет различать государство и временную оккупацию, военные набеги, чисто даннические (межобщественные) отношения, хотя граница между последними и ранним государством весьма зыбка.

Во-вторых, власть отделяется от дееспособного населения. И этот разрыв, формирующийся уже на последних стадиях родоплеменных

²⁰ Проблема различения политической и иных форм власти в принципе, та же, что и разграничения разных сфер. Заметим только, что любая другая форма власти, переходящая от специальных задач (получения прибыли, отправления культа и т.п.) к попыткам распространить свое влияние на все общество, неизбежно приобретает политические черты.

образований, очень заметен. Даже если высший слой в государстве составляют воины-завоеватели, то и тогда административный аппарат намного уже его, не говоря уже об оттеснении покоренного населения от политики.

Власть монополизируют одни и те же лица или группы либо они сменяются при выборах. Но в любом случае имеется тенденция к сосредоточению управления в руках профессионалов²¹, более сильная, чем это наблюдалось в догосударственный период. Создается аппарат управления и — что особенно важно для характеристики государства — аппарат насилия (а очень часто они совпадают) с необходимой иерархией и мобильностью. Иногда им становилась военная организация завоевателей, нередко инкорпорируя в себя и старые общинно-племенные структуры. В любом случае он является как бы арматурой, которая не дает обществу распасться и уклониться от пути, намеченного властью. Но, само собой, что по степени влияния на общество, развитости аппарата и многого другого государства и в пространстве и во времени различаются колоссально.

Таким образом, власть в государстве приобретает «институциональные черты, придающие «жесткость» во времени и в пространстве»²² в виде особого аппарата управления и принуждения. Институционализацию власти нередко характеризуют как специфическое явление именно для государственной фазы политогенеза. Это не совсем верно, поскольку и прежние органы власти можно считать институтами (например, если правила и церемонии деятельности совета племени или конфедерации были детально расписаны, а сами эти органы воспроизводились в течение столетий). Но, безусловно, развитие системы власти теперь идет на новой основе, а институционализация органов насилия — явление, почти не характерное для прежнего периода. В-третьих, государственная власть — власть верховная, стремящаяся подчинить

²¹ Это надо понимать широко, т.е. не как обязательно умелое управление, а как возможность заниматься политикой только узкому кругу лиц, либо по праву родovitости, знатности и т.п., либо потому, что такое занятие требует особой подготовки, средств, условий.

²² Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 59.

себе любую другую²³. Иногда это предполагает почти полное изъятие у населения и его низовых организаций каких-то полномочий, иной раз — делегирование определенным объединениям, корпорациям тех или иных прав, но хотя бы номинальное первенство должно оставаться у правительства.

В-четвертых, важен источник претензий на осуществление верховного руководства. Такова может быть воля населения («воля богов»), особые качества правителя, право завоевания и пр. Нередко государство рассматривалось как личное владение (домен) определенной династии или лица. Эти основы должны способствовать регулярному воспроизводству власти. Но как бы там ни было, в любом случае управление больше или меньше опирается на силу. Любая власть не существует без силы, но в государстве это особенно важно. Недаром его определяли как **аппарат насилия**. В развитых странах есть тенденция к тому, чтобы монополизировать в руках властей право на применение насилия, хотя редко бывает так, чтобы это право было абсолютно монопольным (так, закон может разрешить гражданам причинение вреда преступнику при самообороне и в некоторых других случаях).

В-пятых, государство может требовать выполнения самых различных действий и повинностей. Но помимо военной службы чаще всего это налоги (дань) и какие-то работы. Ибо без материальных ресурсов управление немислимо²⁴.

²³ Немецкий социолог Г. Хеллер определял государство как постоянно самообновляющуюся структуру, «господство которой упорядочивает общественные акты в определенной сфере и последней инстанции» [Цит. по: Современная буржуазная политическая наука... С. 286.] (выделено мной. — *Л.Г.*).

²⁴ «Государство — это нечто весьма реальное; это система сил, которые поддерживают равновесие или навязывают его с помощью насилия и репрессий. А для того чтобы существовать как такая система сил, государство должно было обрести и экономическую мощь, будь то с помощью грабежа или завоеваний, военных контрибуций или на основе непосредственного владения доменами, или же в результате постепенного накопления средств, как это позволяет современная налоговая система... В этой экономической мощи, столь возросшей у современных государств, и заключается основа их способности к действию. Отсюда следует, что в результате нового разделения труда государственные функции обуславливают возникновение особых сословий, т.е. особых слоев, включая сюда и паразитические» (*Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 147.*)

В-шестых, оно само становится своего рода «сепаратором» избыточного продукта, либо облегчая его концентрацию в руках определенных лиц и групп, либо делая это самостоятельно. Поэтому государство предполагает неравенство (эксплуатацию) либо по признаку близости к власти и аппарату, либо как способ защиты иного неравенства административно-силовым (правовым) путем²⁵.

В-седьмых, отметим, что чем больше претензии власти и реальность совпадают, тем больше можно говорить о государстве. Иначе возникают коллизии разных властей (децентрализация, спорная территория, сепаратизм, номинальная власть, восстания и т.п.).

Посмотрим теперь (с учетом уже сказанного), чем, согласно вышеприведенному определению, отличаются дои государственные образования. Однако надо помнить, что, поскольку и те, и другие есть политические единицы, у них неизбежно должно быть много общего. Поэтому не стоит ожидать, что в государстве, тем более раннем, мы найдем черты, вовсе не известные прежним формам. Различия прежде всего состоят **в качестве, пропорциях, объемах** ряда свойств и характеристик (и выше мы уже видели это в таких моментах, как профессиональное управление, институционализация власти и др.)²⁶.

Главные отличия догосударственных образований от государства следующие:

1. Управление обычно не находилось в резком противоречии с волей большинства управляемых.
2. Аппарата принуждения не было, либо он находился в зачаточной форме (дружины такой роли не выполняли). Административный аппарат в государстве также более развит.

²⁵ «Существует также согласие в том, что обмен услугами между управляющими и управляемыми в раннегосударственных обществах носил неэквивалентный характер: власть всегда брала себе больше, чем ей причиталось за выполнение ею организационных функций. Это признает даже Э.Сервис...» (*Годинер Э.С. Указ. соч. С.68*).

²⁶ По этому поводу, правда, чрезмерно акцентируясь на непрерывности эволюции, Р. Макайвер писал: «Хотя и было такое время, когда не было государства, само государство не имеет никакого начала во времени. Его рождение есть логический факт, истории принадлежит лишь его эволюция. Идея исторических начал соотносится здесь с идеей особого творения в доэволюционном смысле» (*Макайвер Р. Реальность социальной эволюции // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 82*).

3. Весьма часто отсутствовало такое неравенство (не было такого антагонизма), которое требовалось бы поддерживать организованной репрессивной силой.

4. Если в догосударственных обществах власть распространялась в первую очередь на людей, а уже потом на территорию, то в государствах — наоборот. Причем подвластная земля приобретает и определенную структуру и делится на административно-территориальные единицы. Сказанное проявлялось и в легкости, с которой догосударственные образования (и нередко аналоги государства) меняли места обитания. Хотя известны переселения и государств (например буров под натиском англичан), но это гораздо более редкие случаи.

5. Р. Коэн считает критерием, позволяющим отличать государства от догосударственных образований, способность первых противостоять процессам и тенденциям к распадению. Действительно, догосударственные образования нередко распадались весьма легко. Но были и очень стойкие образования. Та же ирокезская конфедерация существовала сотни лет²⁷. Вообще же, хотя постановка вопроса о критерии всегда ценна, решить его указанием на один только признак, полагая его везде однотипным и универсальным, не удастся (как мы увидим это и в отношении понятия «этнос»). Ведь речь идет все же о синтезированных теоретических понятиях, поэтому и критерий должен иметь вид определенного принципа, принимающего в разных ситуациях различный вид.

6. Одна из отличительных черт раннего государства по сравнению с догосударственными образованиями и аналогами государства — способность к гораздо более быстрому усложнению управления или

²⁷ Морган считал, что она образовалась около 1400-1450 гг., а в 1675 г. достигла высшей точки своего развития (*Морган Л. Г. Древнее общество. С. 74*). Но еще долго после этого Лига существовала как политическое образование.

Многие же дои негосударственные общества кажутся застывшими. «За 200 лет существования жужаньской орды незаметно было никакого прогресса — все силы уходили на грабеж соседей», — писал об одном из таких случаев Гумилев (*Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 12.*).

территориальному росту. Иногда за десятки лет в этом плане все меняется очень сильно. Государства, не способные к такому развитию, при прочих равных условиях могут оказаться весьма непрочными. Эта быстрая трансформация подчеркивает момент качественного рывка. Но и этот признак не может быть универсальным критерием.

Предваряя дальнейшее изложение, отметим, что аналоги раннего государства отличаются от него не всеми вышеперечисленными моментами, а в зависимости от особенностей аналога лишь теми или другими (будь то слабое территориальное деление, неразвитость административного аппарата или что-то еще). А в некоторых отношениях они могли и превосходить государственные образования.

Отличие государственных образований от иных политических единиц, его составляющих (например провинций, городских общин и прочего), в верховенстве власти. А отличие от корпораций (типа религиозных) в тотальной, а не частичной.

Отличие от единиц больше отдельного государства — суверенитет.

Теперь можно перейти к вопросу, уже затронутому во введении к главе. Рассмотрим его с точки зрения сравнения по величине населения государственных и до(не)государственных образований. Думается, что достаточно очевидно утверждение о том, что ранние государства в среднем имеют большее население, чем догосударственные, так как идет процесс объединения последних. Отметим также, что вождества в ряде случаев начинают формироваться в стадии примитивного земледелия и скотоводства (и у некоторых высокоспециализированных охотников и собирателей), а государства — в эпоху развитого земледелия (плужного или поливного) либо очень продуктивного ручного.

Каковы размеры вождеств? Естественно, очень многое зависело от природных условий. Образования примитивного земледелия (и высокоразвитого присваивающего хозяйства) в среднем по численности составляли несколько тысяч человек (с колебаниями в ту или другую сторону). Вождества более продуктивного земледелия могли быть больше. Об образованиях более крупных, в чем-то напоминавших

вождества, поговорим чуть дальше.

Каковы же размеры ранних государств? Не будем брать ситуации завоевания уже «готовых» государств и провинций («вторичных», по терминологии некоторых ученых, государств), а станем рассматривать процесс естественного формирования, т.е. на территориях, где государств либо не было, либо они оказались разрушенными и политогенез шел в основном на новой основе («первичные» государства, по упомянутой терминологии). На территории, где проживало несколько сот тысяч — миллион (максимум несколько миллионов) человек, а такими были обычно области, населенные родственными племенами²⁸, при складывании ранних государств численность их населения обычно составляла несколько десятков — в лучшем случае — сто-двести тысяч человек. Ибо их образовывалось по меньшей мере несколько (а то и несколько десятков). Затем они могли консолидироваться в более крупные.

Можно было бы привести некоторые исторические факты, подтверждающие сказанное о том, что размер малого государства был не слишком велик²⁹. Относительно подобных цифр (здесь и далее), конечно, надо помнить об их сугубой условности. Однако общее представление они дают. Согласно традиции, население древней Аттики состояло из 10.800 семей, т.е. составляло несколько десятков тысяч человек³⁰.

В Афинском государстве же времен расцвета в V в. до н.э. жило, по разным оценкам, включая метеков и рабов, 200-300 тыс. человек³¹. Самыми крупными по численности городами Греции этого времени были, кроме Афин, в Сицилии Гела, Сиракузы, Акрагант, в каждом из которых было не меньше ста тысяч жителей. Население Коринфа приближалось к 60, Спарты, Аргоса, Фив, Мегар — от 25 до

²⁸ Численность маори (жителей Новой Зеландии) на рубеже XVIII— XIX вв. была 200300 тысяч человек (Советская историческая энциклопедия. Т. 10. С. 247). Примерно столько же было нуэров (преимущественно скотоводов), в 30-е годы, когда их наблюдал Эвард Причард (см.: *Эвард-Причард Э.Э.* Нуэры. М., 1985. С. 15). По некоторым подсчетам, столь же было и жителей Соломоновых островов (см.: *Малаховский К.В.* Соломоновы острова. М., 1978. С. 31).

²⁹ Я не говорю, конечно, что в особых условиях не могло образоваться и более крупное государство, но обычно это уже происходило при завоеваниях (объединениях).

³⁰ См. Древняя Греция. М., 1956. С.132.

³¹ См. Там же. С. 241.

35 тыс. человек³². И даже с учетом сельского населения, рабов и прочих многие греческие государства составляли лишь несколько десятков тысяч человек.

Я не думаю также, что в среднем население каждого из 40 государств (номов), из которых по традиции считается созданся (и распадался временами) Древний Египет, превышало в момент образования 200 тыс. человек.

Среднее население русских княжеств в XI-XII вв., скорее всего, не превышало 100-300 тыс. чел. (а иные были и того меньше). Ведь по некоторым данным, все население Руси этого времени равнялось 2-3 млн. чел. И даже на рубеже XVI в. Число жителей Московской Руси достигало лишь 5-6 млн. чел. Если взять другое славянское государство, то вскоре после образования Польской державы в правление Болеслава Храброго в начале XI в. на этой довольно большой территории проживало где-то 700 тыс. чел.³³

Примеры можно было бы продолжить. Впрочем, ясно, что раннее государство, без еще развитой бюрократии, опыта управления и политического сознания, тяготеющего к централизации, обычно могло удерживать в сфере своего слияния не слишком большое население (либо власть эта была номинальной, поверхностной). И лишь впоследствии при благоприятных природных условиях могли образовываться и многомиллионные страны и даже гиганты с числом подданных в десятки миллионов человек (как в Китае).

В то же время и история, и этнография наряду с картиной ранних государств дает нам множество примеров существования крупных политических образований в десятки и даже сотни тысяч человек. Это не государства в нашем понимании (либо мы колеблемся, куда их отнести). Но и на догосударственные образования они, если и похожи, то чисто внешне. Ведь уже сами по себе большие размеры меняют пропорции³⁴. Управление массами уже более десяти тысяч человек обычно требует и более сложных форм организации и структуры

³² См. Там же.

³³ Рассчитано по данным книги: Краткая история Польши. М., 1983. С. 13.

³⁴ В современную же эпоху в связи с демографическими процессами, размеры подобных образований и вовсе становятся гигантскими, правда, и государства сегодня намного крупнее.

власти³⁵. Нередко такие образования состоят из десятков племен³⁶. Например, сахарские туареги, имея не слишком большую численность, тем не менее делились на две конфедерации. Конфедерации состояли из нескольких так называемых эттебелов, «каждый из которых включал одно господствовавшее и несколько зависимых от него племен»³⁷.

Но дело не только в размерах. Эти образования вполне сравнимы с ранними государствами и по ряду функций, прежде всего военной, а также по политическому значению. Они сопоставимы и по уровню социального, экономического и культурного развития. Отнесение же таких форм к более низкой стадии обуславливает и большие натяжки при их типологии, и появление взаимоисключающих, но равно ущербных моделей, вызывает терминологические и иные трудности у историков, поскольку факты противоречат схеме. Недостаточное внимание к данной проблеме во многом объясняет и причины, по которым одно и то же общество у некоторых исследователей обозначается как «союз (или конфедерация) племен», у других уже как раннее государство, а у иных теоретиков истории и вовсе как «племя». И время возникновения государства для одних и тех же стран у разных историков может колебаться в сотни лет³⁸. Конечно, очень многое зависит и от исторической традиции (порой вопреки фактам

³⁵ Неудивительно, что даже не слишком многочисленные общества при попытках соотнести их стадийно, не вписываются в схему. «Если, например, взять некоторые полинезийские «сложные» вождества, то не так просто будет вполне однозначно ответить, с вождествами или все-таки с ранними государствами мы имеем дело» (*Куббель Л.Е.* Указ соч. С. 156).

³⁶ Так, в зулусском союзе в Южной Африке, сформировавшемся в конце XVIII в. под руководством Дингисвайо, в это время было объединено 30 племен (*Бюттнер Т.* История Африки с древнейших времен. М., 1981. С. 184). После его смерти другой вождь продолжил консолидацию. Это был знаменитый Чака. И в 20-х годах XIX в. в его образование входило уже около ста племен (*Львова Э.С.* Этнография Африки. М., 1984. С. 47). Это крупное объединение по многим параметрам сопоставимо с ранними государствами более классического типа в той же Африке. Так, в союзе Чака была постоянная армия численностью около 14 тысяч человек (*Бюттнер Т.* Указ соч. С. 184), что позволяет говорить о населении не меньше, чем в сто тысяч человек. Неудивительно, что это образование нередко называют государством.

³⁷ *Периц А.И.* Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 332.

³⁸ Так, например, одни говорят о времени образования Шведского государства, как о конце X — начале XI вв., другие — о XII-XIII вв. (см.: *Шаскольский И.П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 95).

говорящей о царстве там, где был союз племен, и толкующей о племени там, где налицо уже государство). Нельзя не учитывать и трудности интерпретации источников, их скудость, сложность отнесения пограничных случаев к той или иной стадии.

Но во многом виновата и методологическая установка, что если нет привычного нам государства, то это догосударственное и, значит, типологически стоящее на более низкой отметке общество, хотя сплошь и рядом факты указывают на то, что социальные отношения в некоторых таких «догосударственных» образованиях были выше, чем в раннегосударственных. Фактически же они стадияльно однотипны, а различаются прогрессивностью и динамикой развития. Поэтому, думается, гораздо правильнее полагать их **аналогами** по функциям и характеристикам ранним государствам, образуемым на собственной эволюционной основе. Следует учесть и то, что отсутствие нужного понятия ставит исследователей в жесткие рамки.

Указанный стереотип существует и в этнологии. Приведу характерное, на мой взгляд, рассуждение. Предполагается, что совокупность трех характеристик (появление регулярного налогообложения, отделение политической власти и территориальное, вместо родового, деление) «позволяет говорить о том, что в данном обществе завершился политогенез и окончательно сложилось государство. Вполне очевидно, однако, что все они вовсе не обязательно возникают строго синхронно: конкретные условия исторической реальности могут в разных случаях ускорять или замедлять появление того или другого из таких необходимых элементов сформировавшегося государства. И столь же понятно, что такая асинхронность может давать — и действительно давала — в историческом развитии конкретные, как бы «промежуточные» (выделено мной. — *Л.Г.*) стадии на пути политогенеза, когда при наличии в каком-либо социальном организме двух из вышеназванных характеристик отсутствовала бы третья»³⁹.

Однако мне кажется, что и варварские образования в начале н.э. в Европе, где был слаб административный аппарат, но было сильное расслоение и заметное территориальное деление; и структуры

³⁹ Куббель Л.Е. Указ. соч. С. 132.

Тропической Африки, где, напротив, было слабое территориальное деление, но сильная административная сфера; и ситуации существования серьезных повинностей населения без образования госаппарата (о которых автор цитаты говорит дальше); равно как и сильная военная сфера, позволяющая эксплуатировать и соседей, и союзников; или какие-то иные варианты следует рассматривать в аспекте социологии истории не как **промежуточные стадии** между догосударственными образованиями и ранними государствами, а как **теоретически равноправные варианты перехода от догосударственного уровня к более развитым образованиям государственного типа и их аналогов, лучше или хуже выполнявшие те или иные функции.** Это не «недоразвитые» государства с «элементами государственности», а больше или меньше, но достигшие аналогичной ему стадии, а нередко вполне сложившиеся и устойчивые формы, хотя и отличающиеся от «классического» государства⁴⁰. Стоит помнить и о том, что те или иные институты формировались, исходя из наличных (а не будущих) проблем. И если, допустим, постоянной централизации не требовалось, достаточными оказывались периодические военные объединения. Кроме того, нельзя забывать, что часто сильные стороны компенсируют слабость других, недостаточно проявившихся. Заметим также — но сейчас нет возможности на этом останавливаться — что и те образования, которые мы, безусловно, относим к ранним государствам, при более внимательном анализе весьма сильно не совпадут с идеальной моделью, которую создало наше воображение. Если посмотреть на функции ранних государств, то можно увидеть в числе важнейших следующие их возможности: 1) противостоять соседям и использовать войну для собственных целей (обогащения, увода рабов и пр.); 2) поддерживать возникшее и усиливающееся социальное неравенство и стратификацию; 3) уменьшать столкновение внутри общества и регулировать споры; 4) мобилизовывать и концентрировать ресурсы, перераспределять блага в пользу

⁴⁰ Само собой, что можно вести речь и об аналогах вожеств, когда налицо достаточно большие и устойчивые объединения родов или иных локальных групп, нескольких племен и т.п., но без значительной власти вождя, наследственной передачи власти и пр.

господствующей верхушки; 5) поддерживать общий религиозный культ; 6) другие. Но и аналоги, лучше или хуже, но справлялись с подобными задачами. Следовательно, это убедительный довод считать их не предшествующими, а именно **аналогичными** государству политическими формами.

Разумеется, аналоги не во всем выполняют функции государств, но прежде всего в наиболее важных для данного общества (слоя) моментах⁴¹. Нередко сложившаяся ситуация есть результат общественного компромисса, например в обеспечении нужной военной мощи или необходимых условий для присвоения избыточного продукта (это часто неразрывно связано с экзэксплуатацией соседей). В некоторых же случаях какие-то функции могли реализовываться и существенно лучше, чем в ранних государствах. Иногда это касается общественной стратификации и деления людей на жесткие касты, иногда — имущественного расслоения и развития частнособственнических отношений. Но чаще — военной сферы. Так, войско, состоящее из вооруженного народа, могло быть многочисленнее и потому сильнее, чем в государстве, где ратное дело стало профессиональным (при равном или даже меньшем населении у аналога). Ведь сплошь и рядом сравнительно немногочисленные кочевники сокрушали своей конницей империи, а на первый взгляд не столь грозные союзы племен угрожали таким колоссам, как Рим⁴².

Приведем несколько исторических примеров, подтверждающих ранее сказанное. Перед римским завоеванием в 1 в. до н.э. в Галлии

⁴¹ Если развить такой методологический принцип, то в других случаях роль аналогов крупных государств и даже огромных империй могли выполнять небольшие, но очень богатые или наделенные другими достоинствами государства. (Примеров в истории много. Хотя бы Венеция и Турция, Персия и Афины, Спарта.) А милитаризированные государства нового и новейшего времени выполняли роль аналогов индустриально развитых государств.

⁴² Таких крупных военных союзов известно множество. Например, в I в. до н.э. — II в. н.э. у германцев возникали свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Пивилиса и др. (см. о них: *Неусыхин Л. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М., 1968. 4.1. С. 601-602). Причем иногда образовывались очень мощные варварские армии. Так, объединивший маркоманов с лугиями, мугилонами, готами и другими народами Маробод в самом начале н.э. создал армию по римскому образцу, состоящую из 70 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы (см.: *Советская историческая энциклопедия*. Т. 9. С. 123).

проживали кельтские племена (галлы) огромной для негосударственной эпохи численностью, в несколько миллионов человек⁴³. Это было результатом плодородия земли и высокого уровня хозяйства. Культура, социальное расслоение, богатство в этом обществе достигли высокой стадии. Так, известно, что многие знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов. Нет сомнения, что при таком населении и уровне развития существовали крупные политические образования, аналоги ранним малым или даже средним государствам. Во всяком случае, известны попытки объединения галлов во II в. до н.э., которые предпринимали вожди наиболее сильных племенных союзов арвернов, эдучев, секванов. Но успехи, если они и были, оказывались непрочными⁴⁴. Удачному процессу политогенеза, по-видимому, препятствовали слишком большое население и слишком сильное социальное расслоение. Возможно, просто не нашлось нужной личности (что часто бывало причиной иного, чем крепкое государство, пути развития). И только с вторжением в Галлию Цезаря у галлов мог появиться шанс на объединение под началом сына вождя арвернов Верцингеторига, возглавившего антиримское восстание. Но слишком сильны были легионы Цезаря.

Во многом аналогично дело обстояло и у саксов. В V-VI вв. н.э. часть их переселяется в Британию и образует там государства. А на континенте еще в конце VIII в. у саксов не было достаточно сильной королевской власти. Походы Карла Великого могли бы им дать шанс для централизации (подтверждение чему восстание Видукинда и разгром франков в 782 г.), если бы противник не был столь мощен. История, весьма похожая на покорение галлов.

Размеры крупных образований у последних можно только предполагать, зато численность германских завоевателей Галлии

⁴³ См.: История Франции: В 3 т. М., 1972. Т.1. С.20.

⁴⁴ Там же. С. 18. Зато успехов добилось иноэтническое иллирийское образование, которое объединило в Альпах в I в. до н.э. ряд кельтских и иных племен и образовало государство, достигшее большого хозяйственного и культурного подъема. Позднее здесь образовалась римская провинция (см.: История Европы. М., 1988. Т.1. С. 505).

(франков, вестготов, бургундов) известна лучше. Число вестготов, поселившихся в Аквитании, составляло 80-100 тысяч человек. Бургундов было меньше, чем вестготов. А вот салических франков насчитывалось, по мнению ряда историков, более 100 тысяч⁴⁵. Причем общее число германцев ко всему населению Галлии, сильно к тому же сократившемуся, составляло, скорее всего, только 10-15%⁴⁶. Приведенные цифры подтверждают как то, что варварские образования этого периода можно считать аналогами государств, так и то, что для преобразования подобного аналога в государство часто нужны крупные территории с большим населением.

Еще один пример из той же эпохи. Число остготов под предводительством Теодориха, принявших участие в переселении в Италию в конце V в. н.э., составило вместе с семьями 100 тыс. человек, а с другими племенами — 150 тыс.⁴⁷. А ведь разгромленный век назад гуннами союз готов и других племен между Днестром и Доном под руководством Германариха (Эрманариха) мог быть еще большим.

Таким образом, когда по каким-то причинам политогенез идет по пути появления более крупных и мощных образований, чем вождество и даже большое вождество⁴⁸, но иного, чем трактуемое нами как раннее государство, мы можем говорить об **аналогах раннего и относительно небольшого государства**. Разумеется, можно указать на ряд переходных, пограничных, промежуточных или вариантных форм как по развитию, так и по величине между вождеством и его аналогами, с одной стороны, ранним государством и его аналогами — с другой. И это предмет особого разговора и исследования равно, как те или иные стадии развития государства и сравнимые с ним фазы эволюции аналогов. В данном случае этим можно пренебречь. Важно заметить, что **главное отличие раннего государства от его аналога, с одной стороны, близость к той модели, которую мы выше описали, а с другой — историческая перспективность.**

⁴⁵ История Франции. Т. 1. С.40.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Советская историческая энциклопедия. Т.10. С. 654.

⁴⁸ Такое вождество иногда называют еще сложным или иерархическим.

Типы аналогов разнообразны, и на них мы останавливаться не будем. Можно отметить только большие различия между продвинутыми обществами с сильным внутренним расслоением, стратификацией и высокой культурой, и военно-хищническими, социально структурно менее сложными, но беспощадно эксплуатирующими ближние и дальние окрестности. Таким был, например, гуннский союз, достигший вершины мощи при Аттиле и затем распавшийся. Подобных образований было особенно много среди кочевников. Будучи в среднем малочисленнее оседлых народов и в то же время мобильнее (и часто сильнее) их, они нередко предпочитали прямую и быструю военную эксплуатацию. В их обществах могло быть много рабов (например, у туарегов рабы составляли до трети населения). Некоторые из таких образований затем становятся государствами, как болгары, венгры и др., чему могла способствовать хотя бы частичная оседлость или полуоседлость⁴⁹. Иные трансформируются медленно или застывают в развитии, пока не столкнутся с более грозной силой, как это случилось, скажем, с половцами⁵⁰.

Так или иначе, важно еще раз отметить, что при ретроспективном сравнении оказывается, что развитие таких аналогов идет намного медленнее, чем у ранних государств, которые получают на длительное время своего рода источник развития. Однако при сосуществовании это может быть долго незаметным или, точнее, казаться не слишком важным. Эволюция, образно говоря, все еще искала разные пути развития, пока, наконец, государственный путь не доказал окончательно своего превосходства.

Однако поскольку все образования есть политические единицы, имеющие общие родовые черты, то в принципе они могут при определенных условиях преобразовываться в государственные формы или переходить друг в друга. Следовательно, как подчеркивалось,

⁴⁹ Переход к частичной оседлости был одной из причин формирования Скифского государства, когда на рубеже V-IV вв. до н.э. царь Атей устранил других царей и узурпировал власть. И ему удалось объединить Скифию от Меотиды (Азовского моря) до Истра (см.: История СССР с древнейших времен: В 12 т. М., 1966. Т.1. С. 219-220).

⁵⁰ Иногда, правда, восточный (донской) союз их племен под началом хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича называют государством, но это натяжка.

для аналогов не заказан переход к государству. Но если образования перерастают величину вождеств и даже малых государств, если социальная структура у них иногда более сложная, чем в раннегосударственный период, то, очевидно, и трансформация в государственную форму будет иного типа. Решающим подчас мог быть пример соседей. Бывало, что объединялись против внешней опасности или восставали против поработителей. Наиболее частым же был путь захвата других народов, стран или провинций. Но это путь сразу к крупному государству, минуя этап мелкого, что часто сочеталось и с минованием этапа создания необходимой культуры, поскольку она могла заимствоваться в готовом виде.

Характерно отметить, что нередко при завоевании подобным аналогом какой-то территории государственность у завоевателей формируется буквально в течение нескольких лет. Это доказывает, что она не столько создается заново, сколько трансформируется из иных политических форм, отношений и сознания. Примеров перехода аналогов в государство путем завоевания множество, но еще больше случаев, когда такие аналоги играют пассивную роль, становясь частями государств чужих народов.

Возвращаясь к кочевникам, отметим, что для них — при редкости населения и огромности территорий — путь создания чисто кочевых государств нехарактерен. Это происходило либо при переходе к оседлости (полуоседлости), появлению городов, росту ремесла и торговли (как у хазар), либо опять-таки при захвате густонаселенных районов. Таким образом, извечная борьба оседлых народов и номад, одновременно и разрушавших цивилизации и обновлявших их «кровь», в этом аспекте может быть представлена как борьба государств и их аналогов.

Итак, исследователь должен понять, каково действительное соотношение модели государства и изучаемого общества, ответить на вопросы о том, могло ли такое образование в принципе стать государством, какие условия для этого требовались, сравнить его с исторически известными народами подобного уровня развития. И не относить данное общество к до государственным формам, если оно стоит уже выше последних.

Если суммировать использованные методологические приемы, то увидим следующее. Как говорилось, наиболее первая задача социологии истории — найти понятия и подходы, позволяющие обнаружить общее в разнородном материале. В данном случае таким понятием выступает **политическая единица**. Нужно также показать наиболее важные точки перехода этих единиц в качественно новые состояния. Для этого мы анализировали категорию **государства**. Но, чтобы вместо социологических оснований теории исторического процесса не получить подмену, когда параллельные процессы выдаются за стадияльно предшествующие, было введено понятие аналогов государства с двуединой целью: во-первых, доказать, что разные политические единицы можно полагать равнозначными для определенного периода, если они выполняют аналогичные функции; во-вторых, показать, что их типологическое различие связано с разными направлениями эволюции и, как следствие, с разными историческими потенциями.

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что предложенная идея различать равные стадияльно, но различные в плане сходства с теоретической моделью государства (вождества и т.п.) и по исторической перспективности **классические политические единицы и аналогичные им по уровню, функциям** позволяет, во-первых, гораздо яснее увидеть всю палитру возможных путей и форм политогенеза. Во-вторых, легче избегать теоретического упрощения данного процесса и более точно выделять стадии его, в-третьих, уменьшить расхождения между различными точками зрения как о том, что есть государство, так и о его генезисе. Мало того, можно пытаться непротиворечиво совместить разные концепции, если уменьшить их претензии на универсальность. В-четвертых, удобнее объяснять процессы неравномерности развития разных обществ. В-пятых, этот подход яснее демонстрирует, с одной стороны, различия, с другой — определенное единство разных форм, поскольку и «переростки», и аналоги способны были при определенных условиях трансформироваться, и даже в некоторых случаях такой путь мог оказаться короче классического. Наконец, в-шестых, это лучше

показывает относительность теоретического деления, сложность и плавность переходов от формы к форме, от стадии к стадии.

Развивая идею применения приема выделения аналогов к типу, характерному для «генеральной линии» истории, можно отметить определенную условность таких сравнений. Так, некое образование будет полным аналогом малому государству и частичным — большому, например, только по военной силе. А некоторые малые по численности единицы (типа дружин викингов) можно представить как частичный аналог в отношении военной опасности (и возможности грабежей, наложения дани) малому (или даже среднему) государству.

Теперь легче говорить и о причинах образования государства. Этот вопрос подробнее будет рассмотрен в своем месте. Здесь стоит сделать лишь ряд замечаний. Во-первых, очень многое зависит от того, что понимать под государством. Отсутствие четкости приводит к смешению этапов политогенеза. Нередко процессы возникновения вожества и государства достаточно не разделяются. И если моменты внутреннего расслоения, укрепления власти вождя и его религиозной роли, идущие мирно, выдать за факт формирования собственно государства, неудивительно, что «появятся» основания утверждать, будто последнее есть результат в основном внутренних процессов. Однако это

неверно. Также неправомерно подменять причины образования раннего государства причинами перехода к государству более зрелому⁵¹. Во-вторых, нередко попытки выделить универсальную для всех народов первопричину рождения государства, за которую чаще всего выдается лишь одна из возможных причин, являющаяся действительно важнейшей лишь в некоторых случаях. Широко известные концепции М. Фрида и Э. Сервиса справедливо подвергаются за это критике. Но это характерно и для марксистской

⁵¹ Такую подмену, например, сделал Энгельс, относительно Афин времен реформ Солона, объясняя причины образования Афинского государства классовыми антагонизмами, тогда как это государство уже давно существовало. Так, о моменте реформ Солона он говорил как о «возникающем государстве» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т.21. С. 114), считал, что в Афинах «весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества» (Там же. С. 119) — в его понимании синонима догосударственного периода.

концепции.

В-третьих, чисто исторические свидетельства о самых первых государствах не доносят до нас подробностей об этом процессе, а позднейшие имеют отпечаток влияний более высокоорганизованных обществ. В-четвертых, пограничный процесс всегда сложен для фиксации, особенно если не учитывать сказанное об аналогах государства⁵².

За последние десятилетия накоплен большой материал о процессах перехода от родовых форм к раннегосударственным на примерах народов Африки, Океании, Америки и др. Естественно, что и подходы к этим проблемам отличаются большей глубиной и основательностью, чем раньше. Однако я не сказал бы, что появились концепции, совершенно отличные от идей, высказывавшихся по этому поводу раньше. Маркс и Энгельс, как известно, считали, что государство появляется как результат нарастания социальных противоречий и определенного их разрешения в пользу эксплуататорского класса. Проблемы соотношения этого процесса и завоевания, совпадения социальных слоев и особых этнических групп мало учитывались, а то и вовсе игнорировались. Подобный взгляд во многом характерен для отечественной науки и по сию пору, во всяком случае приоритет определенно отдается внутренним процессам⁵³. Справедливости ради, заметим, что этим грешат и зарубежные исследователи. Во многом сходна с марксистской (но выраженная иной терминологией) концепция М. Фрида, который полагает, что «ключевой импульс эволюции государства дает нужда в системе защиты стратификации»⁵⁴, а само государство есть итог длительного процесса расслоения общества и конфликтов по поводу обладания

⁵² «Когда же речь идет о конкретном обществе, то чрезвычайно трудно определить, с какого времени и на основании каких признаков можно говорить с определенностью о сложении классов и государства» (*Штаерман Е. М.* К проблеме возникновения государства в Риме // *Вестник древней истории.* 1989. № 2. С. 77).

⁵³ Например, Л. Е. Куббель полагал, что необходимо отстаивать «тезис об определяющем значении внутренних факторов в процессе становления классового государства». В то же время он отмечал, что из трех этнографически зафиксированных путей политогенеза: военного аристократического и плутократического — «количественно преобладал в масштабах ойкумены первый из этих путей — военный» (*История первобытного общества. Эпоха классовобразования.* М., 1988. С. 214, 230).

⁵⁴ Цит. по: *Годинер Э. С.* Указ. соч. С. 61.

важными (стратегическими и дефицитными) ресурсами. Теория Э. Сервиса, напротив, утверждает, что не столько неравенство или социальное насилие рождает государство, сколько возросшие организационные нужды, которые требуют иной организации общества. В результате происходит взаимовыгодное общественное разделение труда на управляемых и управляющих⁵⁵. Нельзя не увидеть родство с теориями, объясняющими возникновение государств на Востоке необходимостью больших ирригационных работ, в определенной мере отраженных и в марксизме⁵⁶.

Традиционно прагматичные, многие ученые боятся крайностей и полагают, что не стоит искать первопричину, поскольку и процесс расслоения, и потребность в хозяйственном регулировании действуют так, что усиливают друг друга⁵⁷. Другие вместе с Р. Коэном убеждены, что к «государству ведет множество путей»⁵⁸. Такой подход, бесспорно, предпочтительнее, если, однако, не забывать, что не все из этих путей ведут собственно к государству, а либо к его аналогам, либо вовсе в тупик.

Надо также отметить, что подвергавшаяся одно время острой критике и едва не списанная в архив теория завоевания получила вновь много сторонников, что является, по признанию исследователей, в большой мере заслугой Р. Карнейро, подчеркивающего роль войны как наиболее распространенного механизма становления государства. Конечно, нынешние теории завоевания гораздо более диалектичны, чем взгляды Л. Гумпловича, Ф. Оппенгеймера и других ученых прошлого.

Данная теория обладает тем огромным достоинством, что имеет многочисленные исторические подтверждения самых различных эпох.

⁵⁵ «По существу, истоки государственной власти уходят в институционализацию централизованного руководства, которое в связи с развитием своих дополнительных административных функций превратилось в наследственную аристократию» (*Service E.R. Origins of the state and civilization*. N.Y., 1975. P. XII).

⁵⁶ В том числе и среди самых современных работ (см.: Общая теория права и государства. М., 1994. С. 43-44). Авторы особо подчеркивают, что существовало по крайней мере два пути генезиса государства: европейский и азиатский.

⁵⁷ Иные, как Салинз, подчеркивают неразрывную связь укрепления власти и возрастания производства, когда «рост власти и положения вождя становится одновременно и развитием производительных сил» (*Sahlins M. Stone age economics*. Chicago, 1972. P. 140).

⁵⁸ Цит. по: *Годинер Э.С.* Указ. соч. С. 63.

И можно также отметить, что война — это не только разрешение конфликта за ограниченные ресурсы, но, говоря более простым языком, — это возможность грабежа и эксплуатации, часто образ жизни определенных обществ. Тем не менее отнюдь не любое завоевание ведет к возникновению государства и отнюдь не всегда государства есть продукт завоевания.

Чтобы образовалось государство, нужен определенный уровень социального развития, материальной культуры, достаточно интенсивные межобщественные политические (и военные прежде всего) контакты. Этот процесс так или иначе должен быть оплодотворен насилием, хотя и необязательно только прямым завоеванием одного народа другим. Война может вызвать и сплочение племен вокруг какого-то лидера или определенных слоев. Так, в период дорийского завоевания в Аттике сложилось государство (или было упрочено, в зависимости от того, с какого момента отсчитывать начало этого события) путем укрупнения населенных пунктов (синойкизма) и концентрации власти в руках родовой знати.

Иногда вождь с дружиной отрывался от народа, а затем мог принудить его покорности. Иногда приглашенные для защиты иноземцы использовали удобный момент и захватывали власть⁵⁹. Государство могло возникнуть и как результат борьбы покоренных племен за независимость. Поэтому можно сказать, что различные процессы, связанные с войной, являются важнейшими ускорителями (катализаторами) при образовании государства.

Однако могли быть и другие катализаторы, например слишком большие богатства, получаемые в результате транзитной (или иной) торговли. Особое положение какого-то населенного пункта, превратившегося в город (например, религиозный центр), также могло где-то выполнять такую роль.

Что касается исторически стадийных типов государств, то для второй формации наиболее важным было соответствие формы государства социальному (социально-идеологическому) порядку. В

⁵⁹ Например, В. О. Ключевский именно так интерпретировал историю приглашения варягов на Русь. Он считал, что их позвали защищать Новгород, а те захватили в нем власть. Нечто подобное случилось и с бритами, которые на свою беду пригласили для защиты от норманнов англов, ютов и саксов. И позже происходили подобные истории.

этом плане удачной кажется мысль Г. Хеллера, который определял «государство как организованный союз господства в его отношении к социальному порядку»⁶⁰. Важнейшей задачей государства было найти вариант наибольшей стабильности, что, естественно, достигалось разными путями. Конечно, выявлялось много непрочных и неразвитых государств, особенно грабительского типа. Недостаточно устойчивыми оказались и демократические полисные государства, раздираемые внутренней борьбой.

Для третьей формации проблема состояла в необходимости обеспечить стабильность в условиях быстрого роста экономики и других сфер. Этого удалось добиться путем создания одновременно правового и моноэтнического государства, хотя само собой, что здесь также явилось много и удачных и неудачных вариантов. Для четвертой формации, думается, наиболее важной задачей (которая требует и соответствующей формы) будет найти оптимальный компромисс между суверенитетом, демократией и национальным эгоизмом, с одной стороны, и готовностью к интеграции в мировое сообщество с неизбежными жертвами — с другой.

Взаимоотношение же государства и его частей (политических единиц особого уровня) — предмет специального исследования. Примитивные государства очень долго могли опираться на старые образования, и нередко важнейшие политические реформы как раз и стремились изменить территориальную или территориально-политическую структуру. Если же вспомнить, что вся история до нового времени связана с борьбой тенденций на централизацию и децентрализацию, то станет ясно, что очень многие из прежних государств не обладали необходимыми (помимо силы) **несущими конструкциями**, позволяющими сдерживать распад, когда военно-политическая мощь слабела. Такими конструкциями могли быть религия, этническое единство, крепкая монархическая власть и др. В новое время крайне важными стали экономическое развитие и разделение труда, а также сближение этнической и политической общности, что выразилось в формировании наций и национального государства. В настоящее время государства в связи с

⁶⁰ Цит. по: Современная буржуазная политическая наука. С. 288.

наднациональным сближением иногда дают трещину под напором национализма. Но об этом мы еще будем говорить во второй и третьей частях.

Стоит немного затронуть вопрос о соотношении государства и цивилизации. Более основательно последнее понятие мы будем рассматривать в следующей части. Пока условно можно сказать, что под цивилизацией понимается **устойчивое в пространстве и во времени культурно-религиозное единство некоторого количества обществ.**

Мы отмечали, что в определенном смысле государство есть центр общества, порой же и вовсе можно говорить об их фактическом совпадении. Не столь однозначна связь государства и цивилизации. Конечно, некоторые из них, как египетская, ассоциируются прежде всего с одной страной. Но чаще они соотносимы с большим количеством, а то и множеством (сотнями, как в Элладе) государств. Основательно проблема соотношения цивилизаций и государств анализируется во второй части. Сейчас же сделаем лишь отдельные замечания.

Каковы типы связи этих явлений? Первый, когда цивилизация совпадает преимущественно лишь с одним государством. Второй: одно государство — ее центр, а другие — периферия. Такова была китайская (точнее, конфуцианская) цивилизация, в отдельные периоды распространившаяся на Индокитай, Корею, Японию. Третий тип: цивилизация охватывает много государств, даже десятки и сотни. Так, ряд ученых полагает, что цивилизация майя состояла из значительного числа городов-государств. Очень часто и Индия представляла собой ряд враждующих держав, за исключением отдельных периодов ее большей или меньшей централизации. Четвертый — одно крупное государство охватывает несколько цивилизаций. Так, Персидская держава Ахеменидов включала в себя собственно персидскую, египетскую, вавилонскую, иудейскую и частично греческую, финикийскую, индийскую. Иногда такой охват приводит к переплавке местных цивилизаций, как случилось со многими провинциями Арабского Халифата.

Тойнби отмечал необходимую связь между цивилизацией и так

называемым «универсальным государством», т.е. крупной державой, охватывающей всю или почти всю территорию данной цивилизации. Он, в частности, писал: «Во-первых, универсальное государство возникает после, а не до надлома цивилизаций... Во-вторых, универсальное государство — продукт доминирующих меньшинств, то есть тех социальных групп, которые когда-то обладали творческой силой, но затем утратили ее.

Кроме того, универсальные государства обладают еще одной выдающейся чертой — они совпадают с моментом оживления в ритме распада...

Все это создает общую картину универсального государства, которая на первый взгляд может показаться двусмысленной. Универсальные государства — симптомы социального распада; однако это одновременно попытка взять его под контроль, предотвратить падение в пропасть»⁶¹.

Это интересные наблюдения, однако очевидна натянутость теории. Ведь на протяжении жизни одной цивилизации таких государств может быть не одно, а несколько (например, в той же Индии). Говоря о том, что подобное государство возникает после надлома цивилизации, Тойнби как будто забывает, что Арабский Халифат создается вслед за укреплением ислама; в Западной Европе если и были «универсальные государства», то в начале пути (империя Карла Великого). Наконец, какие-то государства — спутники цивилизации (или наоборот) на всем протяжении пути. Кроме того, неизбежная условность выделения цивилизаций при любом другом воззрении (аспекте) меняет и представление об их соотношении с государством.

Однако так или иначе без каких-то государственных форм цивилизация не существует. И можно согласиться с Данилевским, полагавшим, что «дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежавшие, пользовались

⁶¹ Тойнби А. Постигание истории. М, 1991. С. 485.

политической независимостью»⁶². Хотя, с другой стороны, смена политической власти иногда приводит к более или менее плодотворному синтезу (каков был эллинизм например).

Таким образом, можно считать, что цивилизация и государство, с одной стороны, несомненно, тесно связанные и поддерживающие друг друга явления, но с другой — их совпадение в пространстве и времени не только не обязательно, но и представляет более редкое явление, чем другие комбинации.

Безусловно, немало случаев одновременной гибели государственной организации и цивилизации (хотя иногда это вызвано общим тотальным разрушением или (и) столкновением с более развитой культурой, как случилось с американскими цивилизациями). Ведь если не возникает соответствующей замены разрушенного новыми формами, если в результате вторжений «внешнего пролетариата», по терминологии Тойнби, общество возвращается в догосударственное варварское состояние, то такому социуму, естественно, не нужна и цивилизация. Возможно это было причиной гибели обществ Мохенджо-Даро и Хараппы. Именно так оказалась прерванной нить на длительное время Крито-Микенской цивилизации. Но даже и в такой ситуации притягательная сила высокой культуры позволяет частично на ее основе через определенное время создать новую, как случилось с дорийцами.

Еще больше случаев, когда при уже достаточно зрелой цивилизации варварские завоевания не ведут к исчезновению цивилизаций. Египет, Междуречье, Индия, Китай неоднократно демонстрируют нам свою способность цивилизовать варваров-завоевателей. И все это вместе с тем фактом, что с распадом централизованных государств цивилизации не исчезают (а в некоторых ее структурных единицах даже и наблюдается подъем культуры, как в Европе и на Руси при феодальной раздробленности), доказывает, что **основные связи цивилизации во многом иные, чем в централизованных государствах.** Цивилизационная связь во времени поэтому длиннее (точнее, потенциально длиннее)

⁶² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 77.

политической, и цивилизация способна пережить много политических форм.

Это совершенно понятно, если вспомнить, что мы определяли цивилизации как **форму пространственно-временных группировок обществ**. Видов таких группировок немало (например крупные государства и этнические общности). С одной стороны, у каждой из них свои специфические виды, сплочения, и, следовательно, собственные циклы и ритмы. Но с другой — они могут быть тесно связаны и обуславливать друг друга.

Среди современных ученых существуют различия в представлении о том, какие условия необходимы для возникновения цивилизаций. Если Г. Чайлд говорил о десяти признаках, то иные, например К. Клакхолм, указывают всего лишь на три: монументальная архитектура, города и письменность⁶³. Однако, как справедливо отмечает Массон, указанная триада характеризует цивилизацию в первую очередь как культурный комплекс, тогда как «социально-экономическую сущность данного явления составляет появление классового общества и государства»⁶⁴.

Мне также думается, что государственная организация, будь то в виде городов-государств или в иной форме, в принципе обязательна для оформления цивилизации. Ибо мобилизовать столь большие ресурсы вне государственной власти сложно. Однако подготовительный этап идет и в догосударственных уже образованиях. А начальные этапы цивилизации могут быть и в аналогах государств. Относительно же письменности нужно заметить, что для ранних форм цивилизации она иногда не строго обязательна, поскольку может заменяться некими ее аналогами, вроде узелкового письма (кипу) у инков.

По главным опорам цивилизации можно выделить следующие их типы (помня, конечно, об условности этого, как и других делений): государственные; государственно-религиозные; религиозные и этническо-культурные. Характерным признаком государственного типа является обожествление монарха и включение его в систему

⁶³ См.: Массон В.М. Первые цивилизации. М., 1989. С.9.

⁶⁴ Там же. С.9.

религиозного культа. При государственно-религиозном типе религиозная идеология не связана с фигурой монарха так тесно. Сама же конфессиональная организация так или иначе интегрирована в политико-административную систему, хотя и пользуется автономией. Таково было положение, например, в православной цивилизации (в Византии и в России). Религиозный тип характерен для мировых религий (и для Индии), охватывающих много разноэтнических стран, и имеет надгосударственную религиозную организацию. При этнически-культурном типе связи определяются этнической однородностью жителей многих государств и их общими культурными традициями и контактами (как в Элладе). Обычно, конечно, действуют все или большинство видов связи, но в разной пропорции.

§ 2. Социальная структура общества

В широком смысле слова любое общественное явление можно считать социальным. Но в данном параграфе мы будем говорить о социальном в узком смысле, имея в виду признаки, согласно которым можно выделять группы людей (существующие фактически или конструируемые теоретически), что позволяет вести речь о социальной структуре⁶⁵. В социологии к социальным причисляют не только экономические или профессиональные различия, но и национальные, расовые, конфессиональные, географические, половозрастные и др. Крайне важно отметить, что ключевым везде выступает понятие **неравенство**. Оно существует в любом самом примитивном обществе. Ведь говоря диалектично, любое равенство есть в то же время и неравенство. Однако опоры или «стержни», на которых оно держится, могут быть очень различными. Так или иначе, конечно, должна присутствовать сила или угроза ее применения. Но далеко не всегда она выходит на передний план. Физическое насилие с успехом могут заменять психологическое, привычка к подчинению, признание

⁶⁵ Говоря о социальной структуре общества, часто используют понятие «стратификация», которое означает принципы и механизмы социального деления, а также и способы, «с помощью которых неравенство передается от одного поколения к другому» (Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 174).

за лидером и его окружением (или за какими-то группами) особых прав и ряд других вещей.

Очень различны также признаки неравенства, которые в совокупности создают своего рода **линии** социального деления. Среди наиболее типичных линий — имущественные, генеалогические (связанные с родовитостью), расовые, этнические, религиозные и др. Но надо отметить, что в принципе любые различия хотя бы в небольшой степени, но влияют на возможности обладания дефицитными в обществе благами. Если взять, например, географический аспект (разное место жительства), то любой населенный пункт или район большого города отличаются, скажем, безопасностью, ассортиментом товаров, уровнем цен, развитостью услуг и прочим от других мест той же самой страны. Однако значимость в плане близости к указанным благам у разных линий социального деления очень различна.

Одни из них достаточно **нейтральны** к тому, как отражаются на статусе, престиже, доступе к каким-то благам наличие или отсутствие данных признаков. Иные линии неравенства хотя и менее нейтральны в указанном смысле, но воспринимаются как **естественные** (например половозрастные), а потому могут и не иметь такого важного социального значения. Зато некоторые линии в сильной степени предопределяют возможности обладания дефицитными благами. Их можно назвать **социально окрашенными**.

Однако в каждом обществе (и в особых исторических периодах) набор таких признаков и линий неравенства будет весьма различным. Так, в одних случаях национальность, место жительства, родовитость, пол и возраст, принадлежность к религии и политической партии выступают как нейтральные. Зато в других они будут главными признаками, формирующими социальные единицы. Надо сказать, что для социологии истории наибольшее значение имеют именно **социально окрашенные**, социально структурирующие общество признаки и линии, и осознающиеся именно как неравенство (равенство), несправедливость (справедливость). Но, конечно, и набор социально нейтральных признаков очень много говорит об обществе. Недаром же современные конституции закрепляют эту

нейтральность провозглашением юридического равенства граждан независимо от их пола, национальности, религии и пр.

Сказанное дает некоторые направления выделения социальной сферы. Однако задерживаться на методиках этой операции у нас нет возможности. Достаточно лишь сказать, что в общих чертах принцип здесь тот же, что и в отношении иных подсистем. Границы их подвижны, а периферия этих сфер перекрывает друг друга, поэтому каждый раз отчленение той или иной подсистемы во многом зависит от характера решаемой задачи. В более чистом виде социальное, как сказано, связано с тем, насколько важен или нейтрален некий признак (особенность) в отношении к важнейшим дефицитным благам. Отсюда понятна близость, скажем, собственно социальных и этнических характеристик. Но ясны и основания, которые все же позволяют разделять в теории эти подсистемы. И чем более социально нейтральными выступают этнические различия, тем легче отделить их от социальных.

В западной науке к наиболее важным среди типов благ, вокруг обладания которыми возникает неравенство, относят: **власть, богатство, престиж, статус, привилегии**. Иногда дополнительно выделяют еще образование⁶⁶. К этому списку, на мой взгляд, следовало бы добавить и достаточно существенный момент — **удобство и гарантии** в обладании, получении, сохранении благ, реализации прав и пр. Так, общеизвестно, что государственная служба очень часто привлекает людей именно гарантированностью доходов, хотя бы они и были меньше, чем в бизнесе. Можно было бы привести множество исторических фактов, подчеркивающих значительные колебания и неравенство в этом смысле. Так, жалованье могли выдавать деньгами или натурой, лучшей или худшей валютой; права могли быть служебными или наследственными, отчуждаемыми

⁶⁶ «Таким образом, позиция данного агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, т.е. в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле. Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т.п. Именно в этой форме все другие виды капиталов воспринимаются и признаются как легитимные» (*Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С.57*).

и неотчуждаемыми и т.п. Анализ социалистического общества, с его прикреплениями, очередями, разным уровнем снабжения и прочим также дает много интересного.

Несомненно, надо выделить и такой тип благ, как **личная известность**. Существенный всегда, в современных обществах он становится одним из важнейших. Ведь помимо собственников, управляющих и служащих, а также и помимо тех, главный капитал которых есть образование и квалификация («люди знания», называет их П. Бергер), все более заметным становится и слой людей, главный капитал которых — известность. «Люди известности» можно было бы назвать их. Эта весьма разношерстная публика имеет общим то, что эксплуатирует свою популярность, конвертируя ее в должности, деньги, связи и разные блага. Значение такого слоя в информационном обществе, по-видимому, будет расти.

Некоторые типы благ, вокруг обладания и контроля над которыми строится социальная иерархия (например власть), обладают так называемой нулевой суммой, т.е. прибавление их к одним означает уменьшение у других⁶⁷.

Распределение указанных выше типов благ имеет весьма сложные способы, во многом особые для каждого общества. Эти механизмы неразрывно связаны с линиями неравенства. А последние представляют систему социально окрашенных признаков близости и различия между людьми, согласно которым в большой степени и оформляются права на данные блага. Все линии и признаки, по которым неравенство устанавливается, обнаруживается и узнается, обычно существуют не в чистом виде, а в той или иной комбинации между собой. Тем не менее их можно условно разделить на три группы. Первая связана с некоторыми наследственными и приобретенными признаками, которые, что называется, бросаются в глаза: половозрастные различия, расовые, антропологические и некоторые этнические особенности, а также язык. Сюда можно отнести и признаки, имеющие характер внешних атрибутов и маркеров: татуировки, одежда, гербы, особенности жилищ и некоторых вещей, знаки различия и многое другое.

⁶⁷ См.: *Смелзер Н.* Указ. соч. С. 525.

Вторая группа связана с признаками, жестко закрепленными обычаем, законом или неким фактом. Сюда относятся родственные отношения, принадлежность к какой-либо закрытой группе, этнические и конфессиональные характеристики, в некоторых случаях место жительства (например при прикреплении к нему) и аналогичные им. Поскольку статус и авторитет группы распространяются на любого человека, входящего в нее, то социальная роль личности меньше зависит от ее индивидуальных качеств⁶⁸.

Третья группа связана с самим фактом обладания, близости и контроля над властью, богатством, образованием и пр. Получение этих благ относительно легко меняет и социальное положение человека. А его престиж и статус напрямую связаны с полнотой и объемом владения, распоряжения и контроля над данными ресурсами. В этой ситуации фактические преимущества нередко позволяют обходиться без юридических. Например то, что состоятельные слои могут дать своим детям лучшее образование, создает последним трудно преодолеваемое превосходство.

Имущественное неравенство возникает уже с появлением земледелия и скотоводства (а при изобилии природных благ даже и в охотничье-собираательском обществе), становясь иногда в этих примитивных социумах важнейшей социальной характеристикой. Однако коллектив долгое время ревностно следил за обогащением, которое сдерживалось обычаями, связанными с раздачей или уничтожением нажитого при жизни или после смерти хозяина. Различия в богатстве и собственности возникли как один из способов оформления социальной стратификации. Причем их можно обнаружить везде, однако социальная роль их сильно отличалась от общества к обществу. Но, за отдельными исключениями, в рамках второй формации владение собственностью было не главной и достаточно самостоятельной социальной характеристикой, а скорее дополнительной к другим: знатности и месту в административной иерархии. В догосударственный период второй формации главными

⁶⁸ При этом «характерно, что индивид высшего класса в системе с высокой устойчивостью статуса... обычно мало теряет даже в том случае, если он плохо выполняет свои обязанности» (Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 210).

можно считать дифференциацию на более или менее значимые, знатные, привилегированные роды, семьи, слои, племена и т.п.⁶⁹. А с появлением и укреплением государства таковыми стали либо неравноправность (от рабства до отдельных ограничений) и привилегии, либо место группы в сословной лестнице, государственном аппарате и своеобразие ее отношений с государством. Особый колорит во многих обществах всему придавали война (военный грабёж) и совпадение социальных и этнических единиц⁷⁰. Но в относительно чистом виде эти линии существовали реже, а чаще в комбинации между собой и с имущественными различиями.

Напомним, что нельзя однозначно утверждать, будто более высокий статус каких-то групп автоматически означает и наличие у них более высоких доходов. Тем не менее в рамках социологии истории очень часто дело обстоит именно так. Поэтому можно сказать, что социальное и материальное неравенства так или иначе связаны⁷¹. Иногда получение имущественных выгод — главное назначение социальной дифференциации, иногда — дополнительное, иной раз именно разница в доходах, собственности и стратифицирует общество. Очень многое зависит в этом плане от социального вектора, под

⁶⁹ По сравнению с периодом присваивающего хозяйства теперь «положение того или иного общинника зависит от того, в каком родственном отношении к вождю он находится» (*Бутинов Н.А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 149-150*). И хотя «родство продолжает играть важную роль, но теперь права и обязанности, связанные с ним, поделены так, что права достаются одним членам общины, а обязанности — другим» (Там же. С. 148).

⁷⁰ Можно в принципе согласиться, что весьма часто «классовое общество возникает... не путем наложения одной этнической общности на другую, а медленно вызревает изнутри, в самих родовых общинах, конденсируя в каждой из них на одном полюсе родовую знать, на другом — зависимых от нее... Перед нами высшие и низшие роды, сословия, касты» (Там же. С. 147). Но правда и то, что, для того чтобы из этих примитивных сословий и каст возникли действительно развитые сословия или классы, необходимо государство, которое как раз достаточно часто образуется (и часто преобразуется на протяжении своей истории) как наложение одной этнической общности на другую.

⁷¹ «Любая позиция, обеспечивающая индивиду, занимающему ее, средства к существованию, является (по определению) экономически вознаграждаемой. Вот почему позиции, основные функции которых не являются экономическими (религиозные, политические), имеют также и экономическую сторону. Поэтому обществу удобно применять неравное экономическое вознаграждение как средство контроля над заполнением определенных социальных позиций индивидами и стимулирования выполнения обязанностей, связанных с занятием этих позиций. Таким образом, экономическое вознаграждение становится одним из главных индексов социального статуса» (*Девис К., Мур У.Е. Цит. по: Социология. Хрестоматия. С. 82*).

воздействием которого одни типы благ как бы следуют за другими. Так, знатность или должность могут влечь за собой и богатство⁷². Причем эти характеристики, линии и признаки могут переходить, перерастать, превращаться, заменять и дополнять друг друга. Легкость или сложность таких переходов и особенности самих процессов очень многое говорят об обществе.

Итак, **социальные единицы** — это понятие, с помощью которого можно описывать особого рода группы людей (как фактически оформленные, так и выделяемые по объективным признакам), члены которых имеют между собой определенное сходство, относительно близости к указанным выше общественно значимым дефицитным благам. Это сходство определяет место социальных единиц в общественной иерархии.

В зависимости от тех линий, по которым пролегает социально окрашенное неравенство, и признаков, являющихся его показателями, социальные единицы больше или меньше могут совпадать с другими: родовыми, этническими, политическими и т.п. И, следовательно, последние будут в той или иной степени также и социальными единицами.

История демонстрирует нам гигантское разнообразие социальных единиц. А поскольку общество имеет целый ряд линий деления, его структура тем более выглядит сложной. Иногда крупные единицы правильнее представлять как реальное целое, состоящее из меньших единиц (например сословие делится на отдельные слои и группы). Но иной раз мы должны говорить о крупных единицах только как о теоретических конструкциях, выделяемых на основе объективного сходства мелких единиц. Надо отметить и большие различия в вертикальной и горизонтальной мобильностях населения. Но в целом общеизвестно, что для традиционных обществ более характерна

⁷² Известно множество случаев, когда родовитые землевладельцы, переходя на службу к иному государю, теряли свои земли. Но в другом государстве легко получали новые поместья. Так неоднократно было, скажем, при переходе литовских бояр к Московскому князю (царю). Нередко место в административной (военной) иерархии превращается в нечто материальное. Скажем, в Золотой Орде размеры землепользования прямо зависели от воинского ранга.

Может быть и наоборот, когда гигантское богатство автоматически дает престиж, известность, влияние и пр.

закрытость единиц и сложность перехода не только по вертикали, но и по горизонтали. Индустриальным и особенно современным обществам присуща высокая мобильность.

Если рассматривать социальную структуру в формационном разрезе, то для первой формации главными можно считать родственные, половозрастные (брачные) единицы; для второй — нечто сходное с сословиями, кастами и пр. Для третьей — это мог быть класс. Наконец, сегодня все большее значение наряду со слоями, выделяемыми по уровню дохода и качеству жизни, приобретают социальные единицы, связанные с образованием, квалификацией и местом в управлении, особенно такие группы специалистов и ученых, которые получили общее название технократии и меритократии.

Социальные единицы можно типологизировать по разным основаниям. Для социологии истории в целом, думается, удобным будет следующее деление: 1) связанные с жестко закрепляемыми признаками (в основном совпадает с первой и второй группами линий деления); 2) связанные преимущественно с личными качествами индивидов и обладанием благами самими по себе (в основном третья группа линий деления). Первый тип условно будем называть **закрепленным**. Он, как ясно, более присущ доиндустриальным стадиям. Его примеры: касты, юридически оформленные сословия, закрытые цеха и пр. Второй тип — **незакрепленный** — более характерен для индустриальных стадий, в которых социальное положение определяется богатством, личной известностью или образованием.

Говоря о способах анализа социальной структуры, мы вновь сталкиваемся с проблемой оптимизации использования теоретических конструкций. Как добиться логической стройности, наибольшей адекватности описания действительности, удобства и эффективности?

Можно использовать для решения некоторых задач такое понятие, как «страты» (в смысле малые группы, ибо обозначение этим термином любой социальной единицы создает сложности). Преимущества здесь в том, что мы опираемся на вполне реальные образования; прослеживаются каналы связи индивида и общества. Причем подчеркивается мысль о том, что часто человек интегрируется

в общество не непосредственно, а именно через малые группы (обычно даже не одну, а несколько). Также легко увидеть неоднородность общественной «ткани» на микроуровне.

Но такой метод не дает нам цельного представления о структуре общества и затрудняет его сравнение с другими, поскольку тут налицо отмечаемая ранее ограниченность микроанализа для социологии истории.

Необходимы более крупные единицы. Но здесь подстерегают методологические опасности, существенные даже в отношении «закрепленных» единиц типа сословий, для вычленения которых имеются приблизительные ориентиры и в праве (обычае), и в общественном сознании. Ведь нередко фактическое и юридическое положения не совпадают, а противоречия внутри каждого сословия могут оказаться сильнее, чем между ними.

Тем более строго следует подходить к анализу «незакрепленных» единиц, типа слоя, класса⁷³. Одна из главных ошибок здесь связана с объективизмом, когда, говоря словами П. Бурдьё, «теоретический, сконструированный Ученым класс рассматривается как реальный класс, как реально действующая группа людей»⁷⁴. Он называет это классом «на бумаге»⁷⁵. В результате происходит отрыв от реальности, умаляется роль фактически более важных единиц, появляется стремление представить общество однородным.

Это весьма актуальные недостатки для нашей науки, в которой и до сих пор классовое деление полагается универсальным (кроме доклассовых обществ), естественным и главным. Как известно, в историческом материализме классы понимаются как «большие

⁷³ Насколько мне известно, классовая характеристика юридически закреплялась только в некоторых социалистических обществах, и в результате она сразу же стала приобретать черты сословных и кастовых образований.

⁷⁴ Бурдьё П. Социология политики. С. 55.

⁷⁵ Там же. С. 59. Бурдьё также отмечает, что подобная конструкция «имеет теоретическое существование, такое же, как и у любой теории: будучи продуктом объяснительной классификации, совершенно сходной с той, что существует в зоологии или ботанике, он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых. И, между прочим, поведение, ведущее к объединению в группу. Однако реально это не класс, это не настоящий класс в смысле группы, причем группы «мобилизованной», готовой к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь возможный класс...» (Там же).

группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁷⁶.

Нетрудно заметить, что здесь налицо понимание классов именно как совершенно реальных и естественных единиц, ибо они определяются прямо как группы людей, а не через их связь с более родовыми понятиями (хотя бы социальными группами). Между тем существует огромная разница между такими единицами, которые фактически достаточно сплочены, организованы и осознают это, и теоретически конструируемыми классами, разные представители которых часто не только не осознают себя едиными, но и не поняли бы или даже с негодованием отвергли бы саму мысль о таком единстве. Хотя в марксизме такая ситуация и нашла обозначение как «класс-в-себе» и «класс-для-себя», но серьезного значения для развития принципов анализа социальной структуры эта идея не получила. Кстати следует отметить, что ее активно разрабатывал Р. Дарендорф.

Итак, понятие классов имеет и свои ограничения, и свои неудобства, важнейшие из которых в том, что, хотя теоретически классы можно конструировать для большинства обществ определенной зрелости, роль главных социальных единиц они будут выполнять лишь в некоторых обществах. Там же, где господствовало жесткое деление, кастовость, на первый план могут выйти иные единицы. Далеко не всегда классы будут важнейшими социальными единицами и в современных условиях.

Таким образом, мы подошли к мысли, что **роль главных, ведущих социальных единиц** в разных обществах и периодах могут выполнять разные виды (и типы) социальных единиц (подобно тому, как это формулировалось для главных видов и типов

⁷⁶ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 39. С. 15.

распределительных отношений). Иногда это могут быть даже сравнительно небольшая группа, часть сословия или класса, некая корпорация и т.п. Исследователь должен разобраться, какие для его общества (задачи) параметры важнее: классовые, сословные, политические и т.д. При этом желательно не забывать, что в большинстве случаев о **чистых классах** говорить невозможно, а надо учитывать нерасчлененность или смешанность ряда подсистем и функций.

Если классы теснее связаны с такими типами благ, как богатство, имущественные привилегии и т.п., то другие крупные теоретические социальные единицы — с властью, высоким статусом и престижем, почетными привилегиями и пр. Речь идет о делении общества на **элиту** (меньшинство) и **неэлиту** (народ, массы и т.п.). Эти понятия в некоторых отношениях даже более универсальные, чем классы, поскольку об элитах можно говорить и для доклассовых обществ. Ведь часть людей всегда имеет больше прав в отношении власти и управления, чем остальные. Вероятно, в этом смысле нужно понимать утверждение Г. Моска, что «во всех обществах... существуют два класса людей — класс правящих и класс управляемых»⁷⁷.

Объективная сторона такого деления заключается в том, что «в любой большой и сложной системе защита стандартов необходимо должна сосредоточиться в руках сравнительно небольшого количества людей, обладающих ценностями и умением; без элит не обойтись»⁷⁸. Элиты и их типологии достаточно разобраны различными теоретиками, так или иначе касающимися идеи «массового общества», весьма популярной одно время.

Но субъективная сторона дела состоит в том, что, как и класс, это во многом теоретическое понятие, в зависимости от нашего угла зрения приобретающее более или менее широкое значение. Иногда какие-то единицы (особенно, если они «закрепленные») или их части тесно совпадают с представлением об элите (аристократия, высшая

⁷⁷ Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187. Примерно то же говорит и В.Парето: «Меньшее, что мы можем сделать, — это разделить общество на страты, т.е. на высшую страту, в которой обычно находятся правящие, и низшую страту, где находятся управляемые. Этот факт настолько очевиден, что он в любое время доступен даже малоопытному наблюдателю» (Цит. по: Современная буржуазная политическая наука. С. 24-25).

⁷⁸ Корнхаузер У. Цит. по: Ашин Г.К. Доктрина «массового общества». М., 1971. С. 32.

бюрократия и пр.). Иногда это понятие размыто или на первый план выходит не столько элитарность, сколько другие характеристики. Так же и совпадение элитарного положения и сознания может быть значительным⁷⁹ или слабым. В первом случае данное понятие ближе к реальности, во втором — дальше. И т.д.

Еще более теоретической, но иногда удобной является категория «слой», показывающая как бы вертикальную структуру. Так, в современных обществах очень часто говорят о так называемом среднем слое или классе (в смысле слоя), понятии, обобщающем весьма разношерстные группы, ко тем не менее имеющем и реальные основания.

Таким образом, существует ряд категорий для представления социальной структуры в виде крупных социальных единиц, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. Совместить разные подходы удобнее всего, выделяя **главные единицы** для данного общества (периода, типа обществ и т.п.) и оттеняя их менее важными характеристиками. Кроме того, очень желательно при возможности дополнить крупное членение более дробным, что позволит увидеть, насколько выделяемые нами классы, элиты и прочее близки к реальности.

Задержимся еще на рассмотрении понятия «общественный класс», которое родилось в трудах французских историков XIX в. После Маркса в западной науке оно стало довольно популярным и по сию пору в ходу. В свое время П. Сорокин насчитал 32 различных определения классов, и меньше с тех пор их не стало. Как мы уже видели, Маркс распространил ситуацию, характерную для определенной эпохи, на всю историю. Кроме того, свою теоретическую модель он как бы наделил свойствами реального бытия. В результате появилась более чем неудачная тенденция представлять в стадийно однотипных обществах все классы примерно одинаковыми, что искажало историю и затрудняло ее анализ. Весьма некорректно было также говорить о социальной структуре как

⁷⁹ «Так как властвующая элита состоит из людей приблизительно одинакового происхождения и воспитания, т.к. их карьера и образ жизни обнаруживают определенное сходство, то единство этих людей имеет под собой психологические и социальные основы...» (Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 86).

о двухклассовой, ибо подобная теоретическая абстракция удобна лишь в ограниченных случаях, поскольку все остальные единицы, по точному замечанию М.

Барга, предстают тогда маргинальными⁸⁰.

В западной науке (и в этом моменте она близка к марксизму) есть также тенденция связывать классы прежде всего с чисто экономическими отношениями⁸¹. Подобная трактовка классов (и собственности как главного классовобразующего признака) есть следствие политэкономического подхода, слабо пригодного в социологии истории.

Конечно, и в докапиталистических эпохах встречались ситуации экономически чистых классов: ростовщики и должники, землевладельцы и юридически свободные арендаторы, скупщики и ремесленники и т.п. Но гораздо чаще господствовали иные отношения. Поэтому нужно совершенно ясно понимать следующее. Указанный выше подход можно признать правомерным, но тогда поле применения понятия общественных классов будет весьма узким. Если же мы хотим использовать категорию классов как достаточно универсальную (хотя и не всегда главную в социологии истории), то рациональнее связывать их не с экономическими только, а шире — с распределительными отношениями. Хотя бы потому, что в последних участвуют все, а в первых — не все. Правда, поскольку данное понятие характеризует прежде всего внутреннюю структуру общества и поскольку формирование и существование классов требует определенной стабильности, правильнее будет говорить о связи прежде всего с достаточно устоявшимися и важными видами распределительных отношений. Следовательно, можно вести речь и о классе чиновников, характерном для общества так называемого азиатского (государственного, политарного) способа производства и социалистических стран; и о классе жречества там, где оно

⁸⁰ Барг М. Цивилизационный подход к истории — дань конъюнктуре или требование науки? // Коммунист. 1991. № 3. С. 30.

⁸¹ Вот один пример: «Класс — это группа людей, привилегии которой проистекают из ее роли в производственном процессе и которую отличают общие интересы и общие культурные особенности; классовое общество — это такое общество, в котором доминирует классовая форма стратификации» (Бергер П. Капиталистическая революция. С. 66). «Иначе говоря, классовая система означает, что с «деньгами можно добиться всего» (Там же. С.69).

объединялось в мощные корпорации и занимало важное место в системе распределения. В иных случаях имеет смысл выделять классы ремесленников, купцов, даже данников и получателей дани и т.д. Причем выделение какого-либо класса необязательно требует наличия класса-антагониста.

Совершенно очевидно также, что поскольку распределительные отношения сплошь и рядом теснейше увязаны с политическими, идеологическими, военными и иными, постольку очень часто налицо полное или частичное совпадение класса и сословия, группы, элиты, этноса и пр. Ведь различия в распределении связаны не только с местом в производственном, но и политико-административном, культурном и иных процессах. Следовательно, в каждом обществе и классовый состав, и число, и характер классов мог быть весьма своеобразным или даже уникальным, что, разумеется, не мешает нам искать общие черты и сходные типы.

Итак, классами можно считать особые и достаточно крупные социальные единицы, которые отличаются местом в системе распределительных отношений, долей и формой получаемых благ, а также источниками, способами и формами их получения (обладания, контроля и пр.).

Как сказано, классовое деление может сочетаться с сословно-кастовым, этническим и каким-либо иным. При этом роль классовых характеристик будет тем больше, чем менее жестко юридически оформлены такие единицы. И наоборот, чем более закреплено деление, тем больше роль иных единиц, а значит, сложнее применять понятие «класс» для обозначения реальной социальной группы и отождествлять теоретическую конструкцию с фактическим положением дел. Наконец, **чем яснее преобладание именно экономических характеристик в распределительных отношениях, тем четче и важнее классовое деление.** В последнем случае может даже сформироваться классовое сознание, которое в определенной мере как бы цементирует классы, заменяя иные формы сознания и юридические нормы. Однако в целом в рамках социологии истории классовая принадлежность осознается реже, чем иная (этническая, сословная, религиозная и пр.).

Реальная классовая структура более подвижна, чем сословная и ей подобные. Но и она предполагает наличие определенных внеэкономических по преимуществу моментов, закрепляющих классовое неравенство. Если взять буржуазное общество, то там можно увидеть политические и юридические ограничения низших классов, поддерживающие экономическое могущество высших (например избирательный ценз). Если же эти «подпорки» убираются, классы начинают размываться и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы (страты, слои и т.д.).

В социологии значительное место занимает теория конфликтов, согласно которой неравенство «является результатом такого положения, когда люди, под чьим контролем находятся общественные ценности (главным образом богатство и власть), имеют возможности извлекать для себя выгоды»⁸². Соответственно такое воспроизводство неравенства ведет к общественным конфликтам. С этим можно согласиться. Я, кроме того, считаю, что в определенном смысле соперничество и борьба общественных групп и социальных единиц между собой есть способ их существования, форма общественной жизни. Однако это никак не означает неизбежность разрушительных и кровопролитных конфликтов. Это в истмате классовую борьбу часто трактовали только как определенные формы борьбы (восстания, революции, стачки и т.п.) угнетенных против угнетателей, то есть очень узко⁸³. Но поскольку «социальные конфликты вырастают из структуры обществ»⁸⁴, постольку

⁸² Смелзер Н. Указ. соч. С.280.

⁸³ Привожу как пример интересное сравнение Каутского. Думается, что правильнее говорить не об отсутствии социальной борьбы на Востоке, а об иных формах ее там, менее организованных и заметных. «В больших государствах Востока, как правило, борьба трудящихся классов за улучшение их участи была невозможна. Хотя там были налицо большие классовые противоречия, однако лишь в исключительных случаях дело доходило до борьбы между высшими и низшими классами...

Совсем иначе дело обстоит в свободных государствах Греции. Здесь мы видим не только наличие классовых антагонизмов к случайные вспышки восстаний, но постоянную классовую борьбу, которая ведется с большой настойчивостью и которая, несмотря на отдельные неудачи, приводит в общем к непрерывному постепенному подъему низших классов, к подъему демократии. Классовая борьба делается здесь жизненным элементом существования государства» (Каутский К. Материалистическое понимание истории. М.-Л., 1931. Т.2. С. 334-335).

⁸⁴ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143.

естественно, что в разных обществах они приобретают разную форму от прямой схватки до невидимого соперничества. Социальная (в том числе классовая) борьба, как сказано, есть форма существования групп и классов. Поэтому она обоюдна как со стороны привилегированных, так и принижённых групп. Первые даже чаще могут пытаться изменить ситуацию в свою пользу как более сильные. Во-вторых, поскольку борьба постоянна, обычны более мирные способы: бегство, «вольтерпа», обман, воровство и тому подобное — с одной стороны; обман, пренебрежение правами, манипуляции с законом и тому подобное — с другой. Сказанное, однако, не препятствует нам ни в выделении моментов и периодов социального мира, ни в определении надклассовых и надсоциальных ценностей.

Несколько слов о соотношении цивилизаций и социального деления общества. Нет сомнения, что это тесно связанные моменты. Во-первых, то творческое или «доминирующее» меньшинство», о котором как о важнейшем элементе любой цивилизации говорил Тойнби — имеет социальные характеристики. Либо это жрецы или служители церкви («люди книги»), либо свободные и обеспеченные граждане из высших слоев (в Греции, Риме, Индии). Указанное меньшинство рационально связать с элитарным делением, хотя, конечно, речь идет прежде всего о творческой, а не о военно-административной элите.

Во-вторых, такое разделение труда, позволившее создать высокую культуру, опирается на иерархический и жесткий характер социальной структуры, нередко просто на принудительные работы. Ведь самые зримые достижения, вроде египетских пирамид, могли возникнуть только потому, что «нетворческое большинство» сгоняли сотнями тысяч на стройки.

Если говорить о линиях неравенства в цивилизациях, то все они в качестве важнейшей имели социальную неравноправность, так или иначе закрепленную законами, обычаями или религией. Возможно, наиболее ярко проявилось это в Индии. Однако в некоторых случаях весьма важное место занимало классовое деление (например в городах Греции), в других — отношения с государством, в третьих — с религиозными корпорациями.

§ 3. Этнос и другие категории в аспекте социологии истории

В отечественной науке относительно теоретических и терминологических проблем, связанных с этническим аспектом жизни общества, сложилась, кратко говоря, следующая ситуация. В наибольшей степени эти вопросы волнуют этнологов, поскольку составляют саму основу их науки. Поэтому споры о том, что есть этнос, этничность, нации и прочее, начавшиеся несколько десятилетий назад, не утихают до сих пор и в самое последнее время даже вновь набирают силу. В этих дискуссиях активно участвуют и историки, особенно докапиталистических эпох. Но в целом для историографии данная тема не является первостепенной. Социологи и политологи в последнее десятилетие в связи с ростом национализма много говорят о нем, о национальных проблемах, менталитете и т. п., но широкие теоретические конструкции этнического разрабатываются ими мало.

Философы с 30-х годов не придавали этим вопросам особенно большого значения. Сегодня же концептуальные основы этнического аспекта истории в некоторых отношениях анализируются еще меньше⁸⁵. А если такой анализ и есть, то за некоторыми исключениями (вроде Ю. И. Семенова) он базируется на явно устаревших концепциях, в которых этнические моменты мало связаны с социально-политическими и, по сути, выпадают из системной характеристики общества. Многие предпочитают просто пользоваться готовыми выводами некоторых этнологов (Бромлея, Гумилева и др.)⁸⁶. Между тем по самому своему положению философия и социология истории не могут просто переписывать теории этнологии, даже в том случае, если бы они были безупречны и общеприняты в ее собственной среде. В условиях же, когда в ней существует согласие лишь в том, что по-настоящему проблему базовой ее категории и с ней связанной терминологии решить не

⁸⁵ Достаточно посмотреть учебники по философии, чтобы увидеть, что за отдельными исключениями этой тематике уделено в них очень мало внимания.

⁸⁶ Единственное справочное издание по философии, в котором я нашел статью «Этнос», — словарь, созданный киргизскими авторами (Современный философский словарь. М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996). Однако и здесь в основном опирались на идеи Л. Н. Гумилева.

удалось, это и тем более невозможно.

Некоторые этнографы (в первую очередь Ю. В. Бромлей) пытались совместить теорию этноса с концепцией общественно-экономических формаций и исторического процесса в целом. Но, поскольку (как уже много раз подчеркивалось) исходные истматовские гносеологические, методологические и иные посылки были ущербны, непротиворечивой теории из таких попыток не вышло. Таким образом, этнологи переносили и переносят к себе ошибки обществоведов, а те, в свою очередь, этнологов.

Справедливости ради надо заметить, что и в западной науке, несмотря на значительные достижения и огромный интерес к этой тематике, проблемы глобальных обобщений общепринятых дефиниций и категориального аппарата не решены.

Из сказанного понятно, почему логика исследования вынуждала меня обратиться к данным проблемам: без этого моя концепция оказывалась слишком неполной. К тому же от того или иного их решения существенно менялись и другие выводы. Поскольку именно этнографы наиболее активно разрабатывали указанные темы, я опирался прежде всего на их работы. Однако совершенно необходимо подчеркнуть, что мои выводы сделаны в рамках социологии истории и теории исторического процесса, поэтому совсем не обязательно, чтобы они годились и для этнологии (в некоторых же случаях и наверняка не годятся).

Мне хотелось наметить линии, которые помогли бы четче связать этнический аспект с другими в рамках социологии истории, а также показать возможности интеграции разных точек зрения, в том числе и за счет уточнения терминологии и границ ее применения.

Однако эти позитивные задачи не решаются без анализа ошибок и недостатков (а также их причин) в наиболее распространенных подходах, хотя само собой, что я не мог входить в тонкости разных точек зрения.

Было бы неверным утверждать, что теоретические труды, связанные с проблемами этноса и ему родственных категорий, всего лишь «сборники текстов, которые называют учениями об этносе»⁸⁷. И

⁸⁷ Белков П. Л. О методе построения теории этноса. Этносы и этнические процессы. М.,

хотя дискуссии действительно нередко напоминают хождение по кругу, наработано весьма много очень ценного. В чем же тогда причина неудовлетворительности решений? П. Л. Белков видит их в серьезных нарушениях логики и в самой теории, и в определениях⁸⁸. Они действительно есть. Но, на мой взгляд, логические противоречия — это лишь следствие более широких ошибочных общефилософских, гносеологических и методологических посылок. Одна из самых главных — объективизм.

Посмотрим более подробно, в чем он выражается и каковы его результаты. Приведем достаточно известное и типичное определение этноса. Затем порассуждаем над ним пока в рамках общепринятых взглядов, когда под этносом понимается наиболее важная среди других этнических общностей общность, то есть, условно говоря, народ — как все население, имеющее сходные этнические черты. «...Этнос в узком смысле слова в самой общей форме может быть определен как исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований»⁸⁹.

Немало работ посвящено критике недостатков подобных определений. В них авторы указывают: а) на трудное та разделения в теории собственно этносов-народов и их частей (т.н. субэтноты, этнографические группы и пр.), с одной стороны, и этносов-народов от группы родственных народов — с другой; б) отсутствие четкого признака для отличения одного народа-этноса от другого. Среди признаков обычно указывают на общность языка, культуры, психики, происхождения, исторических судеб, самосознания и т. д. Но фактически в ряде случаев все сводится или к самосознанию этносов, или к чему-то вовсе для теории неуловимому; в) если же класть в основу этноразличия самосознание, то логически нетрудно перейти к толкованию народа (нации) через особый национальный дух, характер, менталитет или объявлять этнические общности полностью

1993. С. 58.

⁸⁸ См. там же. С. 49—50.

⁸⁹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 37.

субъективными понятиями. Это было особенно неприемлемо для нашей науки; г) этнические признаки не вечные характеристики, а исторически изменяющиеся и преходящие; д) все указанные признаки (в том числе и особый язык) не есть исключительно принадлежность этнического, но нередко характеризуют и иные общности (социальные, профессиональные, политические, религиозные и пр.); д) определение фактически дается через набор признаков, что методологически неправильно.

Есть и другие во многом верные претензии. Но если искать более глубокие исходные ошибки, то можно увидеть, что, во-первых, налицо попытка определить сущность этноса раз и навсегда, для всех случаев⁹⁰. Забывается, что сущность зависит от аспекта, что она не вечна и не единственна, а связана с уровнем обобщения, задачей, системой координат, в которой мы ее решаем, и т. п. Об этом мы много говорили.

Во-вторых, недоучитывается, что этническое есть лишь одна из сторон единой реальности, на практике неразрывная от других, и только в теории мы еще очищаем и идеализируем. Иногда эта сторона наглядна и важна, иногда малозаметна и малозначительна. Нет отдельно этнической, отдельно социальной, политической и иных сущностей. Многие же ученые, хотя и декларируют неразрывность реальности, но фактически их рассуждения приводят к параллельности существования разных сущностей, которые к тому же то разводятся, то сливаются без четких правил. Это способствует как бы выведению этнического из общих процессов.

Таково разделение Бромлеем этносов на этносы в широком смысле слова — этносоциальный организм, то есть симбиоз социально-политического и этнического организмов, и этноса в узком, собственном смысле слова (этникос), определение которого выше приведено. Последнее подчеркивает именно устойчивость и межпоколенную преемственность этнических характеристик и

⁹⁰ «Этнос... — явление многоплановое. А это обстоятельство неизбежно выдвигает вопрос: какие же из различных его свойств являются основными?» (Бромлей Ю. В. Ук. соч. С. 35). И при таком утверждении внимание не акцентировано на том, что основными признаки могут быть лишь в определенных эпохах, ситуациях и рамках. Ведь то, что в одном случае — главное, в другом — второстепенное, и наоборот.

признаков. Другими словами, этносоциальные организмы могут возникать и гибнуть, а этникосы живут. Иногда это действительно так, но иногда — не значит всегда. Этнические характеристики только частично (или в некоторых случаях) инвариантны другим, а в основном они находятся в тесном системном взаимодействии, в каких-то случаях сами формируются под влиянием социально-политических и культурных структур, в каких-то — наоборот. Причем скорость изменения этнических качеств и форм в принципе соотносима (но не равна) со скоростью исторического развития в целом. В этом, на мой взгляд, и одна из причин современного обострения национальных проблем, поскольку быстрые экономические, политические и социальные процессы взрывают и этническую стабильность.

В-третьих, попытки найти главную сущность ведут к тому, что примеры, когда эта сторона проявляется ярко и полно, полагают типичными для всего объема, включенного в анализ. В результате появляется масса пограничных, спорных и иных случаев. Отсюда вытекает четвертое: налицо попытка создать универсальное абстрактное определение этноса (и других явлений), но такое, чтобы оно и годилось одновременно для всех случаев, и было бы способно непосредственно прикладываться к конкретике. В результате или нарушаются уровни обобщения, или не соблюдается иерархия терминов, поскольку забывается, что общая «для всех времен и народов» дефиниция не может быть прямого действия, а есть лишь абстрактный принцип, который требует правил разворачивания и применения. Между тем этнос определяется не как категория, которая обобщает теоретическим языком сходные черты массы весьма различных явлений, а как данная в ощущениях и в чистом виде совокупность людей. Но где и кто укажет народ (этнос) вне социальной реальности. Да, иногда автономность быта и отгороженность от верховной власти позволяют сотни лет сохранять прежний образ жизни. Но это означает не вневременность этнического, а то, что этот народ (племя) просто живет в основном в рамках своего социального организма, и действие иных факторов, безусловно существующее, пока недостаточно, чтобы серьезно

изменить и образ жизни, и этнические черты.

Чаше же перед нами в исследуемой реальности некие массы (или популяции) людей, которые связаны между собой самыми разными отношениями и объединены в самые разные сообщества. И среди них этническая характеристика лишь в некоторых случаях является яркой или важнейшей, причем набор этно-образующих и этно-дифференцирующих признаков сильно различается, а идентификация этнической общности колеблется вместе с колебаниями общественного самосознания и иных факторов. И все это вместе с множеством пограничных и смешанных случаев, плавностью переходов, различиями между зрелыми и незрелыми состояниями хорошо объясняет возможность разных дефиниций. Ибо если бы каждый случай был похож на другой, то никакой широкой теории и не требовалось бы. Таким образом, любая абстракция (в том числе, а может быть и особенно, этнос) — во многом и умозрительная конструкция, поскольку существуют разные основания для группировки признаков и сходств.

В-пятых, недоучитывается, что теоретическое положение, будучи собирательным, с одной стороны, беднее конкретности, ибо в нем представлено качество не живое, а «сепарированное», отчлененное от реальности. Но с другой — более объемно, так как вбирает в себя это качество более широко, поскольку в каждом отдельном случае оно представлено лишь одним своим боком. Очевидно, что реальные аналоги в чем-то не дотягивают до идеального типа и тем более модели, но в конкретной живой системе отсутствие (или слабость) каких-то моментов может компенсироваться другими. Ничего удивительного, следовательно, нет, что под вышеприведенное определение этноса невозможно подогнать массу случаев⁹¹, хрестоматийным из которых является неполное совпадение языков и наций, когда на одном языке (английском) говорят много народов, и одновременно существуют 2—4 языковых этноса (например швейцарцы). Далее мы еще будем говорить, как можно интерпретировать эти вещи.

В-шестых, недоучет момента синкретичности и родственности

⁹¹ Это все равно, что определить человека как существо с двумя ногами и двумя руками, а затем сомневаться в том, человек ли одноногий инвалид.

всех общественных явлений, возможностей одних качеств переходить в другие, тем более на ранних стадиях (например этнических в политические, социальные, профессиональные и т. д. и наоборот). Заринов пишет, что «основная часть исследователей увидела кризис этнологии в том, что, дескать, все признаки, определяющие этнос, присутствуют и в характеристиках других социальных общностей, что его надсоциальная исключительность есть абберация ученых штудий»⁹².

Действительно, хотя большинство этнографов формально и относят этнос к социальным явлениям (кроме тех, кто, подобно Гумилеву, считает его природным началом), но фактически скорее имеют в виду несоциальное, малоподверженное изменениям⁹³. Конечно, в зрелом и ярком состоянии этнические характеристики обладают большой спецификой, существенными отличиями от иных, хотя граница все равно в определенной мере условна. Если же учесть, что даже в достаточно дифференцированном обществе ни одна из единиц не может быть абсолютно гомогенной и одно-функциональной (как находят мужские признаки в женском организме и наоборот), то, внимательно приглядевшись, мы легко обнаружим, что даже зрелые и наглядные этнические явления имеют несомненное родство с социальными, политическими и распределительными.

В других же случаях четко отделить этнические качества от других практически невозможно. Но это неудивительно. Стоит попробовать точно охарактеризовать политическое, экономическое, социальное (читатель помнит, как мы это делали и какие трудности появляются), и легко убедиться, что не только не удастся найти один универсальный признак, но и при любом подходе неизбежны

⁹² Заринов И. Ю. Исторические рамки феномена этничности//Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 21.

В самом деле, любой из признаков, считающихся этническими, может быть присущ и иным явлениям. Это относится и к устойчивости, и межпоколенной преемственности, и к культуре (разве не различались резко дворянская и крестьянская культуры в одной стране?), и даже к языку. Например, на некоторых островах Полинезии для общения с правителями был создан особый язык.

⁹³ На мой взгляд, Белков вполне справедливо объединяет здесь Бромлей и Гумилева:

«Но в том-то и дело, что Л. Н. Гумилев «рассматривает» этнос как биологическое явление, а Ю. В. Бромлей «считает» этнос социальным явлением. И то и другое утверждение лишь заверения, ничем не подкрепленные. В действительности мнения обоих исследователей в этом вопросе абсолютно совпадают: этнос — явление «несоциальное» (Белков П. Л. Ук. соч. С. 57).

серьезные затруднения, ибо эти понятия абстрактные и собирательные. В этом смысле этническое аналогичный термин. И мы видим, что очень часто этнические и неэтнические качества составляют такой симбиоз или зоны интеграции, которые даже в теории неразрывны и комплиментарны⁹⁴. Ведь этническое — это лишь один из способов связи людей в обществе наряду со многими другими (родственными, политическими, социальными, экономическими и пр.). Причем, с одной стороны, эти линии сочленены, а с другой — какие-то из них являются или могут стать наиболее сильными. Иногда национальное заглушает религиозные или социальные моменты, но в другой раз социально-классовый аспект подчиняет себе национальные интересы и т. д., поскольку национализм и патриотизм отнюдь не вечные черты.

Итак, не стоит удивляться, что разные по природе единицы могут дополнять, замещать или перерастать друг в друга (например, казаки — сначала социальное, а потом этническое явление; и наоборот: какое-либо племя есть сначала этническая единица, а потом может занять пониженное социальное положение). Разве даже сегодня мы не наблюдаем, как прежде социально почти нейтральные этнические различия сегодня становятся линией политического и социального неравноправия (в Прибалтике например)? Тем более это верно для неразвитых еще обществ и этносов. Если же полагать, пусть неосознанно, что этнические характеристики представляют собой нечто совершенно особое от иных общественных качеств, то мы попадаем в порочный круг, а любое отсутствие четкости и яркости в этнических моментах будет вызывать замешательство.

В 60—70-е годы большинство советских исследователей исходили из того, что «этноты представляют собой одну из разновидностей социальных общностей»⁹⁵. Разумеется, такой подход сильно страдал

⁹⁴ Вспомним, что говорилось в предыдущем параграфе. Если какие-то характеристики являются в смысле дефицитных благ достаточно нейтральными, то можно не считать их социально ориентированными и фактически исключать из числа социальных (в узком смысле слова) в рамках социологии истории. Действительно, часто этнические характеристики удобно считать безразличными к распределению и дефицитности благ, хотя в небольшой степени они все-таки связаны. Но очень часто они социально окрашены, а иногда являются и важнейшими характеристиками в этом плане.

⁹⁵ Бромлей Ю. В. Теория этноса. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Свод этнографических понятий и терминов / Под общей ред. Ю. В. Бромлея и Г. Штробаха. М., 1988. С. 47).

объективизмом. С введением понятия «этнокос» Бромлей попытался разделить чисто этнические и социальные в узком смысле слова явления. Однако мне думается, что правильнее было бы, во всяком случае для социологии истории и теории исторического процесса, идти именно по пути уточнения связи между этническими и социальными явлениями, их сходства, родства и отличия. Особенно если полагать, что формирование этнических, социальных и политических структур представляет в общем плане единый процесс дифференциации первобытной синкретичности, который в целом вызван переходом от более примитивных форм хозяйствования к более высоким, и как следствие, к росту населения, его перемешиванию и группированию по самым разным основаниям.

Сказанное уже позволяет нам переходить к позитивной части изложения. Но прежде все же стоит сказать о том, что наряду с ведущим (объективистским) взглядом на природу этнического заметным стало и иное направление, которое условно можно назвать релятивистским. Оно во многом опирается на западные концепции. Из его представителей в первую очередь я указал бы на В. А. Тишкова. Сторонники такого подхода жестко критикуют (и в основном верно) апологетов первого, подчеркивают подвижность понятий (этничности и других), ситуативность их содержания и во многом умозрительный характер.

Бесспорно, это направление гораздо более перспективно, чем первое, хотя бы потому, что учитывает позицию эпистемологии, без опоры на которую проблем не решить. Оно пытается интегрировать отечественные и западные концепции. Объективизм, на мой взгляд, наиболее серьезный недостаток, и потому я также прежде всего указываю на него и на следствия его ошибочных решений. Но и «релятивизм оправдан в нормальных дозах, а перебор его чреват тем же, в чем мы ныне, и небезосновательно, обвиняем прежний догматизм»⁹⁶. Поэтому чрезмерный упор на то, что этнос есть лишь определенная логическая конструкция, ведет к тому, что «существование реального народа (этнуса) как носителя историко-

⁹⁶ Заринов И. Ю. Ук. соч. С. 22.

культурной исключительности подвергается сомнению»⁹⁷.

Действительно, какие бы трудности ни стояли перед теоретиками, бессмысленно отрицать, что перед нами реальность достаточно устойчивых и распознаваемых объектов. Мало того, раз народности и нации сложились почти повсеместно, можно утверждать, что это был объективный и закономерный процесс, связанный с достижением определенного общественного уровня развития, хотя в каждом случае и действовала неповторимая совокупность факторов. И как бы ни велика была роль лидеров в формировании национального самосознания (особенно на современном этапе), но, как и в общем случае роли личности, для успеха такого воздействия должны быть соответствующие условия. Речь поэтому должна идти лишь о более точных процедурах определений и логики соподчинения терминов, методологии. Любой же перехлест в субъективности, как свидетельствует история философии, ведет к мысли об исчезновении самой реальности. Поэтому хотя упор на вневременные качества этносов — это путь к сугубому объективизму, но не решит проблему и игнорирование характерных для многих этнических общностей черт: стабильности, устойчивости, преемственности, относительной автономии от целого ряда процессов.

В указанном релятивистском подходе, таким образом, есть недоучет фундаментальности этнических характеристик, что связано с попытками избежать ошибок объективизма. Кроме того, забывается, что любое деление и вычленение имеют ядро (яркое проявление) и периферию, в которой множество нечетких и пограничных случаев. Ошибка объективизма обычно в том, что яркие случаи выдаются за всеобщность, а релятивизма — в том, что указанием на пограничные, смешанные, нечеткие ситуации затемняется существование ядра (яркости).

Следовательно, задача — найти такие подходы, которые позволили бы соблюсти меру между пониманием объективности самих явлений и субъективностью наших теоретических построений.

Хотел бы также заметить, что при непригодности в настоящем виде ряда терминов и положений, существующих в отечественной

⁹⁷ Там же. С. 26.

науке, все же они могут выполнять важную аналитическую роль при других обстоятельствах. Поэтому и к критике следует относиться достаточно осторожно. Наличие и самой концепции этноса при всех ее недостатках есть определенное преимущество нашей науки перед западной.

Каким же образом преодолеть недостатки общих теорий и дефиниций этноса? Белков предлагает выработать понятие методом восхождения от простейших абстракций к более сложным⁹⁸. Но, полагаю, это не приведет к результатам. Выход в том, чтобы найти методики последовательного разграничения функций и качеств единого объекта. Надо последовательно отделить одни позиции от других. Начать следует с уточнения системы терминов. Ведь в этнографии существуют большие расхождения по поводу и такой системы в целом, и главных терминов. Так, коренному в нашей науке понятию «этнос» в зарубежной придается меньшее значение, зато там большую нагрузку несет термин «этничность». У одних отечественных авторов этнос — это собирательное понятие для любых видов этнических общностей, у других — наиболее важный таксономический уровень этнических общностей. У одних понятия этнос и этническая общность — синонимы, у других они различаются и т. д.

Поскольку первой задачей социологии истории является найти единое в разнообразном, логично будет наиболее общей категорией избрать в соответствии с исследуемым аспектом этническую единицу. После этого нам необходимо определиться, с одной стороны, с самим понятием **этнического или этничности**, о чем дальше пойдет речь, а с другой — с типами и уровнями таких единиц.

Затем мы можем найти базовый таксономический уровень этой единицы, что сделает анализ более удобным. Таким избирается **этнос**. И уже после можно говорить о том, как и чем одни этносы отличаются от других. Выделяя этнические единицы и их систему, мы в состоянии анализировать не только собственно этнический аспект социологии истории, но и его связи с любыми другими аспектами и его место в общей теории.

⁹⁸ Белков П. Л. Ук. соч. С. 60.

Поскольку в рамках больших исторических периодов мы видим, что этнические единицы существенно трансформируются, можем говорить и об их стадийных типах. Однако следует разделить этапы этнического развития в рамках теории исторического процесса и социологии истории. Для этого сначала необходимо связать стадийные типы этнических единиц и общественно-экономические формации. Тут может помочь концепция исторического материализма о так называемых исторических формах общности людей и их триаде: племя — народность — нация. Правда, в последнее время она подвергается — и не без веских оснований — разнообразной критике. Однако в ней есть рациональные моменты, прежде всего сама идея связи формаций и стадийных типов этнических единиц.

Сложность анализа с помощью данной парадигмы, однако, в том, что число формаций и количество этих типов не совпадают⁹⁹. Конечно, это не аргумент за то, чтобы, подобно Гумилеву и другим, на этом основании объявлять этнос несоциальным явлением. То, что один и тот же (по самоназванию) этнос может существовать последовательно в четырех истматовских формациях, ничего не доказывает. Такая преемственность характерна и для некоторых религий и государств, которые никто ведь не считает несоциальными. Но указанное несоответствие в целом выводит этнический аспект за рамки теории исторического процесса.

Однако если изменить взгляд на формации и их периодизацию, то обнаруживаешь, что истмат помимо своего желания сформулировал теорию, в достаточной мере отвечающую реальностям. Если не считать коммунизм за формацию, а между первобытностью и капитализмом видеть единую формацию, то мы видим, что трем последовательным стадиям соответствуют и три типа этнических единиц. И это ценная часть, на которую можно опираться. Что же касается современной четвертой формации, которую я, как и ряд других ученых, выделяю, то о ее характерных единицах чуть дальше.

Но в представлениях о самих племенах — народности — нации много неверного, также вытекающего из объективизма, неучета того, что это абстракции, которые объединяют очень разнообразные в

⁹⁹ Я сознательно не говорю о такой форме, как союз племен, используемой в истмате. Она явно переходного плана, и если ее ставить в общий ряд, то логика потребует ввести и другие переходные формы, что запутает суть дела.

реальности явления¹⁰⁰. Можно вполне согласиться с В. А. Тишковым, что указанные понятия обрели «со временем догматизированное представление о неких существующих архетипах», а сама теория «оказалась неспособной принять вызов современных реалий»¹⁰¹.

В нашей философии истории никогда особенно не пытались дать строгое понятие таким вещам, как племя, слабо разрабатывалось и содержание «народности». Больше внимания уделялось, правда, определению нации (но во многом, а по мнению Семенова и во всем, — неверно). То, с чем столкнулись этнографы и что вызывало и вызывает споры — неопределенность термина племя (и, соответственно, союза племен), вплоть до утверждения вообще вторичности его происхождения, почти не затронуло теорию истории. А между тем племенем называют и жалкую орду дикарей без единого руководства в несколько сот человек, и целый народ численностью в сотни тысяч, с ополчением во многие десятки тысяч воинов¹⁰².

Указанные термины тем не менее, думается, возможно уточнить, особенно если внутри них выделить подтипы и варианты, а также показать степень приближения к идеальному типу. Но, помимо единиц, более или менее приближающихся к нему, можно говорить еще о других, структурно несхожих, но функционально однотипных. Их следует назвать аналогами соответственно племени, народности, нации. Например, аналогом малой народности были системы (союзы) воинственных кланов, подобные существовавшим у горных шотландцев, оказывающиеся в определенных условиях вполне

¹⁰⁰ Я уже не говорю о лингвистических различиях в одних и тех же терминах (таких, как «нация» в русском и некоторых западноевропейских языках).

¹⁰¹ Тишков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе//Вопросы философии. 1990. № 12. С. 7—10.

¹⁰² «Итак, племя представляли чем-то вроде разросшейся семьи, отличавшейся от других более сложных общественных объединений... Однако более внимательное изучение народов колоний уже в начале нашего века, а особенно в период между двумя мировыми войнами, показало, что прежнее мнение о «простоте» состава и организации племен ошибочно. Племена далеко не однородны по своему составу, так как нередко включают группы иного происхождения, чем основное ядро, почти всегда они имеют очень сложную структуру со множеством иерархических подразделений, в их составе встречаются нередко высшие и низшие по своему положению группы, которые в специальной литературе порою именуются «кастами»...

Словом, племена оказались столь же сложной и столь же изменчивой по своему характеру общественной категорией, что и другие «исторические» объединения» (Ольдерогге Д. А. Проблемы этнической истории Африки. Этническая история Африки. М., 1977. С. 6—7).

достаточными вплоть до эпохи промышленного производства. Подобных вариантов, особенно в переходные периоды, немало. Но, способные более-менее удачно выполнять этнические функции, они оказываются эволюционно неперспективными и должны исчезнуть или радикально трансформироваться на новой ступени развития.

Приведу еще один пример. Аналогом крупной нации может выступать многонациональная общность единого государства. Она иногда объединяет родственные этносы (как в Югославии, Чехословакии), иногда неродственные. Но, несомненно, при долгом существовании державы вырабатываются определенные общие черты. Все бывшие жители СССР могут сказать, что у них есть много сходного именно в тех характеристиках, которые мы считаем этническими. Но такая общность наднационального типа есть путь тупиковый (по крайней мере, на сегодняшний день), поскольку имеет большие шансы распасться.

Если мы зададимся целью построить «генеральную линию» этнического развития в рамках теории исторического процесса, то указанная выше триада с известными уточнениями может быть ее основой. Но если речь идет о том, чтобы выделить общие черты этнических единиц каждой формации (а таковые, безусловно, есть), мы уже не можем ограничиться единственной линией. Для решения такой задачи я ввожу понятие формационный тип этнической организации обществ. Однако следует подчеркнуть, что это модель, построенная на основе явлений уже зрелой формации, а переходным периодам соответствуют и переходные формы.

Четырем выделяемым мной формациям соответствуют типы: родо-племенной; народно-территориальный; национально-государственный; наднациональный. Наднациональные этнические единицы широко представлены уже сегодня (хотя их формирование только начинается) в виде десятков различных союзов государств в самых разных регионах, внутри которых (в том числе и за счет ослабления национальных связей) существует и нарастает несомненно более тесная связь в принципе этнического характера. Такие единицы могут соединяться по разным основаниям, в том числе и по религиозным (цивилизационным), расовым, языковым, культурным,

геополитическим, уровню развития и т. п.¹⁰³ В будущем, надо полагать, роль таких союзов будет расти, и среди них выделяться более перспективные и тупиковые формы.

Теперь можно переходить собственно к социологии истории. Таким образом, для характеристики этнических общностей и групп самых разных уровней и форм мы используем понятие этнической единицы. Оно хорошо тем, что достаточно широко, нейтрально, не предопределяет конкретные формы таких единиц, позволяет их классифицировать и типизировать по самым разным основаниям и Уровням. В нашей науке это словосочетание употребляется без каких-либо правил.

Что общего во всех этнических единицах? В них в разной степени присутствует качество этничности, содержание которого составляет камень преткновения (об этом дальше). Поскольку многие единицы являются смешанными, то налицо два аспекта их выделения. Если мы анализируем этническую сторону вне тесной связи с общественной системой и того, в каких формах, видах и комбинациях (пропорциях) она проявляется, то естественно, что мы можем всех их поставить в один ряд, хотя яркость проявления качества будет очень разная. Но если у нас задача «распределить» единицы по типам (на политические, экономические и пр.), такой метод будет неверным. В этом случае к этническим единицам мы отнесем лишь такие, в которых этнические функции можно считать более важными, чем любые другие, а этничность составляет не только важнейшую, но и наиболее специфичную их характеристику. Комбинируя оба подхода, можно увидеть степень перекрытия разных подсистем и зоны интеграции между ними.

Таким образом, логически встает вопрос о том, что же такое этническое вообще или этничность. Ибо именно она и должна в теории отличать этнические единицы от всех остальных. Но сначала рационально посмотреть, какие признаки полагают этническими.

¹⁰³ Назову два, с моей точки зрения, весьма характерных: Лига арабских государств и Европейский Союз. Обе организации возникли, основываясь на многовековых традициях единства и связи, но уже выработали и много новых каналов интеграции.

Бромлей обобщал взгляды на этот вопрос так: В. И. Козлов считал, что ими «являются «этнические самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определенная форма социальнотерриториальной организации или стремление к созданию такой организации». Вместе с тем было отмечено значение для этносов культурной специфики (Н. Н. Чебоксаров), общности происхождения их членов (Г. В. Шелепов) и эндогамии (Ю. В. Бромлей); рассмотрен вопрос о роли функционирования этнических общностей, территориальных и экономических связей (В. И. Козлов); обращено внимание на то, что этническими признаками должны считаться те особенности культуры, «которыми этносы при данной конкретной ситуации объединяются или же отличаются от других этносов, или те, которые субъективно осознаются как обличающие» (К. В. Чистов). Было также подчеркнуто значение для функционирования этносов синхронных и диахрон...

...ности видишь чуть не у архантропов¹⁰⁴, а с другой, очевидна разница между незрелыми этническими (племенными) группами и народами с совершенно отчетливым этническим самосознанием, а также между последними и современными нациями. Недаром же некоторые этнографы (например С. В. Чешко) говорят о первичной и вторичной этничности. Следовательно, и анализировать это понятие, может быть, лучше по слоям, задавшись сначала вопросом, почему этнические черты (пусть слабо выраженные) мы находим уже в глубокой древности человечества, во всяком случае, у всех этнографических народов или их групп. Тогда можно было бы сказать, что этничность — это понятие, которое показывает степень легкости, удобства, доступности и т. п. в общении и понимании людей между собой как на самых обыденных и индивидуальных, так и более высоких уровнях контактов. При таком акценте будет ясно, что язык, общие черты поведения и культуры и др. есть средства общения и коммуникации, облегчающие понимание внутри определенного

¹⁰⁴ В. П. Алексеев пишет, что вполне возможно «датировать начало формирования этнических различий самыми ранними этапами антропогенеза. Подобный подход встретил критические возражения, но в конечном итоге автор этих возражений признал, что у архантропов могли иметь место какие-то зачатки этнических общностей. (История первобытного общества. Эпоха классово-образования. М., 1988. С. 319).

количества людей, владеющих этими средствами, и одновременно отделяющие их от тех, кто не владеет ими. Этничность появляется за счет как генетической близости, так и тесного общения, особенно если оно длительно.

Уступая биологическому по древности происхождения и во многом даже вырастая из него, этничность является одним из самых базовых и ранних социальных качеств и формируется вместе с обществом и социальностью.

Но надо сделать очень важное дополнение. Способностью облегчать понимание и контакты внутри определенных групп и множеств людей и тем самым сплачивать своих и отличать чужих обладают также социальные, профессиональные, религиозные и иные характеристики, по которым люди могут группироваться. Но в отличие от всех остальных, этничность проявляется не узко, не только в особых или специальных областях, а универсально, подобно тому как есть обычные (универсальные) и специальные языки, и вторые так или иначе базируются на первых.

Этничность облегчает общение и понимание на самом низком, бытовом, элементарном уровне и одновременно на всех остальных уровнях, **но чем он выше, тем меньше в общении роль этничности.** Таким образом, этничность имеет более нейтральный и широкий функциональный профиль, чем другие качества, которые обладают специальными функциями (производственными, экономическими и т. д.), и в то же время этничность, благодаря своей универсальности, выступает как основа для специального понимания (в социальных группах, религиозных общинах и т. п.).

То, что Карл Дейч говорит о нации, а именно, что принадлежность к тому или иному народу связана с распространенностью дополнительной социальной коммуникации, которая «сводится к способности более эффективно общаться **по широкому кругу тем** с членами большой группы, чем со стоящими вне ее»¹⁰⁵, относится к этничности в целом, ибо универсальное, неспециализированное общение включает в себя и **«широкий круг**

¹⁰⁵ Цит.: Козинг А. Нации в истории и современности. М., 1978. С. 63. (Выделено мной. — Л. Г.).

тем», хотя и не сводится только к нему. Однако я бы подчеркнул, что в логическом плане этничность как раз базовая, а не дополнительная «социальная коммуникация». Именно будучи базовой, она дает основу для более специальных комбинаций объединений. И даже когда она ясно отделилась от социальных, религиозных и прочих факторов, это ее качество служить фундаментом для специализированной коммуникации обуславливает то, что она реже выступает в специфической форме, а чаще в том или ином симбиозе, какова, например, нация.

Если вдуматься, что же ставит наиболее часто преграды к общению, то, скорее всего, язык. Разные языки — сильная граница между этносами, но, если они по какой-то причине все же объединены (силой ли, выгодой и т. п.), то находят определенные формы общения, будь то межнациональный язык, утрата собственного языка или использование более одного языка. Следовательно, существование 2—4-язычных наций говорит о том, что в более широком теоретическом плане важнее не факт единого языка, а факт возможности в достаточной мере понимать друг друга, хотя бы и более сложным, чем у других наций, способом, поскольку языковые несоответствия компенсируются иными свойствами и удобствами¹⁰⁶.

Разумеется, если языки похожи и родственны, то очень вероятно возможность консолидации, но это не обязательно, ибо конкретно всегда действуют разные тенденции. И нередко выделяется другой пограничный признак: религия, антропологические особенности, внешний вид, бытовые и прочие вещи. Если тенденция к обособлению очень велика, то достаточно будет самых незначительных деталей, если наоборот — то и громадные различия не слишком важны.

Все сказанное показывает глубинные причины устойчивости этнических характеристик, особенно нижнего слоя этничности, сильнее связанного с биологическими и антропологическими свойствами людей, их внешним видом и прочим. Ведь социализация и

¹⁰⁶ Стоит отметить, что степень зрелости языка, его неспособность к радикальным трансформациям, наличие литературного языка затрудняют ассимиляцию этносов, которая возможна теперь лишь надязыковыми, не всегда эффективными способами.

воспитание детей немислимы вне этничности. Языковые, поведенческие и психологические стереотипы, впитываясь, что называется, с молоком матери, усваиваясь в общении со сверстниками, могут быть наиболее сильными и живучими в жизнедеятельности и образе жизни. Чтобы их изменить у всего народа, часто необходимы межэтнические браки, чему может препятствовать эндогамия.

Итак, этничность можно определить как категорию, описывающую устойчивое и передающееся новым поколениям общественное свойство (универсальное и неспециализированное), которое облегчает контакты людей и их общение на любом уровне (от бытового и межиндивидуального до очень сложного и широкого по составу участников) и по разнообразной тематике за счет культурно-языковой, поведенческой, психологической и иной близости. Это качество, с одной стороны, сплачивает (дает такую возможность) совокупность людей, им обладающих, а с другой — отделяет их от тех, общение с кем в указанном плане затруднено.

Отделение (пролегание этнической границы) происходит путем осознания указанных сходств-отличий и структурирования на их базе, но под влиянием самых разных воздействий, этнических единиц.

Сначала этничность выражалась прежде всего в родовой форме, и будучи неразрывной с ней, она не могла еще быть достаточно заметной и ясной. Тем более при малой численности групп людей, слабости их контактов. Но таковыми были и другие институты и качества, наличие которых в этот период никем не отрицается (власть, неравенство и т. п.). Поэтому нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают, что этничность не сопровождает человечество с самого начала, а есть «явление, находящееся над кровной и локальной связью»¹⁰⁷. Не-расчлененность свойств не означает их отсутствия, и, утверждая бесспорную идею историчности этничности, не стоит забывать, что зрелые формы не появляются вдруг, а этому предшествует долгий период их созревания.

Мне думается, что без признания одновременно и историчности, и изначальности этничности (как и социальности, власти, распределения и прочего) мы неизбежно будем колебаться между

¹⁰⁷ См.: Заринов И. Ю. Ук. соч. С. 30.

сугубым субъективизмом и утверждениями о неуловимости, заопытности, надсоциальности этничности.

По мере роста населения и усиления сложных политических процессов, связанных с его интеграцией, начинает вырастать политический уровень этничности. С одной стороны, государства возникают и укрепляются, используя родственную этничность более или менее полно (либо базируясь на ней в основном, либо хотя бы в господствующем ядре). Но с другой — они мощно объединяют и ассимилируют как близкие, так и неблизкие этнические единицы. В результате концентрация этничности становится намного выше. И одновременно все ярче обозначается, так сказать, ее обратное качество — очерчивание определенной границы взаимопонимания людей, дальше которой оно становится затруднительным, и более тесное сплочение внутри нее.

Следует отличать само качество этничности как способности облегчать общение и тем создавать основу для появления тех или иных группировок от конкретных форм этнической консолидации и от факторов, которые в большей или меньшей степени влияют на формы и свойства этих образований, их устойчивость, четкость, яркость проявления и т. п.¹⁰⁸

При таком различии будет ясно, что этничность — свойство объективное, хотя его яркость, форма и многое другое в огромной степени могут зависеть от субъективных или случайных факторов. Следовательно, лидеры, политики, идеологи, просветители и самосознание в целом не создают этничность, а в той или иной степени развивают, формируют или проявляют ее (так же как и такие факторы, как война, государство, религия и пр.).

Этническое самосознание растет вместе с развитием определенных этнических форм. Вместе с самосознанием в ней нарастает и еще один — идеологический — уровень. И без достаточно развитого самосознания не появляются и зрелые черты этничности. Мало того, окончательная формовка привычных нам этнических единиц невозможна без этнического самосознания. Однако для появления

¹⁰⁸ Это аналогично тому, как на базе стремления к биологической семье могут существовать десятки вариантов семейно-брачных отношений.

таких форм нужны обычно силы иной природы: политические, религиозные, социальные¹⁰⁹.

Следует сказать, что соотношение этнических бытия и сознания — это частный случай соотношения общественных бытия и сознания (об этом см. следующий параграф). В целом, конечно, должно быть определенное соответствие этнических бытия и сознания. Это мы видим, например, в том факте, что наибольшего развития национализм достигает в индустриальных обществах, о чем говорят многие исследователи (тот же Геллнер). Поэтому определенному уровню этнического самосознания нужно и определенное этническое бытие. Но, конечно, на одном и том же в принципе бытии мы видим очень разные проявления (и по вариациям, и по яркости) самосознания, что свидетельствует о непрямой и сложной связи бытия и сознания, об относительной автономии последнего в ряде случаев (об этом подробнее в следующем параграфе).

Этническое самосознание, как и иное, может на время существенно отрываться от бытия, особенно в периоды национальной борьбы, когда становится политическим знаменем. Тогда людям кажется, что главное — добиться независимости (собственного государства и т. п.), а уже потом все материальные и социальные проблемы между братьями по нации будут решены. Но через некоторое время жизнь берет свое и наступает коррекция сознания бытием (об этом в следующем параграфе) и соответствующая редукция первого к уровню второго. Материальные и социальные проблемы, недовольство уже «своим» правительством могут быть весьма острыми. А для последующих поколений национальная свобода — такая данность, которой часто не дорожат. А значит национальное самосознание и вовсе может существенно притупляться. Именно поэтому национализм должен постоянно подогреваться сверху, быть государственной идеологией, чтобы воспроизводиться в прежнем

¹⁰⁹ Подобно тому как отличаются свойства железа в руде и чистом металле, отличается этничность в неоформленном и оформленном в этносе виде. И, продолжая сравнение, как горячий металл приобретает любую форму, но затем уже ее трудно изменить, так и под воздействием различных политических, социальных и прочих процессов идет «формовка» этничности в какие-то этнические единицы, которые потом нередко показывают удивительную устойчивость.

объеме.

Для характеристики яркости самосознания весьма удачными мне представляются термины «мера этничности» или «степень этничности»¹¹⁰. Ведь чем яснее осознается особость и отличность данного этноса, чем жестче ощущаются его границы, тем сильнее мера этничности.

Можно согласиться с мыслью, что «этническое самосознание становится основным этническим признаком лишь в тех случаях, когда оно становится в самодовлеющее начало»¹¹¹. И чем сильнее ощущается эта особость и тем более враждебность, тем ярче проявления этничности. И, стало быть, такая яркость далеко не всегда благо для народа, а часто основа для всякой реакции.

Однако, как мы уже не раз говорили, в обществе не могут все свойства, тем более всегда, проявляться ярко. Более заметные заглушают другие или заменяют их. Национализм нередко подавляет классовые или партийные противоречия. Но также религиозное, революционное или иное сознание способно с легкостью жертвовать национальным¹¹². В принципе, любая общность, особенно жесткого типа, в идеале стремится к тому, чтобы ослабить характеристики других общностей, в которые входят ее фактические или потенциальные члены, и, соответственно, усилить свою. Правда, если какие-то общности создают симбиоз, то могут поддерживать друг друга. Именно так происходит и с нациями в современных государствах.

С появлением мировых религий этничность начинает отделяться от религии, прежде исключительно сильно влияющей на особость культурно-поведенческих стереотипов. И, может быть, именно благодаря единой католической религии этнические процессы в Западной Европе пошли сильнее, чем в других регионах. Этому не могли помешать уже даже религиозные войны времен Реформации. Утверждение же свободы совести отсекло (в идеале) от этничности принадлежность к религии, сделало ее нейтральным по отношению к

¹¹⁰ Анфертьев А. Н. Прологомены к изучению этнической истории. Этности и этнические процессы. М., 1993. С. 2, 68.

¹¹¹ Анфертьев А. Н. Ук. соч. С. 68.

¹¹² Вспомним знаменитое высказывание Христа о том, что не будет ни эллина, ни иудея.

этничности качеством¹¹³.

Появление такой личностной характеристики человека, как национальность, нарастило еще один уровень этничности. Национальность где-то закрепляется юридически, где-то выбирается как религия, но в любом случае этническая идентификация теперь становится более четкой и однозначной с официальной стороны и рождает множество пограничных случаев с реальной¹¹⁴. Расширяется возможность для административного произвола, юридического исчезновения или возникновения тех или иных национальностей, внешнего воздействия на пограничную этничность¹¹⁵, очень часто выбор национальности определяется какой-то выгодой.

Этничность, таким образом, меняется исторически¹¹⁶. Но в каждом конкретном обществе она колеблется в связи с проводимой национальной политикой и различными, связанными с национализмом, моментами.

Как и любое качество, этничность будет расти, если ее поощрять (а иногда и если преследовать), а при отсутствии стимулов или же выгоды ассимиляции может и уменьшаться (разумеется, не автоматически). Сегодня в целом в развитой части мира в некоторых смыслах становится выгодным быть национальным меньшинством¹¹⁷. Естественно, что если жителям некоторых территорий уделяют повышенное внимание в связи с их угрозами об отделении, то помимо неизбежных случаев национализма появится и масса других, совершенно невозможных в иной ситуации.

Теперь уже можно переходить к построению системы тер-минов и определению понятия «этнос». Это будет удобнее сделать, если мы

¹¹³ Когда в будущем этничность и государственность (гражданство) отделятся, когда появятся иные, чем нации, этнические и надэтнические общности, тогда, вероятно, обнаружатся и новые грани этничности. Но это, конечно, процесс нескорый.

¹¹⁴ Это несколько похоже на то, как изменяется ситуация с личными именами людей с обязательным присвоением фамилий.

¹¹⁵ В упоминавшейся статье Тишкова В. А. «О феномене этничности» приведено много примеров такого воздействия.

¹¹⁶ Что бы ни говорили о национальном характере, но изменения в образе жизни везде трансформируют его радикально. Поэтому сегодня, например, русскому жителю крупного города (особенно интеллигентной профессии) гораздо ближе и понятнее француз или немец, чем русский XVII в.

¹¹⁷ Как и каким-либо иным меньшинством, а равно относить себя к числу обиженных или обделенных слоев. Недаром же в Америке в ходу шутка, что хуже всех в США приходится белому мужчине средних лет англо-саксонского происхождения и протестантского вероисповедания со средним уровнем доходов.

зададимся некоторыми вопросами, которые являются дежурными в этнологии, но весьма важны также для социологии истории и теории исторического процесса. Начнем с такого: когда возникают этносы? По поводу времени, рубежа существует два принципиальных ответа: этносы существуют изначально вместе с обществом, и они появляются лишь в определенную историческую эпоху.

Мне думается, что если отделить категорию этничности от этнических единиц, а среди последних выделить особую единицу — этнос, то удастся легче решить проблему и совместить противоположные точки зрения. Итак, рациональнее полагать, что этничность — очень древнее свойство, вытекающее из природно-биологического¹¹⁸. Поэтому можно считать, что этничность появляется вместе с человеческим обществом и в целом в каждый период соответствует уровню его развития.

Важнейший источник появления этнических единиц — приобретение родственными группами культурно-этнических (особенно языковых) особенностей, что было довольно обычным еще задолго до неолитической революции. Разумеется, это еще очень аморфные единицы. Ученые-первобытники (Шнирельман) говорят об этнической непрерывности, представляющей своего рода спектр различий, когда близкие, соседние племена достаточно понимают друг друга, но чем больше расстояние между общинами, тем труднее общение и понимание. Следовательно, по крайней мере фланги этого спектра можно считать разными этническими единицами.

Другая ситуация оформления этнических единиц (в чем-то и более древняя) связана с появлением достаточно регулярных контактов между группами с разной этничностью и тем более антропологическими признаками. Археологические данные нижнего палеолита подтверждают наличие таких ситуаций. Если же принять версию о том, что кроманьонцы истребили неандертальцев, то, хотя с большой долей условности, но можно говорить о первых этнических

¹¹⁸ Это и даст основание преувеличить биологическое начало в этничности. Особенно наглядно такое преувеличение у Гумилева, считавшего, что этносы рождаются в связи с каким-то природным ритмом, а под воздействием неизвестного фактора «икс» происходит взрыв особой активности — пассионарности. Такой взгляд не устраивает почти никого из этнологов, но, к сожалению, пришелся по душе многим философам и социологам.

единицах уже на заре гомо сапиенс¹¹⁹.

В первобытности главными этническими единицами были племена и соплеменности (то есть группы близко-родственных племен, находившихся в достаточно тесном контакте). В предгосударственный и раннегосударственный периоды такими могли стать объединения племен, в том числе и с разной этничностью. Все они были смешанными единицами. Можно ли считать их этносами? Само собой, решение зависит от того, что понимать под данным термином. Если любую этническую общность определенного уровня, то да. Если лишь достаточно развитую, то нет.

Если склониться ко второму варианту, не отрицая факта древности вообще этнических единиц, то станет ясно, что этносы возникают на базе аморфных этнических групп в результате сложных исторических процессов по достижении определенного политического и социального уровня. Поэтому можно согласиться с теми, кто, подобно Ю. И. Семенову, полагает, что «этносы в точном смысле этого слова существуют только в классовом или цивилизованном обществе. В обществе первобытном их нет»¹²⁰. Но нельзя согласиться, что до этносов не было никаких иных этнических единиц¹²¹ и тем более этничности. Все общественные качества были соразмерны общему уровню, и было бы удивительно, если бы этническая сторона опередила его. Это же касается и этнического самосознания.

Следовательно, на вопрос о том, почему появляются этнические единицы, и этносы в частности, можно было бы в самом общем виде ответить: с увеличением численности людей, роста контактов обществ и сложности жизни идет дифференциация различных, прежде слитных функций, превращение потенциальных качеств в реальные. Выведенный Спенсером закон перехода бессвязной однородности в связную разнородность хорошо приложим к данному процессу. С появлением же новых политических форм, прежде всего государства, рождаются и новые этнические общности — этносы.

¹¹⁹ Ответ на вопрос о древности появления этнических единиц зависит также от решения проблем т. н. праязыка, то есть был он единым до какого-то момента или изначально сосуществовало несколько праязыков; а также о едином генетическом коде человечества и им подобных.

¹²⁰ Семенов Ю. И. Секреты Клио... С. 33.

¹²¹ Их вполне можно называть и «протоэтносы», как предлагают некоторые авторы.

Теперь яснее, как совместить разные точки зрения на вопрос о том, когда появляются этносы, и факт слабой по сравнению с последующими периодами выраженности этничности в первобытности. Здесь ситуация, аналогичная соотношению терминов «власть» и «государство». Последнее появляется лишь на определенном этапе, но власть существовала всегда, а политические единицы (племена, роды и кланы, общины, а позже военные дружины, союзы племен и т. п.), если не всегда, то задолго до государства.

Вопрос об этносе необходимо также связать с идеей базового уровня этнической единицы для социологии истории и показать его стадийные варианты. Само собой, что базовость эта достаточно условна, поскольку существует нечеткость и подвижность границ, точка зрения меняется в зависимости от системы координат. Тем не менее выделение такого уровня (если его не абсолютизировать) имеет существенное теоретическое и методологическое значение, поскольку часто позволяет гораздо лучше понять целое.

В нашей науке, не без серьезного основания, «в качестве основного уровня этнической структуры человечества рассматривается этнос. Сами же этносы могут включать субэтносы и этнографические группы; группы этносов, связанных общими чертами и самосознанием, представляют макроэтнические и метаэтнические образования»¹²².

Такая базовая единица, естественно, должна отличаться большей конкретностью в определении, чем дефиниция этнической единицы вообще. Следовательно, нужно показать, чем такой уровень этнических общностей отличается от остальных, а затем уже — чем такие базовые единицы различаются между собой. Только правильная последовательность операций дает надежду найти перспективный выход из трудностей.

В этой связи будет верным считать, что этнос как особая этническая единица появляется лишь в связи с образованием государства, вырастая из прежних общностей путем их интеграции и ассимиляции. Следовательно, по уровню этнос соотносится с другими базовыми категориями социологии истории: обществом и государством, хотя полностью с ними не совпадает, ибо прямое

¹²² Бромлей Ю. В. Теория этноса. С. 50.

соответствие долгое время было скорее исключением, чем правилом. И только теперь, пусть в идеальной модели, в большей или меньшей мере не совпадающей с реальностью, мы можем говорить о системе: одна нация — одно общество — одно государство.

Однако для того, чтобы из разных этнических единиц или из историко-этнографической области получился этнос-народность, чисто этнических процессов было недостаточно. Часто требовался своего рода толчок. Нужен был и некий магнит, создающий этническое притяжение. В этой роли часто выступала центральная политическая власть, а нередко даже иноэтническое ядро, которое впоследствии могло раствориться, дав этноним (болгары, норманны и пр.). Требовался и определенный уровень стратификации и неравенства в обществе, что иной раз достигалось как раз с помощью иноэтнического элемента. Таким образом, процесс образования этноса часто связан с какими-то переломными событиями, которые, кстати, и могут давать всплеск этих самых гумилевских пассионариев: войнами, переселениями, завоеваниями и т. п. Но в любом случае базисом служили более высокие, чем в доземледельческую пору, демографические процессы, способствующие увеличению «давления» и прессовке этнических единиц¹²³.

Но, разумеется, процесс сложения народностей-этносов даже из близких племен был долгим. Например, в таких государствах, как Русь X и еще XI вв., население представляло конгломерат племен (причем не только славянских) и городских жителей. Следовательно, очень длительное время (а в некоторых случаях и никогда) этнос не является гомогенной структурой. Но если есть крепкие обручи (вроде государства и религии), он цементируется, разные его части сплавляются и тогда нередко способен довольно длительное время обходиться без подпорок.

Итак, можно сказать, что хорошо выраженный этнос (народность) появляется уже в зрелой фазе второй (аграрной) формации на базе

¹²³ Поэтому кочевые народы при слабой плотности населения и нестабильной территории следует относить к аналогам этносов, которые могут превратиться в этносы при оседлости и переходе к государству. Низкая плотность населения и, как следствие, более слабые этнические процессы у кочевников — важная причина их быстрой ассимиляции в ряде случаев.

достаточно развитых государства и культуры. Но, конечно, могли быть случаи, когда развитие государства не влекло за собой соответствующей эволюции этносов.

Теперь можно попробовать дать определение этносу. Это категория, с помощью которой можно выделять этнические единицы особого таксономического уровня, характеризующиеся тесной связью с политической и административной структурой. Они формируются, развиваются и существуют в той или иной связи с государством (реальным или потенциальным) или его отдельной административной частью и поддерживаемыми государством институтами (церковью, образованием, СМИ и т. д.). Население, относящееся к этносу, обычно имеет компактную или непрерывную территорию проживания и полагает свои права на нее особыми (право первопоселения, завоевания и т. п.). Внутри этноса существуют достаточно тесные культурные, социальные, религиозные и иные связи.

Конечно, обычно этносы имеют и этнонимы. Но характерно, что многие этнонимы обозначают как раз людей (жителей) определенной земли, страны, государства, что дополнительно подчеркивает связь этносов и государств.

Таким образом, данное определение показывает, во-первых, что этнос отличается от всех других единиц тем, что его связь с государством особенно тесная и очевидная. Во-вторых, этнос — рубежная этническая единица, поскольку подобных единиц в догосударственный период не было. Имеет смысл отметить, что длительно существующие аналоги государства способны формировать и аналоги этносов путем особой интеграции племен и других единиц. Но, как понятно, в будущем, если такой аналог государства не трансформируется в государство или не станет господствующим слоем в завоеванной стране, в этническом плане он неперспективен.

В-третьих, этнос для послегосударственного периода может вполне употребляться как обобщающее слово для этнических единиц определенного типа и уровня, если не называть им негосударственные народы¹²⁴. Но, будучи рубежным, этнос имеет и стадийные

¹²⁴ У некоторых негосударственных народов первобытной периферии под действием

исторические формы. Если не брать во внимание переходные, то ими являются всем известные народность и нация. При этом в первой стадии этноса — народности связь его с государством не столь уж очевидна. Совпадение их так, чтобы в одном государстве сосредоточивалась одна главная народность, отнюдь не являлось не то что правилом, но и даже более частым случаем, хотя примеров и немало (тот же Египет, Китай, Япония, Русь, Польша и т. д. Я не беру сейчас во внимание периоды их децентрализации). Но поскольку в ходе эволюции выяснилось, что такие государства как более крепкие имеют преимущества, их число возрастало.

Зато на второй стадии этноса — нации связь с государством настолько несомненна, очевидна и признается всеми, что многие перестают видеть в нации этнос, а говорят лишь о политической общности.

Многолетний спор о том, трактовать ли нацию как этническую или как политическую общность, не решается однозначно. Конечно, можно теоретически разделить этничность и, так сказать, «политичность» нации. И, разумеется, в каких-то аспектах ее можно представить либо этнической, либо политической общностью. Но важно осознавать, что вне государственной формы и симбиоза этнического-политического такого явления, как нация, в принципе быть не может. Она существует лишь в этой определенной форме. Это аналогично ситуации, когда мы утверждаем принципиальное родство социальных и этнических явлений, но подчеркиваем, что в отдельных случаях, например, когда высшие и низшие социальные слои имеют разное этническое происхождение, такая связь нерасторжима.

В данном аспекте, конечно, я ставлю нацию в ряд этнических форм, но одновременно подчеркиваю, что, поскольку она есть современная форма этноса, ее связь с государством — важнейшей характеристикой этноса — особенно сильна.

контактов с более развитыми этническое самосознание могло просыпаться стадияльно раньше, чем у общностей такого же уровня в догосударственную эпоху. В некотором плане такие периферийные негосударственные народы можно считать аналогами этносов.

Отметим, что чем существеннее государство регулирует этнические, культурные и религиозные процессы, тем сильнее и неразрывность этнического и политического (либо в сторону сближения и ассимиляции, либо, напротив, противостояния). В прежние эпохи очень часто в крупных и многоэтничных государствах национальным вопросам уделялось мало внимания, а власть в основном устраивала лояльность народов и племен по отношению к ней (хотя немало и случаев ассимиляторства, преследования и пр.). Такая политика может быть оценена как нейтральная, а следовательно, ее влияние на этнические процессы не было столь заметным, как при целенаправленной деятельности. Следует отметить, что ряд правительств гораздо сильнее волновали вопросы религиозные, здесь процесс ассимиляторства мог быть заметнее, и в целом часто религиозная однородность заменяла этническую¹²⁵.

В более позднее время основные усилия государства в плане ассимиляции касались не религии, а прежде всего языка (именно поэтому вопрос о национальных школах, газетах и позже радио и телепрограммах был едва ли не самым острым).

Подчеркивая достоинства собственного подхода, справедливости ради надо сказать, что возможна и точка зрения, согласно которой этносом можно признавать только общность с хорошо выраженным этническим самосознанием. Но тогда из нашего анализа выпадет множество незрелых и неярких случаев. Думается, что их игнорирование исказит картину. Если же пытаться объединить как яркие, так и неяркие, как чистые, так и смешанные явления, то необходимы более объективные признаки, чем только самосознание. И такими как раз и будут связь с политической организацией, компактность, проживание и др. А хорошо выраженное самосознание

¹²⁵ Например, в Византии греческий язык постепенно становился национальным языком империи, как, говоря советским стилем, язык межнационального общения. «Но еще значительнее был процесс ассимиляции, происходивший под влиянием общей православной религии. Как хорошо заметил Рамбо, в Византийской империи православие заменяло собой национальность» (Диль Ш. Основные проблемы Византийской истории. М, 1947. С. 57). В еще большей степени такие процессы происходили в арабских государствах, где ислам распространился значительно сильнее арабского языка, хотя и последний охватил огромные территории.

можно полагать критерием уже достаточно зрелого этноса¹²⁶.

Если говорить о других достоинствах такого подхода к определению этноса, то, как уже указывалось, сближаются взгляды на время рождения этносов и более четким становится рубеж до и после появления этноса, аналогичный рубежу до и после образования государства, цивилизаций. Понятно, что неизбежны крайне трудные вопросы о том, как отличить молодой этнос от стадильно ему предшествующих этнических единиц или аналогов этноса. Но это уже проблемы иного плана.

Яснее становится и место триады: племя (соплеменность) — народность — нация в общей концепции, а также и то, что собственно есть народность и нация. Логично объясняется и такой факт, как плавность в ряде случаев перерастания народности в нацию. Ведь это движение в рамках одного явления (этноса) не столь революционное, как переход от племен к народностям. Если же учесть, что и нация проходит ряд этапов развития, то в целом процесс перерастания в нее народности выглядит достаточно эволюционным, особенно если совершается в рамках одного и того же государства.

Итак, делаем вывод. Данная концепция позволяет достаточно логично совместить разные подходы: сохранить идею стадильных типов (племя — народность — нация), показать этнический рубеж и появление особой единицы, связь между этносом и государством, более сильную в развитом, современном этносе — нации и менее заметную (но, несомненно, очень существенную) в первой его стадии — народности; сохранить этнос как обобщающее слово для народов и как особую таксономическую и уровневую единицу; идею устойчивости этнического и его трансформацию и др.

Связь этноса и государства, типы этой связи могут быть весьма различными, что сильно влияет на характер этноса. Но в любом случае налицо факт той или иной связи с политической и административной структурой, а равно с поддерживаемыми государством институтами.

¹²⁶ Этническое самосознание по зрелости сильно различается в период, когда государства являются лишь островками в море варварской периферии (там достаточным отличием от нецивилизованных соседей служит просто принадлежность к государству или религии) и когда негосударственные народы рассматриваются как этнографический объект. Возможно, поэтому в древнем мире этничность была менее выражена, чем в позднесредневековом.

Вариант 1. Классический. Этнос и составляет основную часть или центральное ядро населения государства.

Вариант 2. Этнос может иметь и затем потерять государственность, быть разделенным между другими державами (поляки). Но, во-первых, он уже был государственным, во-вторых, стремится к восстановлению самостоятельности, тем самым противопоставляя себя странам, его покорившим. Следовательно, его связь с государством несомненна, хотя и специфична.

Вариант 3. Этнос может быть сопоставим с провинцией (сатрапией, автономией и т. п.).

Вариант 4. На территории этноса может быть не одно, а множество государств. Однако с ними он связан более тесно, чем с иными. Важно отметить, что такие этносы обычно имеют компактную территорию либо регулярные связи (если речь идет об островных государствах или колониях). Поэтому мы вполне можем отмечать наличие древнегреческого этноса и до завоевания Греции Македонией, хотя греки и не имели единого государства.

На примере древних греков можно сказать, что отсутствие единого или наиболее крупного государства может компенсироваться: а) компактностью проживания; б) слабыми иноэтническими вкраплениями; в) интенсивными экономическими, политическими и культурно-религиозными связями. Большое значение может иметь внешняя угроза, сплывающая народ. Таким фактором явились греко-персидские войны.

Вариант 5. Основная часть этноса в одном государстве, а меньшие — в других. Если он занимает компактную территорию, а между его частями имеются достаточные контакты, его можно считать единым (иногда общность проживания компенсируется очень тесными связями). В противном случае этнос (особенно незрелый) может распасться. Именно так случилось с древнерусской народностью, разделенной между Московской и Литовской Русью.

Вариант 6. Хотя народ никогда не имел государственности и разделен между разными странами, но он проживает компактно и дошел до желания иметь самостоятельное государство. Таковы, например, курды. Для прежних эпох это был более редкий случай,

поскольку провинции и колонии скорее отделялись по иным, чем национальные, причинам. Для современности под влиянием общемирового воззрения — становится более частым. Вариант 7. Под административным контролем более развитых народов и их правительств на зависимых территориях создаются политико-административные единицы (в колониях или в самих государствах), так или иначе привлекается часть местного элемента. В такой форме вызревание этносов идет быстрее и отделение их может быть проще.

Вариант 8. Этнос никогда не имел государства и не был связан с отдельной административной единицей. Но это коренной народ данной территории (или проживает там достаточно давно), а не эмигрантские общины. При этом подобных этносов или вообще нет, или нет в этом государстве. Он, таким образом, становится предельной в указанных рамках этнической единицей, с которой правительство должно так или иначе контактировать. Обычно такие народы имеют и какие-то формы представительства: вождей, царьков, глав церкви и т. п.

То, что я связываю понятие этноса с государством и компактностью проживания (или непрерывностью расселения при низкой плотности населения), заставляет сделать одну важную оговорку. В этнографии к этносу относят не только единый массив народа, но и дисперсные группы, в том числе и в очень далеких от его родины странах. Вероятно, для абстрагирования культурно-языковой и поведенческой схожести, выявления чистого этнического «остатка» это вполне оправданно и плодотворно (мне судить об этом сложно). Но с точки зрения социологии истории и неудобно, и неверно. Украинцы в Канаде (любимый пример Бромлея) и им подобные общности — это этнические единицы определенного уровня (уровня национальных меньшинств-общин). А этнос — это особая единица, и потому не следует добавлять к ней другие. Иначе мы просто спутаем уровни, реальность и абстракцию. Да и чисто этнические процессы в основном этносе и таких эмигрантских группах весьма разные. Поэтому, кроме случаев, когда есть единая территория проживания этноса, но под юрисдикцией разных государств, или очень тесные связи диаспоры с метрополией,

нецелесообразно объединять основной этнос с дисперсными группами. Разумеется, поскольку процесс такого отпочкования проходит разные стадии, возможны различные промежуточные и пограничные варианты. Поэтому удобно было бы учитывать степень возможного воссоединения и интенсивность связей внутри этнической группы и каждого ее члена с основным этносом. Тогда можно увидеть, когда миграционные группы не составляют даже отдельных единиц (например представители метрополии в колонии), а есть временные переселенцы, а когда этнические единицы уже сформировались, но еще не обособились. Правда, при распаде колониальных империй или многонациональных держав (типа Британской или СССР) и переселенцы, не оставляющие сплоченных групп, могут поневоле стать таковыми и впоследствии замкнуться в себе.

Кроме того, желательно классифицировать этнические единицы по степени близости (географической и генетической, например), выделять близкородственные, родственные, отдаленно родственные и т. п.

Я бы хотел особо подчеркнуть, что предложенные здесь и далее методики могут оспариваться или уточняться, возможны и альтернативы. Это вполне естественно. Самое главное, понять, что, во-первых, нет универсальных методик, а есть универсальные принципы и подходы, которые дают общие теоретико-методологические основы частным методам; во-вторых, специальные задачи обычно требуют и более или менее специальных приемов.

Стоит подумать, как отделить этнос от более широких, чем он, единиц, так называемых суперэтносов (групп родственных этносов). Во многих случаях все достаточно очевидно: налицо разные государства, причем исторически образовавшиеся самостоятельно; народы давно отделились от общего корня, хотя вполне осознают родство. Таковы многие славянские этносы. Но, безусловно, порой могут быть весьма трудные задачи¹²⁷. Особые ситуации требуют и особой методики. Связь с государством, однако, возможно проследить

¹²⁷ Так, например, в рамках Российской империи до 1917 г. вправе ли мы считать русских, украинцев, белорусов разными родственными народами или же единым, хотя и не гомогенным этносом? Были ли греки VI—IV вв. до н. э. суперэтносом или только этносом? Именно на таких (на первый взгляд, казуистичных) вопросах оттачиваются любые теории.

и здесь. Так, факт существования определенных внутригосударственных границ может облегчить поиск ответа. Такие административные границы в

СССР в сочетании с пропагандистской доктриной, что русские, украинцы и белорусы именно отдельные, хотя и близкородственные народы, способствовали развалу Союза. Могут быть и дополнительные критерии: компактность проживания, исторические прецеденты (например хотя бы короткий период самостоятельности или автономии), особость церкви и т. п.

Исключительно важно увидеть ретроспективу, которая обозначает направление процессов, не всегда достаточно четких. Если же надо решить вопрос для определенного момента (без учета исторической перспективы), то картину могут прояснить реакции национального сознания, такие, например, как факт активной или молчаливой поддержки тех, кто стремится к независимости, или, наоборот, стремление к единству при наличии разных государств, как в ГДР и ФРГ. Но отметим, что эта тяга очень сильно порой поддерживается у более бедной части этноса стремлением получить блага, доступные богатой части.

Немного остановимся и на вопросе о теоретическом разделении этноса и субэтноса (помня об условности). Ранний этнос может вообще состоять из субэтносов (или племенных этнических единиц). Зрелые также нередко включают их (и здесь можно воспользоваться связью с государством). Иногда вопрос очевиден, если субэтнос не обладает тем минимумом этнических признаков, которые создают объективные условия для появления этноса: какая-то связь с государством, компактность или непрерывность расселения, достаточная культурно-языковая близость (и особость от других) и т. д. В других случаях нужно опираться на то, что субэтносу не может соответствовать крупное государство, а либо административная единица (вроде Войска Донского), либо малое государство, если оно потом вошло в крупное (как в Италии или Германии). Другим критерием выступает самосознание, которое обязательно является двойным и не противопоставляет субэтнос этносу, а интегрирует их. Наконец, можно учитывать легкость ассимиляции отдельных

представителей субэтнуса в среде людей основного этноса.

Только теперь, когда указаны подходы к отделению этноса от других этнических единиц, можно переходить к вопросу о том, как отграничить один этнос от другого. Попытка же решить его вначале ведет к подмене «вопроса об этносе вопросом об этносах» и «выступает источником парадоксальной ситуации, в которой мы постоянно апеллируем к опыту (посредством индукции), но именно в нем не находим оснований нашему знанию об этносе как единстве признаков.

При этом остается загадкой: с помощью какой логической процедуры высказывание об отличиях этносов преобразуется в определение этноса?»¹²⁸.

Но и для различения одного этноса от другого нет единого критерия, а есть ряд методик, которые требуют последовательного применения в зависимости от степени близости этносов. Так, если мы возьмем неродственные и иными вещами не связанные (то есть не проживающие совместно, не имеющие единого корня, общей истории и пр.) этносы как два ярких случая непохожести, то тут прекрасным и первичным показателем выступает язык, который прежде и ассоциировался с чужим народом.

Иная ситуация при рассмотрении родственных или смешавшихся этносов. Где-то вопрос о теоретическом разделении смешавшихся разноэтнических групп, составляющих единое общество, очевиден: он перенесен в сферу социального (социальной стратификации). А признак, который дает привилегии, естественно, поддерживается и оправдывается всеми силами и средствами. И часто случается, что этнические различия почти исчезли, а социальные продолжают жить.

Понятно, что чем конкретнее проблемы, стоящие перед нами, тем специфичнее будут и методики их решения, однако так или иначе, но в них можно будет проследить связь с общими подходами. Например, в целом ясно, что связь с государством определяет очень многое, поскольку иногда политические моменты трансформируют этнические, но бывает и наоборот. Понятно, что разделенные государственными границами части этноса могут обособиться, а

¹²⁸ Белков П. Л. Ук. соч. С. 60.

административно оформленные этносы в многонациональном государстве при определенных условиях (если найдутся лидер и силы, как в Чечне) могут образовать самостоятельное государство. С другой стороны, давно, прочно и хорошо устроенный «национальный дом» может быть прочным и в том случае, если в нем проживает разноязыкая нация. Немало зависит от равноправия или неравноправия этносов. Важна и международная ситуация: когда малые народы знают, что они так или иначе не в состоянии сохранить независимость, их тяга к единству намного больше. Когда они уверены в своей безопасности — меньше.

Только скрупулезный историко-этнографический анализ может порой дать ответ на конкретные вопросы о причинах того, почему этносы, которым, казалось бы, нужно жить вместе, расходятся, и, напротив, почему оказываются крепкими народы, которые, на первый взгляд, должны были разделиться¹²⁹. Нередко такие причины теряются в истории и не могут быть реконструированы. Но хотя объяснить зигзаги этнического сознания и нелегко, однако в принципе не сложнее иного другого: социального, религиозного и пр. (в революциях, ересьях и т. п.).

Для того же, чтобы просто констатировать наличие двух родственных, но различных этносов, достаточно, во-первых, убедиться, что каждый из них обладает минимумом этнических признаков и функций. Во-вторых, найти хотя бы два различия между ними (остальное вполне может быть и сходным): какого-то объективного признака (различия в языке, религии, разные государства и т. п.¹³⁰), иногда и не столь уж важного, и разного

¹²⁹ Можно предложить такое сравнение. Бывает, что родственники и даже супруги живут раздельно и далеко друг от друга, но считают себя единой семьей. А иногда и находясь в одной квартире, живут как разные семьи. Стоит обратить внимание и на такой момент. Если определять факт существования семьи по юридическим основаниям, то это часто не соответствует фактическому положению дел. Не так ли возникают споры о том, считать ли некое население единым народом или разными в зависимости от того, какой критерий берут (по переписи, закону, самосознанию, идеологии и т. д.)?

¹³⁰ Так, без сомнения, на невозможность интеграции сербов и хорватов повлияло пребывание в разных государствах на протяжении основной части их истории и, само собой, разные конфессии.

самосознания (оно, естественно, опирается на наличие разных этнонимов). Последнее преувеличивает различия и показывает, на какое место данные этносы ставят в настоящее время свою национальную особость и родство с другими.

В заключении параграфа рассмотрим соотношение этнического и цивилизации. Если использовать мысль о том, что государство есть политическое управление профессионалов, то можно сказать, что цивилизация есть религиозно-интеллектуальное (а часто и моральное и др.) управление профессионалов. Такое руководство возникает вследствие общественного разделения умственного и физического труда, нередко закрепленного в сословно-кастовой системе. В результате появляются развитая религия (или как вариант идеология), письменность и художественная культура, а также и некоторые иные вещи, которые мы связываем с цивилизацией.

Подобно тому как государство есть надстройка над общинными, а затем племенными или территориальными структурами, цивилизация также надстраивается над этничностью с ее языком, поведенческо-бытовой культурой, духовными представлениями, традициями и обычаями, некоторыми промыслами и ремеслами и т. п. Точнее говоря, первым этажом цивилизации является общее между близкими этническими единицами и подъединицами.

Но поскольку мы говорили, что этнические единицы — это еще не этнос, который возникает в результате сложных этносоциально-политических процессов, постольку и цивилизация должна приобрести второй этаж в виде хотя бы не очень сплоченного этноса, но в котором уже есть политические и религиозные центры, религия становится более развитой, появляются зачатки письменности, эпос и прочее. И тогда вместе с развитием политики, письменности, литературы, религиозной пропаганды, сосуществованием внутри этноса сословно-групповых субкультур, ассимиляцией (или комбинированием) иноэтничных элементов рождается третий культурно-религиозный слой — собственно цивилизация. Но он еще очень тесно связан с этническим субстратом и (или) государством. Мало того, он наращивает новое и над этничностью (об этом уже говорилось), например в развитии национальной религии. Развитие

культы, идеологии, строительства и прочего, связанного с подъемом этой религии, давно относят к характерным и неизменным признакам цивилизации¹³¹.

Только с появлением мировых религий и идеологий начинается более ясно разделение собственно цивилизации и этнического. В этом плане мировые религии воздвигают новый этаж над цивилизацией. Но и тогда этничность и религиозность могут совмещаться, хотя уже на новой основе. Во-первых, у каждого народа мировая религия приобретает какие-то специфические черты; во-вторых, в ее системе происходят расколы и отпочкования, иногда какие-то направления становятся в основном принадлежностью немногих или даже одного этноса (например, шиитство — религия Ирана, православие — России и некоторых балканских стран, униатство — части Украины и т. д.).

Иногда мировая религия способствует и этнической ассимиляции, прежде всего за счет языка, на котором созданы главные божественные книги и с которым связана вся церковная культура. Особенно показателен здесь ислам с мощным распространением арабского языка и ассимиляцией арабами многих народов.

§ 4. Общественное бытие и общественное сознание

Один из важных и специфических социстических способов анализа общества состоит в его делении на две органически связанные части: общественное бытие и общественное сознание. Правда, среди вопросов, которые подвергались критике за вульгарный подход, одномерность и неучет исторических реалий, проблема доминирования общественного бытия над общественным сознанием занимает очень «почетное» место. Действительно, если тезис «Бытие определяет сознание», который и обусловил появление подобного метода, нужен лишь для того, чтобы доказать превосходство материализма над идеализмом, или чтобы всегда и всюду отыскивать классовую позицию, или «различные скрытые идеологии и их опоры

¹³¹ Например, Редфилд выделял подъем (rise) национальной религии в числе четырех главных признаков ранних цивилизаций. См.: Daniel G. The first civilizations. L., 1968. P. 25.

в бессознательном»¹³², то для науки он становится даже вредным. Тогда этот вопрос превращается в идеологический, имеющий лишь единственное решение, и фактически выпадает из разряда научных. Иное дело, если мы рассматриваем его с точки зрения преимуществ и недостатков относительно других альтернатив. Тогда можно убедиться, что хотя данная конструкция, как и всякая схема, дает искажения, однако в определенных рамках и при известных ограничениях является удобным и эффективным средством анализа. Поэтому, на мой взгляд, голое отрицание этого подхода лишает науку существенных возможностей.

К доказательствам последнего вернемся позже, а теперь сделаем ряд замечаний по поводу самой процедуры структурного членения общественной системы, без чего ее глубоко не понять. Иногда, избрав какой-то принцип, мы согласно ему условно дробим общество на некоторое количество частей. Примерно так происходит деление на сферы. Правда, если нет четкости в формулировке исходного принципа, возникают трудности с числом таких сфер.

В иных случаях удобнее первоначально разделить общество лишь на две части, особенно если фактически нам важнее выделить только одну из них, другой как бы оттеняя ее, или определить формы их взаимодействия. Например, если надо детально исследовать какую-то подсистему (политическую, производительные силы и т. д.), то, чтобы сосредоточиться только на одной этой части и в то же время иметь необходимый фон целого, мы делим общество по принципу: данная подсистема — все остальные. Подобная процедура — и это сейчас важнее — и в моделях: «базис — надстройка», «общественное бытие — общественное сознание». (Далее в параграфе вместо этих терминов для краткости будем говорить везде просто «бытие» и «сознание».)

В отношении бытия и сознания философы чаще либо пытаются доказать определенный тезис: «бытие определяет сознание», «сознание автономно» и т. п., либо сосредоточиваются на исследовании какой-то одной из этих частей. Чаще это именно сознание, поскольку в сравнении с бытием его структура более

¹³² Так Поппер критикует социологию знания (См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1994. С. 248).

однородна. Я также большее внимание уделяю сознанию, тем более, что собственно бытие уже рассматривалось. Но, кроме того, с помощью данного метода я пытался показать диалектику взаимоотношения и взаимодействия бытия и сознания, нащупать возможности совмещения разных точек зрения и подходов, переходов от одного аспекта к другому.

Первое грубое деление общества вообще, и в модели «бытие — сознание» в частности, мы производим, обращая внимание прежде всего на контрастность ядер каждой подсистемы. Однако в дальнейшем мы сталкиваемся с трудностями, коренная причина которых в том, что нельзя четко разделить нераздельное. Проблемы заключаются в том, что ядро каждой из подсистем много меньше их «территорий», а последние фактически «перекрывают» друг друга. Причем чем дальше явления от ядра, тем сложнее определить их главную функцию. Фактически они относятся и к бытию, и к сознанию одновременно. Ведь хотя сознание связано с идеальным, но форма его существования нередко материальна и все более материализуется по мере развития техники. С другой стороны, любой объект бытия, созданный человеком, был произведен по какому-то плану и для определенной цели, хотя бы они и отличались от результата. Тем не менее мы должны каждое явление «приписать» к той или иной подсистеме. Следовательно, в аспекте нашего исследования суть дела заключается — как и в ряде других случаев — в определении ведущих функций явлений. И, стало быть, границы подсистем будут сильно зависеть от поставленной задачи¹³³. Поэтому мы и должны искать критерии, процедуры, методики, позволяющие проводить нужную нам степень членения и разграничения.

Можно сказать, что одиозность истматовского решения относительно духовного фактора явилась одним из самых заметных мотивов обращения к цивилизационной парадигме. Вполне понятны и надежды на вроде бы открывающиеся горизонты нового видения истории. Однако эта новизна во многом мнимая. Ведь философия истории (как и историография) прошлого основывалась на приоритете именно духовных, идеальных или личностных моментов. А формационная концепция во многом явилась реакцией на бессилие

¹³³ Естественно, что можно также выделить и особые зоны интеграции, типа производственной организации общества, в которых двойственность особенно наглядна.

подобных подходов в решении ряда важных проблем. Да и в любом случае, как бы ни опираться в исходных посылках на менталитет, стереотипы культуры или некие общенародные ценности, неизбежны вопросы о причинах их появления или существования именно в данной форме.

Критика истматовского искажения истории и обоснованность призывов обратить внимание на иные, помимо традиционных для него, аспекты представляют сильные стороны «цивилизационной парадигмы» и способствуют внешнему впечатлению яркости и даже привлекательности этого течения. Но критика и призывы не создают положительного. В отношении же позитивного налицо отказ от проверенного научного инструментария и замена его совершенно аморфными, нечеткими и спорными понятиями, а также эпитонство в отношении устаревших западных и отечественных концепций. Нередки также попытки заменить одну схему другой и бросание в крайности.

Поэтому думаю, что стремление ряда наших ученых найти в абстрактном цивилизационном подходе панацею решения проблем теории истории бесперспективны. Даже в весьма серьезных работах этого направления чувствуется непонимание того, что гуманистический аспект, нередко незаменимый в узких рамках конкретного исторического или философского исследования, часто малопригоден (или даже вовсе не пригоден) для исследования огромных исторических этапов и регионов, сложнейших социальных процессов, охватывающих тысячелетия, тем более для обобщений в рамках всей социологии истории¹³⁴. Так, например, М. Барг в своей достаточно интересной и глубокой статье «Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктуре или требование науки?» во многом верно утверждает, что Маркс и Ленин «в плане теоретико-познавательном практически не различали социологического и исторического аспектов одних и тех же процессов, следствием чего было необоснованное отождествление методологии социологического и исторического

¹³⁴ Например, исследование цивилизаций как исторического феномена требует во многом иных аналитических средств и подходов, чем описание одной из них в какой-то момент, тем более одного общества этой Цивилизации.

изучения одних и тех же проблем. Результатом подобного смещения явилось долгое и упорное отрицание их комментаторами правомерности самостоятельной разработки историками методологических проблем своей науки»¹³⁵. Но и сам он, к сожалению, не различает собственно исторического, то есть связанного с анализом одного (группы тесно связанных) общества обычно определенной эпохи и социолого-исторического, пытающегося создать инструментарий и методологию исследования множества исторических обществ как в чем-то сходных феноменов.

Историк, опираясь на свои интуицию, чутье, вживание в материал, специальные методы, неявные аналогии и т. п., часто получает адекватные выводы, не используя социсторические методы, точнее, не используя их сознательно и четко. Но стоит перейти от относительно частных вопросов к более широким, как возникают теоретические и методологические проблемы, решить которые, основываясь только на детальном знании своего объекта, не удастся. Именно здесь были бы кстати достижения социологии истории, не предопределяющие результаты исследования, а облегчающие его за счет разработки понятийного аппарата, частных методик, типологии и прочего. И в таком плане терминологическая пара «бытие — сознание» вполне способна послужить, тем более, что эта теоретическая модель имеет под собой и весьма важные реалии. Поэтому заявления о том, что этот метод приемлем лишь «в рамках формационной парадигмы», понять как реакцию на длительное идеологическое давление можно, но принять в качестве концептуальных нельзя. Разумеется, цивилизационный аспект требует учета своих важных особенностей при применении указанного подхода, но в принципе специфику имеет и любой другой аспект. В целом же он вполне вписывается как составная часть в модель «бытие— сознание» (о чем еще будет речь). На мой взгляд, тот факт, что в западной науке уже много десятилетий выводы социологии знания успешно применяются в исследованиях исторической социологии, причем очень часто именно в

¹³⁵ Барг М. Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктуре или требование науки?//Коммунист. 1991. № 3. С. 28—29.

цивилизационном (культурологическом) аспекте, косвенно подтверждает сказанное.

Вопрос, стало быть, заключается в том, чтобы найти приемлемые конструкции, методики и прочее, которые бы позволили лучше понять соотношение бытия и сознания, выявить некоторые зависимости между ними, увидеть, каким образом от общих утверждений спускаться к частным. Ведь, как уже достаточно подробно доказывалось, познание не отражает реальность, а преломляет, кодирует, превращает в некие символы, персонифицирует, приспособливает к несовершенному языку и т. д. и т. п. При этом до сравнительно недавнего времени господствовал, по выражению Юнга, «первоначальный способ формулирования мысли», когда человек мало понимал сам процесс мышления, а осознавал лишь его результаты¹³⁶. Но даже и сегодня эпистемологические проблемы во многом остаются терра инкогнито.

Познание есть часть сознания, причем часть, наиболее логичная и стройная. Поэтому сказанное о непрямом соотношении между ним и бытием в еще большей мере касается и связи между последним и сознанием. Ведь оно не просто многослойно, но в большей мере состоит из символов или вовсе мифологизировано. И это невозможно игнорировать при анализе как его самого, так и его соотношения с бытием, попытках разобраться в индивидуальной психике.

Даже в современном мире сказанное остается исключительно важной характеристикой сознания. Будь это не так, пропаганда должна была бы исчезнуть, как и манипуляции сознанием, тем более, зомбирование его. Индивидуальное сознание очень часто имеет дело не столько с самой реальностью, сколько с чьими-то представлениями о ней, поскольку между вышеуказанными сторонами располагается множество посредников в истолковании действительности. По этому поводу японский философ М. Маруяма пишет, что «чем сложнее становится среда, к которой мы должны приспособливаться, тем толще становится слой образов, стоящих между нами и реальной действительностью. И то, что было смазочным

¹³⁶ Юнг К. Йога и Запад. Львов; Киев. 1994. С. 24.

материалом, постепенно отвердевает и образует толстую стену»¹³⁷. И далее он тонко подмечает: «Таким образом, по мере того как постепенно утолщается слой образов, они обретают свое собственное бытие в отрыве от исходной действительности. Иначе говоря, нас отделяют от предметного источника бесчисленные образы или призраки. И не будет преувеличением сказать, что мы живем в мире, в котором обретает самостоятельное существование несчетное множество таких призраков»¹³⁸. И поскольку трудно, а то и невозможно «воспринимать и определять сами вещи в их целостном выражении и большинство судит и действует, полагаясь на образы, возникает такое парадоксальное положение, при котором, как бы ни утопичны, как бы ни ошибочны были эти образы, как бы ни были они оторваны от источника, все равно эти образы создают новую действительность, причем иллюзия приобретает еще большую реальность, нежели действительность»¹³⁹.

Эта мифологичность объясняет, почему иногда ожесточенные общественные схватки шли за, казалось, далекие от жизни вещи: отдельные эпизоды какого-нибудь обряда (вроде того, как креститься — двумя или тремя перстами), символику и т. п. Также ясно, что, поскольку временами стереотипы и образы общественного сознания оказываются на какой-то период даже более живыми, чем сама действительность, «большую роль играет чреватая конфликтами заинтересованность людей в том, как должен рассматриваться тот или иной важный момент их общественной жизни: как реально существующий или только как нечто кажущееся»¹⁴⁰. Ведь очень часто социальные оценки одного и того же явления оказываются диаметрально противоположными. Например, современные реформы в России одни называют эпохальными, другие вопрошают: «А где они, в чем заключаются эти реформы?» Бесспорно, в конечном счете практика корректирует сознание, разоблачая те или иные мифы и искажения, но нередко далеко не сразу, а порой одни символы просто

¹³⁷ Цит.: Козловский Ю. Б. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977. С.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Козловский Ю. Б. Ук. соч. С. 182—183.

¹⁴⁰ Лукач Л. К. Онтология общественного бытия. М., 1991. С. 38.

заменяются другими¹⁴¹.

Таким образом, деление на бытие и сознание имеет достаточно объективные причины, поскольку человек всегда (даже при научном подходе) искаженно понимает свою практику, а учреждения и институты так или иначе отклоняются от того, что было задумано.

Несколько предваряя выводы, чтобы облегчить восприятие дальнейшего изложения, можно указать на достоинства такого деления. В общем плане достаточно очевидно, что объект удастся понять более глубоко, если «анатомировать» его, разять на части. В случае, подобном нашему, когда такая операция делается лишь мысленно, лучших результатов можно достичь, если определишь достаточно естественные структурные части. Мы видели, что бытие и сознание именно таковы, что подтверждается и почтенностью традиции. Ведь этот дуализм был замечен давно, затем такая дихотомия была перенесена и на общество, а в XIX—XX вв. данный взгляд получил оформление в ряде достаточно аргументированных концепций различных философских школ¹⁴².

Помимо сказанного, указанный подход позволяет:

1. Сосредоточиться на анализе духовной сферы, не отрываясь от социальной и материальной реальности.
2. Достаточно тесно связать формационный и цивилизационный подходы, а также увидеть общество в особом и важном аспекте.
3. Наглядно показать функциональную зависимость идей, идеологий и прочего от бытия в одних случаях и формообразующую роль сознания в отношении общества — в других.
4. Видеть изменения в той и другой подсистеме в масштабах исторического процесса; выделять наиболее общие черты сознания в пределах больших периодов; моделировать оптимальное сочетание бытия и сознания.
5. Лучше решать двуединую задачу: объяснять причины

¹⁴¹ Так миф о Николае II Кровавом сменился образом императора-мученика.

¹⁴² Эта идея связана с так называемым основным вопросом философии, то есть с проблемой первичности (вторичности) бытия и сознания, но в философии истории, может быть, еще нагляднее, чем в общей философии, видна неправомерность такой жесткой антиномии и необходимость поиска способов объединения полярных концепций. Относительно социологии истории вопрос и заключается в том, чтобы с помощью такого метода достичь максимального эффекта в познании.

устойчивости сознания в одних случаях, его подвижности — в других.

б. Разработать ряд теоретических конструкций, моделей, а также методик, которые не только помогли бы яснее представить ситуацию в общем виде, но и служили бы алгоритмами для конкретных исследований.

Рассмотрим сами понятия бытия и сознания. Иногда бытие толкуют как общественные отношения, «материальные отношения людей к природе и друг другу»¹⁴³. Это будет неполным. Категория бытия должна обобщать мир материальных объектов (в том числе и биологических), включенных в человеческую практику, физическую сторону жизни людей и общественные отношения. Как ясно, в общественное бытие определенной частью войдет и природное. Причем чем больше оно социализировано и познано, тем сильнее в нем проявляются черты социального. Таким образом, природное бытие в определенной своей части выступает как бы в двух ипостасях: собственно природном и уже социальном.

Сознание в первую очередь связано с тем, что общество и люди осмысляют и объясняют окружающее, чтобы ориентироваться в нем и планировать жизненный процесс. Но оно создает и собственный идеальный мир, не имеющий прямых аналогов в бытии (фантазирование, развлечение, научение и т. п.). Иногда сознание представляют только как социальную психику. С учетом вышесказанного о способах его оформления ясно, что такое суждение обрезает его материальные формы и социальную организацию, лишает нас правильного представления об этой подсистеме, о каналах ее взаимодействия с бытием. Например, нельзя не учитывать, что идет постоянная перегруппировка общественной структуры за счет того, что одни части сознания как бы материализуются, и в то же время сфера идеального, мыслительную расширяется за счет проникновения в новые пласты реальности (до этого неанализируемые или неизвестные) и создания новых форм идеального. Степень материализации элементов сознания имеет весьма важное значение, особенно в современную эпоху, когда духовная продукция начинает

¹⁴³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 448.

производиться массово и коммерциализация такой деятельности фактически делает ее частью производства.

Исходя из сказанного, сознание можно представить как категорию, описывающую определенную подсистему общества, в которой мы объединяем комплекс представлений социума об окружающем мире, людях и о нем самом. Сознание есть совокупность интеллектуальной и духовной жизни общества, а также система воспроизводства этой жизни как материальными, так и нематериальными способами.

В малом и простом обществе общественное сознание не расчленено и относительно просто. Но в огромном оно должно быть сложным и дифференцированным. В качестве общесоциологического закона можно отметить, что едва какие-то формы сознания взрослеют, они ищут возможности материализоваться, а не оставаться на уровне бесформенных чувств и впечатлений. Разумеется, чувства, впечатления, идеи, не оформленные ясно, — важнейший элемент общественного сознания, но однако же они еще не все сознание, а представляют собой некую среду, в которой интеллект общества кристаллизуется.

Как еще один закон можно отметить то, что сознание существует и развивается в русле определенных канонов, форм и традиций (или борьбы со старыми под лозунгом новых). Для такого воспроизводства и развития необходима специализация. Неудивительно, что колдуны, шаманы, знахари и т. п. появляются на очень ранней стадии у многих народов. Имелись также «говорители законов», сказители, певцы и т. п. По мере усложнения общественного сознания специализация переходит в формирование определенной общественной группы или даже слоя, сословия. Это можно выделить как третий закон. Но раз есть слои, специализирующиеся на чем-то, то они так или иначе участвуют в распределительных и других отношениях. Таким образом, по мере развития той или иной формы (части) сознания происходит ее усложнение, специализация людей, которые превращаются в определенный общественный слой, а то и сословие, класс. Для существования такой сферы общественного сознания требуются определенные материальная база в виде зданий, храмов, библиотек, типографий и прочего и производство.

Следовательно, сознание можно представить как систему, в

которой подсистемы меньшего уровня в чем-то повторяют строение всего общества. Ведь усложняясь, каждый сегмент сознания требует собственной материальной и социальной базы, своего рода бытия сознания. Над ним, в свою очередь, надстраивается его собственное сознание (тех людей и групп, которые занимаются, скажем, отправлением религиозных обрядов, научными изысканиями, литературой и т. п.). Эти слои бытия и сознания чередуются и напоминают слоеный пирог¹⁴⁴. Такое деление каждого слоя многих сегментов сознания на бытие и сознание можно проследить довольно легко¹⁴⁵. Причем в каждом слое специфика соотношения бытия и сознания может быть особой. Если применить то, что я называл «принципом матрешки», то можно было бы строить сужающиеся по объему системы координат, в которых бы чередовались в качестве доминанты элементы бытия и сознания по мере того как мы уменьшаем объем исследования. Причем это применимо к исследованию не только структуры общества, но и соотношения бытия и сознания в теории исторического процесса.

Ведя речь о сознании общества, нельзя не напомнить, что главная его задача — связывать людей в устойчивые группы, в целое, а индивидуальную психику приводить к общему знаменателю. Будучи достаточно реальным¹⁴⁶, общественное сознание тем не менее растворено во множестве индивидуальных сознаний, каждое из которых есть неповторимая комбинация коллективного и собственного психического. Рассматривая зависимость сознания

¹⁴⁴ Это можно сравнить с тем, как человек делает предмет своего изучения собственной психику, затем рефлексивирует уже над полученными выводами, после над своими чувствами по поводу этих выводов и т. д.

¹⁴⁵ Например, над практикой надстраивается комплекс знаний. Над этими практическими знаниями вырастает наука. Когда наука приобретает собственную материальную базу (учебные заведения, музеи, экспедиции и т. п.), которая требует своей доли в распределении, над этой базой вырастает свое сознание. Это представления о важности науки, достойном образе жизни и статусе ученого, необходимости финансирования и т. п. Но это сознание будет требовать своего развития и продвижения в общество. У него вырастает своя база в виде корпорации ученых (Академии наук и прочего, прессы и научных журналов, связей, лоббирования и т. п.). Над этим выросшим бытием появляется новый слой сознания (например философия или социология науки). И т. д.

¹⁴⁶ «Совокупность верований и чувств, общих в среднем для членов одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием. Несомненно, оно не имеет в качестве субстрата единственный орган; оно, по определению, рассеяно во всем пространстве общества. Но тем не менее, оно имеет специфические черты, создающие из него особую реальность» (Люркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 80).

человека от общества, мы не можем не обратить внимание, что поведение людей в огромной степени обусловлено и предопределено не их собственной волей, а сложившимися в социуме отношениями и представлениями. Однако в той или иной мере, но эти надындивидуальные вещи должны как-то пройти и через психику личности. Следовательно, люди должны признать естественность и справедливость каких-то требований, либо возражать против них открыто, либо терпеть, либо относиться к ним безразлично и т. д. Поэтому так важны не только сами отношения и действия на их основе, но и их психологическая направленность, гармоничность с внутренним состоянием их совершающих. От такой гармонии или, напротив, напряженности зависит очень многое и в судьбе индивида, и в общественной жизни. Периоды же, когда большое число людей по каким-то причинам перестает соглашаться с существующими порядками, как понятно, чреваты социальными конфликтами и взрывами. Отношения и действия неразрывны с их общественным психологическим осознанием. Однако последнее может воспринимать реальность в большой амплитуде колебаний: от фанатичной веры до полного отрицания.

Продолжая анализ коллективного сознания, мы неизбежно придем к стремлению обнаружить некие исходные основы психики человека, на которой и выросло общественное сознание¹⁴⁷. Вероятно, это было одной из важнейших причин столь пристального внимания к «первобытному мышлению» в XIX и XX веках, поскольку именно в исследовании сознания дикарей пытались найти подтверждение различным концепциям. В этом направлении сделано немало важных открытий, хотя любые попытки отыскать некие вечные и неизменные архетипы обречены на неудачу.

Попытаемся рассмотреть соотношения бытия и сознания. Предварительно следует только оговориться, что термин «определять»

¹⁴⁷ «...Безусловно, структура нашей психики порождена необходимостью сохранения и развития индивидуальной и социальной жизни» (Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 115).

«Из универсального сходства мозга следует универсальная возможность для однотипной духовной функции. Эта функция и есть коллективная психика» (Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994. С. 204).

условен, поскольку налицо всегда взаимное влияние, и ни одна из подсистем самостоятельно без другой функционировать не может. Поэтому речь идет о том, что мы признаем влияние одной подсистемы на другую большим, чем обратное. Но степень такого доминирования может быть очень различной: от весьма заметной до практически неосозаемой. Само собой также, что утверждения об определяющей роли будут верны лишь в заданных рамках. Желательно помнить также то, что говорилось выше о перегруппировках структуры бытия и сознания.

Самым общим методологическим принципом в рамках социологии истории можно избрать следующий: условное деление общества на бытие и сознание дает возможность увидеть и установить важные структурно-функциональные связи и зависимости на макроуровне, а используя правила соответствия, — и во многих частных случаях. Это утверждение объясняет, во-первых, необходимость такого деления, поскольку оно подвергается сомнению; во-вторых, показывает общее в разных, прямо противоположных подходах, позволяя объединять крайности и надстраивать теорию.

Поскольку в каждом конкретном случае заранее сказать безусловно, какая подсистема будет преобладающей, невозможно, в развитие вышеприведенного принципа можно добавить и следующий: в одних случаях доминирующим можно обозначить бытие, в других — сознание. Но естественно, что требуются пояснения, которые бы позволили нам делать вывод о том, когда какую подсистему следует признать определяющей. Для этого попытаемся сформулировать закон. Но тут перед нами встает проблема: что взять за исходный пункт отсчета, бытие или сознание? Конечно, это будет не абсолютная, а условная точка отсчета, ибо каждая из позиций имеет свои уязвимые места. Поэтому необходимо посмотреть, какой принцип: «бытие определяет сознание», «сознание определяет бытие» или иной — более применим, продуктивен и удобен. Это можно сделать, сравнив их по ряду показателей, например, таких, как частота и яркость подтверждения, сфера действия, фундаментальность и другие. Такая постановка вопроса, по сути, снимает противостояние тезисов,

поскольку не устраняет один из них, а лишь соподчиняет его в методологическом плане другому. И это позволяет лучше понять диалектику деления неделимого не только на самых высоких уровнях обобщения, но и в достаточно конкретных моментах.

Думается, если брать социологию истории в целом, а не отдельные исторические фрагменты и периоды (такие, как время расцвета и зрелости ряда цивилизаций), то мы обнаружим и более частое влияние бытия на сознание, и достаточно яркое проявление этого влияния. Хотя, повторюсь, чаще не означает всегда и в любом случае. Важно также отметить, что чем ближе к современности, тем неоспоримее сказанное, поскольку мы наблюдаем, что часть функций сознания опредмечивается, переходит к производству, становится функцией особых машин.

У тезиса «бытие определяет сознание» сфера действия и шире, поскольку в мировых масштабах он очевиднее, чем в национальных, и длительнее, поскольку такое доминирование наглядно просматривается именно на больших отрезках истории, когда становится понятно, как те или иные изменения готовят переворот в сознании. Разумеется, достаточно много примеров, так сказать, и ближнего действия. Но в малых объемах очень часто подтверждается и обратный тезис. Мне кажется, что многие из тех, кто настаивает на доминировании сознания или его полной автономии, не учитывают, что в зависимости от объема и сцены роль разных компонентов может существенно меняться. Это во многом аналогично тому, что говорилось о соотношении сквозных и малых движущих сил.

Зависимость роли бытия от объема действия еще и в том, что так или иначе идеям необходимо подтверждение. Правда, иногда их сила бывает столь велика, что люди начинают верить в вещи, противоречащие всей их жизненной практике, например, что они могут быть заговорены от стрелы или пули, что безоружные при благословении свыше способны победить вооруженных и т. п. Таких примеров множество¹⁴⁸. Однако, если такие идеи явно противоречат

¹⁴⁸ Как известно, за несколько месяцев до первого крестового похода рыцарей к «гробу господню» двинулись крестьяне и горожане, даже дети (1096 г.). Эти толпы слабо вооруженных и неорганизованных, но фанатичных христиан дошли до Константинополя, были переправлены в Малую Азию, где сарацины и истребили их почти полностью. Неоднократно такое случалось в

практике, то через большее или меньшее время столь яркая активность сознания гаснет, и потом нужно вновь совпадение особых условий, чтобы оно смогло так оторваться от бытия. Справедливости ради надо отметить, что нередко люди удовлетворяются иллюзорным подтверждением, особенно для верований, которые сложно или невозможно проверить (они принципиально не верифицируемы)¹⁴⁹. Но и в таких блоках сознания со временем под влиянием практики происходят частичные изменения. Если еще в XVII в. колдовство считалось тяжким преступлением, то теперь даже истово верующие судьи посчитали бы такое обвинение черным юмором.

Сказанное о большей сфере действия избранного нами тезиса является одновременно и одним из подтверждений его большей фундаментальности. Другое состоит в том, что, хотя сознание может быть достаточно автономным в широких пределах, все же за рамки, поставленные ему бытием, оно выйти обычно не в состоянии.

Несомненным, на мой взгляд, доказательством фундаментальности бытия служит и то, что чем ближе к современности, тем менее жестким становится сознание, тем более видны его материальные (и биологические) корни и проще влиять на него.

Когда знание облекалось в мистические одежды, было крайне сложно отделить форму от содержания, рациональное от иррационального, теперь это намного легче. Также прочнее убеждение в том, что ни одна истина не вечна.

Фундаментальность бытия подтверждается и тем фактом, что достоинства сознания очень часто определяют по материальным преимуществам обладающего им общества. И обычно те, кто отстал и стремится к модернизации, предполагают, что более сильное, богатое, устроенное и процветающее государство имеет и более высокое сознание, элементы которого необходимо заимствовать. Крайне редко заимствование сознания происходит безотносительно к иным материальным и социальным преимуществам такого донора.

Наконец то, что при большом разнообразии идеологий в рамках

новой истории Африки, когда пророки посылали своих последователей на смерть, заверяя, что пули белых не принесут им вреда.

¹⁴⁹ Тем не менее любая часть сознания в лице ее социальных носителей, так же как и каждый представитель ее должны демонстрировать свою значимость.

определенного периода можно найти в них нечто общее и важное, говорит о том, что принципиально сходные условия (то есть уровень производства, организации общества и т. п.) дают и принципиально сходные формы, типы общественного сознания. Однако для понимания конкретных вещей нужны и конкретные исследования.

Избрав исходный пункт для формулирования закона, вновь подчеркнем, что отрицать наличие большого числа ситуаций, при которых влияние сознания на бытие сильнее и ярче, не только невозможно, но просто глупо. Масса исторических и этнографических фактов (например огромные дарения и завещания в пользу церкви, влияние табу, колдунов и т. д.) свидетельствует об этом. Но даже если не брать во внимание мифологичное сознание, то нельзя игнорировать, что уяснение обществом каких-то социальных законов позволяет ему эффективнее добиваться целей, развиваться, преодолевать кризисы¹⁵⁰. В историческом материализме подобное влияние объяснялось так называемым законом обратного воздействия сознания на бытие. Но этот закон, по сути, имел только название, поскольку какой-либо теории, объединяющей прямое и обратное воздействие, не было. Следовательно, необходимо это сделать. Напомним, что в главе I мы формулировали соотношение бытия и сознания так: бытие определяет сознание с тем большей силой, чем яснее осознается в обществе эта зависимость. Но теперь нам стоит сделать более широкое обобщение. **Бытие определяет сознание с тем большей силой, чем сильнее осознаются эти зависимость и доминирование, чем сильнее меняется бытие, чем больше разрыв между уровнями бытия и сознания, чем больший период времени и пространственный объем мы рассматриваем.**

В ряде случаев влияние бытия также наглядно при остром кризисе, обусловленном борьбой идеологий, когда те или иные идеи достаточно ясно связываются в сознании с интересами определенных слоев, групп, классов.

¹⁵⁰ «Сама природа универсума зависит от того, что люди имеют мысли, рефлексию и действия. Законы об инвариантном мире неадекватны или, по меньшей мере, ограничены во времени, поскольку социальный универсум постоянно перестраивает себя через рефлексивные действия людей. Более того, люди могут использовать социальные теории для перестройки универсума так, чтобы уклониться от этих законов» (Гидденс Э. Проблемы социальной теории. Цит.: Розов Н. С. Структура цивилизации... С. 205—206).

Если же внести вытекающие из этих формулировок правила, показывающие, когда влияние сознания сильнее, то можно сказать: чем меньше ощущается обществом связь бытия и сознания, чем стабильнее то и другое, чем жестче, монополярнее данная идеология, тем слабее влияние бытия и соответственно сильнее — сознания.

Но поскольку указанные ситуации не могут быть вечными, хотя иногда длятся очень и очень долго, мы и говорим о фундаментальности бытия, ибо со сменой его так или иначе начинает меняться сознание.

При таком подходе нам легче понять, когда исходный пункт анализа причинно-следственной связи лежит в бытии, когда в сознании, почему на одни и те же изменения по-разному реагируют разные секторы сознания (например, производственное меняется радикально, а идеология остается почти без изменений), и ряд других моментов. Можно также отметить факт возрастания роли малых причин до больших в особых, в том числе неустойчивых, бифуркационных обстоятельствах. Так, идеи, за-

родившиеся в голове одного индивида, могут стать мощным общественным фактором. Но для этого требуется множество условий и совпадений. Это особо стоит подчеркнуть, чтобы увидеть, насколько отличается роль сознания в ситуациях, когда оно устойчиво и непререкаемо и когда борются старые и новые идеологии. В первом случае сила привычки, авторитет устоявшегося могут быть столь велики, что гасят всякое стремление к переменам. Так, убеждение в невозможности противодействовать властям останавливает попытки сопротивления даже самым нелепым их распоряжениям.

Во втором случае надо помнить о том, что бытие как бы задает некие рамки (хотя и весьма широкие) сознанию, перейти которые последнее обычно не может. Для такого перехода нужны материальная потребность и определенный исходный уровень. Поэтому, если случается, что отдельные гениальные люди могут сказать что-то очень ценное, но превосходящее потребности данного общества, то чаще всего их идеи или вообще пропадают втуне, или востребуются уже гораздо позже, когда общество доходит до соответствующей стадии.

Для превращения идеи в ускоритель развития или некий магнит, к которому притягивается все новое, нужно, во-первых,

соответствующее состояние общества, когда авторитет прежних верований упал. Тогда они перестают устраивать и удовлетворять людей и держатся лишь силой привычки и отсутствием альтернативы. Консервативная тенденция ослабляется, тенденция к изменениям возрастает, общество нуждается в новом или ищет его. Во-вторых, должны сложиться удачные условия для реализации, в-третьих, — достаточный исходный уровень развития сознания. Так, ислам не мог бы появиться без священных книг иудеев и христиан и определенного уровня культуры в арабских городах. Все это и называют объективными условиями, без которых самые лучшие учения не дадут значительных последствий. Говорить же, что некий поворот общественного сознания — заслуга лишь гениального человека, родившего идею, — значит повторять то, от чего отказались давным-давно.

Роль идеолога нового, пророка, и так слишком велика, чтобы ее преувеличивать и мистифицировать. Ведь если не найдется нужных людей или идей, особая ситуация может закончиться ничем, либо укреплением старого, реакцией или, напротив, распадом общества.

Таким образом, только при совпадении множества обстоятельств какая-либо доктрина способна выделиться из ряда других и стать мощным социальным фактором. Однако понять, какие именно условия нужны, исключительно трудно. Поэтому-то почти всегда конкретные формы реализации идей являются делом исторического случая. Отметим также, что чем меньше ощущается правильная связь между бытием и сознанием, тем может быть сильнее роль увлекших массы верований.

Мысль о том, что чем больше разрыв между уровнем сознания и бытия, тем заметнее давление последнего, хорошо объясняет массу случаев, когда служившее долгое время сознание вдруг с легкостью и даже радостью отбрасывается как ненужный хлам. Так многие народы принимали христианство (или иную религию) и довольно быстро уничтожали и забывали своих идолов, поскольку социально уже выросли и приобрели государственность. Нередко подобное происходит и при революциях. Понятно также, почему почти всегда революционные идеи рань, те или позже (в тех или иных моментах)

отстают назад а то и вовсе происходит откат к старому и частичная реставрация или реакция. Сознание на время как бы отрывается от бытия, но долго так продолжаться не может, и оно корректируется: либо изменением догматов, либо при формальной верности им фактическим их игнорированием.

Разумеется, какой-то строгой последовательности тут нет и определенный откат может смениться новым революционным натиском» в зависимости от расклада сил в обществе. Но данная тенденция наблюдается практически всегда. Советская власть сумела ликвидировать частную собственность, но не смогла уничтожить деньги, товары и ряд других вещей. Таким образом, можно говорить о степени коррекции сознания к бытию. Ситуация, когда сознание подтягивается к бытию, можно обозначить как положительную коррекцию, когда оно опускается до бытия — как отрицательную коррекцию.

Но в большинстве случаев сознание не бывает выше бытия. Напротив, чаще оно несколько ниже его, поскольку консервативнее и сохраняет в себе архаичные формы. Более высоким сознание бывает при сломе старого, но такой отрыв, как мы только что видели, неизбежно вызывает коррекцию. Возможны также ситуации, когда общество заимствует более развитые формы сознания. Но и тогда происходит редукция его к наличному бытию. Этого нельзя не учитывать в очень многих случаях, например при анализе влияния цивилизации на периферию. При заимствовании более высокого сознания возникают самые разнообразные комбинации из нового и старого. Нередко, если образ жизни, психологические установки, привычки намного ниже привнесенной религии (идеологии), происходит упрощение последней, усиление ее наглядных (обрядовых, социальных) сторон перед чисто духовными (философскими). Нечто подобное случилось при превращении буддизма в ламаизм. Иногда новая религия и вовсе почти редуцируется до представлений, более соответствующих наличному бытию, что происходило, например, с христианством у народов Океании и других отсталых районов.

Из вышеприведенного закона ясно, что в устойчивые эпохи

влияние бытия ощущается меньше, в периоды его серьезных трансформаций — больше. Однако изменения сознания далеко не всегда следуют за переменами в бытии в необходимых полноте и ритме. Возникают длительные задержки, а какие-то сегменты сознания и очень упорно противятся сдвигам. В результате разрыв может стать слишком большим, и тогда вероятен резкий слом старого сознания. Такой взрывной переворот чреват тем, что реакция измененного сознания становится неадекватной объективным задачам и нередко разрушительной. Требуется время, чтобы бытие и сознание вновь притерлись, применились друг к другу.

Если же перемены в бытии происходят постоянно, то постоянно должна идти и коррекция сознания. Но поскольку многие элементы его по своей природе плохо приспособлены к перманентной трансформации, возникают серьезные сбои, разрыв между подсистемами сознания, упадок ряда его форм и т. п. Такая ситуация наблюдается в настоящее время и, вероятно, может усилиться в будущем¹⁵¹.

Среди аргументов противников тезиса «бытие определяет сознание» дежурным является утверждение, что множество фактов и явлений сознания нельзя прямо вывести из общественных отношений (социального положения и т. п.). Мне думается, что такую обусловленность целесообразно проследивать лишь до определенного уровня. И поскольку из общей причины нельзя вывести конкретный, со всеми подробностями результат, настаивать на принципиальной возможности установления таких зависимостей на микроуровне или

¹⁵¹ Я думаю, что одна из причин усилившейся тяги к мистике и прочему, казалось бы ушедшему в прошлое, именно в неспособности большинства людей жить в постоянно меняющемся мире и адекватно реагировать на изменения. Поэтому целые пласты общественного (и индивидуального) сознания фактически замыкаются в себе, отказываются от поиска реалистичных объяснений и заменяют их пестрой смесью обрывков из мистики и научных данных. В результате разрыв между практическим сознанием, без изменений в котором нельзя достичь успеха в жизни, и мировоззренческим усиливается.

Подобное не есть явление лишь нынешней эпохи, а характерно вообще для крутых переломов. Отсюда и гигантское разнообразие реакций сознания на изменения, часто совершенно неадекватных, похожих (если допустимо сравнение) на действия компьютера при перегрузке или непонятной задаче, когда он начинает выдавать всякую чушь.

считать это неотразимым аргументом против всей концепции — значит представлять связь бытия и сознания механической, между тем как она весьма и весьма сложна и непряма.

Мало того, такая постановка вопроса непродуктивна, ибо ведет к фатализму, сугубому детерминизму, игнорирует то, что, пусть и в определенных рамках, существует свобода воли, выбора, действий.

Сказанное важно для понимания того, что, хотя неудовлетворенность общества наличной идеологией (религией), попытки объяснить новые явления и т. п. часто есть реакция на изменившееся бытие, которая подтверждает вышеприведенный закон, предугадать, каков будет результат трансформации сознания, крайне сложно, а предвидеть его в конкретных подробностях и вовсе невозможно.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы не можем объяснить происхождение и смысл многих конкретных явлений сознания: обычаев, обрядов, поверий и т. п., например различных пищевых или половых предписаний и запретов¹⁵². Мало того, что природа таких вещей весьма различна. Их происхождение вообще может быть связано с чисто индивидуальными особенностями отдельных людей, понять которые затруднительно даже при непосредственном наблюдении¹⁵³. Ведь в рамках насквозь фантастического осознания действительности один из наиболее перспективных путей добиться новаций — убедить людей, что это желание высших сил. И неудивительно, что это часто происходит под влиянием пророков и святых. Но поскольку это индивидуумы, имеющие личные особенности, каждый из них способен придавать идеям неповторимый колорит, в том числе и в виде каких-то особых

¹⁵² «Чем ближе общество к природе, тем большее место в нем занимает случайное и бессвязное. У первобытных людей встречается множество запретов и предписаний, которые объясняются туманными ассоциациями идей, суеверием, автоматизмом. Они не бесполезны, поскольку подчинение всех людей правилам, даже абсурдным, обеспечивает обществу большую сплоченность» (Бергсон А. Ук. соч. С. 22—23).

¹⁵³ Поэтому мне кажется, что далеко не всегда правы те историки и этнографы, которые полагают, будто любой непонятный или странный обычай есть превращенная или рудиментарная форма стихийно возникших и имевших важное значение в прошлом отношений. Отсюда делается вывод, что по таким останкам можно реконструировать прошлое. Иногда это справедливо и результативно. Но если такие обычаи являлись результатом индивидуальной фантазии некоего учредителя, то подобная процедура приведет нас к ошибочным выводам.

предписаний или запретов. Так бывает не только у цивилизованных, но и у диких народов.

Джон Тернер, проживший долгое время среди индейцев, рассказывал, как среди оджибвеев в конце XVIII в. стали появляться различные пророки, которые утверждали, что получили откровение от Великого духа, причем каждый из них действовал в силу возможностей своей фантазии, степени знакомства с религией белых и т. д. Поэтому наряду с заповедями, которые можно трактовать рационально, были и такие, которые вряд ли толково мог объяснить и сам пророк. Так, один из них учил:

«Отныне и впредь мы никогда не должны пьянствовать, красть, лгать или идти войной на врага». И вместе с этими замечательными вещами он требовал уничтожить собак, незаменимых помощников человека на Севере¹⁵⁴. Другой убеждал сжечь все вещи и сделать новые¹⁵⁵.

Мы выяснили, что изменения в бытии создают потребность изменения в сознании. Однако длительные периоды такие изменения могли быть малозаметны или непринципиальны. Господство же темных суеверий над умами тем более гасило стимулы к развитию. Поэтому можно сказать, что **чем более жестко, консервативно и мифологизировано сознание, чем более оно выступает как комплекс безусловных и вечных, несменяемых идей, тем заметнее оно может доминировать во многих (порой главных) областях жизни, ослабляя и скрывая роль бытия**¹⁵⁶.

Но такое преобладание осуществляется не просто чистыми идеями, а в результате того, что они обрастают собственным, достаточно мощным бытием, чтобы поддерживать данные представления, материализовывать их, воспроизводить, извлекать выгоду. Например, суеверия сильнее в тех первобытных обществах, где имеется институт колдунов, шаманов и т. п. А если

¹⁵⁴ Тернер Дж. Тридцать лет среди индейцев. Рассказ о похищении и приключениях Джона Тернера. М., 1963. С. 195.

¹⁵⁵ Там же. С. 235.

¹⁵⁶ «Ведь чем менее способны люди на определенной ступени развития понять действительное бытие, тем весомее оказывается роль того комплекса представлений, который развивается у них на основе их непосредственного жизненного опыта и который они по аналогии проецируют на бытие, объективно и реально ими еще не понятое» (Лукач Д. Ук. соч. С. 46).

«сверхъестественные» качества совмещаются с обладанием политической властью, то возникает мощная социальная сила, которая требует различных форм поклонения и материальной подпитки. Весьма наглядно такой симбиоз виден в так называемых тайных союзах, распространенных в Африке и Океании, где психологическое насилие легко дополняется прямым физическим, все это соединяется с концентрацией материальных ресурсов и ростом организационной мощи.

Стоит подчеркнуть, что влияние сознания будет больше, если его идеология монопольна, чем в случае, когда сталкивается много культур, верований и т. д. Поэтому неудивительно, что в городских государствах роль религии при прочих равных условиях была меньше, чем в аграрных.

Итак, ясно, что за примерами сильного воздействия сознания на бытие далеко ходить не надо. Помимо уже приведенных, напомним, что представление, будто чем больше гробница, тем больших благ можно достигнуть в загробном мире, заставляло египетских фараонов перенапрягать силы страны, по двадцать лет сооружая колоссальные пирамиды. Поэтому в рамках определенных задач порой за доминанту удобнее брать именно сознание.

Вопрос, однако, в том, как такие случаи и ситуации вписать в общую концепцию, в каком аспекте здесь видна определяющая роль бытия? Мы уже определили, что в рамках социологии истории (и особенно исторического процесса) и самое консервативное сознание способно меняться под воздействием перемен в бытии. Однако такого утверждения недостаточно. Нужно ясно осознавать, что скорость и время таких перемен в сознании должны быть пропорциональны, во-первых, скорости и глубине изменений в бытии, во-вторых, крепости и устойчивости сознания. Так, вспоминая историю Египта, мы видим, что после того, как страна перенапрягла силы на сооружении пирамид Хеопса и Хефрена, в общественное сознание, в частности в сознание фараонов и высших жрецов, постепенно вошла мысль, что столь большие гробницы, в общем-то, необязательны для успеха царей в загробном мире. Аналогично под влиянием различных причин в других местах уходили в прошлое представления о необходимости

массовых умерщвлений, уничтожения имущества и многое другое.

В отношении элементов сознания, теснее связанных с бытием, такие вещи могли происходить легче. Поколебать, изменить другие сегменты сознания: идеологические, за которыми стоят определенные силы, или просто такие, что попадают в ситуации изолированности от данного бытия, — пробить в них брешь способны только очень очень упрямые факты. Ведь если люди считали некоторые представления данными от бога, то для смены или коррекции их нужны были весьма веские причины¹⁵⁷.

Поэтому-то многие изменения в бытии просто в силу недостаточной мощности разбиваются о сознание, как волны о скалу. Но, продолжая сравнение, все же подтачивают ее. Наконец, в один прекрасный момент наступает перелом и «скала» рушится. Естественно, что мощност и глубина перемен для каждого общества и ситуации нужны свои¹⁵⁸. Надо, конечно, учитывать и степень грамотности населения, ограниченность кругозора и другие моменты.

Поэтому в указанном нами аспекте общий закон можно было бы переформулировать так: чем консервативнее сознание, чем меньше оно воспринимается как человеческое (и чем больше как божеское, непререкаемое, священное), тем большие изменения должны произойти в бытии, чтобы изменить это сознание.

Но даже и серьезные причины не всегда ведут к необратимым результатам. И нередко, если они затем ослабевают, сознание как бы возвращается в точку своего равновесия¹⁵⁹. Только коренная перемена образа жизни, особенно переход на более высокий уровень развития, способны бесповоротно закрепить новации в сознании.

¹⁵⁷ Стоит заметить, что в некоторых рамках и насквозь консервативное религиозное сознание, поскольку оторвано от реалий, может иногда относительно легко меняться, заменяя один миф другим, поднимая на щит какой-то аспект общего учения, например под влиянием борьбы среди его идеологов.

¹⁵⁸ Общеизвестно, скажем, что в Древней Греции, где население яснее понимало, что социальный порядок установлен людьми и людьми же может быть изменен, общественное устройство менялось довольно часто и достаточно характерны были рассуждения о достоинствах и недостатках той или иной формы правления. По-иному обстояло дело в Египте и ряде восточных стран, где существующий порядок казался освященным и вечным.

¹⁵⁹ Например, временами под влиянием кризиса католической церкви религиозность могла сильно падать, но затем, под воздействием ряда факторов, не в последнюю очередь и за счет того, что сама церковь обновлялась, она вновь возрастала.

Из сказанного вытекает, что соотношение бытия и сознания в каждом социальном организме может быть особым, подобно тому — если позволена такая аналогия — как различно соотношение материальных и духовных интересов в характере и жизни каждого отдельного человека.

Но важно не только уметь находить переходы от общих моделей к конкретным реалиям в социологии истории, но и видеть особенности применения модели «бытие — сознание» в теории исторического процесса. Здесь разница не только в том, что на уровне всемирно-историческом соотношение бытия и сознания будет выглядеть по-иному, чем в отдельном обществе, и не только в том, что оно различно на разных фазах формации, но и в том, что в теории исторического процесса мы выделяем генеральную и иные линии.

Так, если согласиться с М. Вебером, что протестантская этика лучше всего подходила капиталистическому производству, то этим мы фактически подчеркнем совпадение на определенном этапе протестантизма и генеральной линии развития сознания. В подобных случаях нас интересуют такие вопросы, как адекватность сознания и бытия; способность сознания реагировать на новации; возможности (и преграды), которые появляются с переменой идеологии и элементов сознания¹⁶⁰. Однако необходимое количество положительных совпадений в указанном плане — редкое явление. В иных ситуациях мы обнаруживаем, что объективным условиям для рывка недостает тех самых субъективных, которые связаны с особенностями и определенным состоянием сознания. Во многих же случаях налицо отрицательное давление устоявшегося сознания. Так, общество, где господствовала психология воинов-завоевателей, не всегда способно перейти к мирной жизни, развращенное рабством не в силах перебороть отвращение к труду. И т. д.

¹⁶⁰ Роберт Белла в своей статье «Социология религии» анализирует «идеальную ситуацию, когда историческая религиозная традиция преобразуется в раннесовременный тип религии, в максимальной степени способствуя процессу модернизации». В частности, он отмечает, что «для успешного осуществления модернизации необходимо, чтобы традиционная религия либо произвела эти преобразования, во всяком случае, большую их часть, либо смогла уйти из главных сфер жизни и дать возможность светским идеологиям завершить преобразования» (Белла Р. Н. Социология религии. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. С. 276, 277).

Подобно другим подсистемам, сознание, достигшее зрелости, в отдельном обществе может и не быть сменено собственными силами, так же как какое-то общество не в состоянии самостоятельно совершить переворот в производительных силах, отношениях собственности и т. п. Ведь мы неоднократно уже говорили, что переход на более высокую качественную ступень не заложен непосредственно в программе данных явлений, а потому и не происходит автоматически. Напротив, как новый «росток» эволюции такой переход возможен только в отдельных обществах. Они вбирают результаты предшествующего развития многих социальных организмов (иногда давно уже исчезнувших), создавших те или иные элементы, которые в совокупности дают совершенно неожиданный результат. Кроме того, нужно совпадение особых или даже уникальных условий, сложившихся в данном месте в данный момент.

Следовательно, и принципиально новый уровень сознания может появиться лишь при переходе к новой ступени и при благоприятных для того обстоятельствах. И лишь затем, доказав свои преимущества, этот вариант сознания либо заимствуется другими, либо к нему сознательно стремятся на базе отечественных условий, либо эти инновации дают особый вариант сознания. Но чем ближе к современности, тем меньше времени для собственной эволюции, тем чаще мы видим ту или иную степень заимствования. Надо отметить, что сознание, достаточное для первоначальных этапов движения к новому, далее может стать уже неудовлетворительным. Так, идеи античности, трансформировавшиеся в раннем Возрождении, уступают затем ведущую роль протестантизму.

В следующей части вводится понятие «тип общественного сознания» и для каждой из четырех формаций определяется свой тип. Соответственно: примитивно-религиозный; религиозно-философский (религиозно-этический) политико-правовой (политико-идеологический) и научно-информационный. Тип выделяется по ведущей форме общественного сознания. Но естественно, что в каждом конкретном обществе собственные особенности могут быть сильнее общего.

Теперь можно перейти к некоторым правилам анализа

соотношения бытия и сознания. Для этого мы могли бы ввести понятие фактор ситуации, подобно тому, как мы это делали в параграфе о роли личности в истории. Он включает в себя: 1) общую характеристику формационного времени; 2) представление о типе общественного сознания; 3) уровень и состояние окружающих обществ, а также степень их интегрированности (изолированности) и взаимного духовного влияния; 4) общую характеристику исследуемого общества и особенности его состояния в предшествующий и настоящий периоды; 5) общую характеристику сознания и особенности его состояния в предшествующий и настоящий периоды; 6) фазу соотношения бытия и сознания; 7) персонализацию или анонимность (извечность) важнейших идей; 8) степень конкурентности идей; 9) социальную и материальную поддержку тех или иных идей, идеологий, направлений; 10) другие.

В понятие «другие» входит много вещей. Во-первых, учет масштаба соотношения, поскольку анализ индивидуального, группового, классового, массового или надобщественного сознания имеет собственную специфику, свой уровень бытия. Во-вторых, специфика элементов бытия и сознания. Одни части сознания, так сказать, ближе к практическому бытию и поэтому не только теснее с ним связаны, но и легче реагируют на его изменения. В производстве, политике, войнах невозможно слишком отрываться от реалий. И это выражено в пословице: «На бога надейся, а сам не плошай». Другие элементы не только дальше от практики и иллюзорны, но и создают собственное бытие в виде определенных объектов, институтов и социальных сил, заинтересованных в поддержке таких представлений. Поскольку они не опровергаются непосредственной практикой, то данные пласты сознания сосуществуют с более реалистическое длительное время.

Рассмотрим подробнее такой момент фактора ситуации, как фаза соотношения бытия и сознания. Это понятие означает, что вне зависимости от того, что именно доминирует, достаточно адекватное соотношение между ними бывает не всегда, а обычно лишь в состоянии зрелости и устойчивости обеих подсистем. Напротив, начальная фаза является опережающей, поскольку новые явления

бытия еще не нашли своего места в общей мировоззренческой системе. Или же в результате кризиса, реакции на трудности появляются новые идеи (религии), которые проецированы в будущее, связаны с представлениями о необходимости переустройства мира. Следовательно, они не имеют еще адекватного бытия. Однако, если у этих идей появится много сторонников, под их знаменем соберутся мощные социальные силы, способные обеспечить трансформацию социального организма в соответствующем направлении, такое бытие может появиться.

Причины, обуславливающие особую судьбу некоторых учений, лежат за пределами нашего исследования и в целом представляют очень сложную комбинацию общих тенденций и весьма конкретных, часто личностных обстоятельств. Однако факт остается фактом, что в такой начальной фазе новое сознание или претендует на соответствующее бытие, или пытается его создать.

Начальная фаза сменяется фазой пригонки. Предположим, что новая религия победила, стала массовой. Тогда идет стыковка ее с реальностью. Если же налицо первый вариант, когда сознание начинает осмысливать новые явления, тогда идет иного рода притирка.

За фазой пригонки наступает фаза соответствия или зрелости. Через некоторое время, однако, адекватность бытия и сознания начинает более-менее быстро нарушаться. Бытие развивается, а сознание, достигнув зрелости, существует уже во многом самостоятельно, идеология и идеалы остаются в прежнем виде. И в фазе разрыва часть сознания становится анахроничной. Она, если этот процесс углубляется, перерастает в фазу кризиса, которая может смениться фазой разрешения кризиса, и начинается новый цикл. Моделей, подобных описанной, может быть достаточно много.

Говоря, что в фазе зрелости между бытием и сознанием достигается наибольшее соответствие, я имею в виду не степень правильности объяснения реальности. В этом смысле любое (даже научно) сознание объясняет ее искаженно и неполно¹⁶¹. Речь о том,

¹⁶¹ Но, разумеется, научное сознание коренным образом отличается от ему предшествующих, и чем ближе к современности, тем точнее объясняется и моделируется реальность (включая

что в определенные периоды между сознанием и бытием складывается достаточная гармония, когда социальная жизнь воспроизводится без серьезных кризисов и конфликтов, а идеология удовлетворяет большинство людей. Однако полной адекватности между этими подсистемами не бывает никогда, ведь это исключило бы возможность возникновения противоречий и развития.

В хорошей притирке между бытием и сознанием заключается феномен цивилизационной стабильности, являющейся и силой, и слабостью цивилизации. Если формы сознания не меняются, оно застывает и все общество становится заложником консерватизма. Если идеология меняется серьезно — нарушается преемственность. Но и слишком большие темпы перемен (какова сегодняшняя жизнь) препятствуют должной гармонии между бытием и сознанием.

Следовательно, можно говорить о принципе достаточности сознания. Иными словами, насколько достаточны уровень и форма сознания а) для воспроизводства данных отношений; б) решения насущных и перспективных задач; в) обеспечения необходимого развития в сравнении с другими обществами. Ситуация же наиболее оптимального соотношения (как частный случай достаточности) является редкой ¹⁶².

Рассмотрим теперь соотношение бытия и сознания в более конкретной модели, чем вышеописанная. Теперь схема выглядит так: жесткая идеология — упадок ее влияния — кризис и борьба идей — перерастание последней в борьбу за идеи (в том числе и вооруженными способами) — победа новой реформированной идеологии — ее укрепление. Прототипом будут служить период Реформации в ряде стран Европы и некоторые социально-политические революции.

Разумеется, можно построить и иные модели. Например: общепринятые устоявшиеся идеи о государственном и общественном

прошлое и будущее).

¹⁶² Оптимальность соотношения можно проследить и на отдельных элементах бытия и сознания. Ведь в одних должна быть более плотная притирка, в других — существовать некий зазор. Например, если люди не стремятся к более зажиточной жизни, а считают правильным довольствоваться малым, исчезает источник развития. Значит, определенное расхождение потребностей и наличных возможностей нужно. Но если все сознание будет пронизано потребностью в обогащении, то зазор становится слишком большим, исчезает стабильность, нарушаются представления об общем благе и т. п.

порядке — полное поправление и искажение их властью — социально-экономический и идеологический кризис — восстания под лозунгом возврата к прежнему порядку — реставрация старых отношений и идеологии, но уже неизбежно существенно изменившихся. Так было неоднократно в истории Китая и некоторых других стран.

Или еще два варианта: жесткая идеология — реформация — контрреволюция; жесткая идеология — упадок нравов и авторитетов — обновление на базе внутренних реформ. Подобное можно обнаружить в истории Римской католической церкви.

Наш анализ удобнее начать со зрелого состояния общества, когда бытие и сознание достаточно притерлись друг к другу. Однако по мере развития жизнь все больше не соответствует догмам, морали, церковному праву и прочему. С другой стороны, налицо моральное разложение и падение нравов в среде тех, кто обязан хранить ценности сознания. Наступает разрыв между бытием и сознанием, связанный с уменьшением влияния идеологии, которая не в силах приспособиться к изменившимся обстоятельствам из-за собственной логики, внутренней завершенности, претензии на вневременность и т. п. Но поскольку новое требует своего осмысления, то сначала в рамках прежних концепций, а потом и вне их появляются разные идеи, объясняющие ситуацию, показывающие выход из нее и больше или меньше отвергавшие господствующее мировоззрение. Начинается идейный и духовный кризис, приобретающий самые разные черты в зависимости от того, насколько он связан с другими социальными процессами. Но жесткий тип сознания чаще провоцирует представления, что проблемы могут быть разрешены путем нового мироустройства согласно новым, наиболее правильным и на этот раз уж точно вечным истинам. Наступает фаза кризиса и борьбы идей. Чем она острее, тем сильнее старая идеология со стороны части общества подвергается критике, осмеянию, отторжению.

Конкуренция идей сменяется фазой прямой борьбы за идеи путем слома старых отношений. Это эпоха ожесточенных общественных конфликтов, хотя иногда спор идет за, казалось бы, совершенно далекие от практики вещи. Но за ними стоят социальные силы и интересы. С другой стороны, предметы общественного раздора есть

символы старого и обновленного сознания, такие их обозначения, которые получают общепринятую форму и содержание. Ведь, по словам Дюркгейма, «нет более удобного способа, чем эмблема, для осознания обществом самого себя: она служит также средством формирования этого сознания, это один из конституирующих общество элементов»¹⁶³.

Таким образом, необходимость сдвига в сознании определяется произошедшими переменами в бытии, пониманием того, что старая идеология становится анахронизмом и тормозом. Конечно, сознание гораздо шире идеологии, поэтому даже при самом глубоком перевороте многие его секторы мало или почти не затрагиваются. Но важно отметить, что именно идеология (религиозная или политическая) часто бывает ударной силой сознания. Само собой, как уже отмечалось, предугадать формы нового мировоззрения можно только в общих чертах. Конкретный его вариант шлифуется обстоятельствами, в том числе и личностными особенностями лидеров.

Успехи реформистских (революционных) идеологий влекут за собой пятую фазу — победу нового. Уже не только отвергнуто старое сознание, но и в существенной мере разрушено и деструктурировано бытие. Необходимо переустраивать жизнь по новому «плану». Такая реконструкция навязывается обществу и всем предшествующим ходом событий, и той силой, которая победила и должна реализоваться. Теперь сознание как бы «формирует» действительность, поскольку иного плана, чем идеология, захватившая вождей и их сторонников, нет. Но она уже существует не сама по себе, а на фоне тех обещаний, которые были розданы. Стоит отметить, что прежние представления о переустройстве были, во-первых, плодом автономии сознания, которое могло творить без необходимости проверяться практикой, а во-вторых, опиралось на опыт еще прежнего бытия. Теперь же приобретен и новый опыт, влияющий на образ действия.

До каких пор может быть изменена жизнь под влиянием новой идеологии, зависит и от радикализма идей, и от глубины конфликта,

¹⁶³ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М., 1996. С. 438.

и от прочности старого, и от особенностей тех, кто стоит во главе преобразований. Однако никогда лозунги в полном объеме не реализовываются, поскольку слишком большой разрыв между бытием и сознанием, связанный с попытками воплотить идеал на практике, встречает разнообразные препятствия. Происходит понимание силы логики жизни и хода вещей, неизбежная коррекция и та или иная редукция сознания к наличному бытию.

В конце концов в фазе укрепления нового все это может вести к тому, чтобы канонизировать какую-то версию утвердившейся доктрины, которая становится непререкаемой.

Модели, подобные рассмотренной, безусловно, помогут перейти от общих формул к решению конкретных проблем связи бытия и сознания. Однако потребуются учесть еще много иных факторов. Скажу лишь о двух. Во-первых, классовость (элитарность, сословность и т. п.) сознания. Однако то, что эти направления хорошо разработаны разными школами, избавляет меня от труда подробно говорить о них.

Во-вторых, иерархия функций и структуры сознания. Я уже упоминал о законе подвижности (замены) функций, о котором в своем месте еще будет обстоятельный разговор. Его суть в том, что среди имеющегося набора функций, выделяемого абстрактном уровне в той или иной подсистеме, на первое, второе и последующие места по значимости в каждом обществе (периоде, случае и т. д.) могут выходить разные, функции. Причем такое соотношение функций не есть нечто неизменное: значимость их (и соответственно структурных элементов) меняется, поскольку реализуются функции, ранее не видные или бывшие в потенци, а прежде ведущие становятся малозначительными и т. д.

Все это применимо и к исследуемому нами аспекту. Анализ главных и второстепенных функций сознания помогает понять его структуру и вектор, каналы взаимодействия с бытием. Если главной задачей будет сплотить коллектив в монолит, что характерно для религий и идеологий¹⁶⁴, то остальные функции нередко реализуются лишь в той мере, в какой не мешают главной (а иногда их сдерживание

¹⁶⁴ В отношении религии мысль о том, что сплочение коллектива — важнейшая или главная ее функция, со времен Дюркгейма является если не общепринятой, то одной из самых распространенных.

происходит и в большей, чем надо, страховочной степени). Например, некоторые идеологии и религии ограничивают развлечения, эротику, науку и т. п. Религиозные цели могут подавлять гражданские; политические — превращать церковь в госдепартамент и т. п. Если развлекательное направление утверждается в числе важнейших, то отступает мораль, чему мы ныне все свидетели. Если на передний план выходят коммерческие задачи (вкуче с развлекательными), то теряют значение идеологические и другие. Однако полностью какие-либо функции не исчезают, а подстраиваются под ведущие и занимают периферийное положение. Чаще всего следует вести речь о комплексе взаимосвязанных функций, так как одни из них дополняют или вызывают к жизни другие.

Говоря о структуре сознания, можно обратиться и к традиционным для исторического материализма взглядам. Не потеряло значения деление его на идеологию и общественную психологию, особенно если эти слои представить в нескольких подуровнях, как это делают некоторые авторы. Имеет смысл и выделение форм общественного сознания, которых, как известно, насчитывается семь: мораль, искусство (эстетическая форма), религия, наука, право, политическое сознание и философия.

Однако канонизация числа и типов таких форм невольно делает идею догматичной. Если придерживаться мысли, что бытие определяет сознание, то количество и характер этих форм должны быть разными и от общества к обществу, и особенно от периода к периоду. С одной стороны, в ранней истории форм сознания будет меньше. Право, наука, философия или отсутствовали, или имелись в неявном виде. В определенных случаях могли быть нерасторжимыми мораль и религия, искусство и религия. С другой стороны, новые пласты бытия должны рождать и адекватные им формы сознания. Было бы странно, если бы со времен Маркса столь мощно развивающиеся производство и социальная жизнь не вызвали к жизни новых форм сознания. Напротив, идет постоянный процесс их вызревания и выделения. Так, изобретение печатного станка сделало литературу достаточно доступной для массового читателя, а следовательно, у нее появились иные возможности. Постепенно от литературы отделяются

публицистика и журналистика и становятся особой формой сознания. Причем они как нельзя более соответствовали духу нового времени с его стремлением все знать, все проверить, обо всем судить. По мере развития промышленности, культуры и просвещения выделились и такие формы, как образование и воспитание. Развитие современных средств связи и передачи информации вызвало к жизни и новую форму сознания, играющую все более заметную роль. Она представляет собой сплав искусства, рекламы, зрелищных действий, публицистики, агитации и т. п. Эта новая развлекательная, зрительская форма, шоу-сознание, уходит корнями в незапамятные времена танцев дикарей, соревнований, театров и пр. Но сегодня ее центральный нерв — телевидение и компьютеры, что подтверждает вышесказанное о том, что каждый сегмент сознания имеет и свое бытие.

И, развивая последнюю мысль, отметим, что нечеток принцип, по которому сделано предпочтение именно данным семи формам. Очевидно, что такое деление связано с различными способами осмысления и регулирования жизни. Но они не охватывают всего круга бытия. Чем, скажем, политическое сознание «лучше» в этом плане экономического, социального, этнического? Или же надо было вести речь лишь о формах духовной сферы в узком смысле: искусстве, религии, науке, философии. Но и тогда здесь пропущена публицистика. Мне думается, что правильнее считать, что новые секторы бытия по мере их развития и значимости «приобретают» и собственные формы сознания. При таком взгляде станет ясно, что в истматовском варианте отсутствуют важные формы сознания. Так, производственное сознание можно считать одним из древнейших. Сегодня оно частично поглотило даже науку и являет собой гигантский массив знаний и мощнейшие материальную базу, и социальную организацию.

Сейчас некоторые авторы выделяют особую форму экологического сознания. В плане направленности именно на спасение природы, вероятно, о нем можно говорить как о новом пласте. Но вообще природное сознание, как и производственное, является древнейшим. Возможно, впрочем, что для первобытности разумнее вести речь о

едином природно-производственном сознании. Этническое сознание во многих случаях спаяно с политическим. Но, по крайней мере для индустриальных обществ, наверное, правильнее будет выделять его особо. В государствах, где сильна социальная полярированность, имеются ясные представления о своей социальной принадлежности или существует жесткое сословное (кастовое) деление, есть смысл говорить и о социальном сознании. Там, где экономические отношения ясно отделились от распределительных — об экономической его форме.

Следовательно, число и характер форм сознания не есть величина постоянная всегда и везде. Мало того, в каждой системе на первый план могут выходить те или иные моменты, сегменты и части сознания, которые могут существенно воздействовать на все остальные. Очень часто господствующей формой была религия, которой в некоторых обществах (типа древнеиудейского) была вообще подчинена вся жизнь. В ряде государств с нового времени важнейшую роль могло играть право, сфера действия которого в западных странах расширяется и сегодня. В нашем социалистическом обществе преобладала марксистско-ленинская идеология. И, как уже было сказано, для крупных периодов во всемирном масштабе можно вести речь о типе общественного сознания.

Категория «общественное сознание», думается, очень важна при исследовании цивилизаций. Но ее использование сталкивается с рядом проблем. Во-первых, при исключительной многозначности слова «цивилизация» многие не затрудняют себя объяснениями, какое значение они имеют в виду, а легко и без оговорок перескакивают с одного смысла на другой. Рассуждая об истории, они умудряются этому понятию придавать вообще внеисторический (антропологический, гуманистический) смысл. В результате все это делает, с одной стороны, такого рода «цивилизационные» рассуждения как бы «неуязвимыми» для критики, ибо неочевидны их отправные точки и задачи, а с другой — практически бесполезными. На мой взгляд, пугать культурологические, гуманистические и т. п. смыслы с социстическим недопустимо.

Во-вторых, надо учитывать, что цивилизации и государство (общество) — понятия, не совпадающие по объему, причем

соотношение между ними может быть самым разным. Однако сторонники цивилизационного аспекта изучения общества часто забывают об этом и, имея в виду конкретный социум, речь ведут от имени цивилизации как группировки обществ. Игнорирование того, что цивилизация и общество есть разноуровневые по пространственно-временным характеристикам явления, может приводить к грубым ошибкам. Ведь цивилизация переживает разные циклы, неоднородна по структуре, внутри этого исторического пространства могут быть сильные конфликты, расколы и прочее. Но главное — это собирательное понятие, а значит, нельзя прямо прикладывать свойства цивилизации к конкретному социуму и моменту. В принципе здесь примерно те же правила соответствия, что при использовании широких законов.

Поэтому говорить об общественном сознании цивилизации правомерно, а часто вполне удобно, но это совсем не одно и то же, что и сознание общества. Разве лишь, если полагать, что общество и есть цивилизация, только взятое в культурно-идеологическом его аспекте. Но тогда, во-первых, теряется социсторический смысл этого понятия, ибо число цивилизаций становится неограниченным, и мы вынуждены будем искать различия как между весьма разными, так и родственными в культурном отношении социумами. Во-вторых, затемняется аспект устойчивости, поскольку государство и общество чаще меняют свои формы и обличья, централизуются и распадаются. В-третьих, понятие цивилизации окажется нераздельным с этническими и политическими характеристиками. А они, хотя и тесно связаны, все же имеют разную природу. Наконец, в-четвертых, в этом случае цивилизация будет тем, что называется общественным сознанием, но разные обозначения одного и того же лишь запутают ситуацию. Однако вернемся к тому значению цивилизаций, которого мы придерживались, видя в них пространственно-временную группировку обществ, сходных в культурно-религиозных моментах¹⁶⁵. В этом случае мы подчеркиваем момент стабильности,

¹⁶⁵ Такое сходство может вырастать из этнического родства, из общей мировой религии, возникнуть в результате навязывания культуры более сильным обществом слабому, быть последствием заимствований и т. д.

преемственности, даже некоей частичной надысторичности. Ибо государства могут враждовать и разорять друг друга, социальные группы вступать в непримиримую схватку, но если это происходит в рамках общего для них культурного пространства, мы полагаем его единой цивилизацией. Следовательно, с данной точки зрения, с позиции длительной культурной устойчивости и духовного воспроизводства примат должен быть за общественным сознанием, которое в таком аспекте выступает доминантой перед бытием¹⁶⁶. Это вполне вписывается в общий закон, поскольку влияние бытия тем слабее, чем оно стабильнее, а роль сознания тем сильнее, чем оно консервативнее. Следовательно, в общем социсторическом подходе, где главный уровень — общество, мы исходим из доминирования бытия, а в такой особой системе координат, как цивилизация, — из первенства сознания. Само собой, что при исследовании конкретных цивилизаций или обществ все может оказаться как раз наоборот.

Условность понятия доминирования становится наглядной, если мы не просто меняем взгляд на цивилизацию как на константу, а пытаемся проанализировать ее с позиции жизненных циклов, понять причины ее генезиса, неповторимости и прочее. Здесь во многих случаях без признания доминирования бытия не обойтись. И это подтверждает вышесказанное о том, что наиболее заметным его преобладание бывает при изменениях. Особенно это важно при исследовании таких фаз цивилизации, как генезис или надлом. Собственно, и теоретики цивилизационного подхода признавали подобную связь. Так, Тойнби придавал особое значение модели «вызов — ответ» для понимания механизмов формирования и развития цивилизаций. А что такое вызов, как не влияние бытия, каким-то образом изменившегося?

Возвращаясь к различиям общественного сознания цивилизации и социума, вновь напомним о достаточно тривиальной, но методологически важной мысли о том, что общее в цивилизации есть

¹⁶⁶ Однако строго разделить бытие и сознание не удается. Поэтому фактически к цивилизации мы начинаем относить и часть бытия: характер окружающей природы, основы питания (рис, кукуруза и т. п.), главный писчий материал (глина, папирус и т. п.), ведущий строительный материал и многое другое. В этом аспекте получается уже как бы перевернутое бытие, частично вошедшее в структуру сознания.

абстракция тех сходств в составляющих ее обществах, которые мы считаем наиболее важными. Но в каждом обществе — члене цивилизации это общее неповторимо сочетается с особенным. Иногда это общее преобладает, иногда, напротив, составляет лишь антураж, а часто точка зрения зависит от поставленной задачи¹⁶⁷. От этого, естественно, зависит и конкретное соотношение бытия — сознания. Таким образом, при учете сказанного видно, что возможно совместить и интегрировать без существенных искажений разные и даже непримиримые взгляды как на соотношение бытия и сознания, так и вообще на полезность такого рода анализа.

Центральным звеном общественного сознания цивилизации являются религия, культ и их прославление. Вокруг этого строится вся духовная культура, а нередко и вся социальная и даже политическая жизнь, особенно если существует обожествление царя. Однако религия, выросшая на государственных и национальных почвах, не всегда становится ведущим моментом цивилизации. Другими стержнями способны быть государственная идеология, политическая культура и право. Примерами могут служить Китай и Рим. Такой основой становится иногда и этническое единство, как в Элладe.

Отделение собственно цивилизационной основы и от этнической, заметной так или иначе в любой древней цивилизации, и от государственной наступает с переходом от национальных, племенных, государственных религий к мировым. В результате цивилизации делают большой шаг вперед и как пространственно-временные группировки. Ареал их распространения увеличивается, сила интеграции тоже, ибо теперь их расширение связано не только с воен. но-политической экспансией, но и с культурно-миссионерской деятельностью. Они являются и просто объектом прямого заимствования. В результате этого процесса старые цивилизации умирают или интегрируются в новые либо оттесняются на периферию. Наиболее устойчивым оказался индуизм. Помимо мировых религий,

¹⁶⁷ «Совершенно очевидно, что все в истории может быть представлено как неповторимое, поскольку каждое общество имеет элементы, отличные от других... Испанский католицизм и похож и непохож на ирландский. Для некоторых задач нам важнее общие элементы католицизма, для других — те национальные особенности, которые определяют его неповторимость». (Bell D. The coming of post-industrial society. N. Y., 1973. P. IX).

достаточно успешно распространяется и конфуцианство, у которого есть сильное оружие — государственная идеология¹⁶⁸.

В общественном сознании цивилизации можно выделить ряд культурных слоев. Первый (низший) основан на народной культуре и мифологии, связан с этническими, языковыми, историческими особенностями, образом жизни. Это своего рода коллективный и в основном безымянный труд и опыт многих поколений доцивилизационного еще периода. Второй слой — уже сословный (кастовый, корпоративный, государственный и пр.), то есть это результат деятельности высших слоев, корпораций и государства, монополизирующих культурно-религиозную сферу и канонизирующих прежние верования. В этот период создаются священные книги из старых и новых текстов. Народная культура отделяется от главного культурного русла цивилизации. Уже вполне ярко выражено групповое (классовое, сословное) сознание. Но творческое меньшинство еще достаточно анонимно. В ряде случаев над всем этим вырастает еще «этаж» теологии или религиозной философии.

Следующий слой связан с индивидуальным творчеством. Чем сильнее роль этого пласта, чем автономнее и свободнее действуют интеллектуалы, тем дальше уходит культура от своих духовных стержней, которыми в классической цивилизации являются каноническая и не подлежащая критике религиозная идеология. Когда же духовная жизнь из религиозной становится светской, индивидуалистической, когда «вместо являющегося многообразие форм, сросшегося с землей народа» появляется «возникающий в бесформенно флюктуирующей массе человек фактов, иррелигиозный, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой антипатии к крестьянству (и к его высшей форме — поместному дворянству)»¹⁶⁹, цивилизация начинает как бы отрицать самое себя и разлагаться. Возникают равнодушие к вере, атеизм, критиканство, индивидуализм,

¹⁶⁸ Симптоматично, что Вебер относил к мировым не три, а пять религий, добавляя к трем традиционным конфуцианство и индуизм. (См.: Вебер М. Социальная психология мировых религий/Религия и общество. С. 441). Что касается конфуцианства, то я бы назвал его скорее аналогом мировой религии.

¹⁶⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 165.

культ человека (а не бога), что в конце концов в условиях отсутствия опытной науки, рационального производства и прочего ведет цивилизацию в тупик. Именно в этом плане Шпенглер утверждал, что «цивилизация — неизбежная судьба культуры. Цивилизация суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей»¹⁷⁰. История античности, раннего Возрождения, других исторических эпох хорошо это доказывает. В добуржуазные времена такие эпохи кончались либо рождением новой религии, либо упадком.

В Европе начиналось подобным образом (реформацией и контрреформацией). Но затем появился новый виток, где-то в виде особых идеологий (революционных), где-то постепенной секуляризацией и деидеологизацией жизни. Развитие науки и права в ряде западных стран привело к трансформации цивилизаций в другие пространственно-временные группировки обществ: культурно-правовые единства, которые во второй половине XX века переросли в культурно-информационные единства.

В некоторых же случаях классическая цивилизация заменяется квазицивилизацией, каковыми выступили в XX веке коммунизм, национализм, фундаментализм и др. Недаром же всегда подчеркивалось даже внешнее сходство социализма и христианского мессианизма. Во многом квазицивилизации похожи на цивилизации, но поскольку они базируются так или иначе на индустриальной экономике (или хотя бы соответствующем типе разделения труда и торговли), у них появляется потребность в постоянных изменениях, что подрывает основу цивилизации — стабильность.

Одни квазицивилизации полностью отрицают религию, в них «общество и его ведущие идеи непосредствен, но и без какого-либо преобразования стали объектом подлинного культа»¹⁷¹. Другие могут возникать и на базе реанимированных или обновленных религий (типа иудаизма мусульманства и пр.). Об этом еще будет речь во второй части. Очевидно, что не всем цивилизациям удалось вообще дойти до высших своих стадий, где явственно проступает уровень

¹⁷⁰ Там же. С. 163—164. Шпенглер конкретизирует, что «переход культуры к цивилизации происходит в античности в IV веке, на Западе — в XIX веке» (Там же. С. 164).

¹⁷¹ Дюркгейм Э. Ук. соч. С. 441.

индивидуальный, где появляются философия, наука, художественная литература. Ведь многие из них оказались разрушенными или подавленными более высокими. Но очевидно, что и не все могли проявить себя в духовной культуре столь мощно. Причины, по которым одни оказались более способными к такого рода успехам, чем другие, уже очень давно вызывают споры. Здесь нет необходимости развивать эту тему (выборочно мы будем касаться этих проблем в третьей части). Однако нет никакого сомнения, что наибольший взлет художественной культуры происходит там, где достаточно свободы, где не столь силен диктат монопольной и ортодоксальной религии.

* * *

Завершая второй раздел, хочу вновь вернуться к проблеме выделения социологии истории как особого самостоятельного направления (или даже особой науки). Один весьма известный теоретик социологии определил ее как общественную науку, «предметом изучения которой являются социальные институты, возникшие в результате промышленных преобразований за последние 200—300 лет»¹⁷². Мне кажется, это точно схвачено. За пределами этого периода использовать методы и средства социологии можно только в весьма ограниченных пределах. Да и в этом интервале далеко не всегда и не везде. Фактически по мере того, как исследователи переходят к более широким обобщениям, они так или иначе начинают применять и отличные от социологических способы, хотя бы и полагали их все теми же. Имеется множество хороших работ в разных областях социологии истории. Не хватает верхнего этажа соответствующей теории и методологии. В меру своих сил я и пытался это сделать.

Вместе с этим разделом закончена и первая часть книги. Она, конечно, затянулась по сравнению с первоначальным замыслом. И все же я не без сожаления ставлю здесь точку, поскольку без рассмотрения осталась масса очень важных вопросов. Но, несмотря на это, еще раз вернусь к тому, о чем уже неоднократно говорил: к методологии.

В последнее время появилось немало работ и у нас и за рубежом, пытающихся подорвать научные опоры познания исторической и социальной реальности, спекулирующих (здесь можно не бояться

¹⁷² Гидденс Э. Социология//Социологические исследования. 1994. № 2. С. 133.

этого слова) на неизбежных трудностях и особенно на слабости методологии. Например, кредо так называемого постмодернизма в том, что «историк столь же суверенно творит исторический текст, как его создают поэт или писатель»¹⁷³. Видимо, подобным теоретикам отрицание кажется более интересным и увлекательным, чем созидание, ведь отказаться от поиска истины гораздо проще, чем двигаться ей навстречу. Бесспорно, что такого рода критика в состоянии усилить внимание к вопросам метода. Однако само по себе это направление может быть только бесплодным, хотя вреда способно принести много. И естественно, что оно не в силах произвести никакой «революции в исторической науке», разве что «революцию», ведущую к хаосу.

В чем-то подобные процессы характерны и для отечественного обществознания, с учетом только его отставания от западного. Не стихает вал публикаций, в которых авторы не только «довольно беззаботны в отношении к методу и теории познания»¹⁷⁴ — таковыми большинство и было всегда, — но и тех, в которых авторы чувствуют себя свободными вообще от всяких рамок методологии и правил исследования, научных принципов, логики и даже здравого смысла. У таких, с позволения сказать, ученых главными мотивами творчества являются не поиски истины, а желание поиграть словесами и стремление прикрасить свое теоретическое бесплодие. «Растекаясь мыслью по древу», они смешивают, ничтоже сумняшеся, цивилизационный и синергетический, марксистский и риккертский, религиозно-философский и прагматический (и вообще все, о каких что-либо слышали) подходы, не давая себе труда вникнуть в суть дела. Жонглируя рассуждениями о парадигмах, менталитете, судьбах России, бифуркациях и прочем, умудряются ничего путного не сказать.

Это эпигонское, безответственное и бесплодное течение тем не менее может быть привлекательно для многих из-за своей внешней яркости. Его суть прекрасно характеризуют слова Канта по поводу метафизики: «Что касается высказанного мной мнения о значении

¹⁷³ Цит.: Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода//Одиссей. 1996. С. 6—7. Этот выпуск «Одиссея» в значительной мере посвящен разбору современной методологии истории.

¹⁷⁴ Гуревич А. Я. Ук. соч. С. 5.

метафизики вообще, то хотя, быть может, то или иное выражение и было мной выбрано недостаточно осторожно и точно, однако я вовсе не скрываю, что смотрю с отвращением, более того, с какой-то ненавистью на напыщенную претенциозность целых томов, наполненных такими воззрениями, какие в ходу в настоящее время. При этом я убежден, что избранный в них путь является совершенно превратным, что модные методы (метафизики) должны до бесконечности умножать заблуждения и ошибки и что полное искоренение всех этих воображаемых знаний не может быть в такой же степени вредным, как сама эта мнимая наука с ее столь отвратительной плодovitостью»¹⁷⁵.

В статье Гуревича приведено образное выражение одного английского историка: «Тот, кто владеет железной дорогой эпистемологии, контролирует всю теорию истории»¹⁷⁶. Продолжая сравнение, я бы сказал: тот, кто занял высоты методологии, господствует стратегически.

(Продолжение следует)

¹⁷⁵ Цит.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 11. М., 1992. С. 289-290.

¹⁷⁶ Гуревич А. Я. Ук. соч. С. 8.